

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

АФАНАСІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ

ЩАПОВЪ

(ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ)

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. П. ЩАПОВА)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.
1883

ALBULIO
VTB33VMB
YBA3811

947.08

Sh29

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Вмѣсто предисловія	1
I. Происхожденіе Шапова.—Его первоначальное воспитаніе въ иркутскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи.—Переходъ въ казанскую духовную академію.—Состояніе этого высшаго учебнаго заведенія въ началѣ пятидесятихъ годовъ.—Выдержки изъ писемъ Я. Г. Рождественскаго.—Житіе и занятія Шапова въ первые академическіе два года	3
II. Приѣздъ мой въ казанскую академію.—Наблюденія надъ житьемъ и дѣятельностью Шапова, споры съ С. И. Шиловскимъ.—Анастасій Прокофьевичъ въ разгаръ севастопольской обороны.—Личный составъ начальниковъ и профессоровъ академіи въ 1854 г.—Монахи: ректоръ Агаѳангелъ, инспекторъ Серафимъ, помощникъ инспектора Веніаминъ.—Свѣтскіе профессора: Д. Ѳ. Гусевъ, А. И. Беневоленскій, Г. С. Саблуковъ и другіе.—Любимыя занятія студентовъ русской и иностранной словесностью.	13
III. Новое направленіе въ занятіяхъ студентовъ.—Соловецкая бібліотека.—Изданіе „Православнаго Собесѣдника“.—Миссіонерскія отдѣленія въ академіи.—Профессоръ В. И. Григоровичъ.—Запятія студентовъ университета и академіи.—Студенческая жизнь Шапова передъ окончаніемъ курса.—Его магистерская диссертация.—Оставленіе его бакалавромъ въ академіи по предмету русской исторіи.	22
IV. Шаповъ въ должности бакалавра или адъюнкта академіи.—Его помѣщеніе и обстановка.—Способъ занятій.—Чтеніе лекцій студентамъ.—Характеръ и направленіе содержанія лекцій.—Близкія отношенія Шапова къ студентамъ.—Наклонность къ пьянству.—Горячность нрава и крайности увлеченій.—Ненависть къ искусственности.—Любовныя приключенія.	32
V. Знакомство Шапова съ С. В. Ешевскимъ.—Уваженіе къ славянофильскимъ воззрѣніямъ и литературѣ.—Отношеніе къ ректору Іоанну.—Рѣчи Шапова на академическомъ актѣ.—Его печатныя сочиненія въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ и взглядъ на нихъ.—Развитіе новой системы русской исторіи.—Лучшія рукописныя сочиненія до 1861 года.	42
VI. Приглашеніе Шапова временно читать лекціи въ университетѣ.—Вступительная лекція.—Увлеченіе студентовъ университета.—Уро-	

вень большинства ихъ развитія въ 1860 г. — Положеніе и дѣятельность Шапова въ новой сферѣ. — Желаніе его заниматься въ Москвѣ и Петербургѣ. — Забота о современныхъ преобразованіяхъ. — Бунтъ крестьянскій въ с. Безднѣ. — Панихида по убитыхъ. — Слѣдствія этой манифестаціи. — Высылка Шапова изъ Казани.	54
VII. Аѳанасій Прокофьевичъ въ Петербургѣ подъ арестомъ. — Освобожденіе его и причисленіе къ министерству внутреннихъ дѣлъ. — Описаніе путешествія его изъ Казани въ сѣверную столицу. — Знакомство его съ литераторами. — Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. — Отношенія Шапова къ современнымъ лицамъ и событіямъ: Герценъ, петербургская жизнь, польскій вопросъ, земскія учрежденія и проч. — Непріятныя отношенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ и отчисленіе Шапова.	68
VIII. Литературные замыслы и знакомства Шапова. — Недовольство его журнальной работой. — Строгости цензуры. — Неладья его съ редакторами. — Желаніе примкнуть къ кружку сотрудниковъ „Современника“. — Развитіе страсти къ пьянству. — Дачное житье въ Павловскѣ. — Газета „Очерки“. — Доносъ Ничипоренко	83
IX. Личность Ольги Ивановны Жемчужниковой. — Знакомство ея со Шаповымъ. — Рѣшеніе выслать его изъ Петербурга. — Сужденіе его о современномъ состояніи русскаго общества и народа. — Увлеченіе его естественными науками. — Замыселъ создать новую систему русской исторіи. — Жизнь его въ клиникѣ Заблочнокаго. — Отношеніе его къ Ольгѣ Ивановнѣ. — Отъѣздъ изъ Петербурга въ Иркутскъ. — Взглядъ на сочиненія Шапова.	97
X. Первоначальное устройство дѣлъ Аѳанасія Прокофьевича въ Сибири. — Надежды на возвращеніе въ Петербургъ. — Знакомство у Шаповыхъ въ г. Иркутскѣ. — Ученныя занятія русской исторіей по новой методѣ. — Изслѣдованія сибирскаго края и взглядъ на общество. — Бѣдность Шаповыхъ. — Ольга Ивановна, ея занятія, развитіе и преждевременная кончина. — Послѣдніе годы жизни и смерть Шапова. — Перечень его сочиненій, писанныхъ въ Иркутскѣ	112
ПРИЛОЖЕНІЯ:	
I. Записки Шапова къ студенту В. И. Калатузову (1856—57 гг.). . .	129
II. Лекціи Шапова: о просвѣщеніи и нравственности русскаго народа, отъ XI до половины XV-го вѣка.	—
III. Статьи Шапова, напечатанныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (съ 1858 г. до 1862 г.)	138
IV. Программа исторіи русскаго народа	143
Земско-областная форма исторической жизни русскаго народа (отъ основанія областей до смутнаго времени).	144
Государственно-союзная форма исторической жизни русскаго народа (съ VII-го вѣка до нашего времени).	149
V. Отрывки изъ „Ученой бесѣды“ (начала 1861 г.).	154
VI. Дума „Гражданская грусть“.	157
VII. О русскомъ управленіи XVIII-го вѣка	167
VIII. О русскихъ раскольникахъ (въ память тысячелѣтія Россіи). . . .	174
IX. Отрывокъ изъ статьи „О земскомъ строеніи“.	180

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Авторъ этой книги, профессоръ, докторъ русской исторіи и инспекторъ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, покойный Николай Яковлевичъ Аристовъ († 26-го августа 1882 г.), приходился мнѣ, по родству, близкимъ человекомъ; кромѣ того, наши съ нимъ отношенія были самыя лучшія, которыя къ тому же поддерживались постоянной и непрерывной перепиской во все время нашего знакомства (съ 1875 г. по день смерти). Это-то обстоятельство и даетъ мнѣ нѣкоторую возможность засвидѣтельствовать предъ читателями о томъ, какъ усердно и горячо работалъ покойный надъ этимъ сочиненіемъ.

Изъ сохранившихся у меня писемъ его ко мнѣ, между прочимъ, видно, что Н. Я. Аристовъ приступилъ къ своей работѣ тотчасъ же, лишь какъ только узналъ о кончинѣ своего пріятеля, А. П. Щапова († 27-го февраля 1876 г.), и продолжалъ надъ ней трудиться до самой своей смерти, которая такъ безвременно унесла этого труженика науки!.. Болѣе скорому окончанію сочиненія сильно, видимо, препятствовало отсутствіе подъ руками, въ Нѣжинѣ, сколь возможно сносной тамъ библіотеки: покойный безпрестанно, втеченія слишкомъ 6-ти лѣтъ, обращался ко мнѣ съ просьбами о высылкѣ ему то такого-то журнала или газеты, гдѣ были или статья Щапова о чемъ-нибудь, или же какая-либо статья о немъ самомъ, то о высылкѣ ему тѣхъ или другихъ справокъ и выписокъ изъ различныхъ періодическихъ изданій, то, наконецъ, о высылкѣ отдѣльныхъ сочиненій А. П. Щапова. Всѣ его просьбы исполнялись мною всегда съ полною готовностью аккуратно и точно, на сколько, конечно, это было возможно — по обстоятельствамъ дѣла; первый заказъ мною былъ исполненъ (осенью 1876 г.) въ видѣ отсылки всѣхъ тѣхъ нумеровъ газеты «Новое Время», въ фельетонахъ которой была помѣщена статья покойнаго С. С.

Шашкова: «Биографическій очеркъ А. П. Щапова», а послѣднее порученіе (лѣтомъ 1881 и зимой 1882 гг.)—въ видѣ выписокъ и справокъ изъ «Записокъ географическаго общества» и др. журналовъ.

Затѣмъ, окончивъ весь трудъ, Н. Я. Аристовъ отослалъ все свое сочиненіе въ журналъ «Историческій Вѣстникъ», гдѣ оно сначала и было напечатано, за исключеніемъ, впрочемъ, «Приложеній» (см. Истор. Вѣстн.» за октябрь, ноябрь и декабрь 1882 г.).

Въ настоящее же время это сочиненіе является въ свѣтъ отдѣльной книжкой и въ количествѣ всего лишь — по желанію покойнаго — 500 экземпляровъ.

Хорошо-ли, дурно-ли написана книга — судить объ этомъ могутъ спеціальныя критики; но, съ своей стороны, нельзя не подтвердить того, что профессоръ, какъ это видно изъ той же переписки его ко мнѣ, трудился надъ этимъ сочиненіемъ даже и во время своей упорной и продолжительной болѣзни *) и трудился съ особенною любовью и усердіемъ.

В. Симанскій.

26-го февраля 1883 г.

С.-Петербургъ.

*) См. объ этомъ въ журн. «Вѣкъ» (ноябрь и декабрь 1882) статью М. А. Филиппова: «Жизнь, труды и сочиненія Н. Я. Аристова».

I.

Происхождение Шапова. — Его первоначальное воспитание въ иркутскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи. — Переходъ въ казанскую духовную академію. — Состояніе этого высшаго учебнаго заведенія въ началѣ пятидесятихъ годовъ. — Выдержки изъ писемъ Я. Г. Рождественскаго. — Житіе и занятія Шапова въ первые академическіе два года ¹⁾.

АНАСТАСІЙ Прокофьевичъ въ Петербургѣ передавалъ мнѣ, что его прадѣдъ или прапрадѣдъ по отцу служилъ священникомъ въ одномъ изъ селъ средней губерніи (а какой — онъ и самъ не зналъ), и сосланъ былъ за неизвѣстное преступленіе въ Восточную Сибирь. „Я думаю, говорилъ Шаповъ, что предокъ мой переселенъ за упорство въ раскольничьихъ убѣжденіяхъ, и вотъ на какомъ основаніи. Въ именномъ спискѣ выборныхъ депутатовъ въ екатерининскую комиссію о сочиненіи проекта уложенія значится депутатомъ отъ раскольничьихъ слободъ войсковой обыватель Иванъ Шаповъ“. Онъ указалъ мнѣ дѣйствительно этого выборнаго подъ № 143-мъ въ „Матеріалахъ для исторіи Комиссіи“, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Потомъ прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ: „Вотъ какая моя знаменитая родословная! Видно, когда священника — моего предка со-

¹⁾ Приношу искреннюю мою благодарность за сообщеніе свѣдѣній о Шаповѣ Якову Григорьевичу Рождественскому, Дмитрію Александровичу Корсакову и Василию Ивановичу Калатузову.

Некрологъ Шапова помѣщенъ въ слѣдующихъ изданіяхъ 1876 г.: „Дѣло“, № 4-й, „Отеч. Записки“, № 5-й, „Вѣстн. Европы“, № 5-й, „Недѣля“, №№ 2-й и 3-й. Біографическій очеркъ А. П. Шапова, С. С. Шашкова: „Новое Время“ 1876 г., №№ 196-й, 198-й, 212-й, 227-й, 245-й, 252-й. „Къ біографіи А. П. Шапова“ — П. В. „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., № 9-й.

слали, братъ его улизнулъ къ казакамъ. Все это могло быть!“— заключилъ онъ.

По какимъ отношеніямъ и связямъ Шаповъ доводился родственникомъ недавно умершаго московскаго митрополита Иннокентія—мнѣ неизвѣстно.

Отецъ Аѳанасія Прокофьевича былъ. дьячкомъ села Анги за Байкаломъ, Иркутской губерніи, и женился на простой крестьянской дѣвицѣ—буряткѣ; впрочемъ, С. С. Шашковъ, самъ сибирскій уроженецъ, писалъ не разъ, что мать Шапова тунгусскаго племени. Спорить я не могу объ этомъ и только основываюсь на словахъ самого Шапова, который сообщалъ мнѣ, что мать его бурятскаго происхожденія и ходила всегда въ мѣстномъ крестьянскомъ костюмѣ¹⁾. Такъ или иначе, только Аѳанасій Прокофьевичъ родился въ 1830 г. и раннее дѣтство свое провелъ въ сельской избушкѣ такъ же, какъ проводятъ его крестьянскіе мальчики—на лонѣ природы; у него было два брата и три сестры. Дѣвочки помогали по домашнему хозяйству матери, а мальчики участвовали въ работахъ отца.

При скудныхъ доходахъ отъ прихожанъ, бѣдный дьячекъ принужденъ былъ пробиваться сельскимъ трудомъ для содержанія большого семейства.

Дочерей своихъ отецъ Шапова даже не считалъ нужнымъ учить грамотѣ и нѣкоторыхъ выдалъ замужъ за крестьянъ, а сыновей выучилъ читать и писать и отправилъ въ иркутское духовное училище, гдѣ они воспитывались на казенный счетъ. Аѳанасій Прокофьевичъ на девятомъ году возраста поступилъ въ бурсу, вмѣстѣ съ братомъ, который былъ немного старше его. Какова была эта бурса и какое тяжелое и глубокое впечатлѣніе произвела она на юнаго Шапова, можно судить, основываясь на его воспоминаніяхъ о ней, самыхъ не лестныхъ, къ которымъ онъ обращался нерѣдко и съ грустью и со смѣхомъ въ кругу товарищей. Послѣ знаменитыхъ „Очерковъ бурсы“, онъ познакомился съ Н. Г. Помяловскимъ, который просилъ своихъ знакомыхъ литераторовъ семинарскаго образованія записывать черты бурсацкой жизни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, отличныхъ отъ изображеній петербургской бурсы. Помню, Шаповъ

¹⁾ Аѳанасій Прокофьевичъ зналъ хорошо бурятъ и относился къ нимъ съ большою похвалою и сильнымъ сочувствіемъ; такъ, напримѣръ, онъ писалъ въ 1863 г.: „Вотъ мчитса между горъ, по широкой долинь, между огромныхъ стадъ, мчитса бурятъ на своемъ лихомъ конѣ во всю прыть: дикость ли, дурь ли бѣситъ его, или араки опилиа онъ?.. А когда подумаешь, что этотъ бурятъ—отличный кузнецъ, отличный работникъ, хорошій скотоводъ, что онъ далъ намъ Банзарова, когда подумаешь, что дѣти этого бурята отлично учатся въ гимназіяхъ и даже въ университетѣ,—какъ грустно станеть на душѣ, что люди эти остаются еще въ дикости“. Вѣроятно, духовныя лица охотно женились на буряткахъ, потому что многіе въ Иркутской семинаріи, учившіеся вмѣстѣ съ Шаповымъ, имѣли обличье бурятское, особенно изъ Нерчинскаго округа („Этнографич. организ. рус. народонаселенія“).

съ большимъ жаромъ взялся тогда за изображеніе жизни духовнаго училища, припоминая свое воспитаніе въ Иркутскѣ; озаглавивъ статью: „Изъ бурсацкаго быта“, онъ напечаталъ ее въ „Искрѣ“ 1862 г., но окончаніе статьи не было пропущено цензурой. Несомнѣнно, Шаповъ изображаетъ здѣсь свое житіе-бытіе и въ основаніи грустное положеніе иркутской бурсы вѣрно; но въ частности замѣтны преувеличенія и литературныя прикрасы, такъ какъ онъ и готовилъ ее для „Искры“ по просьбѣ своего пріятеля, В. С. Курочкина. Интересно бы провѣрить печальную картину этихъ описаній показаніями его товарищей—какія въ ней черты дѣйствительныя, и какія фантастическія. Но во всякомъ случаѣ тяжелую жизнь испыталъ Шаповъ въ иркутской бурсѣ съ своими товарищами, какъ мнѣ извѣстно по его частнымъ рассказамъ. Помѣщенія въ училищѣ были тѣсныя и сырыя, полы грязныя и пробѣденныя во многихъ мѣстахъ крысами, воздухъ гнилой, отопленія почти совсѣмъ не полагалось даже въ зимнее время. Пища была самая грубая и въ малыхъ доляхъ, такъ что мальчики по утрамъ мелкіе ломтики чернаго хлѣба вырывали изъ рукъ другъ у друга: таеую ничтожную порцію выдавали на каждыя! Очевидно, юные питомцы вѣчно были голодны и развитіе организма шло неправильно, особенно при сидячей жизни. Но Шаповъ съ дѣтства привыкъ къ простому сельскому столу и развивался сносно, имѣя къ тому же крѣпкій складъ физическій, выносившій всякія невзгоды, лишенія и потрясенія. Одеждой ученикамъ служили затрапезные халаты изъ домашняго сукна, рваные и изношенные; ходили большею частью босые и безъ шапокъ; тюфяки и одѣяла просалены и пропитаны были миазмами; многочисленныя насѣкомыя кишѣли и въ грязномъ бѣльѣ, и въ одеждѣ.

Всѣ эти неблагопріятныя условія и нечистоплотность порождали сыпи на тѣлѣ, чесотки; нерѣдко и заразительныя сильныя болѣзни находили въ бурсѣ великое раздолье. У мальчиковъ-бѣдняковъ совсѣмъ не было книгъ и учебныхъ пособій, да не только книгъ, даже и ложекъ не давала имъ школа; и учились по одной книжкѣ многіе, и перехлебывались одной ложкой въ складчину за обѣдомъ и ужиномъ. Зато начальство, всегда злое и беспощадное, было безчеловѣчно строго къ своимъ юнымъ питомцамъ. Зуботычины и розги считались главными педагогическими приѣмами. Тѣлесныя наказанія производились иногда торжественно во дворѣ предъ воспитанниками и подъ звонокъ; на подобное зрѣлище стекалась и городская публика. Шаповъ тоже учился по чужимъ книжкамъ и учился хорошо, но и ему доставалось нерѣдко весьма жестоко.

Изъ этой полуголодной, тяжелой и удушливой среды, отъ побоевъ и тиранства, дѣти рвались на вольный воздухъ, на раздолье полей и лѣсовъ, къ простому сельскому быту, къ роднымъ, которые съ любовью и сочувствіемъ встрѣчали мальчиковъ, въ противоположность придирчивымъ и гнѣвнымъ учителямъ. Деревенская жизнь до конца дней служила для Шапова идеаломъ и онъ враждебно всегда отно-

сился къ скопленію населенія въ большихъ городахъ, что считалъ источникомъ многихъ бѣдствій для человѣчества.

Отъ нестерпимаго житія ученики нерѣдко бѣжали, куда глаза глядятъ, блуждали по цѣлымъ сотнямъ верстъ, лишь бы не сидѣть въ ненавистной бурсѣ. Въ классномъ журналѣ невозмутимо отмѣчали, что одинъ не былъ по причинѣ болѣзни, другой—по неимѣнію одежды, третій—по неимѣнію обуви, четвертый—по нахожденію въ бѣгахъ. Несмотря на страшную тоску по родинѣ, на жажду видѣть природу, мать и домашній очагъ, Шаповъ сидѣлъ смирно, учился бойко—и только съ восторгомъ отправлялся домой на каникулы. И въ дѣтахъ зрѣлыхъ онъ нерѣдко съ глубокимъ сочувствіемъ относился къ исторической несчастной судьбѣ дѣтей духовенства, какъ, напримѣръ, въ XVIII столѣтіи изъ семинарскихъ бурсъ бѣжали горемычныя церковническія дѣти отъ жестокостнаго, инокамъ подобнаго житія. „Если и въ наше время, прибавляетъ онъ, еще сильно было въ обычаѣ въ классныхъ журналахъ „нахожденіе въ бѣгахъ“, то что же было въ прошломъ столѣтіи“? Этими побѣгами изъ бурсъ онъ объясняетъ участіе церковниковъ въ разбояхъ, бунтахъ и т. под. („Земство и расколъ“).

Вспоминая о горемычной судьбѣ своего первоначальнаго воспитанія, онъ увлекался еще сильнѣе варварской картиной жизни въ духовной школѣ прошлаго вѣка и любилъ приводить со смѣхомъ и слезами причитанье пономаря, отправлявшаго по принужденію дѣтей своихъ въ школу:

„Бѣдныя дѣтушки! Зачѣмъ вы на горе зародились?
Или зачѣмъ вы въ дѣтствѣ киселемъ не подавились?..“

Запасшись необходимыми свѣдѣніями въ иркутскомъ училищѣ по книжкамъ товарищей, какъ ревностный питомецъ, Шаповъ перешелъ въ 1846 году лучшимъ ученикомъ, послѣ 6-ти лѣтъ горькой жизни, въ духовную семинарію. Тамъ судьба его нѣсколько улучшилась: содержаніе сдѣлалось удовлетворительнѣе, обхожденіе человѣчнѣе, помѣщеніе сравнительно чище и опрятнѣе, да и научныя занятія стали для него интереснѣе. Втеченіе шестилѣтняго семинарскаго курса, Шаповъ съ великимъ усердіемъ и успѣхомъ занимался многочисленными семинарскими науками, которыя по обычаю мало давали знаній, но содѣйствовали развитію трудолюбія, мыслительной силы и умѣнья писать сочиненія. Въ семинаріи Аѳанасій Прокофьевичъ окончилъ курсъ въ 1852 г. и въ числѣ лучшихъ учениковъ посланъ былъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго образованія въ казанскую духовную академію.

Онъ очень боялся вступительнаго академическаго экзамена, какъ бы не срѣзаться и не вернуться назадъ съ позоромъ въ распоряженіе епархіальнаго начальства, которое иногда жестоко относилось къ такимъ ученикамъ, пораженнымъ на ученомъ поприщѣ, и долго не давало даже мѣста священника въ наказаніе. Но запасъ знаній Ша-

пова, приобрѣтенный въ иркутской семинаріи, оказался достаточнымъ и онъ принятъ былъ въ академію въ числѣ лучшихъ студентовъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній о семинарскихъ занятіяхъ Шапова, а сообщенныя въ печати данныя не могу ничѣмъ провѣрить. Знаю одинъ несомнѣнный фактъ, что онъ въ семинаріи уже читалъ „Исторію“ Карамзина, а это наводитъ на мысль, что любовь къ изученію русской старины и тогда нечужда была его симпатіямъ ¹⁾.

Выступивъ на широкую дорогу высшаго образованія, Афанасій Прокофьевичъ блистательно обнаружилъ любовь свою къ труду и занятіямъ, къ которымъ рано приучило его воспитаніе. Казанская духовная академія, младшая въ сравненіи съ другими подобными заведеніями, въ короткое время успѣла воспитать немало дѣльных и истинно образованныхъ людей. Не знаю, какое направленіе она имѣла сначала; но въ срединѣ пятидесятихъ годовъ она отличалась жизненнымъ настроеніемъ, преслѣдовала научныя задачи, — и уровень образованія ея питомцевъ стоялъ несомнѣнно выше университетскаго, разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ и объемахъ наукъ. Несмотря часто на неблагопріятныя условія, высоту образованія поддерживали свѣтскіе профессора, большею частью враги монаховъ-начальниковъ. Какъ ни старались послѣдніе теоретически унижать и практически топтать въ грязь свѣтскія науки, студенты, подъ руководствомъ дѣльных профессоровъ, шли своей дорогой и презирали схоластику, стараясь изворачиваться на всѣ лады при внимательномъ надзорѣ, чтобы добиться самостоятельнаго развитія.

Особенно отличался ректоръ Григорій такимъ крайне враждебнымъ преслѣдованіемъ наукъ и введеніемъ схоластическаго преподаванія, но и его энергія не имѣла успѣха. О состояніи казанской духовной академіи въ началѣ пятидесятихъ годовъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія учитель гимназіи Яковъ Григорьевичъ Рождественскій, который воспитывался тамъ въ это время. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь его обязательными письмами для характеристики жизни и первоначальныхъ занятій Шапова въ академіи, тѣмъ болѣе, что онъ рисуетъ отлично направленіе и самого заведенія.

„Время нашего студенчества (1850—1854 годовъ), пишетъ онъ, было до такой степени смирно и скучно, что студенты послѣдующихъ курсовъ съ трудомъ могутъ составить себѣ объ этомъ понятіе: причетническое приниженіе, кошачья осторожность, безотвѣтная субординація были поистинѣ жалки и гадки. Я помню, меня чуть не выгнали изъ академіи при ректорѣ Григоріѣ за то, что я нагрубилъ мальчишкѣ гардеробщику, когда онъ наглѣмъ образомъ не хотѣлъ позволить мнѣ взять самому свою шинель изъ шкафа.

¹⁾ Въ біографическомъ очеркѣ С. С. Пашкова сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ иркутской семинаріи. „Новое Время“ 1876 г., №№ 196, 198.

„Умственной свѣжей, здоровой пищи, кромѣ затхлої казенщины, почти негдѣ было взять: „Исторія цивилизаци“ Гизо считалась „ужасной книжкой“, а извѣстное сочиненіе Гиббона въ нѣмецкомъ переводѣ держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, но читали по возможности скрытно отъ начальства. Когда началась крымская война, ректоръ Агаѣангель доставалъ официальную петербургскую газету на французскомъ языкѣ и съ таинственнымъ видомъ доврѣялъ своимъ излюбленнымъ изъ студентовъ читать для него выдержки. Журналы прежнихъ годовъ брали студенты изъ библиотеки Сахарова, а о современныхъ живыхъ интересахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія.

„Но—странное дѣло!—во многихъ изъ насъ все-таки была какая-то либеральная закуска. Споры и разговоры, неизбежныя у молодежи, какъ бы она ни была пришиблена, по большей части отличались схоластически-отвлеченнымъ характеромъ, но и тутъ обнаруживался у нѣкоторыхъ своего рода либерализмъ. Гегель, толкуемый и веривъ и вкося, увлекалъ многихъ оригинальностью воззрѣній и широтой системы. Говорить же о предметахъ церковно-историческихъ свободно рѣшались весьма рѣдко и очень немногіе, которые всѣ были на худомъ счету у начальства. Да чего? Достаточно было студенту попасться на глаза начальству съ свѣтскимъ сочиненіемъ — Гоголя, Пушкина или съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ“, чтобы его взяли „подъ сумлѣнье...“

„Среди такой-то обстановки, между такими-то юношами, Афанасій Прокофьевичъ съ самаго начала рѣзко выдвинулся своей беззаветной откровенностью: что было у него на умѣ, то и на языкѣ, и всегда, и передъ кѣмъ угодно; его рѣчь отличалась прямою, поведеніе было просто, искренне, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей, онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемеріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь. Его манера говорить, размахивая руками, тряся лохматой головой, бормоча и брызжа, не слушая никого и ни на кого не обращая вниманія, — возбуждали улыбку и смѣхъ въ товарищахъ, но онъ этого не замѣчалъ. Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, отвагой; онъ говорил одинаковымъ тономъ съ сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ—и тутъ не было ни заносчивости, ни желанія выставиться предъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія и чистаго сердца. Этой искренностью, этой смѣлостью, этимъ пренебреженіемъ ко всему, кромѣ дѣла, я объясняю его презрѣніе къ выработкѣ внѣшней формы своихъ сочиненій; онъ не обращалъ на нее вниманія такъ же, какъ не заботился о своей наружности въ самое золотое время юности; онъ былъ большой неглижеръ въ отношеніи себя и своей внѣшней обстановки.

„Въ Щаповѣ никогда не было зародыша скептицизма и онъ не зналъ, что такое сомнѣніе и нерѣшительность. Онъ подавалъ ежемѣсячныя сочиненія почти всегда не оконченными, потому что любилъ писать очень много и не успѣвалъ довести до конца. Какъ, бывало, профессоръ объявить темы, онъ быстро выберетъ себѣ по вкусу и въ тотъ же день засядетъ за работу; потомъ все свободное время употреблялъ на письменную работу; послушаетъ ли споръ товарищей, прочитаетъ ли какую статейку, повидимому, не относящуюся къ дѣлу, — тотчасъ бѣжитъ къ конторѣ и дѣлаетъ выписки. Диссертация разрастается листовъ до 20-ти, окончаніе по задуманному плану еще далеко, а срокъ ея подачи наступилъ... Аѳанасій Прокофьевичъ мало любилъ споры чисто отвлеченныя, гдѣ можно было опираться на одну діалектику; онъ искалъ положительнаго, фактическаго знанія, потому что онъ уже съ младшаго курса преимущественно началъ заниматься исторіей. Только что стала выходить „Исторія Россіи“, С. М. Соловьева, онъ глоталъ ея содержаніе съ жадностью и дѣлалъ изъ нея выписки или замѣтки по поводу каждой прочитанной страницы...

„На первомъ курсѣ Щаповъ читалъ много и упорно и съ такимъ усердіемъ занимался, что всѣ изумлялись; онъ не зналъ никакихъ развлеченій, не участвовалъ въ играхъ, напримѣръ, въ мячъ, въ городки, и рѣдко выходилъ даже на прогулку. Часовъ по 17 въ сутки онъ проводилъ за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть на это диво и углубленія прозвали ямами новаго столпника, блаженнаго Аѳанасія. Объ этой чертѣ необычайнаго трудолюбія не мѣшаетъ упомянуть для молодежи, которая мечтаетъ поймать славу за хвостъ, не дѣлая ничего. Когда Щаповъ былъ занятъ работой, онъ совершенно не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ; случалось, что инспекторъ или помощникъ его приходили гнать его не только въ аудиторію, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слышалъ звонка и не видѣлъ, что оставался одинъ въ номерѣ...

„Въ семинаріи мы почти ничего не читали, потому что не откуда было брать книгъ; знанія всѣхъ почти студентовъ при поступленіи въ академію ограничивались учебниками и сообщенными свѣдѣніями профессорами въ классѣ. Единственный умственный капиталъ нашъ состоялъ въ нѣкоторомъ развитіи формальной логики и діалектики; прочитать что-нибудь для сочиненія въ семинаріи считалось чуть ли не предосудительнымъ: „хорошій ученикъ долженъ все сочинять изъ своей головы“. Этотъ дикій взглядъ разсѣвался въ академіи, гдѣ профессора, предлагая темы, указывали на источники, большею частью иностранные. Это побуждало, да и правила академіи обязывали, студентовъ изучать новыя языки, которыми въ семинаріи никто почти не занимался. Аѳанасій Прокофьевичъ не зналъ новыхъ языковъ и почти не занимался ими, потому-то, вѣроятно, онъ съ особеннымъ жаромъ бросился на русскія сочиненія; когда другіе студенты, на-

чиная съ азбуки, безъ руководства, сами собой, занимались новыми языками, губили много времени и добивались умѣнья читать авторовъ,—Щаповъ въ это время успѣлъ приобрѣсти огромную массу свѣдѣній по русской литературѣ, особенно исторической. Всеобщей исторіей онъ мало интересовался, вѣроятно, потому, что лучшія сочинія по этой части недоступны были ему, по незнанію новыхъ языковъ.

„Изъ всей учащейся русской молодежи нашего времени, никто не зналъ такъ близко, такъ кровно простого нашего народа, его быта, нуждъ и горестей, какъ дѣти сельскаго духовенства, выросшіе въ средѣ крестьянъ. Учебный округъ казанской духовной академіи обнималъ всю Сибирь, Закавказскій край и треть Европейской Россіи; поэтому студенты, стекался изъ разныхъ мѣстностей, имѣли возможность знакомиться, помимо всякихъ книгъ, изъ взаимныхъ разговоровъ, съ разными сторонами народной жизни, и не замѣчая того, дѣлались порядочными этнографами. Кромѣ того, Щаповъ очень любилъ читать книги о бытовой русской жизни, какія находилъ въ академической библіотекѣ.

„Не знаю, чему приписать то замѣчательное обстоятельство, что казанская академія, духовная официально, управляемая монахами, съ самаго перваго курса получила свѣтскій характеръ, и всѣ почти лучшіе студенты всегда охотнѣе занимались свѣтскими науками, нежели богословскими. Втеченіе десяти лѣтъ академія поставила только трехъ монаховъ и потомъ еще нѣсколько человѣкъ, тогда какъ другія академіи очень щедры были на поставку монаховъ. Тамбовскихъ студентовъ не любили товарищи именно за то, что они шли въ монахи охотнѣе другихъ. Духъ ли времени, отъ котораго не спасешься ни за какими стѣнами и оградами, бралъ свое, или съ самаго основанія академіи не было въ ней сильныхъ нравственно-вліятельныхъ монаховъ начальниковъ и профессоровъ,—студенты терпѣть не могли всего, что отзывалось монашескимъ. Былъ у насъ товарищъ глубоко-религіозный человѣкъ, В. А. Ложкинъ, который иногда ночи проводилъ на тайной молитвѣ, но и тотъ не пошелъ въ монахи, опасаясь, что товарищи заподозрятъ чистоту его побужденій.

„Вся почти библіотека казанской академіи образовалась изъ книгъ, пожертвованныхъ архіепископомъ, потомъ митрополитомъ с.-петербургскимъ, Григоріемъ; эти сочиненія были почти всѣ нѣмецкія, протестантскія; студенты первыхъ курсовъ занимались преимущественно нѣмецкой литературой, а въ ней немного вычиталъ въ пользу монашества. Самъ покойный архипастырь Григорій въ былые годы заподозрѣнъ былъ въ склонности къ протестантскимъ мнѣніямъ. Церковную исторію до V-го курса Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій читалъ по Неандеру, но за либерализмъ его перевели на исторію библейскую; а онъ все твердилъ студентамъ: „Господа, не

читайте, пожалуйста, доктора Давида Штрауса, — онъ всю жизнь Иисуса Христа старается превратить въ миѣ!..” Другой профессоръ, читавшій физику и математику, Димитрій Ѳедотовичъ Гусевъ — постоянно твердилъ, что тотъ студентъ — не студентъ, который не въ состояніи отъ доски до доски прочитать съ полнымъ понятіемъ книжки „Современника“ или „Отечественныхъ Записокъ“¹⁾. Богословіе всякаго сорта, догматическое, нравственное, обличительное и проч., надѣло еще въ семинаріи, да и въ академіи читалось по схоластической методѣ; вотъ мы съ голоду и нападали на все новое и свѣтское; даже сочиненія курсовыя брали не прямо богословскаго характера, напримѣръ, „библейская ботаника, библейская зоологія“ (мы еще слушали въ академіи естественныя науки).

„Забылъ еще сообщить, что Щаповъ на младшемъ курсѣ въ академіи слушалъ монгольско-калмыцкій языкъ и буддійское вѣроученіе у своего земляка, профессора А. А. Бобровникова. Авторъ „Монгольской грамматики“, Бобровниковъ, былъ замѣчательной личностью въ высшей степени; чуть ли не природный бурятъ, онъ буддизмъ зналъ, какъ никто въ Россіи, а можетъ и далѣе Россіи. Не имѣя другихъ обширныхъ свѣдѣній, кромѣ своей специальности, Бобровниковъ отличался необыкновенно крѣпкой логикой и сатирическимъ направлениемъ; буддійскую премудрость онъ преподавалъ такъ, что можно было заслушаться. Какъ землякъ, Аѳанасій Прокофьевичъ бывалъ у Бобровникова, и я полагаю, что послѣдній немало имѣлъ вліянія на перваго“.

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ, были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство не знало пониженія, которое испытывало великорусское духовенство отъ помѣщиковъ, и было зажиточнѣе его. Сибиряки-студенты въ наше время полушутя, полусерьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Щапову мечтать о федераціи, хотя впоследствии объ этомъ немало говорено было въ литературѣ русской, особенно Н. И. Костомаровымъ. Вообще студенты-сибиряки обладали характеромъ независимымъ и настойчивымъ; въ частности объ этой чертѣ характера и самоувѣренности Щапова профессоръ всеобщей исторіи Иванъ Петровичъ Гвоздевъ говорил слѣдующее:

„Вотъ Николай Ивановичъ (Ильминскій), несмотря на всю свою эрудицію, ничего не пишетъ, все боится, что написанное имъ не будетъ имѣть значенія; а Аѳанасій Прокофьевичъ напротивъ: хоть посади его въ французскую академію наукъ, онъ и тамъ никому не дастъ слова вымолвить!..“

¹⁾ О Беневоленскомъ и Гусевѣ я еще буду имѣть случай говорить ниже.

„Выводъ отсюда можно сдѣлать прямой и вѣрный. Новыя мысли и свѣжія знанія, точно подземные ключи изъ-подъ камней, выбивались съ разныхъ сторонъ въ средѣ студентовъ казанской академіи и быстро сообщались другъ другу въ небольшомъ замкнутомъ кругу. Когда одинъ дѣлалъ научное приобрѣтеніе или добывалъ рѣдкую книгу для чтенія, онъ тотчасъ дѣлился съ своими товарищами; особенно важны были дѣльные указанія профессоровъ относительно плодотворныхъ занятій по извѣстному предмету. Открыто давать совѣты студентамъ о характерѣ и направленіи ихъ работъ не всегда было безопасно свѣтскимъ профессорамъ, при власти и силѣ ложно-монашескаго начальства, которое преслѣдовало большею частью личныя или чиновничьи цѣли. Поэтому, нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали къ тонкимъ и сатирическимъ намекамъ, чтобы указать другой путь знаній, помимо сферы наукъ духовныхъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ профессоровъ дѣльныхъ такъ и не могли ужиться съ монашеской схоластикой и оставили академію, наприм. Г. З. Елисеевъ, А. А. Бобровниковъ и впослѣдствіи К. Ив. Ильминскій. Вотъ эти-то указанія свѣтскихъ профессоровъ на полезныя сочиненія студентами считались дѣльными и либеральными, хотя нерѣдко преувеличивалось ихъ значеніе по личнымъ воззрѣніямъ и вкусу cadaго, особенно въ тяжелое время севастопольской кампаніи. Тутъ каждая мелочь имѣла цѣну, „каждое лыко было въ строку“.

Немудрено, что и въ раннее время, по указаніямъ Я. Г. Рождественскаго, казанская духовная академія имѣла жизненную силу, такъ сказать, подземную, не вышедшую еще наружу, хотя и такія силы иногда появлялись случайно и неожиданно въ блистательномъ видѣ.

Мой землякъ, Матвѣй Семеновичъ Гремячинскій, выбралъ себѣ тему для курсоваго сочиненія „о библейской ботаникѣ“ и впослѣдствіи сдѣлался замѣчательнымъ знатокомъ ботаники, выдержалъ экзаменъ на доктора въ казанскомъ университетѣ въ 1854 г. Потомъ онъ приглашенъ былъ на кафедру въ московскій университетъ и командированъ въ путешествіе за-границу; къ сожалѣнію, у этого даровитаго молодого профессора открылась въ Африкѣ злая чахотка и онъ скончался въ Италіи. Да это — примѣръ не единственный: можно указать на Ив. П. Гвоздева, М. М. Зефирова, Ив. Я. Порфирьева, Н. И. Ильминскаго и другихъ, которые достигли глубокихъ знаній и всесторонняго развитія, благодаря солидной академической подготовкѣ. Объяснять такія явленія случайностью черезчуръ было бы опрометчиво.

Вотъ въ какой обстановкѣ находился Аѳанасій Прокофьевичъ и какъ шли его занятія втеченіе двухъ лѣтъ въ Казани, когда мнѣ пришлось самому погрузиться въ ту же сферу дѣятельности, лично познакомиться съ этимъ оригинальнымъ ученымъ и съ характеромъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

II.

Приѣздъ мой въ казанскую академію.—Наблюденія надъ житьемъ и дѣятельностью Шапова, споры его съ С. И. Шиловскимъ.—Анастасій Прокофьевичъ въ разгаръ севастопольской обороны.—Личный составъ начальниковъ и профессоровъ академіи въ 1854 г.—Монахи: ректоръ Агаангелъ, инспекторъ Серафимъ, помощникъ инспектора Веніаминъ. Свѣтскіе профессора: Д. Ѳ. Гусевъ, А. И. Беневоленскій, Г. С. Саблуковъ и другіе.—Любимыя занятія студентовъ русской и иностранной словесностью.

Утромъ, 15-го августа 1854 года, я приѣхалъ изъ Тамбова для изученія наукъ въ казанскую духовную академію; у параднаго крыльца сидѣлъ на стулѣ тщедушный старичекъ и читалъ газеты; это былъ служитель Кирьяковичъ, который во время приѣзда новичковъ изъ семинарій нарочно одѣвался въ черный сюртукъ и чистую рубашку, а воротнички выпускалъ до ушей; принимая его за профессора, нѣкоторые неопытные юноши отвѣщивали ему низкіе поклоны. Разумѣется, такая честь льстила самолюбію хитраго старика и потѣшала его, а часа черезъ два эти новобранцы давали себя знать Кирьяковичу, въ отмщеніе за его обманъ. Взяли наши чемоданы служители и понесли наверхъ; мы тоже стали взбираться по чугуннымъ плитамъ лѣстницы, и пріятное впечатлѣніе произвели на насъ изящные часы и отлично вычищенный полъ въ корридорахъ главнаго зданія. Въ третьемъ этажѣ въ гардеробной сложили весь нашъ багажъ и тамъ встрѣтили насъ земляки, окончившіе курсъ академіи. Надо замѣтить, что землячество въ то время въ академіи имѣло важное значеніе: прибывшій семинаристъ въ нѣсколько дней узнавалъ характеръ каждой власти, достоинство чтенія лекцій cadaго профессора, и чѣмъ ему заниматься удобнѣе на будущее время.

Встрѣтивъ по пути наверхъ громаднаго роста профессора въ вицъ-мундирѣ, я съ ужасомъ отшатнулся отъ него въ сторону и потомъ спросилъ земляка: „вѣроятно, этотъ ученый отвѣчаетъ латинской пословицѣ—*mens sana in corpore sano*?“ Съ сдержанной насмѣшкой сказалъ онъ мнѣ на это: „скорѣе къ нему можно приложить русскую пословицу: „велика Ѳедора да дура“...“

Въ тотъ же день Успенья остановилъ мое вниманіе студентъ, фیزیонмія котораго носила ясныя слѣды восточнаго происхожденія: длинный носъ, небольшіе черные глазки съ характернымъ разрѣзомъ, высокій лобъ, оливковый цвѣтъ кожи и вьющіеся черные волосы, нервныя движенія и живая частая рѣчь—все это сразу отличало его отъ другихъ студентовъ. Спрашиваю земляка: „кто этотъ студентъ и откуда?“ Онъ съ улыбкой отвѣтилъ: „Шаповъ, великій чудакъ, изъ бурятъ, присланъ изъ иркутской семинаріи и живетъ здѣсь два года, перешелъ на старшій курсъ; такого ретиваго къ занятію студента едва ли видѣла казанская академія въ стѣнахъ своихъ со дня основанія“.

— Что же онъ такъ трудится особенно, развѣ не обладаетъ способностями?

— Какое!.. Самый даровитый и самый трудолюбивый человѣкъ.

Это обстоятельство меня весьма заинтересовало и я ежедневно наблюдалъ несложный образъ жизни Щапова во время нашихъ приемныхъ экзаменовъ, когда у него были каникулы.

Утромъ, обыкновенно послѣ молитвы, онъ приходилъ въ столовую съ книгой и медленно выпивалъ стакана 4 или 5 крѣпчайшаго чаю (чай былъ свой) и большею частью безъ сахара, не отводя глазъ отъ книги. Потомъ отправлялся наверхъ и становился за конторку въ комнату № 5-й, гдѣ свалена была у него масса изданій по русской исторіи. Въ отсутствіе Щапова, я не разъ пересматривалъ ихъ—и помню, что тутъ были всѣ изданія археографической комиссіи: Карамзинъ, Погодинъ, Арцыбашевъ, Медовиковъ, „Полное собраніе законовъ“ и другія. Въ эту пору онъ, видимо, знакомился съ памятниками для изученія исторіи раскола, потому что взялъ тему по этому предмету, предложенную архіепископомъ казанскимъ Григоріемъ. Тогда онъ дѣлалъ выписки, собиралъ факты, положительно можно сказать, безъ всякой строгой цѣли и системы.

Отъ скуки иногда, во время каникулъ, составлялась компанія старшихъ студентовъ, какъ бы сразить кого нибудь со Щаповымъ и произвести шумный и запальчивый споръ. Съ этой цѣлью послѣ ужина, когда Щаповъ ходилъ минутъ 20 по корридолу, подходили къ нему и начинали задирать задушевные его убѣжденія и шевелить его чувства, особенно насчетъ русскаго забитаго крестьянства. Горячее и ребяческое его сердце тотчасъ приходило въ неописанное негодованіе: какъ можно быть настолько безсовѣстнымъ, чтобы унижать силу Россіи—мужичка, кормильца всего государства; ясно, что онъ не подозрѣвалъ всей сочиненной комедіи спора. Въ такихъ случаяхъ любили натравливать на него его товарища, С. И. Шиловскаго, который отличался великимъ краснобайствомъ. Тогда часть студентовъ поддерживала убѣжденія Щапова, а другая стояла за Шиловскаго, чтобы нарочно продлить комедію. Борьба двухъ студентовъ была неравная: Щаповъ говорилъ всегда искренно, съ чувствомъ и нервно, хотя поспѣшно, такъ что разобрать его было мудрено, когда онъ толковалъ съ особымъ пафосомъ; но излагалъ всегда дѣло и доказывалъ неопровержимыми фактами. Другое явленіе представлялъ пермякъ Шиловскій: великій говорунъ и диалектикъ, онъ зналъ всего понемногу и спорилъ съ цѣлью показать свое краснорѣчіе и поливалъ имъ своего противника цѣлыми потоками, иногда безъ всякаго содержанія. Раздавались насмѣшливые аплодисменты то тому, то другому борцу, и еще сильнѣе закипалъ споръ между ними; они оба начинали горячиться, говорили вмѣстѣ быстро и запальчиво; ясно было видно, что они не понимаютъ другъ друга и даже не заботятся каждый понять смыслъ рѣчей противника; въ заключеніе обыкновенно, раздраженные неудачей убѣжденія, наплюютъ

въ глаза одинъ другому и быстро расходятся по комнатамъ, къ великому восторгу слушателей студентовъ.

С. И. Шиловскій былъ очень оригинальная личность: способность его къ словоговоренію уничтожала въ немъ умѣнье писать сочиненія. Пробывъ два года въ академіи, онъ не могъ написать ни по одному предмету сочиненія, несмотря на всѣ принятія понужанія. Хотя студентъ онъ былъ порядочный, но его уволили изъ академіи за неспособность излагать свои мысли письменно, и онъ поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ въ послѣдствіи краснорѣчіе помогло ему выдвигнуться на степень профессора и воротили. Потомъ разгадали его и тамъ товарищи и всѣ вообще безсодержательныя рѣчи стали называть шилизмомъ (отъ фамиліи—Шиловскій). Взойдетъ студентъ на кафедру и начнетъ излагать высокопарными фразами о какомъ-либо предметѣ жизненномъ, занимающемъ студентовъ,—ему тотчасъ закричатъ они: „Долой съ кафедры; это—шилизмы!“ Этому клику придавалось значеніе шилиничества словеснаго.

Съ осени 1854 г. мы выписывали газеты и журналы прямо и открыто, съ дозволенія начальства, которое разрѣшило ихъ читать въ свободное время отъ занятій. Съ перемѣщеніемъ изъ Казани инспектора Серафима, житіе студентовъ сдѣлалось свободнѣе прежняго, хотя столъ и платье скоро ухудшились.

Въ то время студенты чувствовали всю тяжесть севастопольской обороны, и по рукамъ ихъ ходили „Письма“ Погодина о славянахъ и много другихъ секретныхъ записокъ, въ которыхъ разоблачались разныя злоупотребленія русскихъ воинскихъ начальниковъ подъ Севастополемъ. Затѣмъ слѣдовали газетныя вѣсти, одна другой печальнѣе, и наконецъ какъ громомъ поразило окончательное сообщеніе, что крѣпость сдана, но стѣны взорваны при отступленіи. Одаренный въ высшей степени добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ, нервный Шаповъ нерѣдко плакалъ при вѣсти о людскихъ горестяхъ и общественномъ нестройствѣ въ Россіи. Никто съ такой жадностью не ловилъ газеты, какъ онъ, во время знаменитой севастопольской обороны, и никогда не сомнѣвался, что русскіе отобьются съ честью отъ союзныхъ войскъ. Но едва ли кто изъ студентовъ переживалъ такое тяжелое горе и разочарованіе при вѣсти о взятіи Севастополя, какъ будущій профессоръ русской исторіи: злость его не имѣла предѣловъ—и онъ рѣзко громилъ злоупотребленія военныхъ чиновъ, о чемъ много ходило тогда между студентами секретныхъ записокъ и извѣстій, какъ напримѣръ, французамъ продавали жертвованную со всей Россіи корпію, а своимъ солдатамъ перевязывали раны сѣномъ по неимѣнію корпіи, и проч.

Шаповъ ко всему былъ какъ будто равнодушенъ, кромѣ ученаго труда, а на самомъ дѣлѣ онъ проникнутъ былъ громаднымъ самолюбіемъ, которое бурно иногда прорывалось при оцѣнѣ его достоинствъ. Не знавшій и непризнававшій никогда приличныхъ пріемовъ

общежитія, считавшій эти мелочи пустой искусственностью, Шаповъ воспламенялся какъ порохъ отъ пустяковъ или невинныхъ надъ нимъ шутокъ товарищей и бросался съ угрозами и кулаками. А въ первые два года онъ былъ равнодушенъ къ шуткамъ. Разъ студентъ, его товарищъ В. И. Годяевъ, на скучной лекціи о Агаангела, нари-совалъ съ затылка Шапова, съ его кудрявыми, нечесанными, въ видѣ львиной гривы волосами, и подписалъ: „Задній фасадъ Шапова“. Со-сѣдніе студенты, передавая одинъ другому, положили этотъ рисунокъ передъ носомъ оригинала. Съ ожесточеніемъ онъ досидѣлъ лекцію и послѣ нея тотчасъ набросился на Годяева и чуть не полѣзъ въ драку съ нимъ. Вообще, Шаповъ считался большимъ чудачкомъ и чуть не юродивымъ по дикому характеру между товарищами, хотя они до-стойно цѣнили его умъ и трудолюбіе; впрочемъ, и тутъ дѣло не об-ходило безъ остроумныхъ насмѣшекъ.

Для Аванасія Прокофьевича, поглощенного занятіями, чуть ли не было безразлично, какое начальство его окружаетъ: онъ выучился уживаться съ дѣтства даже съ варварами педагогическими. Во вся-комъ случаѣ и оно не безслѣдно проходило мимо него и онъ одному монаху отдавалъ предпочтеніе передъ другимъ, одного профессора любилъ, къ другому былъ равнодушенъ. Поэтому для полноты очерка обратимъ вниманіе на составъ начальниковъ и профессоровъ акаде-міи тогдашняго времени, тѣмъ болѣе, что о немъ ничего неизвѣстно въ литературѣ.

Въ 1854 г., ректоромъ академіи былъ архимандритъ Агаангелъ Соловьевъ, впослѣдствіи волынскій епископъ, прославившійся ожесто-ченнымъ противодѣйствіемъ преобразованіямъ церковнаго суда въ Россіи.

Недалекій и односторонній по образованію, онъ умѣлъ поддѣ-латься къ архіепископу казанскому Григорію, закупая раскольничьи рукописи и прикидываясь необычайнымъ любителемъ русскихъ древ-ностей. Желая оправдать недостатокъ и односторонность своего об-разованія, онъ постоянно твердилъ студентамъ: „Свѣтская наука и литература, это — обширнѣйшая пустота!..“ Эта безсодержательная фраза всегда возбуждала смѣхъ между студентами, которые прила-гали ее прямо къ головѣ самого ректора.

Не имѣя понятія объ „Исторіи русскаго раскола“, онъ читалъ ее по краткимъ запискамъ архіепископа Григорія и любилъ уснащать рѣчь свою самыми плоскими фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „Ди-кихъ монголовъ погналъ енотомъ дьяволъ на Русскую землю изъ глубины Азіи... Распространяли расколъ на сѣверѣ все дьячки, а кому не извѣстно, что дьячки—послѣдній народъ въ мірѣ!..“ Надо замѣтить, что онъ любилъ изъ себя корчить аристократа и постоянно держалъ въ рукахъ лорнетку; передъ приходомъ его на лекцію, сначала несли часы съ репетиторомъ и ставили на кафедру, потомъ являлись книги—и шелъ самъ съ шикомъ и велелѣпіемъ.

Когда Агаангелъ впослѣдствіи былъ ректоромъ духовной академіи въ

С.-Петербургѣ, тамъ разошлась складная сатирическая картинка съ его изображеніемъ, подъ которой была смиренная подпись: „Вижь трудъ мой и прилежаніе мое“... Значить, какъ въ Казани, такъ и въ Питерѣ, онъ слылъ человѣкомъ невысокимъ на взглядъ студентовъ. Между тѣмъ, онъ самъ былъ о себѣ великаго мнѣнія и всякую нелѣпость готовъ былъ до упаду защищать, какъ упорный баранъ. На этотъ счетъ въ академіи ходило нѣсколько смѣшныхъ рассказовъ между студентами, какъ профессора академіи разсуждали, нельзя ли ухитриться смягчить и улучшить ректора.

Курьезный былъ человѣкъ этотъ Агаѳангель! При немъ садили академическій садъ и онъ составлялъ планъ со студентами, гдѣ отвести мѣсто для Малороссіи, гдѣ для Финляндіи, гдѣ для Сибири, Кавказа и т. п. Онъ хотѣлъ изобразить всю Россію съ морями и горами на ровной, сухой площади.

Какъ-то зимой Агаѳангель замѣтилъ, что студенты мало гуляютъ послѣ обѣда; онъ приказалъ эконому принести въ садъ лопаты, которыя были куплены нарочно, вышелъ самъ и пригласилъ студентовъ дѣлать изъ снѣга гору для катанья. Пошла работа, но нѣкоторые стали поджимать ноги отъ холода подъ шинель. „Что съ вами?“ спрашиваетъ ректоръ. Разумѣется, отвѣчали, что озябли ноги, потому что носки нитяные. Агаѳангель велѣлъ купить на свои деньги шерстяные чулки для всѣхъ студентовъ и раздать ихъ. Въ субботу являются вечеромъ всѣ старшіе по обычаю; разговоръ повелъ ректоръ о нуждахъ студентовъ и захотѣлъ вызвать благодарность за купленные имъ шерстяные чулки. Онъ обращается къ студенту: „Г. Соколовъ, что у васъ на ногахъ?“—Сапоги, ваше высокопреподобіе, отвѣчаетъ тотъ. „А въ сапогахъ что?“—Ноги, ваше высокопреподобіе.—Разумѣется, кончилось всё общимъ смѣхомъ.

Инспекторомъ въ то время былъ архимандритъ Серафимъ (въ свѣтскомъ званіи профессоръ русской словесности, Семенъ Ивановичъ Протопоповъ), человѣкъ строгій, но дѣльный и хорошо образованный. Хотя мы его звали пилой за придирчивость и мелочныя нападки, но уважали его за то, что онъ старался приготовить всегда отличный столъ, бѣлье и платье студентамъ. Тутъ, дѣйствительно, онъ пилилъ эконома ежедневно и безъ всякаго милосердія, несмотря на то, что монахъ Филаретъ—экономъ состоялъ подъ покровительствомъ ректора Агаѳангела. Говорять, до посвященія въ монашество, Серафимъ читалъ очень хорошія лекціи по русской словесности, и И. Я. Порфирьевъ обязанъ ему отчасти руководствомъ и развитіемъ. Могу засвидѣтельствовать, что студенты обязаны ему благодарностью за его руководство практическаго общегитія: онъ нерѣдко послѣ вечерней молитвы сообщалъ студентамъ самыя дѣльныя правила житейскаго обращенія, поведенія въ чужомъ домѣ и проч. Но Щаповъ во время этой житейской свѣтской мудрости думалъ о житеѣ крестьянскомъ.

Помощникъ инспектора, архимандритъ Веніаминъ Благонравовъ, читалъ намъ подробнѣйшій курсъ церковной исторіи, такъ что студенты прозвали его машиной въ 1,001 листъ и сравнивали съ арабскими сказками „Тысячи и одной ночи“, и находили сходство. Въ его лекціяхъ не было ни строгой научной системы, ни логического порядка, а всё онѣ пропитаны были монашескимъ духомъ, и главное вниманіе обращалось на высоту подвиговъ восточныхъ аскетовъ. Вотъ идутъ темы о нестяжательности монаховъ, о цѣломудріи, о смиреніи и т. под. — и онѣ нанизываетъ на каждую, какъ на нитку, разные преданія и рассказы, цѣпляя ихъ изъ Лавсала, или подхватывая на „Лугахъ духовныхъ“. И чудесныя выходили монашескія четки изъ погрѣмущекъ, къ общей потѣхѣ студентовъ. Одинъ рассказъ сохранился у меня въ памяти на тему о послушаніи, когда человѣкъ совсѣмъ отказывался отъ своей воли: настоятель восточнаго монастыря, желая узнать, насколько усовершенствовался братъ въ подвигѣ послушанія, при встрѣчѣ обратился къ нему съ словами: „Авва! а вѣдь ты собака“... Тотъ, ни слова не говоря, сталъ на четвереньки и громко залаялъ: гамъ, гамъ, гамъ!.. Тогда настоятель вполне убѣдился, что братъ испытуемый достигъ высокой степени послушанія. Подобныя преданія сообщались обыкновенно съ искусственнымъ азартомъ и производили сильное впечатлѣніе на студентовъ. Но особенно нравились намъ общій взглядъ Веніамина на науку; онѣ часто твердилъ студентамъ: „Что вы, господа, все хотите разсудкомъ изслѣдовать и рветесь къ свѣту? въ примракѣ-то лучше и спокойнѣе“...

Былъ еще одинъ молодой монахъ, Григорій Полетаевъ, который занимался толкованіемъ св. писанія. Съ громаднымъ самолюбіемъ, лѣнью и безтактностью, онѣ вѣчно придирались къ студентамъ и раздражалъ ихъ, но съ нимъ они совсѣмъ не церемонились.

Вотъ весь монашескій персоналъ, который преслѣдовалъ отсталыя идеи и стремился внушать студентамъ аскетическія правила; но, какъ нарочно, достигалъ противоположныхъ цѣлей, можетъ быть, даже лучше и вѣрнѣе, чѣмъ прямыя нападки на жизнь монаховъ.

Затѣмъ идетъ рядъ профессоровъ академіи, которые въ большинствѣ были враждебно настроены противъ монашескаго направленія.

Мнѣ кажется, больше всѣхъ профессоровъ академіи содѣйствовалъ развитію и поддержкѣ научнаго духа студентовъ Д. Θ. Гусевъ, который преподавалъ физику и математику и человѣкъ былъ образованный, краснорѣчивый, остроумный и независимаго строгаго характера. Онѣ отлично зналъ нѣмецкій языкъ, выписывалъ либеральныя сочиненія нѣмецкія, въ родѣ Штрауса, Фейербаха и другихъ, и охотно читалъ ихъ студентамъ, посѣщавшимъ его. До обѣдни студентамъ не полагалось чаю въ праздники и многіе, по его приглашенію, цѣлое праздничное утро проводили у него. Тутъ онѣ говорилъ открыто за чаемъ и сатирическія его разсужденія противъ монаховъ имѣли громадное вліяніе на студентовъ; онѣ знакомилъ ихъ съ послѣдними

лучшими сочиненіями и касался въ разговорахъ постоянно современнаго состоянія дѣлъ въ академіи. Вообще, это былъ замѣчательный практическій умъ и прекраснымъ могъ бы выйти администраторомъ. Въ различныхъ изслѣдованіяхъ по физикѣ Гусевъ любилъ часто ссылаться на „Бриджватерскіе трактаты“; въ 1854 году, онъ читалъ на актѣ академическомъ дѣльную и краснорѣчивую рѣчь о свойствахъ тѣлъ природы.

Въ это время онъ настаивалъ, чтобы всѣ студенты слушали физику и математику, но эти предметы предоставили на выборъ желающимъ, которыхъ оказалось три студента. Онъ весьма былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и на лекціи сталъ ходить неохотно. Вотъ какія иногда присылалъ онъ записки студентамъ: „Ревматизмъ и усилившійся отъ вчерашней дурной погоды геморрой не позволяютъ мнѣ нынче выдвинуться изъ моей квартиры. На лекціяхъ я не буду. Прошу въ журналахъ означить, что гг. студенты занимались повтореніемъ: а) изъ физики о законахъ движенія, б) изъ геометріи о четырехугольникахъ. Журналы прошу прислать ко мнѣ для подписи. Тишина да осѣнить время моихъ лекцій! И пора заняться намъ репетиціями. Я сдамъ гг. студентамъ нынче же конспектъ предметовъ динамики. Щегловъ будетъ нашимъ руководителемъ по содержанію, но не по плану. Планъ у насъ свой“.—Студенческая жизнь до конца его печальныхъ дней оставалась идеаломъ и онъ умеръ холостякомъ, совсѣмъ загнанный монахами ¹⁾).

Другой знатокъ нѣмецкой литературы, А. И. Бениволенскій, отлично преподавалъ церковную исторію по своему времени, но за либеральное направленіе сначала ему поручили читать библейскую исторію, какъ мы сказали выше, а въ наше время для выслуги пенсіи его перевели уже на литургику. И тутъ, при всей осторожности, онъ самымъ хладнокровнымъ чтеніемъ не могъ не внушить студентамъ о развитіи науки церковной исторіи и что надо штудировать ее по нѣмецкимъ источникамъ. Пострадавшій отъ преслѣдованія монаховъ, онъ невозмутимо передавалъ студентамъ самыя двусмысленныя вещи къ чему придаться было невозможно. Принесетъ, бывало, нѣмецкую литургику Бинтерима или другую, и начнетъ переводить ее, читая лекцію по-русски съ своими оригинальными добавленіями, въ родѣ слѣдующихъ: „Наша наука, такъ сказать, *materia substrata*... Пророкъ Исаія не былъ въ буквальному смыслѣ пророкъ, а онъ былъ, такъ сказать, пророкомъ экстраординарнымъ, потому что ему Господь отпустилъ двойную порцію благодати, и она достойно почилъ на немъ“... Особенно часто, чуть не на каждой лекціи, онъ твердилъ студентамъ: „Изъ-за Лютера уже высматривалъ зоркій глазъ Штрауса, который до тонкости разобралъ жизнь Иисуса Христа; этотъ сочини-

¹⁾ См. „Историч. Вѣстн.“ 1880 г., № 12. „Къ характеристикѣ Іоанна, епископа смоленскаго“, стр. 793—4.

тель писалъ и не стѣснялся, оставилъ матерію такими сильными научными приѣмами и излагалъ съ такой безпощадной хитрой логикой, что я бы вамъ, господа, не совѣтовалъ и читать его, ибо вашъ молодой и пезрѣлый умъ можетъ увлечься"... Впрочемъ, Беневоленскій скоро оставилъ академію.

Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ отличнымъ знатокомъ восточныхъ и классическихъ языковъ; онъ преподавалъ у насъ греческій языкъ замѣчательнымъ образомъ. Каждое слово, каждое выраженіе выяснялъ путемъ сравнительной филологіи, сообщалъ громадную массу свѣдѣній историко-этнографическихъ, литературныхъ, бытовыхъ и археологическихъ. Вообще, егдъ приемы преподаванія можно считать образцовыми, да въдобавокъ и поучиться у него было чему. Онъ постоянно, для объясненія византійскихъ писателей, прибѣгалъ къ восточной литературѣ и указывалъ на ихъ взаимную связь. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ трудился надъ составленіемъ татарской грамматики и, когда совсѣмъ приготовилъ ее къ печати, случайный пожаръ, въ 1856 г. іюня 5-го, уничтожилъ единственную рукопись—и весь замѣчательный трудъ ученаго погибъ безвозвратно, къ величайшему его огорченію. Онъ былъ полнымъ олицетвореніемъ идеала ученаго мужа, образцомъ необычайнаго трудолюбія, высокой честности и святой жизни.

При воспоминаніи о воспитаніи и образованіи Щапова, судили съ большимъ предубѣжденіемъ противъ преподаванія науки и состоянія жизни студентовъ въ казанской духовной академіи. Одинъ говоритъ, что профессора читали по старымъ запискамъ, покрытымъ плѣсенью; другой считаетъ это заведеніе какимъ-то душеспасительнымъ казематомъ. Для общей оцѣнки ни то, ни другое совсѣмъ нейдетъ: заведеніе это стояло высоко и на Щапова имѣло хорошее вліяніе. Достойныя стороны образованія его мы надѣемся выяснитъ впослѣдствіи, когда станемъ касаться сравнительно съ академіей состоянія казанскаго университета. Академія дала Щапову богатныя средства для образованія и развитія самостоятельности, какія другое высшее заведеніе едва ли могло доставить. Въ академіи читалось много такихъ наукъ, о которыхъ филологи-студенты не имѣли понятія. Положимъ, курсъ формальной философіи мы изучали по литографированнымъ запискамъ, а отъ профессора Нафанайла Соколова не слыхали ни одного живаго слова; но зато мы знакомы были полно съ системой философіи Гегеля. На началахъ этой философіи читалъ намъ прекрасный курсъ словесности профессоръ Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ; у него подробно мы слушали философскую грамматику, эстетику, теорію словесности, исторію литературы.

Всеобщую исторію преподавалъ Иванъ Петровичъ Гвоздевъ, человѣкъ въ высшей степени скромный и трудолюбивый; каждая его лекція обработана была въ совершенствѣ. Послѣ оставленія академіи Г. З. Елисеевымъ, профессора русской исторіи долго не было и читалъ за него И. П. Гвоздевъ, большею частью по Соловьеву. Ща-

повъ очень любилъ этого добрѣйшаго, простаго и добросовѣстнаго профессора и звалъ его съ любовью дѣдушкой, хотя онъ былъ еще молодой человѣкъ.

Кромѣ того, дѣльный курсъ патрологіи читалъ намъ М. М. Зефировъ, теперешній законоучитель казанскаго университета; онъ тоже придерживался нѣмецкихъ источниковъ и строго преслѣдовалъ научно-историческій методъ въ преподаваніи.

Такимъ образомъ, большинство лекцій читалось въ наше время дѣльно, по крайней мѣрѣ онѣ могли служить прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій каждаго. Впрочемъ, лекціи въ дѣлѣ образованія еще не представляютъ особеннаго спасенія отъ всякаго другаго труда: самымъ важнымъ и полезнымъ для нашего развитія служило постоянное руководство профессоровъ, частыя указанія и взаимный обмѣнъ мыслей и взглядовъ. Нѣкоторые студенты ходили къ профессорамъ чуть не каждый день, если надо было навести справку, разрѣшить недоумѣнія и сомнѣнія, и всегда встрѣчали радушный и ласковый приѣмъ. Все это много значило для правильного теченія занятій. Громадную пользу для развитія самостоятельнаго труда студентовъ принесли постоянныя сочиненія, которыя отличнымъ образомъ приучали къ научной самодѣтельности и заставляли читать множество разныхъ источниковъ.

Подпольная литература, хотя не въ большомъ количествѣ, служила проводникомъ новыхъ идей: студенты академіи переписывали съ удовольствіемъ „Письма Бѣлинскаго къ Гоголю“, нѣкоторыя либеральныя стихотворенія и проч. Еще при ректорѣ Григоріи былъ слѣдующій замѣчательный случай съ этими тайными рукописями. Помѣщикъ казанскій Горемыкинъ часто посѣщалъ богослуженіе церковное въ академіи, познакомился со многими студентами, любилъ бесѣдовать съ ними и съ нѣкоторыми сошелся на короткую ногу; по своей простотѣ и довѣрчивости, студенты стали читать ему подпольныя сочиненія, а онъ донесъ объ этомъ тайно жандармскому полковнику. Вдругъ тотъ нагрянулъ съ обыскомъ въ академію, но хорошо сдѣлалъ, что прежде зашелъ для объясненія къ ректору Григорію, который задержалъ его и далъ знать студентамъ, чтобы они уничтожили всѣ секретныя бумаги. Разумѣется, въ моментъ сожгли и разорвали въ клочки даже не подозрительныя рукописи, а только наводящія на сомнѣніе. Дѣло это обошлось благополучно.

Студенты въ это время воспитывались на эстетической школѣ Гегеля, зачитывались Бѣлинскимъ и Герценомъ, знакомы были съ лучшими произведеніями иностранной литературы классической и новой, не исключая англійской и итальянской. Кто читалъ въ переводахъ, а кто старался одолѣть въ подлинникъ; нѣкоторые изучали англійскій языкъ. Изъ русской литературы знакомы были въ совершенствѣ съ каждымъ писателемъ, даже едва выдающимся по своему таланту. Щаповъ тоже читалъ немало сочиненій по русской и ино-

странной переводной литературѣ и особенно любилъ поглощать всякія секретныя рукописи.

Нѣмецкій языкъ и литература пользовались большимъ почетомъ въ академіи и каждый студентъ старался изучать ихъ съ упорнымъ прилежаніемъ; любимыми сочиненіями были германскіе философы и поэты.

III.

Новое направленіе въ занятіяхъ студентовъ.—Соловецкая бібліотека.—Изданіе „Православнаго Собесѣдника“.—Миссіонерскія отдѣленія въ академіи.—Профессоръ В. И. Григоровичъ.—Занятія студентовъ университета и академіи.—Студенческая жизнь Щапова передъ окончаніемъ курса.—Его магистерская диссертация.—Оставленіе его бакалавромъ въ академіи по предмету русской исторіи.

Студенты академіи почти не тратили времени на записываніе лекцій, которыя выдавали къ экзаменамъ профессора готовыми, рукописными или литографированными, и имѣли много свободного времени. Поэтому перечитали громадный запасъ разнообразныхъ сочиненій, собираясь цѣлыми компаніями для чтенія и разсужденій о прочитанномъ. Сначала любимымъ занятіемъ студентовъ была литература русская и иностранная: романы, повѣсти, драмы, трагедіи и комедіи поглощались цѣлыми десятками. Потомъ наступилъ періодъ направленія историческаго вообще и въ частности изученія русской исторіи.

Исторія народной бытовой жизни, развитіе раскольниковъ, ученій, отношенія къ нимъ церкви и государства, приковали къ себѣ всецѣло вниманіе студентовъ; затѣмъ введенъ былъ въ преподаваніе новый предметъ, а именно—славянскія нарѣчія и исторія славянскихъ литературъ.

Когда англичане осаждали Соловецкій островъ, монастырская рукописная бібліотека отправлена была для сохраненія въ Петербургъ; потомъ, по ходатайству архіепископа Григорія, препроводили ее въ казанскую академію. Студенты съ жадностью набросились на рукописи и все похваливали англичанъ: „Если бы не они,—наши благодѣтели,—лежали бы эти сокровища на концѣ свѣта! Вѣдь нынѣшніе монахи не древне-русскіе; имъ это ненадо; теперь они любятъ, что помягче, а книги готовы отдать грызть мышамъ, потому что очень тверды...“ Агавангелъ поручилъ студентамъ описать „Сборники“ соловецкой бібліотеки, и мы съ удовольствіемъ исполнили работу, которая познакомила насъ съ содержаніемъ этихъ неизвѣстныхъ прежде рукописей. Читая интересный отрывокъ въ „Сборникѣ“, студентъ

непремѣнно тотчасъ сообщалъ объ этомъ другимъ, собирався кружокъ около него—и рѣдкость быстро становилась общимъ достояніемъ.

Сначала, когда Шаповъ занимался обработкой диссертациі, онъ еще мало пользовался рукописнымъ матеріаломъ соловецкой бібліотеки, просматривалъ нѣкоторые „Сборники“, руководясь оглавленіями, и дѣлалъ выписки, какія относились къ сочиненію. Но по окончаніи курса познакомился хорошо съ содержаніемъ рукописей, такъ что разныхъ выдержекъ изъ нихъ и замѣтокъ привезъ въ Петербургъ цѣлый мѣшокъ, или узелъ въ простынѣ.

Изданіе журнала „Православный Собесѣдникъ“ привлекало къ работамъ профессоровъ, которые стали сообразовываться съ ходомъ и направлениемъ потребностей. Такъ, И. Я. Порфирьевъ почти исключительно сталъ заниматься „Исторіей русской литературы“ и напечаталъ цѣлый рядъ статей и изслѣдованій. Даже надъ Веніаминомъ Благодѣломъ совершилось чудо подъ вліяніемъ Григоровича: онъ понемногу сталъ вылѣзть изъ любезнаго ему примрака и касаться жизненныхъ вопросовъ, когда давалъ темы студентамъ для сочиненій, напримѣръ, объ отношеніи православныхъ славянъ къ Турціи. На одну изъ такихъ темъ товарищъ мой, А. С. Троянскій, написалъ и напечаталъ хорошее сочиненіе ¹⁾. Такъ современное тогдашнее направленіе принимало болѣе и болѣе жизненное значеніе.

Открытіе курсовъ въ академіи съ миссіонерскою цѣлью обращенія инородцевъ и раскольниковъ въ православіе сразу сообщило занятіямъ студентовъ практическое направленіе. Изданіе журнала при заведеніи сильно также оживило дѣятельность ихъ, придало силу и энергію въ письменныхъ работахъ: желаніе увидѣть ихъ въ печати увлекало и подталкивало къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ. „Православный Собесѣдникъ“, подъ редакціей Іоанна, встрѣченъ былъ сочувствіемъ и одобреніемъ учеными людьми, а между тѣмъ въ немъ главнымъ образомъ печатались труды студентовъ, ихъ магистерскія и кандидатскія диссертациі. Слѣдовательно, напрасно стараются увѣрить насъ, будто уровень образованія тогдашней академіи былъ низкій.

Съ перемѣщеніемъ соловецкой бібліотеки въ Казань тѣсно связано введеніе изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ въ академіи, предметъ—совершенно новый и прежде не читавшійся.

Славянскій элементъ выступалъ у насъ на видный планъ, благодаря профессору университета В. И. Григоровичу, который дѣйствительно оказалъ большую услугу студентамъ, когда приглашенъ былъ читать лекціи въ академію. Онъ въ короткое время успѣлъ приготовить на кафедре студента А. И. Лилова, который потомъ

¹⁾ „Отношенія папъ къ сербской церкви“ и „Отношенія папъ къ болгарской церкви“, напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

читалъ въ академіи, подъ руководствомъ профессора, дѣльныя лекціи по славянскимъ нарѣчіямъ и по исторіи славянскихъ литературъ; но, вѣроятно, не поладилъ съ монахами и уѣхалъ на Кавказъ на службу къ Невѣрову.

Когда студенты казанскаго университета рѣдко заглядывали на скучныя лекціи профессора Григоровича, мы съ глубокимъ уваженіемъ относились къ нему, какъ къ прекрасному человѣку и превосходному профессору, и отлично понимали, что мы многимъ ему обязаны въ своемъ развитіи. Часто приглашалъ онъ насъ къ себѣ на квартиру и руководилъ нашими работами, надѣлялъ сочиненіями, какихъ не было въ нашей библіотекѣ; онъ не скрывая дѣлалъ предпочтеніе студентамъ академіи сравнительно съ студентами университета и перевозилъ ихъ за труды и добросовѣстныя занятія¹⁾. И съ какимъ удовольствіемъ, съ какой любовью онъ всегда вспоминалъ о нихъ, разспрашивая о судьбѣ каждаго, особенно когда посѣтилъ меня въ Харьковѣ незадолго до своей кончины!.. Щаповъ тоже заходилъ къ нему по вечерамъ съ товарищами и любилъ съ нимъ бесѣдовать, а потомъ, занявъ должность бакалавра или адъюнкта въ академіи, сблизился съ нимъ короче, бралъ у него нерѣдко рукописи, пользовался его указаніями и проч.

При дальнѣйшихъ отъѣздахъ о воспитаніи и образованіи студентовъ казанскаго университета, въ избѣжаніе недоразумѣній,—я прошу читателя имѣть въ виду большинство ихъ съ вольными слушателями, а не меньшинство, которое занималось солидно наукой и изъ котораго вышло немало дѣльныхъ людей.

Казанскій университетъ, особенно филологическій факультетъ, представлялъ изъ себя руину, когда переведенъ былъ въ Петербургъ его восточный факультетъ. Цѣлыя десятилѣтія тогда студенты изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобы всѣми неправдами и рискуя собственной участью воспитанія выгнать отжившихъ стариковъ нѣмцевъ — профессоровъ, не умѣвшихъ иногда говорить по-русски и все-таки нажившихъ состояніе въ Россіи. Молодые адъюнкты изъ русскихъ тоже не всегда внушали къ себѣ уваженіе студентовъ, которые отъ бездѣятельности и скуки сочиняли забавныя пѣсни и анекдоты о Мишенъкѣ Славянскомъ, Сашенъкѣ Соколовѣ и Колинъкѣ Благовѣщенскомъ, извѣстномъ подъ кличкой институтки. Свѣтила науки, какъ математикъ Лобачевскій, астрономъ Симоновъ, анатомъ Аристовъ уже отживали свой вѣкъ; студентамъ открылся полный просторъ ничѣмъ не заниматься, кромѣ дебоширства, разныхъ мелочныхъ продѣлокъ, не дававшихъ покоя мирнымъ гражданамъ.

Они останавливали иногда карету дамы, ѣдущей на балъ зимой, вытаскивали ее и заставляли танцевать на снѣгу въ атласныхъ башмачкахъ. Они выбили окна камнями съ навязанными на нихъ при-

¹⁾ То же не разъ слышалъ я отъ профессора Ордынскаго.

личными надписями у председателя палаты удѣльнаго вѣдомства; поколотили офицеровъ около Чернаго озера и изорвали на нихъ все платье. Все это замѣняло интересы науки у студентовъ университета и они носились съ этими геройскими подвигами и рассказывали студентамъ академіи, которые тихо и упорно занимались дѣломъ. Когда въ университетѣ по наукамъ филологическимъ и историческимъ лекціи держались на пышныхъ фразахъ, въ духовной академіи читались большею частью лекціи, исполненныя прекраснаго содержанія, въ строгомъ научномъ видѣ. Студенты академіи, которые посѣщали иногда изъ любопытства университетскія лекціи, смѣялись надъ слабой ихъ стороною, надъ фразами.

Едва ли десятую долю серьезныхъ сочиненій перечитали студенты казанскаго университета въ сравненіи съ студентами академіи. Да и вообще развитіе многихъ изъ нихъ стояло не высоко. Въ наше время былъ забавный случай: одинъ изъ студентовъ университета обратился къ моему товарищу, чтобы онъ написалъ ему кандидатскую диссертацию по астрономіи. На первый разъ такое предложеніе показалось смѣшнымъ; но студентъ академіи, разсмотрѣвъ матеріалы по разработкѣ темы объ исторіи движенія какой-то звѣзды, взялся написать сочиненіе. Источники большею частью были на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; вооружившись фоліантами, онъ скоро окончилъ работу и разрѣшилъ вопросъ, къ обоюдному удовольствію. Студенту университета дали за диссертацию степень кандидата, а студентъ академіи получилъ отъ него деньги.

Несмотря на небольшое число оканчивавшихъ курсъ въ академіи (черезъ два года до 23 студентовъ), многіе изъ нихъ сдѣлались замѣчательными учеными и профессорами высшихъ учебныхъ заведеній. Можетъ быть, свобода занятій содѣйствовала этому: даровитый студентъ года за два до окончанія курса намѣчалъ для себя спеціальный предметъ, знакомился съ его литературой, особенно когда писалъ диссертацию. Изъ товарищей Шапова много можно насчитать почтенныхъ и образованныхъ ректоровъ семинарій, заграничныхъ консуловъ и учителей гимназій, дѣлающихъ честь воспитавшему ихъ заведенію. Да тотъ же Я. Г. Рождественскій, который сообщилъ мнѣ воспоминанія о Шаповѣ, — развѣ онъ не извѣстенъ въ Вяткѣ и Пензѣ, какъ гуманнѣйшій и образованнѣйшій педагогъ? Слѣдовательно, Аванасій Прокофьевичъ не составлялъ особаго исключенія по ходу академическаго образованія, а только выдвинулся при особыхъ обстоятельствахъ своей дикой натурой, азіатски-бурятской энергіей и тѣмъ, что продолжилъ своеобразный проселочный путь въ наукѣ русской исторіи, а по своей жизни глубокую борозду; хотя и немногіе изъ студентовъ въ то же время упорно занимались своими любимыми предметами и достигали солидной подготовки, а затѣмъ и высокаго развитія. Я лично благословляю судьбу, которая доставила мнѣ образованіе въ казанской академіи, а не въ

университетѣ, куда стремился я сильно и не попалъ по стеченію случайныхъ обстоятельствъ.

Профессоры высшихъ учебныхъ заведеній, товарищи Шапова, напримѣръ, И. М. Добротворскій, А. С. Павловъ, П. В. Знаменскій и другіе могутъ засвидѣтельствовать своимъ образованіемъ, какую основательную подготовку получили они въ казанской академіи.

Отсутствіе желающихъ принять монашество изъ студентовъ академіи втеченіе четырехъ лѣтъ озабочивало высшее духовное начальство, которое считало студентовъ казанскихъ зараженными либеральнымъ духомъ. Студенты цѣнили науку и искусства совсѣмъ не въ духѣ аскетическомъ и преслѣдовали цѣли вовсе не монашескія, а жизненныя, касающіяся науки и общественной жизни цѣлой Россіи.

Мы смѣялись надъ отсталостью студентовъ другихъ академій, особенно с.-петербургской, въ которой тогда господствовали страшно-стѣснительные порядки.

Когда, напримѣръ, въ академіи кіевской процвѣтала полнѣйшая схоластика, въ Казани читались лекціи жизненно и научно, даже по патристикѣ. Студенты казанскіе подсмѣивались надъ кіевскими, что послѣдніе спятъ на фоліантахъ св. отцовъ церкви, да и водку носятъ въ фоліантахъ. Дѣйствительно, говорятъ, при одномъ изъ строгихъ инспекторовъ, трудно было проносить въ академію дешевую горілку; они заказали ящикъ, на подобіе большой книги, въ который вошла четверть водки, велѣли обложить его кожей переплетчику, украсить золотыми разводами и на корешкѣ вытиснуть заглавіе: „*Opera sancti Augustini*“. Въ этомъ мудрено-придуманномъ фоліантѣ студенты таскали водку мимо инспектора, который, бывало, спросить: „Что за книга?“ — и успокоится, когда услышитъ отвѣтъ, что это творенія святыхъ отцовъ церкви, да похвалить: „Хорошо, что выбираете серьезныя занятія!“

Но въ казанской академіи проносили водку проще: перевяжетъ студентъ оба рукава шинели по срединѣ—въ одинъ сунетъ бутылку рому, въ другой бутылку смородиновки или персиковой водки и идетъ преспокойно мимо бдительнаго начальства, а контрабанда подъ капюшономъ покачивается направо и налево. Даже прозорливому Серафиму инспектору и его помощнику, все обнюхивавшему и ощупывавшему, Веніамину Благодѣлову, не могло придти въ голову — приподнять немного капюшонъ и полюбопытствовать, для чего перевязаны рукава шинели и почему раздулись вверх. А когда выбылъ Серафимъ и на мѣсто его поступилъ архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, мы вели себя совершенно свободно, и однако ни безпорядки, ни винопитіе, ни нравственность, ни въ чемъ почти не измѣнились; только занятія наши еще болѣе стали свободными и богословскіе предметы, которые прежде заставляли учить, теперь являлись менѣе тяжелыми.

Вообще съ этой поры начинается поворотъ въ жизни студентовъ

къ лучшему и дѣлается уступка за уступкой въ ихъ пользу, сравнительно съ прежними тяжелыми порядками. Профессоры становятся смѣлѣе и свободнѣе съ каждымъ годомъ, такъ что Д. Θ. Гусевъ уже преспокойно и открыто на лекціяхъ старался втоптать въ грязь часть невѣжественнаго „ученаго монашества“. Студенты тоже обнаруживали нерасположеніе свое къ монашеству.

Всѣ студенческія разнія продѣлки внутренне доставляли удовольствіе Аванасію Прокофьевичу, хотя онъ не только никогда въ нихъ не принималъ участія, но и не заботился выражать другимъ свой взглядъ на этотъ забавный предметъ.

На всѣ лекціи Шаповъ всегда ходилъ аккуратно и слушалъ внимательно; хороша или дурна была лекція, онъ никогда не высказывалъ о ней своего мнѣнія. На репетиціяхъ уклончиво какъ-то отвѣчалъ и, кажется, считалъ ихъ въ душѣ бесполезными; много разъ онъ прямо заявлялъ профессору: неготовилъ. Сочиненія всегда подавалъ въ срокъ каждый мѣсяцъ и по исторіи писалъ особенно большія.

Новыхъ языковъ Шаповъ почти совсѣмъ не зналъ и на старшемъ курсѣ; онъ могъ только съ помощью словаря прочитывать и переводить нѣсколько фразъ и, пожалуй, страницъ; на первомъ курсѣ онъ мало обращалъ на нихъ вниманія, но когда занялся исторіей раскола, то совсѣмъ бросилъ ихъ и только зналъ цитаты иностранныхъ. Всеобщей исторіи онъ тоже не изучилъ достаточно, чтобы вести параллель ея внутренняго развитія сравнительно съ движеніемъ русской минувшей жизни. Въ этомъ я лично убѣдился и вполне согласенъ съ отзывомъ Я. Г. Рождественскаго, который приводилъ раньше. Хотя иногда Шаповъ при составленіи своихъ лекцій касался жизни европейскіхъ народовъ, но это явленіе было рѣдкимъ и случайнымъ; къ тому же и свѣдѣнія эти онъ добывалъ изъ русскихъ источниковъ.

Ему было безразлично, какіе порядки его окружали, какой столъ былъ у студентовъ, и только сильное желаніе поскорѣе напиться чаю заставляло его иногда забираться въ столовую съ книгой за полчаса до срока. Чай пили обыкновенно земляки съ земляками.

На младшемъ курсѣ Шаповъ любилъ вступать въ разсужденія и споры съ товарищами о разныхъ научныхъ вопросахъ, но на старшемъ курсѣ уклонялся отъ нихъ и только часто прислушивался къ ихъ ходу и слѣдствіямъ.

Споры между студентами велись очень часто и въ большинствѣ случаевъ не одинъ на одинъ, а въ нихъ принимали участіе цѣлыя партіи. Вопросы, о которыхъ возбуждались горячія состязанія, были не отвлеченнаго характера, а большею частью касались современной жизни, науки и литературы. Помню, много разъ возникали пренія по поводу стихотвореній Некрасова: часть студентовъ восхваляла ихъ за жизненное содержаніе, а другіе судили о нихъ съ художественной точки зрѣнія и смѣялись надъ ними, какъ надъ прозаическими. Особенно оказалось спорнымъ новое его стихотвореніе — „Филан-

тропѣ“, которое эстетика называли рубленой капустой и произносили безъ мѣры стиха: „Украшаютъ добродѣтели тебя, до которыхъ далеко другимъ“ и проч. Отъ этого частнаго случая переходили къ вопросамъ о направленіяхъ литературныхъ—художественномъ и реальномъ. Вообще эти постоянные споры, имѣвшіе серьезное содержаніе, были полны громаднаго интереса и приносили большую пользу студентамъ, развивая область знанія, заставляя глубже вдумываться въ дѣло, распространяли предѣлы мысли, приучали къ живой устной рѣчи и находчивости.

Вотъ какъ описываетъ В. И. Калатузовъ студенческую жизнь Щапова:

„Какъ бѣднота и изъ дальней окраины Россіи, онъ прожилъ въ стѣнахъ академіи безвыѣздно и почти безвыходно всѣ четыре года. Помѣщался онъ съ 1854 г., въ качествѣ старшаго, въ 6-мъ номерѣ, въ „татарской“ комнатѣ, гдѣ студенты изучали татарскій и арабскій языки. Всегда онъ былъ молчаливъ, сосредоточенъ, вѣчно торчалъ за конторкой и возился съ утра до глубокой ночи, особенно съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“, томами котораго всегда былъ наполненъ стоявшій въ номерѣ шкафъ. У него въ это время не было близкихъ лицъ, съ которыми бы онъ дѣлилъ радость и горе; онъ даже пересталъ участвовать въ спорахъ, такъ обычныхъ въ средѣ молодыхъ студентовъ. Выглядѣлъ всегда какой-то дѣвочкой, по своей скромности и наивности въ практической жизни. Строго исполняя по внѣшности правила академической жизни, онъ не проникался сознаниемъ необходимости этихъ правилъ: точно они были составлены не для него, а опутанъ онъ ими былъ по ошибкѣ. Между профессорами и студентами ему нравились головы, идеи и стремленіе къ знанію, а не лица съ характерами и практическимъ взглядомъ на дѣло“.

„Впрочемъ, широкая натура Аѳанасія Прокофьевича и симпатіи сказывались иногда еще на школьной скамьѣ по разнымъ мелкимъ поводамъ. Такъ, 8-го ноября 1855 г., въ день академическаго праздника и акта, затѣяли студенты вечеромъ въ № 5-мъ танцы подъ скрипку и флейту. Въ заключеніе вечера, кавказскіе студенты, какъ великіе мастера, отхватили казачка съ присядкой. Щаповъ, бывшій въ числѣ зрителей, пришелъ въ восторгъ и до такой степени умилился, что подошелъ ко мнѣ (Калатузову) и горячо пожалъ руку. Ему по душѣ пришлась не отдѣлка трепака, а то, что въ пляскѣ и присядкѣ сказались широта и глубина русской души. „Вотъ такъ по-русски, это по-русски, твердилъ онъ,—вотъ люблю!“ Съ этого времени онъ сблизился съ кавказскими студентами-плясунами. Другой случай въ томъ же родѣ касается пѣнія. Въ лѣтніе каникулы 1856 г. оставшіеся въ академіи студенты временно помѣщены были въ правомъ флигелѣ, по случаю ремонта въ главномъ зданіи; Аѳанасій Прокофьевичъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ и оканчивалъ свое курсовое сочиненіе. Въ каникулы тоже не освобождались студенты отъ надзора инспекціи; тоска

бывала смертельная; студентовъ мало, все надѣсть — и чтеніе, и прогулка; остаются бѣдняки и не знаютъ, куда приклонить голову. Вотъ одинъ изъ студентовъ, шагая по комнатѣ, затынулъ съ гора пѣсню:

„Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Цѣлый годъ жить въ-заперти,
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля!
Намъ и пѣсни—не веселье,
Отъ тоски мы ихъ поемъ“.

Вдругъ растворяется дверь, — въ комнату влетѣлъ Шаповъ. Наэлектризовавшись тоскливымъ пѣніемъ, онъ разразился чуть не со слезами на глазахъ цѣлой рѣчью: „Боже, какъ жутко жить въ-заперти русской душѣ! Простору, воздуху ей надо! Потому и спитъ русскій человѣкъ и охваченъ дѣвнью, что находится въ-заперти и опутанъ тройными веревками; потому и чудится ему вавилонская блудница!...“ и проч.

Но въ этомъ горячемъ разсужденіи Аѳанасій Прокофьевичъ наступалъ за свободу другихъ лицъ, а не за свою собственную; если бы ему предоставили тогда абсолютную свободу и въдобавокъ средства, — и то едва ли бы онъ отрывался на часъ въ день отъ своихъ занятій, развѣ поѣхалъ бы для покупки книгъ. Его товарищи, обыкновенно, любили ходить по праздникамъ къ своимъ знакомымъ въ городъ на вечера, любили покутить, покататься на лодкахъ, вели разные шуры-муры съ дѣвками; студентамъ особенно нравились прогулки на Депрейсову дачу, отъ которой отдѣлялся однимъ оврагомъ садъ Родіоновскаго института; сидутъ, бывало, на гребнѣ оврага и распѣваютъ пѣсни, а съ другой стороны выползутъ институтки и тоже затягиваютъ романсы. Но Аѳанасій Прокофьевичъ чуждъ былъ всего этого и рѣдко куда-нибудь заходилъ на вечерній чай. О какихъ-либо кутежахъ или о сближеніи съ женщинами ему и въ голову никогда не приходило. Поэтому неудивительно, что онъ и послѣ всегда избѣгалъ общества женскаго и предпочиталъ компанію студенческую; если же случалось ему проводить время въ собраніи разныхъ лицъ, особенно не близко знакомыхъ, онъ держалъ себя, какъ неопытное дитя, неловко и угловато, стѣснялся и тяготился до крайности обществомъ. Отсутствие разнообразныхъ и жизненно-практическихъ отношеній къ людямъ, теоретическая оцѣнка лицъ и сидячая жизнь, громадное ученое самолюбіе, которое заставляло презирать мишурный блескъ общественной жизни, сдѣлали изъ Шапова дикаря и нелюдима.

Ни водки, ни вина Шаповъ до окончанія курса въ академіи не только ни разу не пробовалъ, но терпѣть не могъ вкуса и даже запаха спиртныхъ напитковъ. На этотъ разъ я былъ очевидцемъ рѣдкаго явленія: собрались студенты покутить на радости окончанія

младшаго курса 1856 года въ больницу, гдѣ лежалъ въ лихорадкѣ Аванасій Прокофьевичъ, уже совсѣмъ окончившій курсъ; подали самоваръ и стали пить пуншъ съ большимъ увлеченіемъ, а Шаповъ изъ другой комнаты приходилъ къ самовару, наливалъ стаканъ чаю и уносилъ обратно. Только онъ налилъ себѣ стаканъ и поставилъ на столикъ, служитель вызвалъ его для какихъ-то заказовъ. „Давайте-ка мы, господа, Шапову пуншъ сдѣлаемъ, — сказалъ со смѣхомъ, кажется, студентъ-сибирякъ А. С. Кузнецовъ, и влилъ въ его стаканъ рюмку рому, — посмотримъ, что отродится“... Но только вернулся онъ и хлебнулъ изъ стакана, какъ закричалъ: „что за мерзость!..“ Стаканъ съ чаемъ полетѣлъ за окно—и едва удалось успокоить волненіе Шапова.

Какъ человѣкъ, вышедшій чуть не изъ среды крестьянства, онъ носилъ въ себѣ идеалъ скорби и нужды низшихъ классовъ общества,—и сразу пораженъ былъ идеей силы народной, проповѣдываемой славянофилами, и почувствовалъ здѣсь свое будущее призваніе и значеніе.

При простомъ и прямомъ характерѣ Шапова, легко прослѣдить настрой развитія его научныхъ и соціальныхъ убѣжденій.

Сначала онъ трудился надъ изученіемъ печатныхъ источниковъ и сочиненій по русской исторіи; но съ привозомъ въ академію соловецкой библіотеки, сталъ пользоваться рукописнымъ матеріаломъ, хотя не часто, и взглядъ его на науку расширился.

До 1855 года Шаповъ былъ великимъ труженикомъ чистой науки, безъ всякихъ заданныхъ тенденцій; онъ копилъ матеріалъ, получилъ основательное практическое знакомство съ источниками и относился симпатически къ крестьянству. Больше ничего не было замѣтно.

Но вотъ, когда извѣстно стало о неизбежномъ освобожденіи крестьянъ и о другихъ преобразованіяхъ прошлаго царствованія, когда стали появляться славянофильскія изданія, онъ началъ вводить въ свои изслѣдованія вопросы живой современности, еще во время студенчества. Исторія раскола складывалась въ его воззрѣніи уже не на однихъ источникахъ враждебныхъ, но въ нее стали входить и начала другого рода, требованія и стремленія народныхъ. Вотъ почему „Расколъ старообрядства“ Шапова—студенческая-диссертация—представляетъ изъ себя двойственное сочетаніе идей старозавѣтныхъ церковныхъ и земскихъ народныхъ.

Горячее сочувствіе къ русской народности, преслѣдованіе отечественныхъ интересовъ и всестороннее изученіе родной старины, проповѣдываемая славянофилами, окончательно утвердили Шапова на избранномъ пути изученія своеобразнаго міра русскаго народнаго духа и жизни. Въ годъ его окончанія курса, стала выходить „Русская Бесѣда“ и другія московскія изданія. Особенно въ эти годы онъ сильно увлекался славянофильскимъ ученіемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ ихъ круга.

Надъ магистерской диссертациею онъ трудился цѣлыхъ два года и, разумѣется, не могъ не подчиняться требованіямъ монашескаго начальства; все, что проводилъ онъ новаго и жизненнаго, не могло прійтись по вкусу духовнымъ цензорамъ. Поэтому мы видимъ—самое обыкновенное явленіе, повторявшееся изъ курса въ курсъ,—что даровитыя сочиненія съ смѣлымъ оттѣнкомъ мысли считались иногда ниже посредственныхъ, строго закованныхъ въ рамку обыденныхъ мнѣній. То же случилось и съ трудомъ Аѳанасія Прокофьевича.

Магистерское сочиненіе его не было оцѣнено по достоинству казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ, который находилъ, будто сочиненіе Рудольфова, его товарища, „О раздѣленіи раскола на секты“ несравненно лучше, чѣмъ Шапова.

Когда великолѣпный и вѣлербивый ректоръ Агаѳангель, не смыслившій ничего по исторіи раскола, неблагопріятно отозвался о магистерской диссертациі Шапова со словъ архіепископа Григорія, — тотъ въ порывѣ увлеченія и съ сознаніемъ собственнаго достоинства бросилъ тетрадь сочиненія къ его ногамъ и сказалъ: „Если не заслуживаетъ степени магистра моя диссертация, сожгите ее, я и такъ проживу, потому что знаю безъ отзывовъ достоинства своей работы“. Послѣ этой неожиданной выходки, Агаѳангель тотчасъ ступевался, началъ расхваливать хорошія стороны сочиненія и мягкимъ тономъ скоро умаслилъ раскодившагося и несправедливо обиженнаго студента. Между тѣмъ, съ этимъ обстоятельствомъ былъ связанъ существенный вопросъ въ жизни Шапова: послать ли его въ семинарію учителемъ, или оставить преподавателемъ въ академіи.

Аѳанасій Прокофьевичъ студентомъ былъ совершенный аскетъ—и мы не сомнѣвались, что, по окончаніи курса, онъ непременно уйдетъ въ монахи; но до этого дѣло не дошло. Шаповъ окончилъ курсъ по списку четвертымъ, и думалъ, что его не оставятъ въ академіи, а пошлютъ въ семинарію профессоромъ; послѣднее равнялось осужденію—бросить всѣ серьезныя ученныя занятія; поэтому ему ужасно сильно хотѣлось получить въ академіи каѳедру, по своей страсти къ ученымъ работамъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ, вдругъ присылаетъ Агаѳангель, зоветъ Аѳанасія Прокофьевича въ садъ. Съ полчаса ходилъ онъ съ ректоромъ, который бесѣдовалъ съ нимъ, какъ онъ намѣренъ устроить свою будущую судьбу, и предложилъ ему поступить въ монахи, чтобы свободно и спокойно заниматься наукой. Шаповъ не отказывался отъ этого предложенія, говорилъ, что ему иноческая жизнь не будетъ тяжела, такъ какъ онъ мало видитъ разницы между монашеской кельей и кабинетомъ ученаго.

„Да, прибавилъ онъ, мнѣ придется избрать эту крайнюю мѣру, если не оставятъ меня при академіи на ученой дорогѣ безъ принятія монашества...“

Но Агаѳангель прямо сказалъ, что его назначили бакалавромъ по каѳедрѣ русской исторіи и представленіе о немъ пошло уже на

утвержденіе въ синодѣ. Послѣ этого, Шаповъ прибѣжалъ опять къ чаю въ восторженномъ состояніи, съ сіяющимъ лицомъ, и тотчасъ подробно передалъ весь свой разговоръ съ ректоромъ, и такъ быстро отъ радости, что насилу можно было разобрать сначала, о чемъ онъ повелѣлъ рѣчь. Разумѣется, мы поздравили его задушевно и увѣрили, что будемъ его самыми усердными слушателями. Тогда онъ засѣлъ за подготовку лекцій, а я уѣхалъ на каникулы въ Вятку.

IV.

Шаповъ въ должности бакалавра или адъюнкта академіи.—Его помѣщеніе и обстановка.—Способъ занятій.—Чтеніе лекцій студентамъ.—Характеръ и направленіе содержанія лекцій.—Близкія отношенія Шапова къ студентамъ.—Наклонность къ пьянству.—Горячность права и крайности увлеченій.—Ненависть къ искусственности.—Любовныя приключенія.

Когда я вернулся изъ Вятки, куда путешествовалъ съ товарищами на каникулы, близкій ко мнѣ студентъ В. И. Калатузозъ сталъ звать меня къ Шапову. Я высказалъ о неумѣстности такого посѣщенія, а онъ еще болѣе настаивалъ на своемъ:

„Пойдемъ, говорилъ онъ съ улыбкой, ты только посмотри на него и полюбуйся; теперь ты его не узнаешь, вѣдь онъ совсѣмъ измѣнился: это—не прежній монахъ и дикарь, а настоящій джентльменъ... Въ самомъ дѣлѣ, безъ шутокъ! Онъ теперь и винца выпиваетъ, и не прочь рюмку подлить въ чай; задушевный сталъ человѣкъ, говорунъ и весельчакъ...”

Я очень удивился этому неожиданному извѣстію и плохо вѣрилъ въ быструю перемену Аѳанасія Прокофьевича, припоминая, какъ еще недавно онъ вышвырнулъ въ окно больницы стаканъ съ пуншемъ. Любопытство взяло верхъ и я согласился навѣстить его, захвативъ съ собою нѣсколько пѣсенъ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ въ Вятской губерніи.

Зная любовь его къ подобнымъ вещамъ, я понесъ ему ихъ въ подарокъ, чтобы визитъ мой не показался неловкимъ. Принялъ онъ насъ отлично и пришелъ въ восторгъ отъ свѣжихъ этнографическихъ матеріаловъ, тотчасъ раскупорилъ нѣсколько бутылокъ вина, угостилъ насъ чаемъ съ ромомъ. Просидѣли мы у него часа три и онъ все спрашивалъ о состояніи и разныхъ сторонахъ жизни Вятскаго края, припоминая въ то же время объ особенностяхъ исторической судьбы его. Съ той поры я сталъ въ близкія отношенія къ Шапову, хотя въ первые два года почти не приходилось мнѣ бесѣдовать съ нимъ. Прежде я занимался русской словесностью почти исключительно,

теперь перешелъ къ изученію русской исторіи, читалъ много соловецкихъ рукописей и нерѣдко указывалъ Афанасью Прокофьевичу статьи, до которыхъ онъ еще не добрался. Но особенно сблизился я съ нимъ, когда назначилъ мнѣ ректоръ Іоаннъ для курсоваго сочиненія тему, данную Шаповымъ: „Обзоръ церковно-историческаго содержанія русскихъ лѣтописей“.

Сдѣлавшись бакалавромъ, Шаповъ занималъ казенную квартиру, поселился и жилъ въ лѣвомъ флигелѣ внизу, въ трехъ комнатахъ съ передней, окнами на улицу. Меблировка его квартиры была самая незатѣйливая, казенная. Столъ рабочій, столики для чая и обѣда, нѣсколько старыхъ стульевъ, студенческая кровать, полуразбитый шкафъ для платья—и больше ничего. Пустыя пространства комнатъ наполняли книги и рукописи, „Цвѣтники“ и „Соборники“ соловецкой библіотеки; они лежали въ безпорядкѣ на полу и на окнахъ, на столахъ и на стульяхъ. На стѣнѣ передъ рабочимъ столомъ висѣлъ портретъ Грановскаго, передъ талантомъ котораго Шаповъ благоговѣлъ. Сначала онъ держалъ общій столъ съ своими товарищами, молодыми бакалаврами, И. М. Добровольскимъ, А. И. Лиловымъ и Я. В. Рудольфовымъ; но не поладилъ съ ними и сталъ заказывать его для себя только, отдѣльно. Впрочемъ, слово заказъ сюда нейдетъ: что человѣку угодно было изготовить для обѣда, тѣмъ онъ и былъ доволенъ, и какую цѣну кушаньямъ назначалъ, то и выдавалось; вообще человѣкъ обиралъ его безсовѣстно.

Бакалаврское жалованье Шаповъ получалъ ничтожное, что-то рублей 30 съ небольшимъ въ мѣсяцъ, да перепадало помаленьку за статьи изъ редакціи „Православнаго Собесѣдника“. При бѣдности въ содержаніи и при неумѣнн поставитъ свое хозяйство на приличный и недорогой ладъ, онъ вѣчно нуждался во всемъ, начиная съ платья и кончая ваксой. Въ то время, какъ другіе его товарищи по профессіи скупѣли, при одинаковомъ съ нимъ содержаніи, обзавестись еновыми шубами, онъ продолжалъ зимой щеголять въ студенческомъ ватномъ пальто и успѣлъ только купить циммермановскую шляпу, въ которой ходилъ круглый годъ. Впрочемъ, недостатокъ въ средствахъ его мало тревожилъ, хотя онъ въ нихъ вѣчно нуждался; онъ совсѣмъ не зналъ цѣны деньгамъ и обходился безъ нихъ, перебываясь кое-какъ изо-дня въ день: есть деньги—хорошо, сейчасъ ихъ на расправу; нѣтъ денегъ—тоже ладно, и безъ нихъ можно какъ нибудь промаяться. Пренебреженіе къ матеріальнымъ выгодамъ доходило у него до крайнихъ предѣловъ; когда были деньги, онъ могъ ихъ раздать и раздарить въ одинъ день, а самъ потомъ бѣдствовалъ.

Преданный до глубины души дѣлу исторіи, Шаповъ, по своей широкой и горячей натурѣ, отдавался ему весь и увлекался имъ до самозабвенія. Засядетъ, бывало, съ утра за работу, обыкновенно, около стола, на какомъ лежитъ мѣнѣ книгъ, и строчить безъ

устали на сѣрыхъ четвертинкахъ бумаги до глубокой ночи, прихлебывая наскоро холодный чай изъ стакана и попыхивая сигару. Для неизбежныхъ справокъ постепенно приносилъ онъ книги и рукописи въ такомъ количествѣ, что на этомъ столѣ не оставалось мѣста, гдѣ можно писать. Тогда онъ переходилъ къ другому столу и сюда мало-по-малу переносилъ ворохъ книгъ; затѣмъ присаживался къ окну— и здѣсь повторялась та же исторія.

Статьи для „Православнаго Собесѣдника“ готовилъ онъ съ рѣдкой энергіей и необычайной быстротой, такъ что два студента едва могли перебѣлывать ихъ, а писалъ онъ на клочкахъ разной бумаги, какая подвернется подъ руку. На письменныя принадлежности онъ тогда только обращалъ вниманіе, когда у послѣдняго пера лопнулъ рожокъ или когда не оставалось совершенно ни клочка бѣлой бумаги и вырвать его неоткуда было. Поэтому во время работы Шаповъ постоянно осаждалъ просьбами студентовъ о присылкѣ ему бумаги и перьевъ или сочиненій, разобранныхъ по рукамъ студентами.

Справки въ древне-русскихъ памятникахъ онъ наводилъ очень быстро: обладая громадной памятью, онъ хорошо помнилъ необходимое для него мѣсто въ актѣ и даже могъ указать напередъ страницу, на которой оно находится.

У Шапова замѣчательнѣе былъ, такъ сказать, нюхъ въ розысканіи необходимаго ему мѣста въ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей: плохо владѣя языками, онъ безъ лексикона не обходился при переводахъ; читать и долго изучать источники иностранные для него было кропотливо и могло отнять много времени. Вотъ онъ и старался этотъ трудъ сдѣлать легкимъ: возьметъ, бывало, иностранную книгу и начнетъ перелистывать, внимательно пробѣгая страницу за страницей, и найдетъ—таки необходимую для извѣстной цѣли цитату и выпишетъ ее въ переводѣ на русскій языкъ.

Чтеніе лекцій по русской исторіи Шаповъ началъ съ сентября 1856 года, когда еще не былъ утвержденъ въ должности синодомъ; утвержденіе его въ степени магистра состоялось 10-го октября, а бакалавромъ опредѣленъ 15-го того же мѣсяца. Въ академіи обыкновенно курсъ русской исторіи преподавался втеченіе двухъ лѣтъ: въ одинъ годъ прочитывалась исторія церковная, а въ другой—гражданская, Шаповъ началъ съ курса исторіи церковной, какъ болѣе ему знакомой и сподручной. Поэтому и первыя его лекціи и статьи исключительно имѣли своимъ предметомъ сторону духовно-нравственной жизни народа.

Русскую церковную исторію ему хотѣлось излагать не съ общихъ византійскихъ началъ и не по опредѣленнымъ рамкамъ, какъ дотошъ ее писали, но онъ желалъ выдвинуть на первый планъ отличительныя черты русской церкви и ея вліяніе на народъ, со всей жизненной средой и обстановкой, съ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ уровнемъ развитія нашего отечества. Но работа приняла

характеръ отрывочный. Онъ замѣчалъ одностороннее направленіе въ тогдашнихъ трудахъ по русской исторіи церкви, въ которыхъ безъ мѣры прославлялись похвальные черты жизни нашихъ предковъ, и говорилъ на лекціи: „У насъ церковные историки вдаются въ крайность, представляютъ одно лишь только доброе, пишутъ не правдивую исторію, а панегирикъ...“ Но и его необходимость заставила впоследствии писать болѣе о добрыхъ качествахъ нравовъ русскихъ, чѣмъ о плохихъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтно на статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

Послѣ вступительной лекціи, онъ началъ намъ рядъ заготовленныхъ чтеній о внутренней жизни древне-русскаго народа и какое образовательное вліяніе имѣло на него христіанство. Лекціи его были не дѣланныя, а самобытныя, въ которыхъ онъ проводилъ свой личный взглядъ и убѣжденія, а потому содержаніе ихъ всегда отличалось простотой и задушевностью. Лекціи, впрочемъ, были не одинаковаго достоинства: однѣ обработаны тщательно, другія защищены на живую нитку и состояли изъ ряда фактовъ, нанизанныхъ на извѣстную мысль.

Какъ человѣкъ впечатлительный и порывистый, онъ не въ состояніи былъ вести рядъ послѣдовательныхъ лекцій систематично; поэтому онъ постоянно перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому и останавливалъ вниманіе на тѣхъ сторонахъ минувшей жизни, какія имѣли значеніе съ современной точки зрѣнія образованнаго человѣка и разработкой которыхъ интересовался онъ самъ.

Всѣ первоначальныя лекціи Шапова и статьи, напечатанныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, носятъ на себѣ явные слѣды привычнаго духовнаго направленія; самый выборъ предмета и разработка его отзываются характеромъ клерикальнымъ. Несмотря часто на новыя жизненныя воззрѣнія, въ лекціяхъ много видно стараго напускнаго тумана; вмѣсто прямо ученой дѣятельности, замѣтна значительная уступка въ пользу схоластики, по пути которой такъ долго вели его услужливые воспитатели; вмѣсто логическихъ доказательствъ, выступаютъ убѣжденія чувства и проповѣдническій тонъ; онъ подробно читалъ намъ о господствѣ вѣры въ русскомъ народѣ, о значеніи чудесъ, о вліяніи монастырей, о господствующихъ порокахъ и суевѣріяхъ въ разныхъ классахъ общества, о грубости нравовъ и т. п.

Потомъ Шаповъ сталъ болѣе работать для „Православнаго Собесѣдника“, чѣмъ трудиться надъ составленіемъ лекцій, вмѣсто которыхъ онъ часто читалъ статьи, приготовленныя для печати, хотя съ разными объясненіями и подробными отступленіями. Проработавъ цѣлую ночь для „Православнаго Собесѣдника“, на другой день онъ совсѣмъ не являлся на лекцію и только подписывалъ журналъ, который приносилъ ему дежурный старшій на квартиру, чтобы скрыть отъ начальства отсутствіе его во время лекціи. Опушеніе лекцій, впрочемъ, нисколько не роняло его въ глазахъ студентовъ: они знали,

что онъ трудился для науки, знали, чего стоила ему каждая лекція вначалѣ, да и часто немногое, сказанное имъ въ аудиторіи, было свѣжо и плодотворно. Когда отвлекало его составленіе статей для журнала, онъ иногда приходилъ на лекціи съ отрывками разныхъ секретныхъ сочиненій или приносилъ свѣжіе стихи Толстаго и другихъ и читалъ ихъ съ подробными историческими объясненіями. Въ такихъ случаяхъ онъ просилъ кого нибудь изъ студентовъ побыть въ корридорѣ, чтобы не подслушали его подъ дверью. Но тревога и опасеніе его были напрасны; ректоръ Агаангелъ, какъ аристократъ, не прибѣгалъ къ подслушиванью; инспекторъ, отецъ Федоръ Бухаревъ, погруженъ былъ въ мистицизмъ; помощники инспектора, хотя и лакомые до шпіонства, не смѣли безъ приказа дѣлать доносы. Иногда появлялся Щаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснится и скажетъ: „Ничего я, господа, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ нибудь“... И поведетъ съ студентомъ рѣчь объ ученомъ предметѣ; разговоръ тянулся спокойно и серьезно, какъ будто читалась въ самомъ дѣлѣ настоящая лекція. Изъ такихъ неподготовленныхъ бесѣдъ студенты выносили нерѣдко то новыя воззрѣнія, то неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о минувшей жизни русскаго народа.

Во второй годъ, курсъ гражданской исторіи онъ тоже читалъ набѣгами, выбирая нѣкоторые любимыя имъ стороны жизни и опускаая, по обычаю, много лекцій.

Съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ онъ, когда дѣло касалось паденія земско-областной самобытности, и любилъ рядомъ съ лѣтописными картинами прочитывать подходящіе стихотворенія. Такъ, онъ писалъ о судьбѣ Новгорода: „Послѣдній заунывный звукъ новгородскаго вѣчеваго колокола, возвѣстившій погребальное шествіе новгородскихъ вѣчниковъ въ Москву, въ плѣнъ къ царю Ивану III, благовѣститъ намъ будущую свободу областныхъ общинъ. Поэтъ молодой Россіи, совершенно согласно съ простымъ разсказомъ новгородской лѣтописи, поетъ надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ:

„На широкой Вадимовой площади.
Заунывно поетъ, гудитъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ ли снова посадника?“ и проч.

При разсказахъ объ Украинѣ онъ тоже иногда пользовался стихами Т. Г. Шевченки:

„Свите тихій, краю мильй,
Моя Украина!“...

Онъ читалъ съ необычайной быстротой и въ одинъ часъ прочитывалъ добрыхъ три лекціи; оттого не всегда хватало у него заготовленнаго матеріала,—и чѣмъ сильнѣе увлекался самъ содержаніемъ лекціи, тѣмъ поспѣшиѣе и невнятиѣе онъ сообщалъ ее. Поэтому онъ просилъ останавливать его, если чтеніе пойдетъ черезчуръ неразбор-

чиво; дѣйствительно, мы постоянно ему напоминали, чтобы читалъ рѣже, чуть не черезъ каждыя 5—7 минутъ. Впрочемъ, иногда и жалъ его было останавливать, когда онъ съ воодушевленіемъ излагалъ интересовавшія его идеи, говорилъ превосходно и возвышался до изображенія поэтическихъ картинъ.

Тяжелый и невоздѣланный языкъ его всегда отличался шероховатостью и угловатостью, хотя носилъ на себѣ своеобразный отпечатокъ оригинальности; это была своего рода шаповщина, какъ окрестили его рѣчь студенты.

Въ промежуткахъ составленія лекцій и работъ для „Православнаго Собесѣдника“, Афанасій Прокофьевичъ любилъ проводить свободное время со студентами, изъ которыхъ довольно часто у него бывали: Калатузовъ, Залѣскій, Дим. Кузнецовъ, Ал. Кузнецовъ, Аристовъ, Павловъ, Соколовъ и Ив. Знаменскій. Разговоръ его со студентами, разумѣется, всегда вертѣлся на предметахъ науки и мысли, на занятіяхъ русской исторіей, на необходимости изученія народной жизни. Такимъ образомъ, Шаповъ сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ интересъ къ отечественной наукѣ въ студентахъ, которые съ своей стороны знакомили его со многими этнографическими особенностями разныхъ краевъ Россіи, что для него было весьма дорого. Много также сообщали ему свѣдѣнія о находкахъ въ соловецкихъ рукописяхъ студенты старшаго курса, особенно когда писали выпускныя сочиненія и возились постоянно съ рукописными источниками. Объ А. С. Кузнецовѣ онъ выражался, какъ объ отличномъ философѣ, знатокѣ Гегеля и Канта, и не только цѣнилъ въ немъ знаніе, но и самъ учился у него философіи во время бесѣдъ.

Шаповъ занимался съ какой-то лихорадочной дрожью, просиживалъ ночи до свѣта и терпѣть не могъ, когда прерывалъ его занятія какой-либо непрошенный посѣтитель. Сначала онъ принималъ его сухо и сурово, потомъ, когда заводилъ рѣчь о предметѣ, о которомъ въ данное время писалъ, мало-по-малу воодушевлялся и увлекался разговоромъ, иногда цѣлые часы любилъ сообщать о широкихъ замыслахъ и планахъ будущихъ своихъ занятій. Если были хорошіе его знакомые, студенты, то нерѣдко окончаніемъ служила попойка, которая начиналась застѣнчиво и съ улыбкой хозяиномъ: „А что, ребята, не выпить ли намъ по маленькой?..“ Нужно замѣтить, что въ наше время, т. е. до сентября 1858 года, онъ еще пилъ умеренно, и хотя нерѣдко любилъ покутить, но далеко не дошелъ до пьянства.

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе онъ потомъ началъ прибѣгать къ народному напитку, а вина бросилъ. Сдѣлавшись гордымъ и неуживчивымъ съ своими товарищами, Шаповъ запросто и съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время со студентами, кутилъ съ ними по цѣлымъ вечерамъ; а иногда, зная его безденежье, они покупали четверть водки, приносили къ нему въ квартиру и тайкомъ ставили подъ

кровать, а потомъ какъ будто дѣлали нечаянное открытіе. Случалось, онъ занималъ деньги у студентовъ, приобреталъ водки и рому и съ ними же все выпивалось до капли.

Я не разъ слышалъ въ Петербургѣ обвиненія казанскаго книгопродавца Дубровина, будто онъ содѣйствовалъ развитію страсти къ пьянству Щапова. Это совершенно несправедливо: положимъ, онъ расплачивался съ нимъ по мелочамъ, но вѣдь эти деньги обязанъ былъ выдавать рано или поздно за его сочиненіе и, конечно, не его вина и не его дѣло, куда онъ ихъ тратилъ. Извѣстно, что склонность къ пьянству стала развиваться въ немъ тотчасъ по окончаніи курса въ академіи.

Вотъ что пишетъ землякъ Щапова, С. С. Шашковъ, о постепенномъ развитіи пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ: „Онъ рассказывалъ намъ, какъ онъ, приготовляя во время каникулъ свой первый курсъ академическихъ лекцій, писалъ обыкновенно со стаканомъ чая, стоявшимъ подлѣ него. Но чай часто уже не освѣжалъ молодого ученаго, работавшаго чуть не по цѣлымъ суткамъ, и вотъ онъ къ чаю началъ понемногу прибавлять ромъ. Ромъ придавалъ новыя силы, фантазія оживлялась, перо быстро бѣгло по бумагѣ и работа шла чрезвычайно быстро, успѣшно. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Щаповъ до того уже привыкъ къ вину, что его дальнѣйшая печальная судьба была уже несомнѣнна. Часто въ своей душевной комнатѣ, наполненной ѣдимымъ дымомъ сигары, окруженный пустыми бутылками отъ рома, шкваликами и полуштофами, пьяный Щаповъ, въ своемъ засаленномъ халатѣ, истерически рыдалъ, проклиная водку, проклиная бурсу и академію, которыя ничего полезнаго не сдѣлали для него, проклиная все, что ненавидѣла его страстная душа. Въ эти минуты на него невозможно было смотрѣть безъ слезъ и страха, и трудно было успокоить его. Часто Щаповъ доходилъ до того состоянія нервной раздраженности и безотчетнаго страха, которое непосредственно предшествуетъ бѣлой горячкѣ. Въ это время онъ писалъ обыкновенно своему пріятелю, студенту 5-го курса медицинскаго факультета, Россову, лаконическую записку: „Россовъ, у меня что-то въ родѣ *delirium tremens*“. Россовъ являлся и скоро поправлялъ его“. („Дѣло“, 1876 года, № 4-й. Некрологъ, стр. 153).

Съ одной стороны, страстность и дикость натуры и крайняя напряженность въ работахъ, а съ другой—отсутствіе такта въ практической жизни, отчужденіе отъ общества и невзгоды жизни привели его къ печальному концу. Но, кажется, проще и вѣрнѣе объяснить развитіе пагубной страсти въ Щаповѣ наслѣдственной склонностью; къ этому заключенію приводитъ одинаковое несчастное расположеніе къ попойкамъ его старшаго брата. Онъ учился въ казанской академіи въ 1844—48 годахъ и обладалъ въ большей степени дикой, горячей и необузданной натурой, чѣмъ Аеанасій Прокофьевичъ. Въ пьяномъ видѣ онъ, обыкновенно, ходилъ къ ректору Григорію объ-

ясняться, что онъ не умѣетъ управлять заведеніемъ, и вообще направление его отличалось отрицаніемъ, недовольствомъ и протестомъ противъ всякаго явленія общественной жизни. Товарищи боялись встрѣчаться съ нимъ, когда онъ былъ пьянъ, и его помѣстили въ городъ на квартирѣ, но все-таки за пьянство и безпокойный, грубый нравъ принуждены были уволить его передъ самымъ окончаніемъ курса.

Трезвый Щаповъ являлся всегда добрымъ и простымъ, скромнымъ и застѣчивымъ, а пьяный никому не давалъ слова сказать и крестилъ всѣхъ дураками и невѣждами. Бурсаки-монашеское воспитаніе, невыносимое положеніе въ вѣчномъ приниженіи и тискахъ съ дѣтства заставляли искусственно обнаруживать во всей широтѣ собственное достоинство, а оно вырывалось бурно и въ уродливыхъ формахъ, когда человѣкъ былъ смѣлѣе и храбрѣе при ненормальномъ состояніи. Въ крайнемъ увлеченіи Аѳанасій Прокофьевичъ не могъ владѣть собою, являлся страшно капризнымъ и несноснымъ, представлялся незнакомымъ лицамъ совершеннымъ дикаремъ или азіатомъ, опившимся бузы. Нетерпимый и вспыльчивый, онъ говорилъ съ злобой и ожесточеніемъ, билъ, рвалъ и коверкалъ окружающіе предметы, доходилъ до истерики—и только обильныя слезы дѣйствовали на него успокоительно. Въ высшей степени нервный и чувствительный, Щаповъ постоянно плакалъ при воспоминаніи о своей горькой минувшей судьбѣ, которая изуродовала его характеръ, какъ онъ думалъ, прекрасный отъ природы; онъ всегда плакалъ навзрыдъ, когда говорилъ о своихъ безграмотныхъ сестрахъ, обвиняя въ этомъ недостатокъ общество. Чаще всего плакалъ онъ о бѣдахъ и напастяхъ несправедливо забитаго и угнетеннаго крестьянства; страданія народа русскаго, заступникомъ котораго онъ былъ цѣлую жизнь, слишкомъ рѣзко напечатлѣлись въ его душѣ съ дѣтства, а въ зрѣлую пору совпали съ изученіемъ многочисленныхъ бѣдствій Россіи во всѣ вѣка. Дѣтскія мечты и юные идеалы носились всегда въ его воображеніи при научныхъ изслѣдованіяхъ и не отдѣлялись отъ правилъ житейскихъ; поэтому бѣдняку онъ готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку и раздѣлить пополамъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Конечно, тяжелая, горемычная жизнь давала ему право говорить, что онъ знаетъ народъ и быть его; но въ сущности онъ зналъ его только по книгамъ, да по воспоминаніямъ дѣтства. Любовь его къ народу отличалась свѣтлой искренностью, но въ то же время была весьма оригинальна. Разъ подъ вечерокъ онъ расположился съ знакомыми въ загородномъ саду „Швейцарія“ чай пить; мимо шла артель рабочихъ, человѣкъ 20, которую онъ остановилъ, угостил шампанскимъ, заставилъ пѣть пѣсни и плясать, да и самъ чуть не пошелъ въ присядку во фракъ и цилиндръ на лугу, приговаривая: „Я не лучше васъ, я и самъ изъ мужиковъ“.

Несмотря на всю горячку, на угрозы, будто народъ можетъ пе-

ревѣшать все боярство и чиновничество, Шаповъ боялся насилій, былъ самый незлобивый и безобидный человѣкъ, котораго считали опаснымъ либераломъ въ правительственныхъ сферахъ. Правда случались съ нимъ горячія вспышки, когда онъ говорилъ озлобленно и ожесточенно; но все кончалось крупнымъ разговоромъ, а на дѣлѣ онъ не въ состояніи былъ задавить мухи. Этотъ идеалистъ, когда пускался въ разсужденія о дѣлахъ житейскихъ и современныхъ общественныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ, всегда производилъ смѣхъ между практическими образованными людьми: истиннымъ его призваніемъ было— блуждать въ теоретической сферѣ науки и выискивать новые пути въ области фактовъ русской старинной жизни. Сильная фантазія и тонкое чутье помогали ему иногда, на основаніи ничтожныхъ историческихъ данныхъ, добираться до разгадки сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, въ родѣ разъясненія исторіи удѣльнаго или смутнаго времени. Онъ на разнообразіе событій смотрѣлъ просто и цѣльно.

Несмотря на плохое знаніе современной жизни высшихъ и низшихъ классовъ народа, у Аѳанасія Прокофьевича чаще и чаще сталъ обнаруживаться задоръ судить и рѣдить о дѣлахъ практическихъ, прикраивать и прилаживать къ нимъ теоретическіе и научные выводы и соображенія. „Много я могъ бы наговорить дѣльнаго, жизненнаго нашимъ деревяннымъ правителямъ, да развѣ они снизойдутъ до того, чтобы выслушать? Изумляешься недобросовѣстности, почему они не позволяютъ говорить-то свободно о дѣлѣ! Нѣтъ, наши предки въ старину сами умнѣе были и не зажимали рта умнымъ людямъ“.

Разсуждая о тяжелыхъ преслѣдованіяхъ свободнаго слова, онъ восклицалъ: „Что же дѣлать? Остается мыслить взаперти одному, бродя изъ угла въ уголъ. Но мысль подъ часъ такъ мучить, такъ напрягаетъ голову, что и самыхъ тяжелыхъ вздоховъ, а за вздохами слезъ, мало для облегченія мысленнаго давленія. Слово, свободное слово—единственный просторъ мысли. Это—ея свѣжій воздухъ!..“ Въ такіе тяжелые часы раздумья, онъ любилъ постоянно повторять стихи Шевченки:

„И день иде, и ночь иде...
И голову скопивши въ руки,
Дивуеся, чого пейде
Апостолъ правды и науки?..“

Всякая искусственная выходка или неискреннее выраженіе могли его довести чуть не до дикой вспышки; особенно не терпѣлъ онъ пышныхъ и бессодержательныхъ фразъ и журнальныхъ статей, сравнивая ихъ съ произведеніями чиновниковъ, этихъ „официальныхъ лгуновъ“, какъ онъ величалъ ихъ. Ему дорого было слѣдить за жизнью, какъ она двигалась въ исторіи въ взаимной связи безыскусственныхъ дробленій и подраздѣленій, вытекаая свободно изъ глубины народнаго создающаго духа.

Когда былъ С. И. Шиловскій еще студентомъ университета, а Шаповъ уже бакалавромъ, онъ навѣщалъ его иногда въ академіи и по старой памяти вступалъ съ нимъ въ горячіе споры. Но теперь эти запальчивыя состязанія уже совсѣмъ не имѣли смысла: Шаповъ вооруженъ былъ фактическими данными въ пользу самостоятельнаго развитія русской народности; а Степанъ Ивановичъ по-прежнему держался общихъ теоретическихъ соображеній и старался отстаивать широту европейскаго образованія. Однажды Шиловскій до такой степени разозлилъ и ожесточилъ Шапова своими космополитическими словопреніями, что тотъ въ азартѣ выгналъ его въ шею изъ своей квартиры; потомъ онъ долго сожалѣлъ объ этомъ и плакалъ, что побилъ русскаго человѣка, хотя пропитаннаго западною фальшью¹⁾.

Когда Шаповъ сталъ приобрѣтать порядочныя деньги за печатаніе статей въ журналъ и получилъ впередъ часть за изданіе книги о „Расколѣ старообрядства“ отъ Дубровина, онъ прилично одѣлся, сшилъ енотовую шубу, завелъ себѣ отличное бѣлье и чувствовалъ себя прекрасно; но вообще въ практической жизни нисколько не измѣнился и доходилъ иногда, какъ и прежде, до смѣшнаго. Разъ гулялъ онъ зимой по Воскресенской улицѣ и встрѣтилъ одну дѣвицу, которая чрезвычайно ему понравилась; сталъ онъ наводить справки, что за особа такая, и узналъ, что это — дочь губернскаго казначея и зовутъ ее Соничкой. Боже мой, что тогда случилось со Шаповымъ! Онъ началъ бредить этой Соничкой и во снѣ и на яву, рисуя ея красоту чисто русскаго склада и характера самыми возвышенными идеальными чертами. (Словно 14-лѣтній гимназистъ, онъ твердилъ о ея прелестяхъ встрѣчному и поперечному и всѣхъ увѣрялъ до упаду, что онъ ни заниматься, ни дышать безъ нея не въ состояніи; дѣло доходило до того, что солидный профессоръ сталъ нерѣдко ходить въ мечтательномъ настроеніи духа подъ окнами дома, гдѣ жила Соничка. Кто-то изъ знакомыхъ пригласилъ тогда Аванасія Прокофьевича на вечеръ съ танцами; по его соображеніямъ, тамъ непременно должна быть его русская красавица и, слѣдовательно, предстояло знакомство съ нею. Шаповъ въ восторгѣ: декламируетъ стихи приличные случаю, толкуетъ о высокомъ достоинствѣ и прелестяхъ натуры настоящей русской женщины, учится до изнеможенія силъ танцамъ у студента Калатузова, прыгаетъ отъ радости, какъ малый ребенокъ; онъ бѣжитъ въ городъ и заказываетъ у лучшаго портнаго, Банарцева, фракную пару, не договариваясь въ цѣнѣ и не имѣя въ карманѣ денегъ. И все это должно было поспѣть въ нѣсколько дней, такъ какъ вечеръ назначенъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и онъ ждалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Чѣмъ же кончились всѣ эти хлопоты? Искусству танцовать онъ, разумѣется,

¹⁾ О С. И. Шиловскомъ см. „Латинскій кварталъ въ Парижѣ“. „Библи. для чтенія“ 1860 г. „Первый шагъ“. К. 1876 г. „Изъ воспоминаній студента“.

не выучился; за фракную пару съ него взяли около ста рублей съ разсрочкой, на вечеръ онъ не попалъ, потому что увлекся работой для журнала по соловецкимъ рукописямъ, а фракъ, ни разу ненадѣванный, повѣсилъ въ шкафъ, гдѣ съѣла его моль. Такъ быстро исчезли мечты его о Соничкѣ!..

Въ высшей степени щекотливый, застѣнчивый и неумѣвшій держать себя въ обществѣ, Шаповъ постоянно чуждался его и особенно стѣснялся въ присутствіи женщинъ. Можетъ быть, онъ не пересилилъ этого недостатка своего воспитанія и отказался познакомиться съ Соничкой. Зато замѣнилъ ее болѣе дешевымъ товаромъ, который, впрочемъ, обошелся ему впоследствии дороже и даже остался памятенъ на всю жизнь до гробовой доски. Познакомился онъ тогда съ одной куртизанкой изъ Горшечной улицы и задался мыслью обратить ее на честный путь жизни. Стала она къ нему ходить чуть не каждый вечеръ и онъ для ея первоначальнаго просвѣщенія читалъ ей стихотворенія Кольцова съ длинными объясненіями, а за книжкой Кольцова присылалъ къ студентамъ, которые поэтому знали о приходѣ извѣстной личности и смѣялись надъ миссіонерскими затѣями молодаго ученаго.

Узнавъ, что „погибшее созданіе“ это—крестьянскаго происхожденія, Шаповъ и просвѣщать ее сталъ Кольцовымъ, какъ поэтъ изъ народа и народнымъ; онъ съ жаромъ декламировалъ цѣлыя страницы стихотвореній, а крестьянка слушала его выпуча глаза.

Кончилась эта исторія печально: студенческая книжка Кольцова взятая дѣвицей аки-бы для чтенія, исчезла въ Горшечной; а просвѣтителъ и насадитель нравственности получилъ страшную болѣзнь отъ которой, при своей безалаберной жизни, не могъ окончательно вылечиться.

V.

Знакомство Шапова съ С. В. Ешевскимъ. — Уваженіе къ славянофильскимъ воззрѣніямъ и литературѣ. — Отношеніе къ ректору Іоанну. — Рѣчи Шапова на академическомъ актѣ. — Его печатныя сочиненія въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ и взглядъ на нихъ. — Развитіе новой системы русской исторіи. — Лучшія рукописныя сочиненія до 1861 года.

Отношенія Шапова къ ученымъ людямъ были весьма ограниченны: онъ какъ-будто чуждался сближенія съ ними. Продолжалъ онъ бывать по прежнему у В. Ив. Григоровича, пользовался нерѣдко его рукописями и обмѣнивался съ нимъ научными свѣдѣніями¹⁾. Затѣмъ, послѣ отъѣзда въ Москву Н. А. Попова, Вик-

¹⁾ О сношеніяхъ литературныхъ Шапова съ Григоровичемъ видно изъ „Правосл. Собесѣдн.“ 1861 г., ч. I, стр. 261.

торъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ А. П. Владимірскимъ, особенно хлопоталъ о перемѣщеніи Щапова изъ академіи въ университетъ; наконецъ, когда уже состоялось это приглашеніе на время, высокоуважаемый профессоръ рекомендовалъ его съ отличной стороны предъ попечителемъ округа, княземъ П. П. Вяземскимъ, и постарался сблизить ихъ. Но самое благотѣльное вліяніе на развитіе широты научныхъ воззрѣній Щапова оказало знакомство его съ доцентомъ казанскаго университета С. В. Ешевскимъ, хотя оно было непродолжительно. Вопросы этнографическіе и экономическіе, задачи общественной минувшей жизни, великое значеніе писцовыхъ книгъ и другія стороны науки, занимавшія впоследствии Щапова, несомнѣнно навѣяны разговорами съ нимъ Ешевскаго. Но жадность Щапова къ новымъ воззрѣніямъ и работамъ, которая не разъ доводила его до разрыва съ людьми науки, послужила причиной къ прекращенію его знакомства и съ Степаномъ Васильевичемъ, вліяніе котораго не осталось, впрочемъ, безъ слѣда на развитіи его идей. Ешевскій часто и много толковалъ со Щаповымъ о колонизаціи сѣверо-восточнаго края и Поморья Россіи и указывалъ на соловецкія рукописи, какъ на драгоцѣнный источникъ для разработки этого важнаго вопроса. Щаповъ по обычаю съ энергіей взялся за эту мысль, тотчасъ началъ рыться въ рукописяхъ, желая предвосхитить идеи С. В. Ешевскаго и разработать фактически. Когда же послѣдній обращался къ нему за рукописями, онъ отказывалъ ему, говоря, что онѣ ему самому необходимы. Такъ проклятая ученая зависть Щапова оттолкнула отъ него образованнаго человѣка, который въ высшей степени былъ для него полезенъ!

Затѣмъ, онъ велъ знакомство съ Н. А. Поповымъ, который замѣнилъ Ешевскаго въ казанскомъ университетѣ по кафедрѣ русской исторіи и, при переходѣ въ Москву, рекомендовалъ Щапова факультету на свое мѣсто.

Славянофильскія и другія солидныя московскія изданія по прежнему увлекали Щапова: когда, на примѣръ, вышло въ 1858 г. сочиненіе Лешкова „Русскій народъ и государство“, онъ носился съ нимъ цѣлые мѣсяцы и все совѣтовалъ студентамъ непременно прочитать его, да и не разъ. Славянофильскія сочиненія установили окончательно его взглядъ на русскую исторію, въ которой должны играть роль не однѣ формы жизни и учрежденій государственныхъ, но самъ народъ, какъ творецъ своего быта, выступить на первый планъ, съ его отличительными духовными чертами и особеннымъ складомъ характера. „Когда я изучалъ, пишетъ онъ, исторію Устрялова и Карамзина, мнѣ всегда казалось страннымъ, отчего въ ихъ исторіи не видно нашей сельской Руси, исторіи массъ, такъ называемаго простаго чернаго народа? Развѣ это громадное большинство не имѣетъ правъ на просвѣщеніе, на историческое развитіе и значеніе? Прочитайте лѣтописи, акты и писцовыя книги, вы увидите, что

строителями Россіи были крестьяне всюду и вездѣ, и они вынесли на своихъ могучихъ плечахъ свѣтлое будущее нашего отечества“.

Раздѣляя мнѣнія и убѣжденія славянофиловъ и высказывая ихъ постоянно, Аѳанасій Прокофьевичъ, однако, не считалъ себя членомъ ихъ круга и послѣдователемъ оригинальнаго ихъ ученія; онъ какъ-будто даже опасался иногда, какъ бы его не назвали славянофиломъ. „Законы историческаго роста, писалъ онъ, воспитанія и развитія народнаго организма такъ же естественны и вѣчны, какъ законы природы. Народъ развивается естественно, на основаніи своихъ внутреннихъ силъ, и отъ инстинктивнаго движенія доходитъ до разумнаго историческаго воспитанія. Такое изученіе исторіи проявленія народнаго духа, саморазвитія и свободной жизненной дѣятельности народа совсѣмъ не будетъ славянофильствомъ. Самыя реформы петровской эпохи централизационной системы и бюрократическія учрежденія его, съ этой точки зрѣнія, могутъ имѣть силу жизненности и воспитательности исторической“.

Вѣра его въ жизненную силу и величіе русскаго народа, стройное внутреннее устройство и недалекое грандіозное развитіе цивилизаціи нашего отечества служила исходной точкой всѣхъ его думъ и изслѣдованій научныхъ. Сначала онъ, вмѣстѣ съ славянофилами, смотрѣлъ на преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, какъ на большое зло, принесшее вредъ народу; потомъ нѣсколько смягчился и сталъ писать о необходимости петровскихъ реформъ, которыя привнесли въ нашу старинную жизнь искусственно-раціональное начало. Впрочемъ, воззрѣніе свое на исторію Петра Великаго онъ мѣнялъ нерѣдко и послѣ,— то писалъ въ пользу его дѣяній, то жестоко порицалъ ихъ за формализмъ.

Въ 1857 и 1858 годахъ, Аѳанасій Прокофьевичъ особенно много работалъ для духовнаго журнала, благодаря побужденію или подзадориванію академическаго начальства. Новый ректоръ Іоаннъ Соколовъ, извѣстный знатокъ церковнаго законовѣдѣнія, отлично понималъ и оцѣнилъ страстную личность и основательную дѣятельность Щапова; онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на его частые кутежи и опущенія лекцій. Зато постоянно поручалъ ему разныя работы для журнала, которыя онъ исполнялъ съ большимъ усердіемъ, потому что ректоръ назначалъ ему писать по предметамъ, излюбленнымъ для его сердца, и всегда оставался очень доволенъ его учеными работами. Вообще вліяніе ректора на Аѳанасія Прокофьевича было весьма благотѣльно: какъ человѣкъ крѣпкаго разсудка и неумолимой логики, онъ умѣлъ смягчать его азіатскую натуру и умѣрять высокій полетъ его горячей фантазіи холодными доводами. Самъ Щаповъ былъ очень доволенъ, что суровый и недоступный Іоаннъ отличалъ его отъ другихъ по достоинству, былъ съ нимъ весьма обходителенъ и ласковъ, что онъ могъ многому поучиться у этого замѣчательно-образованнаго, хотя свирѣпаго человѣка.

Для торжественнаго акта, ко дню основанія и престольнаго праздника казанской духовной академіи (8-го ноября 1857 года), ректоръ Іоаннъ просилъ приготовить рѣчи И. М. Добротворскаго и А. П. Шапова: первый написалъ: „Объ историческомъ значеніи русскаго раскола“, а второй доставилъ статью: „Религія и русская народность“. Рѣчь Шапова, написанная живо и увлекательно, одобрена была ректоромъ и произнесена авторомъ въ многочисленномъ публичномъ собраніи, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и привела въ восторгъ и студентовъ, и постороннихъ слушателей. Но была тутъ одна забавная сторона, видная только для студентовъ, занимавшихъ мѣста вокругъ оратора. По опредѣленному заранее условію со Шаповымъ, два студента стояли за кафедрой и останавливали его при невнятномъ чтеніи, когда онъ особенно быстро мчался, сильно держа за фалды знаменитаго фрака, сшитаго для Сонички, но подбитаго молю.

Къ сожалѣнію, эта рѣчь — „Религія и русская народность“, которая, исчезла безслѣдно: тогдашній студентъ университета В. М. Логгиновъ взялъ ее прочитатъ и не возвратилъ. Снялъ ли съ нее кто нибудь тогда копію, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1858 году, на торжественномъ актѣ академіи 8-го ноября, Шаповъ опять произнесъ рѣчь, болѣе интересную для современныхъ слушателей: „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“. Содержаніе рѣчи выбрано имъ по совѣту ректора Іоанна, когда уже началась работа, подготовлявшая освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Рѣчь произнесена была съ обычнымъ горячимъ чувствомъ и энергіей и произвела на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе, потому что опять два студента при чтеніи останавливали его, когда онъ пускался вскачь.

Ректоръ Іоаннъ (Іванъ Буйновидовъ, какъ звали его студенты въ шутку) любилъ бесѣдовать иногда со Шаповымъ попросту о дѣлахъ житейскихъ или острилъ по какому либо подходящему случаю. Однажды ректоръ гулялъ съ нимъ и другимъ профессоромъ по академическому палисаднику; мимо ограды проходила компанія мужичковъ въ послѣдней степени воодушевленія, поддерживая другъ друга подъ руки; они орали пѣсни во все горло.

— „Вотъ, Аванасій Прокофьевичъ, ваша черноземная сила во всей красѣ“!.. замѣтилъ со смѣхомъ ректоръ, указывая на подгулявшее общество крестьянъ ¹⁾.

— „А что жъ, сказалъ Шаповъ, — тутъ ничего нѣтъ особеннаго, только они все-таки лучше насъ: видите, какъ они не оставляютъ другъ друга и не даютъ падать одинъ другому, а мы и трезвые постоянно готовы подставлять ногу другъ другу“.

¹⁾ См. „Историч. Вѣстн.“ 1880 г., XII, стр. 786. „Къ характеристикѣ Іоанна епископа смоленскаго“.

Изъ печатныхъ сочиненій Шапова первымъ появилась магистерская диссертация подъ заглавіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII-мъ вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII-го“. Начало этой диссертации, именно 6 листовъ, напечатано въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1857 г. Все же сочиненіе издано казанскимъ книгопродавцемъ Дубровиннымъ въ 1858 г. и повторено безъ перемѣнъ вторымъ изданіемъ въ 1859 г.

Какъ вообще большая часть первыхъ печатныхъ трудовъ Шапова отражали въ себѣ постоянно церковную точку зрѣнія и рядомъ иногда проводились либеральные взгляды автора, такъ еще болѣе страдаетъ этимъ недостаткомъ смѣсь его студенческое сочиненіе о расколѣ, состояніе и задачи котораго онъ не выяснилъ надлежащимъ образомъ. Двойственный складъ и неопредѣленное направленіе первой работы Шапова подали поводъ Н. А. Добролюбову напечатать въ „Современникѣ“ статью: „Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ?“ Здѣсь онъ подробно и безпощадно разобралъ противорѣчія въ самомъ направленіи молодого ученаго. Этотъ рѣзкій отзывъ критика, по собственному сознанію Шапова, сильно отрезвилъ его, заставилъ глубже вдуматься по внутреннюю жизнь раскола и побудилъ заниматься болѣе строгимъ и осмотнительнымъ образомъ. Онъ откровенно говорилъ мнѣ, что хотя въ статьѣ Добролюбова много несправедливыхъ нападокъ и придирчивыхъ мелочей, но она дала ему сильный толчекъ къ работамъ основательнымъ и принесла большую пользу нѣкоторыми правдивыми замѣчаніями. Съ той поры онъ сталъ выработывать точное научное направленіе и окончательно бросилъ приемы усвоенные имъ и любимые духовнымъ начальствомъ.

Впрочемъ, отзывы москвичей о диссертации Шапова „Расколъ старообрядства“ были снисходительнѣе и выясняли нѣкоторые ея недостатки стѣснительными условіями и средой, въ которыхъ писано сочиненіе. Таковъ разборъ Н. Некрасова во 2-мъ томѣ „Лѣтописей Литературы“ Тихонравова.

Съ 1858 по 1862 г. Шаповъ напечаталъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ девять статей разнаго содержанія и издалъ девять старинныхъ памятниковъ, которые извлекъ изъ рукописей соловецкой бібліотеки.

Главное содержаніе этихъ статей вертится около вопросовъ о распространеніи христіанства между инородцами, о развитіи просвѣщенія у нашихъ предковъ и объ улучшеніи нравственности русскаго народа подъ вліяніемъ пастырей церкви. Въ этомъ отношеніи находится между ними внутренняя связь; онѣ дополняютъ другъ друга и представляютъ довольно полную картину умственно-нравственнаго состоянія нашихъ предковъ. Здѣсь отчетливо выяснено значеніе христіанской вѣры и заслуга монастырей въ исторіи развитія народа. Статьи эти имѣютъ особую цѣну потому, что наполнены множествомъ выписокъ

изъ соловецкихъ рукописей и обогатили историческую литературу новыми неизвѣстными прежде свѣдѣніями и расширили самый взглядъ на задачи русской церковной исторіи.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ замѣтно пренебреженіе къ строгой хронологіи: по своей юркой натурѣ и широкимъ размѣрамъ фантазіи, онъ смѣшивалъ явленія жизни разновременныя и проистекающія изъ разныхъ началъ, или перескакивалъ свободно изъ XII-го столѣтія въ XVI-е. Вотъ, напримѣръ, выдержка для образца: „Какъ только покорены были съ XI-го столѣтія новгородцами финскія племена, тамъ образовались небольшія русскія страдомыя деревни. У архіепископа Теофила было четыре сельца, у Марѳы посадницы — нѣсколько деревень“ („Прав. Соб.“ 1860 г., ч. 2-я, стр. 4—5). Очень часто въ разныхъ статьяхъ встрѣчается повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей для уясненія разныхъ явленій церковной жизни; особенно досталось на этотъ разъ сильно грубости и жестокости нравовъ народа, который является точно звѣринцемъ, а пастыри и подвижники духовные — укротителями дивихъ звѣрей. „При безобразномъ хаосѣ нравственномъ, пишетъ онъ, при буйномъ разгулѣ страстей, общество русское разложилось бы, если бы среди мрачнаго безпорядка не были на стражѣ достойные пастыри церкви“ (Прав. Собес.“ 1858 г., ч. I, стр. 529—532; 1859 г., ч. I, стр. 44—48; 1860 г., ч. III, 200—201; 1861 г., ч. I, стр. 78—87). Во всѣхъ этихъ статьяхъ встрѣчается не мало произвольныхъ предположеній и неосновательныхъ выводовъ, которые легко разбиваются при строгой повѣркѣ ихъ фактическими данными. Наконецъ, просвѣчиваетъ немало лишнихъ общихъ фразъ въ церковномъ духѣ и характерѣ; допущеніе которыхъ можно только объяснить помѣщеніемъ статей въ духовномъ журналѣ. А между тѣмъ изъ этого вытекалъ еще недостатокъ въ сочиненіяхъ, а именно: ненужная растянутасть въ изложеніи.

Съ осени 1858 г. Шаповъ продолжалъ чтеніе лекцій такъ же безпорядочно и набѣгами, какъ и въ наше время, опуская ихъ до двухъ третей: то начнетъ сообщать отрывки изъ міеологіи или изъ исторіи раскола, то о земскихъ сборахъ или о смутномъ времени, то вдругъ замахнетъ рисовать очеркъ личности Екатерины II-й. У однихъ лекцій не было начала, у другихъ—конца, и потому невозможно возстановить, въ какомъ порядкѣ велись онѣ. Въ иные часы приходилъ онъ безъ лекцій, приносилъ книгу и заставлялъ читать студента понравившуюся ему статью и дѣлалъ объясненія и добавленія; такъ читались статьи Б. Чичерина въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, жизнь Екатерины II-й въ лондонскомъ изданіи сочиненій Щербатова и т. под. Когда онъ являлся въ мрачномъ расположеніи духа, обыкновенно бранилъ современные порядки; доставалось мимоходомъ и студентамъ, какъ слушателямъ, которымъ не стоитъ и сообщать что-либо путное. Дома онъ работалъ тоже полосами: послѣ кутежей, засядетъ за чтеніе и письмо на нѣсколько дней и ночей сряду, перестанетъ

посѣщать лекціи и не показывается никуда. Послѣ такихъ трудовъ, у него появлялся рядъ новыхъ статей по занимавшему его вопросу, или прежнія незрѣлыя работы получали другой видъ и серьезную отдѣлку, а то росли матеріалы для будущихъ изслѣдованій.

Самыя дѣльныя историческія изслѣдованія Щапова оставались еще въ рукописяхъ и не были напечатаны. Съ конца 1858-го года до 1861-го онъ выработалъ своеобразный взглядъ на русскую исторію и написалъ все лучшее, зрѣлое въ своей жизни, что выдвинуло его на степень талантливаго и самостоятельнаго ученаго. Въ нашъ курсъ студенты относились къ Аѳанасію Прокофьевичу на первыхъ порахъ снисходительно и по-товарищески, старались больше хвалить его и ободрять, прощали ему многія слабыя стороны; но студенты 1859 и 1860 годовъ стали требовательнѣе и строже въ отношеніи къ нему. Уважая его за симпатическую личность и недюжинный талантъ, они вели вражду противъ его крупныхъ недостатковъ—невоздѣланности и дикости натуры, крайностей и угловатостей воззрѣній, которыя онъ самъ и другіе принимали за оригинальное творчество, противъ опущенія лекцій, противъ его ненаучныхъ симпатій и скороспѣлыхъ выводовъ. Они сильно жалѣли, что громадная сила даровитаго историка расходуется иногда на пустыя затѣи, смѣло высказывали ему объ этомъ и убѣждали его идти прямымъ научнымъ путемъ. Нерѣдко студенты приходили къ нему на квартиру цѣлой компаніей и старались разсужденіями и спорами подвинуть его на серьезное дѣло. Споры основывались больше на идеяхъ и чувствованіяхъ; принимали въ нихъ участіе студенты П. Знаменскій, Емельяновъ, Морошкинъ, Лавровъ, Шавровъ, В. Рождественскій, П. Никольскій и нѣкоторые другіе. По сообщеніямъ тогдашнихъ студентовъ я представляю слѣдующія черты: дѣло спорное оканчивалось иногда тѣмъ, что Щаповъ всѣхъ студентовъ разругаетъ въ дребезги, разорветъ на себѣ рубашку и халатъ, разобьетъ объ нихъ тома два—три „Полнаго Собранія Законовъ“ и всѣхъ выгонитъ въ толчки изъ квартиры. Подобныя сцены имѣли на него очень полезное и развивающее вліяніе. Иногда онъ разсердится до того, что нѣсколько времени не читаетъ лекцій; но зато, бывало, вдругъ засядетъ за работу и создастъ такой мастерской историческій очеркъ, какой не сталъ бы обрабатывать, если бы не стѣснялся своей холодно-критической и неглупой аудиторіи... Разъ студенты сдѣлали даже серьезное коллективное внушеніе Щапову, чтобы онъ неуклонялся отъ лекцій и не читалъ разныхъ пустяковъ, не относящихся къ дѣлу, лишь бы провести время; при этомъ прямо доложили ему, что они желаютъ учиться и просятъ его пособить имъ въ этомъ. Послѣ ли этого случая или другаго подобнаго внушенія, онъ угостилъ студентовъ въ началѣ 1859 г. превосходнымъ „Очеркомъ удѣльнаго періода“, который бы одинъ могъ его обезсмертить. Сохранилась ли цѣликомъ и гдѣ эта лекція—неизвѣстно; изъ слушателей

ее никто не записалъ, такъ какъ никто не ожидалъ такого сюрприза. Вѣроятно, и самъ Шаповъ ее забылъ и затерялъ, потому что нигдѣ почти не повторялъ изъ нея выдержекъ въ своихъ статьяхъ, какъ онъ это дѣлалъ со всѣми другими своими лекціями. Чуть-чуть только ее напоминаетъ начало статьи объ областяхъ въ смутное время... Побуждаемый студентами, Шаповъ работалъ нерѣдко дѣльно: въ эту пору явились почти всѣ его произведенія, какими онъ потомъ прославился въ университетѣ при чтеніи лекцій, послѣ напечатанія ихъ въ „Вѣстѣ“, „Отеч. Запискахъ“ и „Русскомъ Словѣ“; но только въ академіи читалъ онъ ихъ студентамъ не въ такомъ искусственно-азартномъ видѣ, въ какомъ ихъ обнародовалъ. Всѣ эти статьи, переработанныя изъ лекцій, мы видимъ страшно испорченными подвліяніемъ его позднѣйшей горячей тенденціозности...

Весьма жаль, что онъ въ послѣдствіи увлекся не историческими цѣльями и не научными сочувствіями, а фельетонными картинами на подкладѣ фактической. Вся сила и красота сочиненій Шапова, какъ и всякаго даровитаго, но еще мало учившагося историческаго писателя, состоитъ въ общихъ очеркахъ, гдѣ ему удобнѣ всего можно развить идеи и выразить всю свою поэзію. Въ очеркахъ вполнѣ обнаруживался его сильный историко-поэтический талантъ, который безъ эрудиціи, даже безъ средствъ къ подробному и всестороннему изученію фактовъ, могъ чутьемъ угадывать существенныя стороны минувшей жизни и высказывать по-временамъ самыя свѣтлыя и мѣткія воззрѣнія на нихъ...

Какъ ни сильно привлекали вниманіе Шапова тогдашніе современные вопросы общественной жизни, какъ ни часто возбуждали въ немъ стремленіе заняться обсужденіемъ и истолкованіемъ ихъ, какъ ни велика была охота рѣшать ихъ по своимъ воззрѣніямъ,—необходимость останавливала работы на строго научной почвѣ. Правда, и тогда онъ добивался отыскать связь между началами старинной русской жизни и современнымъ ея теченіемъ, желалъ освѣтить историческій путь, по которому должны идти живые потомки сравнительно съ предками; но эти думы не отрывали его отъ точныхъ изслѣдованій фактическихъ и не увлекали въ область фантазіи ¹⁾. Въ это-то время Аѳанасій Прокофьевичъ создалъ свою систему взглядовъ и убѣжденій историческихъ, развилъ планъ образованія и устройства Россіи въ древнюю пору и постепеннаго измѣненія началъ народной жизни. Уже въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, онъ, по мѣстамъ, развиваетъ свои воззрѣнія на древній земскій складъ русской жизни, особенно на начало образованія нашего отечества путемъ колонизаціи, упорнымъ трудомъ „посаженія и поставленія деревень на лѣсѣхъ“. Въ областяхъ финскихъ, по его

¹⁾ Напримѣръ, противъ рабства слышался ему голосъ древней церкви, который призывалъ современную церковь русскую обратить вниманіе на воспитаніе народной свободы.

словомъ, свободныя земли начинаютъ правильно разрабатываться съ постепеннымъ наплывомъ русскаго народонаселенія; появились поселки изъ вольныхъ охочихъ людей, заселились владѣльцами страдомья деревни, а съ ними прилила практически-разумная хозяйственная сила. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ краю земли русской стали воздвигаться и устраиваться монастыри, которые служили зачатками, починками заселенія необитаемыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей, проводниками дальнѣйшей колонизаціи и распространенія культуры. Русскіе подвижники содѣйствовали обработкѣ неблагодарной земли, прокладывали пути сообщенія въ глухихъ тундрахъ и содѣйствовали привлеченію поселенцевъ и разработкѣ огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго поморья. Путемъ народной колонизаціи совершалась побѣда надъ дикой природой, а путемъ церковной или монастырской колонизаціи византійскій элементъ помогъ воспреобладать русскому человѣку надъ дикими племенами инородцевъ и обрусить ихъ.

Въ 1859 и 1860 годахъ, вопросъ о колонизаціи развился шире во взглядѣ Шапова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованія внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать удѣльный и областной порядокъ, отрасли управленія и суда, общественной экономіи и проч. Такъ, по его выводамъ, путемъ колонизаціи началось самообразование областныхъ земскихъ общинъ съ ихъ самоуправленіемъ. Вслѣдствіе земскаго саморазвитія и самоустройства, организовалась сельская община, городская община, уѣздъ, станъ и волость; послѣднія дѣленія имѣли сначала хозяйственно промышленное значеніе, а потомъ—административное. Границами участковъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣленій служили рѣчныя системы или окраины разработанной земли, „нокамѣсть топоръ, соха и коса ходили“. Имѣя въ виду естественное возникновеніе внутренняго областного строя на основѣ историко-географической, Шаповъ, въ то же время, придавалъ большое значеніе племеннымъ особенностямъ народонаселенія, считая историко-этнографическій элементъ основой земскаго строенія. На историко-этнографической основѣ, при земской самобытности областныхъ общинъ, создался конфедеративный союзъ всей земли русской.

Начала народосовѣтія или земско-общиннаго устройства служили основой для свободнаго склада всего юридическаго и политическаго быта Россіи. 1) Въ мелкихъ общинахъ явился мірской сходъ или міръ, сельская сходка, громада, мірское согласье у раскольниковъ; 2) въ городскихъ или большихъ собраніяхъ видимъ сходы на думу, на вѣча, въ другихъ мѣстахъ—сеймы, рады, казачьи круги; 3) связующими собраніями городскихъ и сельскихъ сходовъ служили областныя земскія совѣты, и 4) наконецъ, для связи всѣхъ областей явился „совѣтъ всей земли“ или земскій со-

боръ. Вмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ основъ самоуправленія, Аѳанасій Прокофьевичъ основательно изучилъ старинное русское хозяйство и его начала. Экономическій бытъ, по его взгляду, тоже созданъ естественнымъ путемъ колонизаціи и промысловой дѣятельности, сообразно съ мѣстными условіями: крестьяне сажали деревни пашенныя, бортничьи, рыболовы и проч. Вольныя ремесла и руководѣльные промыслы развивались тоже сообразно съ природою и удобствами мѣстности и характеромъ населенія; далѣе города возникали путемъ торговаго, а погосты путемъ гостебы. Внутреннее поземельное самоустройство и экономическое саморазвитіе носило областной отгѣнокъ; поэтому предметы труда и производства въ разныхъ мѣстностяхъ были неодинаковы: новгородцы отличались плотничествомъ, поморцы — звѣроловствомъ и рыболовствомъ, другія области славились путями и „ухажаями“ хлѣбными, соляными и т. д. Оклады податей и пошлинъ собирались по земельнымъ участкамъ, по позиткамъ, промысламъ и торговымъ.

Самый взглядъ Шапова на расколъ послѣ 1859 г. сложился подъ вліяніемъ выработки опредѣленныхъ воззрѣній на земское устройство старинной Россіи. Вмѣсто невѣжественной толпы, раскольники явились народной массой практически-разумной; мысль и ученіе ихъ были жизненны и полны глубокихъ общественныхъ вопросовъ. Расколъ выдвинулся съ выработанной системой, какъ общинная оппозиція податнаго земства, противъ всего государственнаго строя церковнаго и гражданскаго, противъ рабства, насилія совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ власти. Стремленіе раскольниковъ общинъ къ особно-областному самоустройству выразилось очень рано: возникли общины поморскія, стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія и проч. При различіи воззрѣній и характера жителей, создались своеобразные толки и согласья, съ отличительными чертами вѣрованій и мнѣній. Но всѣ они отстаиваютъ права и личность вольныхъ людей, старинныя народныя льготы, земское самоуправленіе и свободную промышленность, сообразно съ хозяйственными потребностями и правовыми обычаями народа.

Въ это время Шаповъ основательно изслѣдовалъ прежнее состояніе умственной жизни русскаго народа, начиная съ славяно-русской миеологіи и легендарныхъ разсказовъ, въ которыхъ онъ старался отыскать смыслъ. Еще въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ онъ разбиралъ миеическія космогоническія сказанія и сближалъ ихъ съ христіанскими, какъ они получали сперва апокрифическій отгѣнокъ, а потомъ смѣшивались съ библейскими (часть I, стр. 249 за 1861 г.). Онъ старался долго изучать самое направленіе и характеръ міросозерцанія русскаго народа, какъ оно складывалось и подъ какими вліяніями постепенно развивалось и измѣнялось. Здѣсь опять-таки для него было въ высшей степени важно слѣдить за характеристическими особенностями вѣрованій и убѣжденій жителей каждой об-

ласти, за складомъ міровоззрѣнія населенія данной мѣстности. Каждая область, каждый большой городъ имѣли свой патрональный храмъ, своего святаго защитника, имъ славились и украшались; они почитали разныхъ мѣстныхъ святии, которыми связаны были историческія воспоминанія, составляли житія святыхъ подвижниковъ, вели мѣстныя лѣтописи и писали другія литературныя произведенія, передавали разные сказанія, легенды и проч. (Тамъ же, 1860 г., ч. III, стр. 203).

Я нарочно старался указать на цѣлый рядъ крупныхъ вопросовъ, по которымъ Аѳанасій Прокофьевичъ въ два года успѣлъ вновь написать или переработать изъ прежнихъ статей массу изслѣдованій, а по другимъ собралъ богатые матеріалы, приведенные въ порядокъ лишь на скорую руку. Что дѣйствительно это вѣрно, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ несомнѣнныхъ данныхъ. Въ отчетахъ объ особыхъ трудахъ профессоровъ духовной академіи за 1859 годъ самимъ Шаповымъ сдѣлана замѣтка: „приготовлялъ къ печати „Очерки изъ исторіи народнаго русскаго просвѣщенія“, собиралъ матеріалы для историческаго изслѣдованія „О колонизаціи восточной Россіи до XVII-го вѣка“ и для „Исторіи культуры сѣверо-восточной Россіи“. Подъ очерками изъ исторіи народнаго просвѣщенія, очевидно, разумѣются „Очерки народнаго русскаго міросозерцанія“, которые впослѣдствіи передѣланы, дополнены и напечатаны въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1863 г., кн. I—VI.

Въ 1859 и 1860 годахъ, Шаповъ читалъ студентамъ академіи, между прочимъ, такія лекціи: а) Объ удѣльномъ періодѣ или областномъ онъ составилъ чрезвычайно живой и свѣжей очеркъ, положивъ въ основаніе идею самостоятельнаго образованія княжествъ или земель, съ ихъ отличительными особенностями, съ колонизаціоннымъ саморазвитіемъ и общинной автономической жизнью; при этомъ онъ почти не касался взаимныхъ отношеній удѣльныхъ князей и вражды ихъ между собою. На этотъ предметъ онъ посвятилъ лекціи три. б) По славяно-русской миѳологіи читалъ талантливый очеркъ съ замѣчательно систематическимъ построеніемъ русскихъ миѳовъ; это сочиненіе онъ переработалъ и улучшилъ во время чтенія лекцій въ университетѣ. Въ академіи онъ читалъ пространно и въ безпорядочномъ видѣ о миѳологіи въ связи съ очерками христіанскаго міросозерцанія; потомъ выдѣлилъ послѣдній вопросъ и разработалъ особо. в) Очерки народнаго міросозерцанія, которые посылалъ въ 1860 году въ „Русское Слово“. г) Лекціи двѣ-три посвятилъ на сообщеніе свѣдѣній о земскихъ соборахъ и особенно долго остановился на соборѣ 1642 г. по дѣлу объ отдахъ Азова Турціи. Наконецъ, д) Объ областяхъ въ смутное время читалъ въ разные періоды отрывками; началъ онъ эти лекціи любимымъ своимъ изображеніемъ, какъ царевна Ксенія Годунова сидѣла у косящата окна, блистая своей красотой, и распѣвала жалобныя пѣсни; читалъ онъ это описаніе съ большимъ восторгомъ и со слезами на глазахъ.

Въ каникулы 1859 г. я навѣстилъ Щапова, который сидѣлъ взаперти, весь обвязанный полотенцемъ, и лечился въ теплой комнатѣ; въ квартирѣ его я нашелъ еще болѣе безпорядка и неряшества, чѣмъ прежде, а соловецкихъ рукописей биткомъ было набито во всѣхъ углахъ. Я бралъ у него для справокъ нѣсколько рукописей и долго бесѣдовать съ нимъ опасался, видя его тяжелое болѣзненное состояніе; впрочемъ, и въ это время онъ занимался упорно, съ утра до полночи, надъ разработкою вопроса о колонизаціи сѣверо-восточнаго края. Я. Г. Рождественскій посѣтилъ Щапова въ слѣдующемъ году, когда онъ былъ уже приглашенъ приватно въ университетъ, хотя жилъ все еще въ академическомъ флигелѣ, и вотъ что пишетъ: „Въ квартирѣ его я нашелъ страшную грязь и пыль; на полу въ залѣ наваленъ былъ въ углу цѣлый ворохъ „Полн. Собранія Законовъ Рос. Имп.“. Аѳанасій Прокофьевичъ принялъ меня какъ товарища; мы разговорились съ нимъ о предметѣ общихъ нашихъ занятій—объ исторіи; указывая на груду „Собранія Законовъ“, онъ замѣтилъ: „Вотъ главный, неисчерпаемый и ничѣмъ незамѣнимый источникъ для русской исторіи“. Потомъ онъ перешелъ къ своему взгляду на смыслъ древней русской исторіи и доказывалъ, что Русь стремилась къ федераціи, что федерація есть единственная плодотворная форма народной жизни. Въ заключеніе Щаповъ просилъ меня заняться отыскиваніемъ и собираніемъ въ Вяткѣ мѣстныхъ памятниковъ, преданій и народныхъ пѣсенъ“.

Въ началѣ августа 1860 г., Нилъ Ал. Поповъ писалъ, что тогда Щаповъ трудился надъ изслѣдованіемъ исторической этнографіи Россіи и изучалъ историко-географическую основу областнаго дѣленія Великороссіи и занятъ былъ исторіей колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ сочиненій онъ послалъ для напечатанія въ „Русское Слово“ и, кромѣ того, туда же отправилъ восемь статей изъ „Очерковъ легендарно-эпического міросозерцанія русскаго народа“. Но редакторы этого журнала почему-то не заблагоразсудили ихъ помѣстить, вѣроятно, по той простой причинѣ, что вообще не любили ученыхъ статей.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы можемъ извлечь несомнѣнный выводъ, что у Аѳанасія Прокофьевича къ 1861 году накопилось въ рукописяхъ, по крайней мѣрѣ, до 15-ти большихъ капитальныхъ изслѣдованій по русской исторіи. Такими можно считать слѣдующія:

- 1) „Очерки славяно-русской миеологии“.
- 2) „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпическаго міросозерцанія“.
- 3) „Колонизація сѣверо-восточной Россіи“.
- 4) „Очерки исторіи культуры“.
- 5) „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народа“.
- 6) „Историко-географическая основа областнаго дѣленія Великороссіи“.

- 7) „Историко-этнографическій складъ русскаго народонаселенія“.
- 8) „Взглядъ на расколъ и его земское значеніе“.
- 9) „Экономическое состояніе Россіи въ старинное время“.
- 10) „Значеніе областнаго элемента въ русской исторіи и конфедеративное устройство Россіи“.
- 11) „Самоуправленіе народное въ древней Россіи“.
- 12) „О древнемъ удѣльномъ періодѣ“.
- 13) „О русскихъ земскихъ соборахъ“.
- 14) „Великорусскія области и смутное время“.

Большая часть этихъ вопросовъ подробно была изслѣдована и основательно рѣшена Шаповымъ, какъ это убѣдительно доказываетъ его „Программа исторіи русскаго народа“ и вступительная лекція въ университетѣ. Достойно сожалѣнія, что множество лекцій и разныхъ сочиненій его, приготовленныхъ до 1861 г., погибло безвозвратно отъ невниманія людскаго. Когда Шаповъ увезенъ былъ въ Петербургъ, всѣ его тетради опечатаны были въ шкафѣ, а на все оставшееся имущество предъявилъ права собственности кредиторъ и товарищъ его Я. В. Рудольфовъ. Когда послѣдній умеръ, то пріѣхалъ изъ Саратова его братъ, священникъ Рудольфовъ, забралъ изъ академической кладовой всѣ оставшіяся вещи послѣ покойника и въ томъ числѣ бумаги Шапова и уѣхалъ къ себѣ въ приходъ. Надо полагать, что всѣ онѣ давно пошли подъ пироги...

VI.

Приглашеніе Шапова временно читать лекціи въ университетѣ.—Вступительная лекція.—Увлеченія студентовъ университета.—Уровень большинства ихъ развитія въ 1860 г.—Положеніе и дѣятельность Шапова въ новой сферѣ.—Желаніе его заниматься въ Москвѣ и Петербургѣ.—Забота о современныхъ преобразованіяхъ.—Бунтъ крестьянскій въ с. Безднѣ.—Панихида по убитымъ.—Слѣдствія этой манифестации.—Высылка Шапова изъ Казани.

Въ 1860 году 3-го августа, исправляющій должность адъюнкта русской исторіи, Нилъ Александровичъ Поповъ, перемѣщенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія изъ Казани въ московскій университетъ на ту же должность. Передъ своимъ отъѣздомъ 10-го августа, онъ рекомендовалъ историко-филологическому факультету въ преемники себѣ бакалавра казанской духовной академіи А. П. Шапова, приблизительно въ такомъ представленіи:

„Оставляя казанскій университетъ, считаю своимъ долгомъ указать историко-филологическому факультету на г. Шапова, какъ на ученаго, который можетъ принести большую пользу гг. студентамъ,

если университет пригласить его преподавателем на кафедру русской истории. Какъ ручательство въ достоинствѣ его научныхъ свѣдѣній, могу назвать здѣсь, кромѣ извѣстнаго сочиненія „Русскій расколъ старообрядства“, имѣвшаго два изданія, еще слѣдующія, помѣщенные въ „Православномъ Собесѣдникѣ“: а) „О способахъ духовнаго образованія въ древней Россіи“, б) „Лука Конашевичъ“, в) „Арсеній Грекъ“, д) „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“, е) „Русская церковь въ сѣверномъ Поморьи“.

„Всѣ эти сочиненія, относящіяся преимущественно къ исторіи русской церкви, касаются многихъ сторонъ общественной и государственной жизни Россіи; а потому, кромѣ своихъ специальныхъ достоинствъ, представляютъ нѣкоторые данныя и вообще для русской истории. Мнѣ извѣстно также, что г. Шаповъ посвящаетъ свои труды изслѣдованіямъ по части исторической этнографіи Россіи; такъ, онъ занятъ теперь изученіемъ историко-географической основы областнаго дѣленія Великороссіи и колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ изслѣдованій посланы имъ для напечатанія въ редакцію „Русскаго Слова“, куда также отправлены еще „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпического міросозерцанія“; всѣхъ очерковъ восемь. Большая часть изданныхъ, а равно и всѣ неизданные труды г. Шапова внесли въ русскую историческую литературу много свѣдѣній, до тѣхъ поръ бывшихъ неизвѣстными и скрытыми въ рукописныхъ источникахъ, которые онъ первый открылъ и разработать.

„Но чтобы имѣть полное понятіе о томъ взглядѣ, какой имѣетъ г. Шаповъ на русскую исторію отъ ея начала до конца, необходимо предложить ему доставить въ факультетъ программу общаго курса, который бы онъ могъ прочесть въ университетѣ, въ случаѣ приглашенія его въ преподаватели. Въ духовной академіи курсъ русской исторіи дѣлится на два: курсъ церковной исторіи и курсъ гражданской. Въ университетскомъ преподаваніи такого раздѣленія быть не можетъ; и потому при разсмотрѣніи программы г. Шапова необходимо имѣть въ виду соразмѣрность обоихъ отдѣловъ относительно цѣлаго“.

Историко-филологическій факультетъ 10-го сентября согласился съ представленіемъ Н. А. Попова и вошелъ съ ходатайствомъ въ совѣтъ, чтобы г. Шаповъ, извѣстный своими сочиненіями по исторіи русской церкви и неизвѣстный еще, какъ специалистъ по гражданско-отечественной исторіи и какъ педагогъ, прикомандированъ былъ къ университету сначала на одинъ годъ, въ качествѣ временнаго преподавателя, съ производствомъ ему адъюнктскаго жалованья, съ слѣдующей оговоркой: „Если г. Шаповъ окажется достойнымъ преподавателемъ русской исторіи, то, по истеченіи настоящаго учебнаго года, факультетъ будетъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о совершенномъ

перемѣщеніи его на кафедру русской исторіи; въ противномъ случаѣ будетъ искать другое лицо для ея замѣщенія“. Въмѣстѣ съ тѣмъ факультетъ просилъ совѣтъ ускорить дѣломъ и начать преподаваніе съ разрѣшенія г. попечителя, не дожидаясь опредѣленія министра народнаго просвѣщенія.

Въ засѣданіи 17 сентября 1860 года, совѣтъ университета произвелъ баллотировку г. Шапова во временные преподаватели русской исторіи; избирательныхъ шаровъ оказалось 15, не избирательныхъ 5. Когда извѣстили о выборахъ Шапова и пригласили его преподавателемъ на годъ, на извѣстныхъ условіяхъ,—онъ увѣдомилъ декана факультета 3-го октября, что онъ согласенъ, съ разрѣшенія начальства казанской духовной академіи, временно преподавать русскую исторію въ университетѣ и при этомъ представилъ подробную программу своихъ чтеній.

Министръ народнаго просвѣщенія прикомандировалъ Шапова къ казанскому университету 26-го октября, а 7-го ноября увѣдомилъ объ этомъ членовъ факультета исправлявшій тогда должность ректора профессоръ А. М. Бутлеровъ.

Но такъ какъ переходу Шапова въ университетъ могло воспрепятствовать начальство духовной академіи, то казанскій попечитель князь П. П. Вяземскій постарался предварительно уладить это дѣло, заручившись согласіемъ ректора Іоанна. Нужно отдать честь князю Вяземскому, что онъ скоро оцѣнилъ достоинства Аѳанасія Прокофьевича и сталъ въ отношенія къ нему близкія и человѣчныя.

Но вотъ пришло ожидаемое 11-е ноября, день, въ который назначена была вступительная лекція въ университетѣ Шапова; ни одна изъ большихъ аудиторій не могла вмѣстить слушателей и всѣ принуждены были перейти въ большую актовую залу. Многіе изъ студентовъ пришли слушать его съ большимъ предубѣжденіемъ и разсуждали съ пренебреженіемъ: „Что можетъ сказать путнаго семинаръ-схоластика?“ Но Аѳанасій Прокофьевичъ быстро озадачилъ ихъ своей величественной и вмѣстѣ простой фигурой и поразилъ новой оригинальной лекціей и вдохновенной рѣчью. Успѣхъ вступительной лекціи былъ громадный и неожиданный: попечитель, профессора, лица изъ публики и студенты пришли въ восторгъ—и зала потряслась отъ рукоплесканій. Заглавіе этой лекціи: „Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“ не знакомитъ прямо съ ея содержаніемъ, въ основаніи котораго лежало начало областности; точнѣе говоря, лекція посвящена была „обозрѣнію общинно-колониэаціонной и земско-союзной исторіи великорусскаго народа“. Вступительная лекція въ переработкѣ вошла въ статью „Великорусскія области и смутное время“. Самъ Шаповъ охарактеризовалъ предварительно вкратцѣ предметъ своей лекціи слѣдующими словами:

„Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постоянного

территориальнаго устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное территориальное и этнографическое самообразование областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую особую, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной государственной географической централизаціи московской, а въ областныхъ лѣтописяхъ раздастся самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ собиранія русской земли“.

„Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ соборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству втеченіе всего XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій; онъ возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. под.

„И мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, изжидительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи!..“

Лекція представляла мастерской очеркъ и совершенно самобытный обзоръ исторической русской жизни съ древняго времени до освобожденія крестьянъ. Но не однимъ богатствомъ и новостью мыслей, не одной самостоятельной разработкой и по мѣстамъ художественнымъ изложеніемъ и прочувствованнымъ пересказамъ лекція Щапова произвела потрясающее дѣйствіе на студентовъ: большинство изъ нихъ очарованы были необычайной энергіей и силой убѣжденія доцента, его свободой и независимостью воззрѣній и живымъ энтузіазмомъ. Послѣ вступительной лекціи, нѣкоторые изъ студентовъ-филологовъ отправились къ Щапову на квартиру въ академію засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и выразить удовольствіе по поводу первой лекціи. Онъ встрѣтилъ ихъ въ пол-пьяна, хотя уже выпавшись, и остался весьма доволенъ, что они пришли къ нему на поклонъ. „Съ этихъ поръ, говоритъ юный тогдашній слушатель, г. Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улеяться... Пока онъ

занималъ кафедрѣ русской исторіи, онъ царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на кафедрѣ было своего рода триумфомъ; когда онъ читалъ лекціи, всѣ аудиторіи пустѣли, городская публика стремилась послушать „знаменитость“ на кафедрѣ, какъ сбѣгается слушать „знаменитость“ на сценѣ... Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Шаповѣ, а о студентахъ и говорить нечего: они ходили какъ ошалѣлые отъ восторга ¹⁾“.

Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченіе студентовъ университета Шаповымъ было искреннее; но оно отзывается дѣтствомъ, искусственностью и какимъ-то кокетствомъ съ наукой. Они восторгались и носились съ своими собственными фантазіями больше, чѣмъ стремились на лекціи русской исторіи съ задушевнымъ желаніемъ—изучать судьбы своего отечества. Поэтому, дѣйствительно, къ нимъ очень идетъ выраженіе: „ходили какъ ошалѣлые отъ восторга“...

Студенты академіи не только не доходили до такого одурѣнія, какое изображаетъ первокурсникъ, отъ лекцій Шапова, но даже относились къ лучшимъ его изслѣдованіямъ критически и задавали ему частыя головоломки и за непосѣщеніе лекцій, и за ихъ чтеніе небрежное. Тогдашніе студенты университета стояли ниже по развитію сравнительно съ студентами академіи. И это не предположеніе или предубѣжденіе, а несомнѣнный фактъ, подтверждаемый многими, не исключая и самихъ университетскихъ студентовъ прежняго времени.

Многіе изъ нихъ не читали солидныхъ сочиненій, на лекціи не обращали никакого вниманія и только усердно занимались размноженіемъ списковъ секретной литературы. Имъ нужны были обаятельныя и раздражающія фразы, какими тогда прославился профессоръ кievскаго университета П. В. Павловъ. Получивъ подробныя свѣдѣнія о характерѣ его чтеній, очаровательныхъ для кievскихъ слушателей,—студенты казанскіе рѣшили залучить его къ себѣ и писали ему коллективное письмо, приглашая на кафедру русской исторіи. Очевидно, эти верхогляды не могли обратить вниманія на талантливаго труженика—Шапова, будто бы потому, что „извѣстность и популярность этого ученаго были еще незначительны“. Правда, Шаповъ занимался въ академіи серьезно наукой и не могъ прославиться, какъ задорный публицистъ, не рискуя потерять уваженіе духовныхъ студентовъ; но зато многіе профессора и дѣльные студенты университета хорошо знали его, какъ отличнаго преподавателя русской исторіи, даровитаго ученаго и самостоятельнаго изслѣдователя старины. Къ тому же онъ ежегодно печаталъ сочиненія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ интереснѣе и замѣчательнѣе: надо только удивляться, какъ не знали студенты его живой и современной рѣчи о несвободныхъ людяхъ! Серьезные студенты университета

¹⁾ См. подробности о первой лекціи Шапова въ сборникѣ „Первый Шагъ“. Каз. 1876 г., стр. 404—413.

не только давно знали Щапова, но постоянно ходили къ нему еще съ 1857-го года съ цѣлью поучиться, побесѣдовать о своихъ занятіяхъ или воспользоваться совѣтомъ насчетъ сочиненія; особенно часто навѣщали его студенты изъ сибиряковъ и всѣхъ онъ принималъ радушно. Если же Щапова не знали, то это были какіе-нибудь наивные первокурсники и юные мечтатели, цѣнившіе людей по фразамъ, или студенты, погруженные совсѣмъ въ рѣзаніе кадаверовъ.

Изъ „Воспоминаній казанскаго студента“ ясно видно, какая ничтожная была подготовка у студентовъ, которые не могли понимать лекціи по „энциклопедіи законовѣдѣнія“ и даже не въ состояніи были отличать субъектъ отъ объекта ¹⁾. Пропитанные своими фантастическими планами и мечтами, они замыслили ввести прелестный строй въ Россію и водворить небо на землѣ; а между тѣмъ, при отсутствіи запаса знаній и самой малой опытности, они очутились въ рукахъ ловкихъ поляковъ передъ повстаньемъ, какъ восковыя куклы.

Вотъ что пишетъ Я. Г. Рождественскій о бесѣдѣ своей съ бывшимъ слушателемъ Щапова, который припомнилъ о времени своего образованія:

„Берви былъ студентомъ казанскаго университета, когда читалъ лекціи Щаповъ, и хотя слушалъ математическія науки, но посѣщалъ и лекціи его, и бывалъ у него на квартирѣ. О характерѣ чтеній Аеанасія Прокофьевича Берви замѣтилъ, что дикція его была чрезвычайно плоха, но онъ увлекалъ студентовъ неслыханной своей откровенностью, искренностью и смѣлостью, говорилъ открыто о лицахъ и событіяхъ все, что самъ зналъ. Разъ въ концѣ чтенія онъ заявилъ, что на слѣдующей лекціи станетъ говорить о декабристахъ. Само собою разумѣется, что 7-я аудиторія къ назначенному часу была биткомъ набита; едва успѣлъ Щаповъ взойти на кафедру, расстворилась дверь, вошелъ помощникъ попечителя Тихомандрицкій и занялъ мѣсто. Наступила мертвая тишина... Лекторъ при неожиданности немного растерялся: досталъ изъ кармана бумажку, на которой написанъ былъ конспектъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять положилъ въ карманъ; потомъ опять вынулъ конспектъ и тотчасъ заявилъ, что лекція его имѣетъ предметомъ исторію декабристовъ... Онъ началъ говорить съ такою свободой и о такихъ подробностяхъ, какъ будто дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ между близкими пріятелями; эту лекцію Щаповъ заключилъ стихами:

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной родится мощный родъ:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ!

„Восторженный взрывъ рукоплесканій и криковъ пронесся словно буря съ трескомъ и гуломъ и проводилъ смѣльчака-доцента.

¹⁾ „Первый Шагъ“, стр. 384—5, 388, 404.

„Эта-то искренность, по словам Берви, подкупала къ нему молодежь, заставляла ее съ удивленіемъ и восторгомъ слушать лекціи. Но и помимо лекцій, Щаповъ привлекалъ студентовъ простыми и добрыми свойствами своей натуры; въ отношеніи студентовъ у него никогда ничего не было завѣтнаго и тутъ онъ въ правѣ могъ бы приложить къ себѣ выраженіе Василія Буслаева: „Кто хочетъ пить и ѣсть готовое, валится къ Васькѣ на широкій дворъ“!..

Въ квартиру къ нему былъ свободный доступъ для всѣхъ студентовъ безъ исключенія; каждый изъ нихъ могъ у него ѣсть, пить, брать книги, вызывать хозяина на разговоръ и споръ. Берви помнитъ, какъ Щаповъ продалъ Дубровину 2-е изданіе книги „Расколъ старообрядства“, кажется, за двѣ тысячи рублей. Эти деньги быстро пошли въ дѣло: втеченіе нѣсколькихъ недѣль у Щапова безвыходно хозяйничали студенты и самъ онъ не ходилъ на лекціи, пока не исчезли всѣ деньги. Берви прибавилъ, что „въ его время между студентами было очень много совершеннѣйшихъ мальчишекъ по умственному и нравственному развитію, которые не имѣли понятія о нравственной деликатности; они безцеремонно осаждали Щапова, ужъ конечно не ради любознательности, а съ цѣлями другаго сорта“...

По словамъ Берви, лекцій за Щаповымъ никто не записывалъ, да и едва ли возможно было это сдѣлать, по причинѣ несносной дикціи его, а самъ онъ лекцій не выдавалъ; поэтому удивительно, какъ и по чему бы стали студенты готовить къ экзаменамъ лекціи по русской исторіи.

Наконецъ, Берви сообщилъ слѣдующій интересный фактъ: когда студенты университета восторгались Щаповымъ, чуть не распинаясь передъ нимъ во время свободныхъ и смѣлыхъ лекцій, — студенты академіи были весьма недовольны имъ: они упрекали его въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу, выставляли на видъ, что онъ, вмѣсто научныхъ изслѣдованій, какъ мальчишъ гоняется за либеральными фразами...

Такіе справедливыя упреки студентовъ академіи глубоко раздражали его, сбившагося съ прямой своей дороги, и шевелили безпременно боль его сердечную, отъ которой лекарство и отраду онъ сталъ искать въ кругу своихъ поклонниковъ—студентовъ университета. Съ ними онъ исключительно бесѣдовалъ о широкихъ планахъ современнаго устройства отраслей государственнаго управленія Россіи, переработки всего юридическаго и экономическаго норадка и улучшенія народной жизни. Крестьянская реформа назлектризовала Щапова до послѣдней степени, и надо было ожидать если не громоваго удара, то сильнаго треска; своимъ страстнымъ увлеченіемъ и порывистой энергіей, страшной силой убѣжденія и непреклоннаго характера, необычайной задушевностью и горячей любовью къ народу онъ электризовалъ и студентовъ. Онъ часто плакалъ и на каедрѣ, и дома,

когда запальчиво разсуждать о современных страданіяхъ русскаго простонародья и о его горько-слезной минувшей судьбѣ; его рѣчи въ дрожь бросали студентовъ и вызывали на глаза слезы. Вотъ почему Шаповъ явился въ ихъ воззрѣніи не только модной диковинкой для развлеченія, рѣдкимъ и рѣннымъ ученымъ, но и организаторомъ будущаго прочнаго устройства нашего отечества и пламеннымъ пророкомъ народнаго благоденствія. Если бы онъ оставался въ духовной академіи, при прежнихъ основательныхъ умственныхъ работахъ, изъ него вышелъ бы современемъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ людей.

Но въ лихой, видно, часъ сдружился Аеанасій Прокофьевичъ съ университетомъ, который невольно и безсознательно, съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ, при громѣ рукоплесканій, повелъ его по прямой дорогѣ къ гибели!..

Я говорю это не съ цѣлью оправдать Шапова и всю вину свалить на университетъ, но желаю только показать, что новая сфера содѣйствовала въ немъ развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное вмѣшательство въ современные преобразованія. Я желаю разъяснить, почему Шаповъ не могъ продержаться въ университетѣ болѣе полугода. Прежде, обыкновенно, всю вину сваливали на дьявола, а теперь принято обвинять во всемъ внѣшнюю среду и обстоятельства; но въ исторіи Шапова прежде всего является причиной гибели онъ самъ, съ своимъ дикимъ нравомъ и непростительнымъ упорствомъ, а среда и настрой времени только разжигали его ребяческое сердце, кипятили и безъ того необузданную натуру.

Время появленія Шапова на университетской кафедрѣ было критическимъ даже для опытныхъ профессоровъ русской исторіи, а не только для такого податливаго и совершенно неопытнаго молодого ученаго. Это была пора крайнихъ увлеченій русской молодежи (да и не одной молодежи!), которая вошла въ роль цѣнителя ученыхъ талантовъ и раздавателя лавровыхъ вѣнковъ профессорамъ. Громъ рукоплесканій и оиміамъ студенческихъ куреній оглушилъ и отуманилъ Шапова, но онъ не подозрѣвалъ, что весь этотъ мишурный блескъ и фальшивый трескъ онъ долженъ купить цѣною свободы и самостоятельности своихъ ученыхъ работъ, что теперь не самъ онъ будетъ руководителемъ занятій студентовъ, а они станутъ распоряжаться даже его выборомъ предмета для лекцій. Студентамъ тогдашняго времени, особенно множеству вольнослушающихъ недоучекъ, нужны были не ученые лекціи, а громкія забиравательныя фразы.

Молодой ученый, знавшій минувшую жизнь нашихъ предковъ, началъ сообщать на лекціяхъ очерки міеологіи и свѣдѣнія о древне-русскомъ народномъ міросозерцаніи; но эти прекрасныя ученія и живыя чтенія совсѣмъ не пришлись по вкусу студентамъ, потому что не били въ цѣль современнаго либерализма. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ, недолго думая, сразу порѣшили, что Шаповъ долженъ

взять другой, болѣе свѣжій предметъ и читать лекціи въ уровень съ иностранной наукой, т. е. отыскивать въ прошломъ русскомъ черты европейской жизни, въ родѣ вопроса о конституціи или „Исторіи развитія революціонныхъ идей въ Россіи“. Неопытный и горячій доцентъ дѣйствительно поддался на эту острую удочку и, вмѣсто научнаго изслѣдованія, вступилъ на скользкій, незнакомый ему путь современной политики и преобразованій. Впрочемъ, онъ поддался опасному искушенію не вдругъ: сперва попробовалъ не ходить въ университетъ на лекціи и не соглашался на убѣжденія студентовъ, а потомъ скоро соскучился по восторженной аудиторіи, гармонировавшей съ настроеніемъ его горячаго сердца. Тогда онъ сдѣлалъ уступку, хотя не вполне, именно: онъ распредѣлилъ лекціи поочередно, одну взялъ для преподаванія стариннаго міросозерцанія и суевѣрія, а другую для чтенія новой исторіи въ либеральномъ духѣ. Но эта жалкая уступка, какъ и слѣдовало ожидать отъ зазнавшейся молодежи, повела скоро еще къ худшему; стали раздаваться недовольные голоса: „къ чему онъ намъ читаетъ какую-то чепуху о міросозерцаніи? Пускай онъ ее броситъ и каждую лекцію посвящаетъ современнымъ русскимъ живымъ интересамъ!..“ Тогда поднялся невообразимый гвалтъ между студентами! Начали собираться сходки, совѣщанія и приговоры, пошли въ ходъ депутаціи съ разными предложеніями; студенты перессорились и раздѣлились на партіи, да, говорятъ, нѣкоторые изъ нихъ натравливалъ на Щапова одинъ изъ недоброжелательныхъ ему университетскихъ товарищей. Во время этого гама и кутерьмы, составилъ кружокъ независимыхъ студентовъ, которые стали доказывать, что взгляды на исторію у Аѳанасія Прокофьевича ложны, что вся его теорія есть вздоръ и фантазія и совсѣмъ не оправдывается фактами. Долго кричали, спорили и порѣшили вызвать его на состязаніе въ частную квартиру, гдѣ кругъ студентовъ будетъ развивать его изслѣдованія, а онъ обязанъ защищать ихъ фактически. Щаповъ обѣщался явиться вечеромъ на этотъ безпримѣрный диспутъ въ толпѣ студентовъ, но почему-то не пришѣлъ на сходку, что постарались объяснить его ученой слабостью и опасеніемъ неудачи въ спорѣ. Всѣ эти непріятности сильно раздражили Щапова и онъ серьезно грозилъ бросить университетъ, прекративъ тамъ чтеніе лекцій; но знакомые его студенты убѣдили не обращать вниманія на мелочныя выходки и ласково уговорили продолжать съ ними занятія. Тогда, опасаясь слишкомъ увлечься на поприщѣ свободныхъ чтеній открыто въ аудиторіи, онъ иногда въ угоду студентамъ писалъ особаго приготовленія и оттѣнка лекціи и читалъ ихъ на сходкахъ. Немудрено, что онъ, по заключеніи связи съ университетомъ, забылъ о своихъ грандіозныхъ ученыхъ планахъ и забросилъ даже тѣ знакомые пути, по которымъ прежде вѣрнымъ шагомъ шелъ къ дорогимъ умственнымъ открытіямъ.

Очевидно, эту погоню за двумя зайцами онъ не могъ не созна-

вать съ горечью; это раздвоеніе между наукой исторіи и между искусствомъ политики не могло не отзываться томительной тяжестью на его сердцѣ. Оставалось или взяться за умъ и идти научной прямой дорогой, или броситься очертя голову по стремнинамъ, пока столкнуть въ пропасть. При такомъ безвыходномъ настроеніи, психическое состояніе его становилось безотраднымъ; онъ дѣлался раздражительнѣе и мрачнѣе, пробовалъ злобными и рѣзкими выходками успокоить свою душу, но напрасно... Недовольство его еще болѣе возросло отъ горькаго сознанія, что, пожиная дешевые лавры въ кругу студентовъ, самъ онъ еще далеко не доучился до прочнаго положенія профессора; какъ ни слѣпила ему глаза блестящая слава, онъ хорошо могъ разглядѣть крайнюю односторонность собственнаго образованія. Такой двойной мучительный гнетъ заставлялъ его чаще бросаться въ омутъ пьянства, чтобы какъ-нибудь заглушить давящую его тоску и досаду...

Сознавая нѣкоторые изъ своихъ недостатковъ и желая многому поучиться, Щаповъ сильно стремился въ Москву и Петербургъ для занятій; поэтому сталъ хлопотать въ университетѣ о командировкѣ его и 12-го апрѣля подалъ факультету прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Осмѣливаюсь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ командировать меня, на предстоящее вакантное время, въ Москву и С.-Петербургъ для наиболѣе полной научной подготовки въ преподаванію русской исторіи въ казанскомъ университетѣ.

„Поѣздку въ столицы я нахожу крайне необходимою. Не получивъ университетскаго образованія и не слушавъ исторіи въ русскихъ университетахъ, я считаю полезнымъ познакомиться съ другими профессорами русской исторіи, какъ напр., Соловьевымъ, Костомаровымъ и съ ихъ практическимъ методомъ преподаванія.

„Для этой же цѣли мнѣ крайне необходимо заняться—въ Москвѣ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, извлечь, что найду нужнымъ, изъ библіотекъ московскихъ: университетской, академической и другихъ; въ Петербургѣ главнымъ образомъ заняться въ публичной библіотекѣ и въ археографической комиссіи.

„Такъ какъ давно слышно, что публичная библіотека въ Петербургѣ будетъ скоро закрыта по случаю перестроекъ, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить командировать меня въ поѣздку тотчасъ по открытіи навигаціи, если это будетъ признано нужнымъ“.

Но командировка эта не могла состояться, потому что въ концѣ того же мѣсяца Щаповъ высланъ былъ изъ Казани на казенный счетъ, помимо распоряженій университетскаго начальства, и долженъ былъ навсегда распрощаться съ должностью профессорской. Опасная игра, которую онъ повелъ въ современные вопросы со студентами университета, при его вспыльчивомъ и упорномъ нравѣ, постепенно развивалась съ усиленнымъ азартомъ. Какъ фанатикъ своихъ убѣж-

деній, онъ привыкъ высказывать ихъ не стѣсняясь; если бы даже грозили ему страданія за откровенность, онъ не посмотрѣлъ бы на нихъ, а только закалился бы въ своемъ стремленіи. Вотъ представился случай показать силу своего убѣжденія и явиться передъ студентами героемъ новыхъ идей—и онъ не задумался передъ страшнымъ прыжкомъ, стувившимъ благосостояніе всей его жизни и разцвѣтъ его умственной дѣятельности. Такъ минутное торжество безцѣльной политики убило на-посвалъ развитіе науки!

Примкнувъ къ университету, Аванасій Прокофьевичъ во всѣхъ своихъ лекціяхъ и статьяхъ старался проводить идеи о современныхъ преобразованіяхъ и стать публицистомъ. Въ Казани онъ уже выработалъ полно и широко свой цѣльный взглядъ на историческое движеніе русской жизни и выразилъ его въ „Ученой бесѣдѣ“, которую читалъ въ частномъ собраніи студентовъ университета 1861 г. Идеи и планъ ея тѣ же, какія развиты имъ въ другихъ сочиненіяхъ, только въ „Ученой бесѣдѣ“ ведется вопросъ о правильной постановкѣ современныхъ реформъ на древне-русскихъ началахъ.

„Клянусь, писалъ онъ, безъ основательнаго, жизненнаго пониманія исторіи нашего народа, безъ историческаго и историко-этнографическаго самосознанія, мы вдругъ не создадимъ полной реформы, которая обошлась бы безъ бунтовъ, удовлетворила бы всему народу или, вѣрнѣе, всѣмъ народамъ... Напрасно мы будемъ льстить себя надеждой создать что-нибудь новое или поддерживать отжившее, наперекоръ историческимъ основаніямъ; даже геніальное творчество, равно какъ и самая фанатическая любовь къ старинѣ, должны волей-неволей подчиниться закону исторической послѣдовательности... Наперекоръ исторической организаціи и жизни нашего народа, мы не создадимъ ничего прочнаго, новаго, не улучшимъ вдругъ быта нашего народа,—многое даже можемъ испортить, какъ и были уже опыты въ нашей исторіи. Мы только, при лѣнливомъ и во многихъ отношеніяхъ еще непочатомъ изученіи бытовой, внутренней исторіи нашего народа, мы только не знаемъ еще тайны потребностей, инстинктовъ, желаній, вѣковыхъ исканій нашего народа. А народъ выразилъ ихъ уже въ своей прожитой исторіи, выразилъ нестройно, несладко, только лишь естественно, потому что недоставало искусственности и раціональности, той европейской раціональности, какую долженъ былъ внести въ Россію Петръ Великій. Онъ внесъ это вспомогательное, существенно необходимое, начало нашей новой исторической жизни. Оно, хотя и сквозъ уродливыя, нестройныя историческія формы конца XVII и начала XVIII столѣтія, но внеслось, видѣлось въ нашу жизнь и дало ей европейское направленіе. И значеніе Петра тѣмъ кончено...

„Для Россіи настанетъ пора новаго историческаго, разумно-сознательнаго бытія! И вотъ почему, мнѣ кажется, въ наше время особенно необходимо всестороннее и глубокое историческое самосознаніе

наряду съ современнымъ политическимъ самосознаніемъ. Великая все-народная реформа народнаго самоуправленія тогда только удовлетвори- рить всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ народовъ, населяющихъ Россію, тогда только мирно водворится въ русской землѣ, когда бу- деть плодомъ нашего всесторонняго и глубокаго историческаго само- познанія и будетъ согласоваться съ историческимъ духомъ и харак- теромъ народа. А безъ всесторонняго историческаго самопознанія не- возможно глубокое политическое самосознаніе народное; слѣдовательно невозможно правильное и естественное удовлетвореніе всѣхъ его вы- сокихъ, обширныхъ и разнообразныхъ потребностей, развившихся втеченіе исторіи. Вотъ почему въ наше время жизненно необходимо глубокое и всестороннее изученіе исторической организаціи древней Россіи столько же, какъ и изученіе новой Россіи. Последняя органи- чески связана съ древней. Элементы древняго быта Россіи еще глу- боко коренятся во многихъ слояхъ нашего современнаго обществен- наго слоя... Недаромъ ученые и поэты молодой Россіи съ особенной симпатіей уносились въ міръ древней Россіи...

И вотъ, при такихъ мирныхъ думяхъ, когда Шаповъ пугался кровавыхъ сценъ при введеніи преобразованій, вдругъ недалеко отъ Казани возникли волненія по случаю освобожденія крестьянъ.

Когда манифестъ 19-го февраля 1861 г. разосланъ былъ по про- винціямъ и проникъ въ массы народныя по селамъ и деревнямъ, то- гда возникло много недоразумѣній между крестьянами. Каждого гра- мотнаго человѣка заставляли читать и толковать непонятныя мѣста, которыхъ встрѣчали весьма много. Естественное дѣло, что крестьяне охотнѣе вѣрили тѣмъ толкователямъ, которые болѣе обѣщали льготъ и выгодъ имъ, въ ущербъ помѣщикамъ; извѣстно, какъ за настоящее прямое толкованіе манифеста мужики сильно отколотили по шеѣ по- койнаго П. И. Якушкина, будто онъ не смыслить въ этомъ дѣлѣ; ясно, что у нихъ складывались собственныя своеобразныя объясне- нія. Къ тому же ожиданіе полной чистой воли отъ государя им- ператора смѣнилось недовѣріемъ къ манифесту, въ которомъ говори- лось о срочномъ обязательномъ выкупѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ. Явилось по мѣстамъ подозрѣніе, что настоящая золотая царская гра- мота спрятана помѣщиками и подмѣнена ими другою—фальшивою, составленною въ ихъ выгодахъ. По поводу этихъ слуховъ возникали сильныя недоразумѣнія и волненія въ Пензенской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ; но самый выдающійся бунтъ разгорѣлся въ с. Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. Тамъ раскольниковъ начетчикъ Антонъ Петровъ (по другимъ показаніямъ—Варсоно- фій) воспользовался недоразумѣніями между помѣщикомъ и крестъ- янами, сталъ во главѣ движенія недовольныхъ и еще болѣе подза- доривалъ ихъ къ упрямству и неповиновенію. „Земля Божья, твер- дилъ онъ, а человѣка Богъ поставилъ надъ дѣлы руку своею, владать землей, водой, звѣрями лѣсными и рыбами морскими. Гос-

пода противъ закона Божія хотѣли отбить землю у народа; земля Божья и душа Божья!..“ Собрались войска для усмиренія бунтовщиковъ; Антонъ Петровъ вышелъ къ народу со старой иконой на груди, сталъ на возвышеніе и убѣждалъ не сдаваться, а стоять за правду, какъ одинъ человекъ; на это зрѣлище стеклось множество любопытныхъ крестьянъ изъ окрестныхъ селъ взглянуть, чѣмъ кончится дѣло. Начались увѣщанія и убѣжденія; безоружная толпа стояла на своемъ упорно и отвѣчала отказомъ на приглашеніе разойтись; предъявили требованіе, чтобы крестьяне выдали Антона Петрова, какъ главнаго зачинщика бунта, но они не согласились. Сдѣланъ былъ залпъ изъ ружей — и сразу пало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ; тогда толпы народа въ ужасѣ бѣжали въ разныя стороны и бросились черезъ рѣчку, гдѣ многіе потонули второпяхъ, потому что весенній хрупкій ледъ ломался подъ ними.

Когда получена была въ Казани грустная вѣсть о несчастномъ безднинскомъ происшествіи, горькое и тяжелое впечатлѣніе произвела она, особенно въ кругу студентовъ, а Щаповъ впалъ въ страшное волненіе и плакалъ навзрыдъ объ убитыхъ невинно крестьянахъ, называя ихъ страдальцами и мучениками. Виновникомъ избіенія считали неумѣлое начальство, которое не могло говорить и убѣдить простодушныхъ и непонимающихъ людей. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ рѣшено было произвести манифестацію, т. е. отслужить торжественную панихиду по невинно убитымъ въ с. Безднѣ, а Щаповъ вызвался приготовить и сказать приличную случаю надгробную рѣчь. Панихида отслужена была послѣ вечерни въ вербное воскресенье, 16-го апрѣля, въ Куртинской городской кладбищенской церкви, а 17-го апрѣля разстрѣляли въ селѣ Безднѣ Антона Петрова. Вотъ подробности, какія сообщаетъ П. В. объ этой панихидѣ, какъ видно, весьма вѣрныя и точныя:

„Народу собралось очень много, преимущественно учащейся молодежи—университетскихъ и академическихъ студентовъ. Богослуженіе отпраздновалось соборно: двумя священниками и іеромонахомъ, въ сослуженіи діакона и іеродіакона ¹⁾. На краткихъ ектеніяхъ и возгласахъ священнослужители поминали „рабовъ Божіихъ, во смятеніи убійенныхъ“. На клиросѣ пѣли студенты академіи и университета, а вѣчную память пропѣли всѣ присутствовавшіе въ церкви моельщики. По окончаніи панихиды А. П. Щаповъ, взойдя на амвонъ, окруженный студентами, взволнованнымъ голосомъ произнесъ краткую, но весьма одушевленную и содержательную рѣчь, въ которой коснулся печальной безднинской исторіи. Эта рѣчь, произведшая на слушателей сильное впечатлѣніе и потомъ ходившая во множествѣ списковъ, и погубила энтузіаста-профессора... Что же касается до служившихъ панихиду священнослужителей, то, по распоряженію

¹⁾ Священникъ, іеромонахъ и іеродіаконъ были студентами академіи.

начальства, владбищенскій священникъ былъ переведенъ въ другой приходъ гор. Казани, а дьяконъ вовсе лишенъ былъ мѣста; студенты же академіи, священникъ, іеромонахъ и іеродіаконъ, принимавшіе участіе въ богослуженіи, разосланы были по разнымъ, болѣе или мѣнѣе отдаленнымъ, монастырямъ¹⁾).

Когда нужно было препроводить Шапова въ Петербургъ, попечитель князь Вяземскій, опасаясь волненій студентовъ при его отправкѣ съ жандармами, убѣдилъ доцента ѣхать изъ Казани для оправданія передъ высшими властями, не дожидаясь ареста. Шаповъ съ уваженіемъ относился къ Вяземскому и охотно согласился на его предложеніе; студенты завезли его къ фотографу и сняли портретъ, а 29-апрѣля, въ субботу на Пасхѣ, онъ двинулся въ путь. Было свѣтлое весеннее утро и толпы студентовъ академіи и университета пришли его проводить; они биткомъ набили его квартиру, корридоръ, сѣни и крыльцо академическаго флигеля. Прощаніе было трогательное и Шаповъ плакалъ горькими слезами. Часть студентовъ разѣлась по лодкамъ и изъ Подлужной слободы проводили его по разливу р. Казанки до самой пароходной пристани. Несмотря на всприскиванія и распѣванія, тяжелы были эти проводы: каждаго томила завѣдомо-горькая доля молодаго задушевнаго человѣка и даровитѣйшаго ученаго, который такъ мало царилъ въ университетѣ.

Грустная, надрывающая пѣсня, приспособленная къ случаю, далеко разносилась изъ груди студентовъ и замирала надъ воднымъ широкимъ раздольемъ:

„Вверхъ по Волгѣ рѣкѣ, къ Нижню городу
Снаряженъ стружокъ какъ стрѣла летить;
А на томъ стружкѣ, на снаряженомъ,
Удалыхъ гребцовъ двадцать два сидить.
Вотъ одинъ изъ нихъ, добрый молодецъ,
Призадумался, пригорюнился?“...

Жесткій практическій отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ на другой день, 30-го апрѣля. Переодѣтые жандармы не тревожили Шапова до самаго Нижняго-Новгорода; здѣсь, по выходѣ на берегъ съ парохода, нижегородскій полиціймейстеръ приказалъ его арестовать и препроводилъ съ жандармами на перекладныхъ до Москвы.

„Отлично и весело доѣхалъ до Петербурга“, рассказывалъ онъ мнѣ потомъ съ улыбкой; „жандармскій офицеръ былъ прекрасный человѣкъ; мы съ нимъ дорогой выпивали по маленькой и разсуждали о научныхъ историческихъ вопросахъ; онъ рассказывалъ мнѣ, какія мѣстности встрѣчались на пути и чѣмъ замѣчательны, а я вѣлъ путевыя записки о судьбѣ старинныхъ областей, по которымъ проѣзжалъ“. Дѣйствительно, эти наброски, пополненные въ клиникѣ, онъ читалъ мнѣ, и потомъ передѣлалъ ихъ въ большую статью, въ родѣ ради-

¹⁾ „Къ біографіи А. П. Шапова“, „Древн. и Нов. Россія“, 1876 г., № 9, стр. 104. Іеродіаконъ Мелетій сосланъ въ миссію въ Восточную Сибирь.

щевского „Путешествія изъ Москвы въ Петербургъ“. Но объ этомъ скажу въ свое время.

Въ маѣ 1861 г. пріѣхалъ въ Казань И. Г. Бибииковъ для производства слѣдствія надъ студентами университета, которые принимали участіе въ панихидѣ; но они единогласно отказались отъ присутствія на кладбищѣ и всю вину свалили на студентовъ академіи. Изъ синода присланъ былъ въ академію для разясненія дѣла особый слѣдователь; бывшіе при панихидѣ духовные студенты честно и откровенно дѣлали показанія на судѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, виновные въ соучастіи съ Щаповымъ, были выгнаты изъ заведенія.

VII.

Аѳанасій Прокофьевичъ въ Петербургѣ подъ арестомъ.—Освобожденіе его и причисленіе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.—Описаніе путешествія его изъ Казани въ сѣверную столицу.—Знакомство его съ литераторами.—Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго.—Отношенія Щапова къ современнымъ лицамъ и событіямъ: Герценъ, петербургская жизнь, польскій вопросъ, земскія учрежденія и проч.—Непріятныя отношенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ и отчисленіе Щапова.

Привезенный въ Петербургъ, Аѳанасій Прокофьевичъ посаженъ былъ въ III Отдѣленіе. „Отличная комната,—хвалилъ онъ потомъ въ свободѣ,—высокая и свѣтлая, въ три большихъ окна; а чистота такая, какой у меня не было въ квартирѣ (еще бы!)... Свои „Путевыя замѣтки“ я смаялъ въ комокъ, подрѣзалъ край тюфяка и заложилъ туда, а отъ скуки продолжалъ писать“... Здѣсь все допрашивали Щапова, кто былъ на панихидѣ изъ студентовъ университета, но онъ отозвался незнаніемъ ихъ, потому что и лекцій не пришлось тамъ читать полгода. Вскорѣ изъ III Отдѣленія по болѣзни перевели его въ офицерское отдѣленіе клиники профессора Заблוצкаго-Десятовскаго. Находясь тамъ мѣсяца полтора, онъ продолжалъ набрасывать свои „Путевыя замѣтки“ и занялся обработкой своихъ академическихъ лекцій о великорусскихъ областяхъ и смутномъ времени. Но у него еще появилась работа, которая вызвана была ходомъ его дѣла, когда изъ клиники онъ попалъ въ III Отдѣленіе: изъ уваженія къ таланту Щапова, взглянули на его казанскую выходку, какъ на увлеченіе молодости, и вмѣсто слѣдствія приказали написать подробное откровенное объясненіе, почему отслужена панихида, кто участвовалъ и т. п. Вотъ онъ и сталъ писать свою записку съ изложеніемъ исторической судьбы русскаго простонародья. Изобразивъ подробно прежнюю силу и значеніе народа въ исторіи Россіи, его права и участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ коснулся выборнаго самоуправленія и земскихъ соборовъ; потомъ нарисовалъ картину постепеннаго приниженія народа, отнятія правъ и участія въ распоряженіи

своими дѣлами, постепеннаго закрѣпощенія, тяготѣнія надъ нимъ боярщина и чиновника и вообще горько-слезной его жизни. Въ тяжелую пору жизни народъ выражалъ свой протестъ противъ насилія, но по непониманію чиновники такимъ жалобамъ придавали значеніе волненій и бунтовъ. Безднинскій бунтъ тоже произошелъ по недоразумѣнію и въ немъ, Шаповъ, возбудилъ искреннее горе: самъ по происхожденію изъ крестьянъ, онъ взглянулъ на убитыхъ, какъ на невинныхъ страдальцевъ, и рѣшился почтить ихъ память панихидой. Участвовавшихъ лицъ при служеніи изъ студентовъ онъ никого не помнитъ, и въ заключеніе чистосердечнымъ образомъ признавалъ свою вину и заявилъ полное раскаяніе.

Написанная горячо и задушевно объяснительная записка подана была шефу жандармовъ, понравилась искренностью, и Шаповъ безъ суда и слѣдствія былъ прощенъ, взятъ на поруки тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ, который хотѣлъ устроить прочно судьбу Шапова, чтобы онъ не покидалъ занятій по русской исторіи и могъ идти по широкой дорогѣ. Онъ назначилъ его чиновникомъ министерства по дѣламъ раскольничьимъ, далъ на первый разъ 600 рублей жалованья въ годъ и лично объяснилъ ему, что онъ можетъ свободно заниматься любимыми и полезными для него работами, не стѣсняясь никакими служебными обязанностями.

Въ видѣ наказанія за необдуманнѣйшій поступокъ, Аѳанасія Прокофьевича велѣно было выдержать подъ арестомъ при полиціи двѣ недѣли. Когда Шаповъ жилъ еще въ Казани, началъ посѣщать его въ 1859 г. извѣстный ученый юристъ П. А. Мулловъ, который встрѣтилъ его первый случайно на Невскомъ, по выходѣ на свободу. Прибывъ въ іюлѣ 1861 г. въ Петербургъ, въ августѣ, я встрѣтилъ своего товарища по академіи, Т. А. Г., который сообщилъ мнѣ, что Шапова только-что освободили изъ подъ ареста, и мы направились отыскивать его. Вечеромъ нашли его помѣщеніе въ меблированныхъ комнатахъ на Владимірской улицѣ, во второмъ домѣ отъ Невскаго, и дождались пока онъ пришелъ съ П. А. Мулловымъ. Онъ былъ въ отличномъ, веселомъ настроеніи духа и восторженно повѣствовалъ намъ о своихъ лѣтнихъ походахъ и о новомъ положеніи, въ которомъ очутился неожиданно. Видя, что Шапова безсовѣстно обираютъ, Мулловъ нашелъ ему квартиру въ домѣ Фридерикса, гдѣ самъ жилъ тогда, и на другой день мы перевезли его туда съ небольшимъ чемоданомъ и большимъ мѣшкомъ тетрадей и выписокъ, которыя возвратили ему изъ III Отдѣленія. Въ это время онъ чувствовалъ себя прекрасно, далъ полную волю своей фантазіи, что онъ весьма доволенъ, очутившись на жительство въ Петербургѣ, мечталъ, какъ онъ теперь возьмется за разработку новыхъ матеріаловъ для русской исторіи, съ какой быстротой онъ поглотитъ драгоценныя, разнообразныя и многочисленныя дѣла по расколу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и проч. Всѣмъ знакомымъ онъ твердилъ, что высылка

его изъ Казани такъ сильно подѣйствовала на него, что онъ совершенно измѣнился и въ три мѣсяца „выросъ и окрѣпъ въ душѣ, точно прожилъ 10 лѣтъ“.— „И это очень понятно, говоритъ его некрологъ. Изъ міра идей, въ которомъ онъ до сихъ поръ только и вращался, онъ попалъ прямо въ объятія самой суровой дѣйствительности и здѣсь опытно понялъ, что людскія отношенія въ мірѣ дѣйствительности укладываются не такъ стройно и гуманно, какъ въ мірѣ идей. Урокъ былъ суровый, но развивающій и полезный, а главное, былъ дѣйствительно не болѣе какъ урокъ“. Все это правда, но, къ сожалѣнію, этотъ урокъ не отрезвилъ Шапова, не прибавилъ ему ни малѣйшей доли опытности и практичности, не измѣнилъ склада его ума и характера; необузданная натура его осталась совершенно прежняя и онъ, какъ дикарь, очутился въ болѣе широкомъ кругу образованнаго общества. Его арестъ только содѣйствовалъ сильному развитію недоувѣрчивости и подозрительности, которыя стали проявляться въ немъ постоянно.

Водворившись въ новой квартирѣ, изъ двухъ комнатъ, въ домѣ Фридерикса, Аѳанасій Прокофьевичъ отвелъ уголокъ на полу около кровати для своей библіотеки, т. е. для мѣшка съ бумагами, и началъ разбирать ихъ; быстро выхвативъ свои скомканныя „Путевыя замѣтки“, онъ сталъ читать мнѣ изъ нихъ выдержки, а потомъ засѣлъ за ихъ обработку и видимо желалъ изъ нихъ воспроизвести новое „Путешествіе“ въ родѣ Радищева. Вышло у него нѣсколько большихъ писемъ, которыя отослалъ онъ въ Казань па память о себѣ своимъ бывшимъ слушателямъ, студентамъ университета, между которыми распространились они въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ обществу объ освобожденіи Шапова, стали появляться въ его квартирѣ издатели и литераторы: одни навѣщали смѣлаго профессора просто изъ любопытства, другіе съ цѣлью привлечь въ свой кругъ оригинальнаго писателя. Въ это время онъ познакомился съ А. А. Краевскимъ, который далъ ему впередъ денегъ и получилъ отъ него рукопись статьи „Великорусскія области и смутное время“, напечатанной въ „Отечест. Запискахъ“ 1861 г., №№ 10 и 11. Тогда онъ близко сошелся съ прежнимъ своимъ профессоромъ казанской академіи Г. З. Елисеѣвымъ и редакторомъ „Искры“ В. С. Курочкинымъ. На другихъ литераторовъ, искавшихъ его знакомства, онъ смотрѣлъ недоброжелательно и подозрительно. Вообще журнальная братія въ его глазахъ стояла низко, за немногими исключеніями; особенно онъ терпѣть не могъ тѣхъ записныхъ литераторовъ, которые судили и радили о дѣлахъ и нуждахъ Россіи, не зная и не понимая ея интересовъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ подъячими и чиновниками. „Развѣ они не такіе же борзописцы?“ говорилъ онъ язвительно. „Тѣ же безжизненные скрипачи пера! Какъ водовозныя влячи, вымучиваютъ изъ себя жалкія и ничтожныя мыслишки,

просиживая надъ пустяками цѣлыя ночи. За усердіе и трудолюбіе,— прибавлялъ онъ со смѣхомъ,— и жалованье получаютъ подъяческое: за 15 строчекъ три пятиалтынныхъ“. Забавная была комедія, когда литераторы стали осаждать постоянно квартиру Щапова и навязываться на знакомство, а онъ чуть не въ каждомъ подозрѣвалъ шпіона и старался поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ!...

Въ высшей степени сообщительный по натурѣ и привыкшій къ постоянному одобренію своихъ идей и плановъ въ кругу студенческомъ, онъ нуждался въ компаніи простыхъ знакомыхъ лицъ, чтобы подѣлиться своими замыслами, пересказать или перечитать начатую или задуманную статью, ея продолженіе и окончаніе. Отъ людей близкихъ онъ ничего не тайлъ и душа его всегда была на-распашку. Но избави Богъ, если въ такія откровенныя минуты вдругъ неожиданно появлялся какой-либо непрошенный гость изъ литературнаго міра, на котораго онъ смотрѣлъ недоувѣрчиво. Онъ обращался тогда съ недоумѣніемъ и съ вопросомъ къ товарищамъ: „Ну, зачѣмъ онъ отявился? Что ему отъ меня надо? Вотъ таскается народъ отъ бездѣлья!“... Послѣ этого, иногда злостно и дерзко начиналъ допекать посѣтителя, задѣвая его личность; или же съ досадою обрывалъ разговоръ, упорно молчалъ, не отвѣчая ни на какіе вопросы случайнаго гостя. Въ обоихъ случаяхъ положеніе прибывшаго становилось невыносимымъ и онъ, разумѣется, старался скорѣе освободиться отъ незаслуженной пытки. Впрочемъ, Левъ Камбекъ съ геройской стойкостью и отвагой выдержалъ не разъ всевозможныя атаки хозяина, зато жаловалъ въ квартиру Щапова, когда ему вздумается, и приводилъ подъ личнымъ своимъ покровительствомъ гостей, не давая ихъ ни въ какую обиду.

Осенью Щаповъ сталъ готовить объемистое историческое изслѣдованіе „О русскомъ дворянствѣ“, которое имѣло для него современемъ непріятныя послѣдствія.

Вотъ какимъ образомъ появилось это сочиненіе. Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1861 года помѣщено было стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ „Замѣтка“, въ которомъ онъ противопоставляетъ истинную чистую свободу свободѣ безобразной и мрачной.

„Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.

Есть благородная и чистая свобода,
Возвышенной души сокровище и страсть,
Святыня,—не попретъ ея судьбы невзгода,
Враждѣ людей—ея твердыни не потрясть.

Она любовь и миръ, и благодать, и сила,
Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
Я ей не измѣнялъ, и мнѣ не измѣнила.

Она: и сторожить домашній мой порогъ.

Я пребылъ вѣренъ ей подъ солнцемъ и подъ тучей,
Мнѣ внутренней броней она всегда была;
Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздъ падаучей,
При восходящей я не возносилъ чела.

Кто рабствуетъ страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ;
Свободу дай ему—онъ тотъ же будетъ рабъ;
Дай власть ему—въ чаду болѣзненно-мятежномъ,
Въ могуществѣ самомъ онъ молодужно слабъ.

Онъ недоверчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху;
Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ:
Душой свободенъ былъ Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подчасъ;
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ—пѣшехода,
Лѣнливой нищеты—къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу—того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго—къ законному суду.

Смѣшенъ сей новый Гракъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ и честь и все, что имъ сродни.
На всѣхъ сверкаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ, —
И, чтобъ вѣрнѣй любовь къ свободѣ доказать,
Онъ силится смотрѣть свирѣпымъ дикобразомъ
И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! Бѣдняжкѣ неизвѣстно,
Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть,
И мнѣня своего и убѣжденій честно
Держаться, а людей, пугая, не смѣшить.

.....

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
Кто свѣтель и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвитъ нахальной черни свистъ“.

.....

Трудно допустить, чтобы князь Вяземскій въ этомъ стихотвореніи мѣтилъ на опредѣленную какую либо личность; но между литераторами сложилось тогда убѣжденіе, что онъ изображаетъ здѣсь Щапова, о чемъ и сообщили послѣднему знакомые. Прочитавъ стихотвореніе въ концѣ сентября, онъ не сомнѣвался, что оно написано лично на его счетъ, и воспыалъ неудержимымъ гнѣвомъ противъ Вяземскаго; послѣ приличныхъ ругательствъ на словахъ, вмѣсто предисловія, онъ тотчасъ взялся за перо, чтобы написать князю отвѣтное письмо. Помню, начиналось оно приблизительно такъ: „Хорошо вамъ, ваше сіятельство, нѣжась у камина въ мягкихъ, уютныхъ бархатныхъ креслахъ, кропать вздорные стишоники для развлечения и въ

самолюбивомъ удовольствіи награждать себя разными добродѣтелями и хвалиться благородной и чистой свободой! Хорошо вамъ, имѣющимъ досугъ и возможность хоть по пяти разъ на день призывать къ себѣ парикмахера, съ презрѣніемъ бросать грязью въ тѣхъ труженниковъ, которымъ некогда причесать голову и не на что купить кусокъ мыла! А задумывались ли вы, чего стоитъ ваша дорогая свобода, данная вамъ другими, безъ всякаго труда съ вашей стороны? Далѣе идетъ разсужденіе, сколько тиранства испытали рабы князей Вяземскихъ, его предковъ, чтобы купить свободу потомку. Наконецъ, вообще слѣдуетъ историческій очеркъ происхожденія и состоянія русскаго дворянства, въ жилахъ котораго течетъ кровь татарскихъ мурзъ, мордовскихъ, армянскихъ, башеирскихъ князьковъ и нѣтъ ни капли крови русской“.

Когда Щаповъ прочиталъ это рѣзкое, беспощадное письмо своимъ пріятелямъ, они просили его не посылать ни подъ какимъ видомъ его къ князю Вяземскому, чтобы сразу не повредить себѣ тотчасъ послѣ освобожденія и не нажить враговъ въ средѣ крупнаго дворянства, которое особенно стало щекотливо послѣ освобожденія крестьянъ. Можетъ быть, онъ не посмотрѣлъ бы на эти доводы, но ему не хотѣлось оскорбить казанскаго попечителя, котораго онъ уважалъ, сына П. А. Вяземскаго; поэтому онъ и не отослалъ письма по назначенію, а только читалъ его нерѣдко своимъ знакомымъ. Потомъ онъ придалъ ему общій характеръ, началъ развивать и дополнять свои мысли о русскомъ дворянствѣ, собралъ много историческихъ данныхъ и, такимъ образомъ, статья разрослась впослѣдствіи въ большое историческое изслѣдованіе, которое Щаповъ предназначалъ къ печати. Но въ какое изданіе онъ ни обращался съ нимъ, нигдѣ оно не было пропущено цензурой.

Много безпокойства въ то же время надѣлало Щапову одно, по-видимому, ничтожное обстоятельство, которое онъ по неопытности совершенно упустилъ изъ виду, именно: забылъ формально уволиться изъ духовнаго званія. Когда кончилось слѣдствіе надъ студентами казанской духовной академіи и многимъ изъ нихъ опредѣлено наказаніе, тогда св. синодъ приговорилъ и Щапова, какъ принадлежащаго къ духовному вѣдомству и виновника панихиды на Куртинѣ, сослать въ Соловецкій монастырь на смиреніе. Много пришлось хлопотать, чтобы синодское опредѣленіе не приводилось въ исполненіе, а Щапову оно доставило сильныя непріятности и онъ совсѣмъ было сгоряча написалъ и подаль прошеніе, чтобы его сослали лучше въ Сибирь, а не въ заточеніе на Соловецкомъ „отокѣ окіана-моря“. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ приняли участіе въ Щаповѣ и доказали, что онъ, какъ прощенный государемъ императоромъ, уже не подлежитъ суду духовнаго начальства; простили ему даже взысканіе, которому онъ подлежалъ за растерянные казенныя рукописи соловецкія, взятые имъ изъ библіотеки казанской духовной

Для очерка воззрѣній и убѣжденій Шапова этой поры достаточно привести нѣсколько фактовъ изъ его отношеній къ современнымъ вопросамъ, лицамъ и событіямъ. Разъ зашелъ разговоръ о значеніи тайныхъ обществъ въ его присутствіи; передавали, что въ Петербургѣ учреждается такое секретное общество; онъ все время молчалъ и глубоко размышлялъ о чемъ-то. Но когда ему предложили вопросъ: не желаетъ ли онъ быть членомъ тайнаго общества? онъ высказалъ опредѣленно свой взглядъ: „Я думаю, что теперь пора тайныхъ обществъ миновала; прежде они могли приносить много пользы, чему разительнымъ доказательствомъ служить дѣятельность Н. Ив. Новикова; ну, а въ настоящее время, кажется, можно принести болѣе пользы, оставаясь явнымъ членомъ образованнаго и дѣятельнаго общества, чѣмъ тайнымъ. Надо говорить только просто, ясно и откровенно, безъ ужимокъ, и дѣло дѣлать начистоту, отъ полноты убѣжденія“. Однако, онъ скоро измѣнилъ свой взглядъ на современное значеніе тайныхъ обществъ въ Россіи, когда стали уничтожать воскресныя школы и закрыли „Шахматный клубъ“.

Осенью 1861 г. Шаповъ получилъ краткое, но любезное письмо отъ А. И. Герцена и былъ весьма доволенъ имъ, такъ какъ съ уваженіемъ всегда относился къ этому даровитому русскому ученому и литератору; съ другой стороны, самое содержаніе письма было очень лестно для молодаго историка. Въ обычныхъ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ Герценъ высказывалъ удовольствіе, съ которымъ читалъ его серьезныя историческія сочиненія, и просилъ продолжать неустанно работать съ прежней глубиной пониманія минувшей жизни нашихъ предковъ. „Вашъ свѣжій голосъ, заключалъ онъ, чистый и могучій, теперь почти единственный, отрадно раздается среди разбитыхъ и хриплыхъ голосовъ современныхъ русскихъ писателей и глубоко западаетъ въ душу“ и проч. Когда началась полемика М. Н. Каткова съ издателемъ „Колокола“, Аѳанасій Прокофьевичъ считалъ ее лишней и безцѣльной. Нерѣдко говорилъ онъ по этому поводу, что Герценъ давно заслужилъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, какъ талантливый философъ, глубокій романистъ и остроумѣйшій публицистъ—и не Каткову лишить его заслуженнаго значенія. Герценъ давно содѣйствовалъ распространенію свѣтлыхъ и гуманныхъ идей въ Россіи; всѣ русскіе молодые образованные люди втеченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ воспитались на его сочиненіяхъ и, кромѣ добраго, развивающаго вліянія, не испытывали никакого вреда. Какъ бы ни кричалъ Катковъ и ни усиливался забросать его грязью,—это ему не удастся: Герценъ заслужилъ благодарность своихъ питомцевъ и слава его навсегда упрочена. Личное раздраженіе и непристойная ругань московскаго профессора, обличая его безсиліе—уронить дѣла и взгляды противника, еще крѣпче убѣждать русскую молодежь въ справедливыхъ и гуманныхъ дѣйствіяхъ изгнанника и усиливать вѣру въ каждое его слово. Мнѣнія Герцена

объ освобожденіи крестьянъ съ землей и объ упроченіи русской общины показываютъ, что и послѣ многолѣтняго отсутствія изъ Россіи онъ не разучился смотрѣть прямо на интересы своего отечества. Разсуждая такимъ образомъ, онъ отправилъ за-границу Герцену свою статью „О русскомъ дворянствѣ“, которую не пропустила петербургская цензура; а въ своихъ „Думахъ“ отмѣтилъ, что онъ любитъ часто и долго смотрѣть на его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ полу-лежащемъ видѣ, облокотившись на руку, въ моментъ глубокой задумчивости, съ грустью гражданской, давно наболѣвшей и накипѣвшей въ сердцѣ.

Бойкая и суетливая петербургская жизнь привлекала сильно вниманіе Шапова и онъ любилъ разсуждать о ней съ экономической точки зрѣнія, что она истощаетъ на прихоти плоды трудовъ недостаточныхъ классовъ общества, что доходы въ свою пользу областныхъ городовъ, при чрезмѣрной экономической централизаци, весьма несообразны. Въ 1856 г. въ пользу 620 городовъ поступило доходовъ 11.537.607 р. сер., изъ нихъ доходы одного Петербурга составляли 3.637.385 р., а доходы 601-го города вмѣстѣ равнялись 3.650.967 р. сер. Картины социально-экономической жизни и неравномѣрное распределение богатства въ разныхъ слояхъ общества Петербурга онъ хотѣлъ изобразить въ особыхъ очеркахъ.

Рылѣвъ, который называлъ себя гражданиномъ, а не поэтомъ, сложилъ цѣлый рядъ „думъ“, выставляя силу и доблести русскихъ историческихъ дѣятелей съ древнихъ временъ; онъ привлекъ вниманіе Шапова, какъ Радищевъ, и ему захотѣлось, въ подражаніе Рылѣву, написать тоже цѣлый рядъ своихъ историко-политическихъ думъ. Началъ онъ эту работу въ пасхальную ночь 1862 г. и первой думѣ сообщилъ названіе: „Гражданская грусть“, но очерка этого не окончилъ. Между прочимъ онъ пишетъ: „И о чемъ только ни придумаешься, на что ни взглянешь, къ чему ни присмотришься въ нашей общественной жизни—все возбуждаетъ гражданскую грусть. Вотъ идешь по Невскому проспекту, и видишь самое скороспѣшное, безпокойное, неутомимое, вѣчно куда-то несущееся, торопящееся, рвущееся движеніе самыхъ пестрыхъ рабочихъ массъ, видишь молодыхъ ремесленниковъ въ запачканныхъ, засаленныхъ, оборванныхъ халатикахъ, учениковъ самаго чернаго неблагодарнаго труда, слышишь невольно исторгающееся, несущееся къ публичной гласности, самое невинное, игриво пущенное словцо, наивно срывающееся съ языка молодого парня, только-что освободившагося отъ гнетущаго труда, словцо, однако-жъ, самое жгучее, колкое глубокой правдой и самое язвительное для господъ богатыхъ... Что это такое, какъ не злая иронія рабочей нищеты и рабства противъ господскаго богатства, противъ двойнаго деспотизма—монопольнаго капитала и олигархическаго господства, преобладанья немногихъ господъ надъ огромными бѣдными массами? Что это другое, какъ не выраженіе уже сильно

накипающего, наболѣвающего въ сердцахъ, въ крови рабочихъ классовъ инстинктивнаго чувства озлобленія и мести, которое рано или поздно неминуемо должно разразиться страшнымъ социальнымъ переворотомъ?.. И что это такое, какъ не источникъ нашей родной грусти гражданской?!.“ Любимымъ предметомъ разговоровъ Щапова были повѣсти и сказанія о народныхъ возстаніяхъ, о старинныхъ разбойникахъ и о бунтахъ. Онъ часто касался вопроса о возможности повторенія подобныхъ явленій въ наше время и рѣшалъ его, смотря по настрою душевному: то онъ боялся скорого и крупнаго мятежа, то отрицалъ даже возможность его возникновенія и развитія.

Въ Духовъ день (мая 28-го) 1862 г. начались страшные пожары въ Петербургѣ, взволновавшіе все населеніе: сгорѣли Толкучій рынокъ, Щукинъ и Апраксинъ дворы, зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, множество дровяныхъ сараевъ и проч. Жители въ страхѣ за свое имущество, а погорѣлые въ отчаяніи, стали указывать на поляковъ и студентовъ, какъ на поджигателей. По этому поводу Аванасій Прокофьевичъ припоминалъ ряды лѣтописныхъ фактовъ о старинныхъ пожарахъ, часто разсуждалъ объ этомъ явленіи и хотѣлъ написать историческій очеркъ. Замѣчательно, по его словамъ, общее явленіе, которое повторяется въ Россіи при всѣхъ большихъ пожарахъ; народъ въ страшномъ переполохѣ теряетъ голову и ищетъ причины посторонней—въ поджогахъ злыхъ людей, а не въ горючемъ матеріалѣ строеній и не въ оплошности жителей. Поучительно слѣдить за обнаруженіемъ страстей человѣческихъ въ такое тяжелое время; въ древнемъ Новгородѣ считали поджигателями воровъ и грабителей, въ Москвѣ—высшихъ бояръ изъ иностранцевъ, а въ наше время—поляковъ и студентовъ. „Гласъ народа—гласъ Божій“, и доля исторической правды здѣсь существуетъ, но, разумѣется, не при каждомъ данномъ случаѣ; здѣсь надо изучать проявленіе вражды и ненависти разныхъ классовъ общества другъ къ другу. Въ Новгородѣ грабители могли и не быть поджигателями, а пользовались суматохой во время пожаровъ, врываются даже въ церкви, убивали хозяевъ имущества, снесеннаго туда для сохраненія, и грабили пожитки: „а злые люди пошли на грабежъ, все разграбили, что въ церквахъ, и сторожей убили“. Пожары всегда наводили ужасъ на жителей и они выселялись изъ города вонъ, забирая пожитки, обитали въ полѣ, на лугахъ, или жили въ лодкахъ на рѣкѣ по недѣлѣ и больше; погорѣвшіе съ горя вѣрили каждому слуху и жестоко расправлялись съ подозрѣваемыми зажигателями, чему иногда не вѣрили лѣтописцы. Такъ, въ 1442 г. въ Новгородѣ „люди, отъ скорби великой и смущаемые яростью, захватили людей и обвиняли, что они тайно ходятъ и зажигаютъ городъ и людей губятъ“; бросали ихъ въ огонь или въ Волховъ съ моста. Но лѣтописецъ прибавилъ: „справедливо ли говорили, Богъ вѣсть испытанія человѣческая“. Поразительный пожаръ Москвы, когда Грозный удалился на Воробьевы

горы, народъ приписалъ Глинскимъ,—будто Анна Глинская вынимала сердца человѣческія, съ волшебствомъ настаивала на нихъ воду и этой водой кропила дома въ Москвѣ и произвела страшный пожаръ. Какъ могъ повѣрить такой нелѣпой молвѣ народъ? А такъ же, какъ вѣрить теперь, что поляки поджигаютъ Глинскихъ, этихъ литовскихъ выѣзжанъ, народъ считалъ своими злыми врагами, способными сдѣлать ему всякое лихо... Впрочемъ, Шаповъ скоро оставилъ мысль писать о петербургскихъ пожарахъ, когда услышалъ, что объ этомъ предметѣ готовить статью Н. И. Костомаровъ.

По предубѣжденію, Шаповъ не любилъ великороссовъ и имѣлъ черезчуръ пристрастный взглядъ на Малороссію и на Сибирь; на послѣднюю смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейской Россіей. Такое лестное воззрѣніе лелѣялъ онъ до высылки его изъ Петербурга и передъ отъѣздомъ увѣрялъ меня по старой фантазіи, что онъ очень радъ отправиться въ Сибирь, гдѣ почва незараженная, приволье и раздолье. Но такъ какъ онъ Сибирь, Малороссію и Великороссію зналъ по книжкамъ, то и мечты его сразу разлетѣлись отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью: родной городъ его Иркутскъ показался ему адской тюрьмой, безъ образованныхъ людей, съ каторжнымъ населеніемъ, грубымъ и невѣжественнымъ.

При введеніи уставныхъ грамотъ, у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, появлялись нерѣдко недоразумѣнія, которыми хотѣли воспользоваться либеральные молодые люди, и возбуждали народъ къ волненію противъ помѣщиковъ. Они учили крестьянъ пѣть разныя вольныя пѣсни, наприм. „Долго насъ помѣщики душили, становые били“... Иногда разносили по селамъ фальшивые манифесты, подъ именемъ золотой грамоты царской, или подговаривали крестьянъ къ неповиновенію бывшимъ своимъ господамъ. Всѣ эти искусственныя средства Шаповъ считалъ дѣтскими, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что молодые полуобразованные люди совсѣмъ не знаютъ народа, и русскій простой крестьянинъ обладаетъ бѣльшимъ смысломъ, чѣмъ эти недоучки. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами крестьяне вязали своихъ благодѣтелей съ золотыми грамотами и отдавали въ руки полиціи. „Если я, говорилъ онъ, стоялъ за безднинскихъ крестьянъ, то прямо, открыто и безъ фальши; а ложь развѣ можетъ привести къ чему-либо доброму?“

Въ то время въ обществѣ ходячимъ и моднымъ былъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи; Аѳанасій Прокофьевичъ говорилъ о немъ не охотно, кажется, потому, что строго и опредѣленно не рѣшилъ его для себя; впрочемъ, онъ о полякахъ выражался всегда рѣзко, считая ихъ народомъ даровитымъ, но фальшивымъ. Когда же началось повстаніе извѣстной ночной рѣзней русскихъ солдатъ въ казармахъ поляками, онъ былъ сильно озлобленъ, предсказывалъ печальный исходъ возмущенія, а для русскихъ предвидѣлъ въ концѣ вредъ въ задержкѣ развитія нарождающихся свободныхъ учрежденій.

Когда въ поврежденных изданіяхъ 1862 г. начали появляться письма изъ Польши и западнаго края Россіи, въ которыхъ выражался задорный тонъ и забавное самовоскваленіе, описывались неправды на счетъ русскихъ нравовъ, порядковъ и угнетеній поляковъ, тогда Щаповъ возмущался глубоко искаженіемъ истины и грубыми колкостями, особенно намѣренными историческими подтасовками. „Такая ядовитая клевета, говорилъ онъ, завѣдомая ложь и дѣтская односторонность способны оттолкнуть отъ поляковъ всякаго честнаго человѣка, а русскій, какъ бы благосклонно ни относился къ нимъ, не можетъ ничего болѣе почувствовать, кромѣ ненависти и презрѣнія. Честные люди, хотя и угнетенные, не прибѣгаютъ къ езуитскимъ средствамъ, а могли бы жить въ любви и соединеніи, или въ конфедеративной связи“.

Вопросовъ иностранной политики Россіи онъ никогда не касался и считалъ ихъ для себя совершенно чуждыми, какъ вообще всю внѣшнюю исторію; онъ высказывалъ прямо, что его задача—„слѣдить за исторіей народа, жизни народной, за проявленіемъ собственно народныхъ стремленій, инстинктовъ, исканій, дѣйствій, страданій, движеній. Пусть историки государства, правительства, централизаціи, администраціи, войнъ, подробно разсказываютъ біографіи царей, про войны крымскія, турецкія, польскія, про московскіе приказы и петербургскія коллегіи и проч., и проч. Мы хотимъ знать въ историческомъ рожденіи, ростѣ и воспитаніи нашего народа одно только то, что тяжкое перестрадалъ, перенесъ народъ, чего хорошаго, истиннаго, живаго, свободнаго хотѣлъ онъ съ-молodu, со временъ вѣчеваго младенчества... Мы посовѣтуемъ лучше молодымъ воспитанникамъ, изучающимъ русскую исторію, выучить, вмѣсто нѣсколькихъ страницъ исторіи Устрялова, Важскую или другую какую-нибудь уставную грамоту, особенно общинно-областную челобитную объ излюбленномъ самоуправленіи“.

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ 1862 г. помѣщена была небольшая статейка—„Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи“, въ которой сопоставлялись взгляды Щапова и Соловьева на минувшую жизнь нашихъ предковъ, доказывалось, что теорія родоваго быта Соловьева разбивается въ прахъ, а изслѣдованія Щапова на счетъ областного быта превосходны, что „Исторія Россіи“ написана мертвымъ чиновничьимъ приѣмомъ, а немногія сочиненія Щапова проникнуты жизненнымъ народнымъ началомъ. По поводу этой статейки, которая видимо ему понравилась, онъ долго бесѣдовалъ на любимую свою тему, что исторія внутренней жизни много-милліоннаго народа должна совсѣмъ уничтожить внѣшнюю исторію чиновничью, военную и проч. Соловьевъ въ своей исторіи совсѣмъ не говоритъ о народѣ и не знаетъ его многострадальной дѣятельности и великой заслуги передъ потомками; онъ въ грамотахъ и актахъ не обращаетъ вниманія, о чемъ общины крестьянскія и посадскія

били челомъ, какіе у нихъ были интересы и стремленія въ данное время; а только слѣдить за тѣмъ, что приказали, какъ взглянули бодрѣ и чиновники на ихъ жалобы и требованія.

Крайности изложенія внѣшней стороны жизни исторической, особенно въ подкрашенномъ видѣ, надобѣли серьезнымъ людямъ, вызывая другую крайность—трудиться единственно надъ разработкой внутренней исторіи, имѣть въ виду исключительно жизнь народную и не обращать ни малѣйшаго вниманія на формы проявленія внутреннего движенія жизни, на научную разработку и критическую оцѣнку самихъ матеріаловъ.

Когда возникъ вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ Россіи, Аванасій Прокофьевичъ желалъ, чтобы создано было самоуправленіе на основаніи духа и смысла старинныхъ русскихъ общинныхъ учреждений и не для устройства только однихъ экономическихъ дѣлъ. Введеніе имущественнаго ценза, какъ не русскаго установленія, онъ считалъ непрочнымъ основаніемъ для созданія гражданскаго строя нашего отечества; онъ постоянно доказывалъ, что начала земскихъ общинныхъ міровъ, собраний и совѣтовъ давно практиковались русскими людьми, и пренебрегать ими будетъ большой ошибкой. Онъ, между прочимъ говорилъ приблизительно такъ:

„Историческіе корни отечественной старины съ живыми отростками, какъ бы ни были заглушены дикими чуждыми сорными растеніями, должны быть поливаемы живою водою; образованный садовникъ, основательно изучившій нашу старинную земскую дѣятельность, долженъ сознательно ухаживать за этими сочными корнями и отпрысками, очищать отъ всего наноснаго, давать просторъ свѣту, теплу и влагѣ, чтобы они развивались широко и свободно, росли стройно и укрѣплялись прочно на почвѣ земской жизни. Историческая жизнь должна развиваться органически по неизмѣнному праву и законамъ роста народнаго и тогда только принесетъ здоровые плоды“.

Онъ убѣждалъ, что земскія собранія и областные совѣты должны завѣдывать и управлять всѣми общественными дѣлами и служить для истиннаго, дѣйствительнаго благоустройства массъ народныхъ, для развитія хозяйства, образованія, правильной постановки суда и управленія. „Будучи устроены, писалъ онъ, изъ выборныхъ отъ всѣхъ деревушекъ, городовъ и областей или отъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ міровъ и мірскихъ сходокъ въ каждой областной общинѣ,—земскія собранія и областные совѣты равномерно распредѣляютъ по частямъ, по мѣстамъ благоустроительныя силы, средства и заботы; избиратели уполномочиваются заявлять, что имъ нужно, какъ и какими силами и средствами лучше устроиться и удобнѣе удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ, прямымъ, истинно извѣданнымъ на мѣстѣ нуждамъ“. Они собираютъ точныя данныя статистическія, географическія, этнографическія и, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ опредѣлять раздѣленіе или сляніе уѣздовъ и областей, какового требуетъ естествен-

ная жизнь народа, правильно устроить податную систему, мѣстное сельское хозяйство, развитіе образованія, поддержаніе народнаго здравія. „Далѣе, земскія собранія и областныя совѣты могутъ устроить земскія думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ міровъ или отъ городскихъ и сельскихъ сходокъ, избирать излюбленныхъ головъ, старостъ, судей, надзорщиковъ за благочиніемъ и вообще—устроить излюбленный самосудъ, самоуправленіе и полицейское самоохраненіе“.

Живыя мечты Щапова о плодотворныхъ занятіяхъ въ Петербургѣ, при богатѣйшихъ источникахъ по русской исторіи, очень быстро охладѣли и разлетѣлись въ прахъ. Съ самаго уже начала, онъ сталъ посѣщать министерство внутреннихъ дѣлъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ чиновниковъ, дѣятельность которыхъ считалъ бездушной и негодной, и возвращался всегда оттуда недовольный, сумрачный и озлобленный. Оказалось, что во время его знакомства съ богатымъ архивомъ по дѣламъ раскола, чиновники любили бесѣдовать съ нимъ о разныхъ сектахъ, давали множество вопросовъ, чтобы вывѣдать его воззрѣнія и узнать о складѣ убѣжденій. Такое отвлеченіе его отъ работы онъ приписывалъ не одному только простому любопытству; нѣкоторыя дѣла необходимо было взять ему для просмотра на домъ, но сначала давали ихъ ему съ какимъ-то для него непонятнымъ разборомъ. Все это для него, настроеннаго подозрительно и недовѣрчиво въ отношеніи чиновниковъ, казалось чѣмъ-то ужаснымъ; его даже сильно раздражало любезное желаніе нѣкоторыхъ искренно съ нимъ познакомиться. Случалось, впрочемъ, что многіе изъ чиновниковъ, вызывая его на откровенный разговоръ, внутренне подсмѣивались надъ прямымъ, беззавѣтнымъ образомъ мыслей и рѣзкими сужденіями, неслыханными ими; онъ крестилъ иногда безпошадно ихъ департаментскихъ дѣятелей, считавшихъ себя свѣтилами и знатоками всей широкой Россіи. Особенно не щадилъ онъ ихъ бюрократически-щекотливаго самолюбія при слѣдующемъ забавномъ случаѣ.

Разъ пришелъ Щаповъ въ департаментъ. Подошли къ нему чиновники и одинъ, вооруженный бумагами, сообщилъ, что въ Пермской губерніи появилась новая небывалая секта раскольниковъ, такъ что они затрудняются, къ какому разряду отнести ее, и просилъ у него разъясненія. Затѣмъ онъ сообщилъ подробно, по мѣстному отношенію и описанію, что на большой дорогѣ стоитъ зеленая ветла, а съ листьевъ ея съ самой вершины и по сучьямъ капаетъ чистая вода; на одномъ суку поставлена икона Божіей Матери, которой молятся прибывающіе богомольцы и кладутъ деньги около ветлы. Этого мало: стекаются люди во множествѣ и по вечерамъ смотрятъ на вершину дерева, увѣряя другъ друга, что явится сама Богородица, какъ многіе ее уже будто бы видали... Выслушавъ объясненіе, Щаповъ сталъ доказывать, что въ этомъ оригинальномъ происшествіи не обнаруживается никакого признака сектантства и раскольниковъ толка, и

этимъ поставилъ въ-тупики чиновниковъ, которые продолжали настаивать на открытіи новой секты. Тогда онъ не выдержалъ и, какъ рассказывалъ мнѣ, сталъ говорить прямо, что они управляютъ судьбами русскаго народа и слѣдятъ даже за движеніями его сердечными и религіозными, а совсѣмъ не понимаютъ степени его развитія и характера воззрѣній: каждый православный крестьянинъ то же дѣлаетъ чуть не ежедневно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что наблюдали около ветлы въ Пермской губерніи. Какому-нибудь невѣждѣ или пьяному становому приставу и исправнику можетъ влѣзть въ голову такое дикое мнѣніе, а чиновникамъ министерства стыдно и непростительно вѣрить ихъ донесеніямъ.

Аванасій Прокофьевичъ и раньше терпѣть не могъ официальныхъ безжизненныхъ сочинительствъ и бюрократическихъ лабораторій, секретныхъ для народа; а теперь и въ разговорахъ, и въ статьяхъ возставалъ противъ теоретическо-механическихъ многосложныхъ регламентацій и казенныхъ проектовъ, которыми воображали теоретики-эгоисты облагодѣтельствовать Россію, всецѣло убивая саможизненную выработку быта, свободное самоуправство и саморазвитіе жизни народной. „Пусть кабинетная, сухая, черствая, подъ-часъ даже безсердечно-холодная отвлеченность разсуждаетъ объ абстрактной государственной идеѣ и глумится надъ идеей живаго народа; но, обращаясь къ дѣйствительному государственному положенію нашихъ провинціальныхъ общинъ, провѣря лично, самоспѣтно, собственнымъ наблюденіемъ, дѣйствительный жалкій бытъ, дѣйствительныя нужды огромныхъ массъ народонаселенія, — мы все-таки никакъ не можемъ помирить живаго горя-злосчастія народнаго съ безжизненно-абстрактной, кабинетной государственной идеей!.. Опытъ показываетъ всю несостоятельность или неудобоприложимость центрально и секретно-бюрократическаго рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ, сочиненія мѣстныхъ учреждений... Хотя и грустная, но положительно извѣстная историческая и современная правда, что массы провинціальнаго земства почти всегда питали чувство оппозиціи, недовѣрія, антипатіи и антагонизма къ существующему бюрократическому губернско-областному управленію и приказному начальству“. — И вотъ онъ, бывало, съ досады никакъ не можетъ придумать довольно характеристическихъ выраженій для деревянныхъ бюрократовъ, по милости которыхъ несчастные провинціалы переносятъ бездну мученій, испытываютъ разоренье, тратятъ здоровье и спокойствіе. „Въ петербургскихъ присутствіяхъ, восклицалъ онъ, валяются сотни вопіющихъ провинціальныхъ горько-слезныхъ народныхъ дѣлъ, безсердечно, безучастно переписываемыхъ бюрократическими борзописцами, скрипачами живаго горя народнаго, или недвижимо лежащихъ въ пыльных связкахъ, или безъ рѣшенія сдаваемыхъ въ архивъ“. Въ декабрѣ 1861 года онъ написалъ очеркъ „О русскомъ управле-

ни XVIII вѣка“, гдѣ досталось сословно-корпоративному характеру дѣятельности чиновниковъ.

Съ той поры Щаповъ рѣдко сталъ заглядывать въ министерство, развѣ какое-либо раскольничье дѣло надо было взять на квартиру или получить жалованье, хотя связь его съ министерствомъ окончательно не разрывалась; но что особенно вооружило его противъ министерства, это—полная зависимость въ цензурномъ отношеніи: каждую статью, приготовленную для печати, онъ обязанъ былъ доставить прежде на просмотръ и одобреніе министерства. Тамъ выбрасывали рѣзкія мѣста въ его сочиненіяхъ, а нѣкоторыя статьи совсѣмъ не дозволяли печатать; это обстоятельство приводило его въ злость; онъ пересталъ ходить въ министерство даже за жалованьемъ, которое присылали ему на домъ съ курьеромъ. Окончательный разрывъ произошелъ, если не ошибаюсь, изъ-за статьи „О русскомъ дворянствѣ“, которая шла въ-разрѣзъ съ цѣлями партіи журнала „Вѣсти“ Скарятина и произвела самое непріятное впечатлѣніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тогда совсѣмъ прекратили выдачу жалованья Щапову, перестали присылать его на квартиру, а потомъ пришло извѣстіе, что онъ отчисленъ отъ министерства.

Считая себя передовымъ вожакомъ, расчистившимъ историческія дороги прямоѣзжія, по которымъ должно ровно и правильно идти самоустройство и развитіе внутренней народной жизни, — Щаповъ ожидалъ, что министерство съ благодарностью воспользуется его указаніями для улучшенія быта крестьянъ. Не тутъ-то было: чиновники даже съ недовольствомъ отнеслись къ его новымъ открытіямъ и считали ихъ опасными фантазіями. А было недавно золотое время, когда сотни студентовъ восторгались новыми блестящими идеями! Поэтому въ некрологѣ совершенно справедливо объясняется причина недовольства Щапова министерствомъ перемѣною къ худшему его положенія. „Если бы Щаповъ прямо изъ духовной академіи былъ взятъ и поставленъ на эту дорогу, то, быть можетъ, онъ остался бы вполне доволенъ ею, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ,—потому что она давала ему матеріалъ для работъ по русской исторіи, матеріалъ самый богатый, разнообразный и притомъ современный, какого онъ не могъ бы нигдѣ болѣе найти. Но теперь это было поздно. Послѣ тѣхъ триумфовъ, которыми сопровождалась каждая его лекція въ казанскомъ университетѣ, онъ не могъ довольствоваться одной кабинетной работой... Ему нужны были люди, которымъ онъ могъ бы лично сообщать результаты этой работы, могъ бы лично видѣть, какъ въ нихъ зажигается его мысль, какъ она постепенно овладѣваетъ ими, какъ по мѣрѣ его одушевленія растетъ ихъ одушевленіе; однимъ словомъ — ему нужна была громадная аудиторія, напряженное вниманіе слушателей, восторженные лица... Ничего этого Щаповъ не могъ найти въ отдѣленіи расколовъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ чиновника, и онъ пересталъ туда ходить.

Мало того: самое имя чиновника ему стало противно. Нельзя не упомянуть здѣсь слѣдующаго курьеза. У Шапова былъ завадичный другъ чиновникъ, котораго Шаповъ очень любилъ и съ которымъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ. Этотъ другъ служилъ Шапову козломъ отпущенія за всѣхъ чиновниковъ, за весь чиновничій міръ. Какъ только Шаповъ выпьетъ, такъ онъ начинаетъ допекать своего друга за его чиновничьи воззрѣнія, чиновничью логику, за тупость и бессмысленность основъ ея. Этого мало: всякому встрѣчному объясняетъ, что другъ его—такой человѣкъ, съ которымъ ни разговора вести, ни жить вмѣстѣ, ни дѣла никакого дѣлать невозможно. На другой день, однако-жъ, и Шаповъ и другъ его опять, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ, и опять у нихъ, что называется, лень не дѣлентъ“. („Отеч. Зап.“ 1876 г., № 5. „Внутр. Обзор.“, 181). Вообще, какъ на черту характера Аѳанасія Прокофьевича, можно указать, что онъ любилъ сближаться съ людьми смиренными и безотвѣтными, которыхъ бы можно было при случаѣ избранить, а они смотрѣли бы на эту временную шалость безобидно.

VIII.

Литературные замыслы и знакомства Шапова.—Недовольство его журнальной работой.—Строгости цензуры.—Неладья его съ редакторами.—Желаніе примкнуть къ кружку сотрудниковъ „Современника“.—Развитіе страсти къ пьянству.—Дачное житіе въ Павловскѣ.—Газета „Очерки“.—Донось Ничипоренко.

Когда Аѳанасій Прокофьевичъ передалъ рукопись „О земскихъ соборахъ“ А. А. Краевскому (напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., № 3),—онъ задумалъ приготовить рядъ мелкихъ статей изъ русской исторической жизни по разнымъ ея отраслямъ, въ память ожидаемаго празднованія тысячелѣтія Россіи. Онъ намѣтилъ широкую программу для этихъ очерковъ, чтобы между ними находилась тѣсная связь, и съ энергіей приступилъ къ работамъ; онъ приготовилъ два очерка: „О русскихъ раскольникахъ“ и „О русскомъ управленіи XVIII в.“, но далѣе этотъ замыселъ не приводилъ въ исполненіе по нѣкоторымъ постороннимъ обстоятельствамъ. О времени приготовленія очерка „О русскихъ раскольникахъ“ самъ историкъ прибавилъ, когда коснулся общихъ раскольничьихъ совѣтовъ: „Со всѣмъ этимъ я познакомлю своихъ читателей уже въ статьѣ—„О земствѣ и расколѣ“. Слѣдовательно, очеркъ этотъ написанъ до 1861 г., когда появилась статья „О земствѣ и расколѣ“; другой очеркъ „Объ управленіи XVIII вѣка“ Шаповъ читалъ мнѣ въ декабрѣ 1861 г. при самомъ его составленіи. Оба эти очерка имѣютъ между собою внутреннюю связь и дополняютъ другъ друга. Хотя не представляютъ они большой новости для читателей, знакомыхъ съ другими его капитальными произведеніями, но и теперь, спустя 20 лѣтъ послѣ ихъ сочиненія, они

не лишены научнаго значенія, важны для исторіи литературы шестидесятых годовъ и для характеристики ихъ автора. Эти очерки онъ назначалъ въ будущій журналъ или еженедѣльную газету „Мірской толкѣ“, которую хотѣла издавать компанія литераторовъ на паяхъ съ 1862 года; Щаповъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе и радовался, что будетъ свой литературный органъ пріятельскій. Составлена была программа, разосланы во множествѣ письма разнымъ лицамъ, съ приглашеніемъ и просьбой сообщать свѣдѣнія изъ провинцій и принимать участіе въ газетѣ; направленіе должно было по серьезному и дѣльному тону походить на „День“ И. С. Аксакова.

Редакторомъ предполагался Г. З. Елисеевъ и дѣло настроено было на лучший ладъ; но „Мірской Толкѣ“ не былъ разрѣшенъ, къ сожалѣнію артели литературной.

Въ Петербургѣ въ это время обыденная и внѣшняя жизнь Щапова и способъ занятій оставались прежняго склада и характера: если онъ не кутилъ, то по своей страстной натурѣ занимался заповоемъ, быстро писалъ сочиненія прямо набѣло и дѣлалъ на широкихъ поляхъ тетради частыя вставки и поправки; онъ просиживалъ по обычаю дни и ночи чуть не напролѣтъ, когда увлекался предметомъ изслѣдованія. Выпивъ порядкомъ, онъ совсѣмъ неспособенъ былъ работать и только говорилъ съ жаромъ цѣлый день безъ умолку, даже иногда оставаясь одинъ безъ слушателей. Къ развлеченіямъ и общественнымъ увеселеніямъ онъ прибѣгалъ рѣдко; театръ посѣщалъ раза два—три въ годъ и то большею частью съ знакомыми; до музыки былъ небольшой охотникъ, но зато сильно любилъ русское пѣніе и пляску. Иногда невинная шутка съ серьезнымъ отгѣнкомъ могла доставить ему большое удовольствіе, особенно простонародная острота. Помню, кто-то изъ знакомыхъ Аѳанасія Прокофьевича, не заставъ его дома въ новый годъ, подбросилъ ему подъ дверь свою визитную карточку съ надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ такой-то. Годъ и число“. Эта подпись съ фамиліей цензора, не пропустившаго нѣсколько статей его, пришлась ему по душѣ и долго онъ показывалъ карточку посѣтителямъ, какъ удачный образецъ остроумія.

„Шахматный клубъ“ очень нравился Щапову, хотя онъ заходилъ туда на обѣды и вечера очень рѣдко; не часто также онъ посѣщалъ ученыхъ и литераторовъ, бывалъ у Н. И. Костомарова, А. Н. Пыпина, В. С. Курочкина, М. И. Семевскаго и немногихъ другихъ; любилъ проводить время дома въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ, или въ квартирѣ Г. З. Елисеева. Въ январѣ 1862 г. Н. Г. Помяловскій просилъ меня познакомить его со Щаповымъ; я пригласилъ ихъ къ себѣ на вечеръ, который провели они въ серьезныхъ душевныхъ учено-литературныхъ разговорахъ и между прочимъ долго горевали, что не разрѣшили издавать газету „Мірской

Толкъ". Помяловскій выражалъ мысль—нарисовать картину быта провинціальныхъ духовныхъ училищъ и семинарій, говорилъ, что для этихъ очерковъ получилъ отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ богатые матеріалы и просилъ объ этомъ Аѳанасія Прокофьевича; тотъ обѣщалъ изобразить житье-бытье въ иркутской бурсѣ, и дѣйствительно въ послѣдствіи написалъ очеркъ и напечаталъ въ „Искрѣ“, хотя безъ окончанія. Помяловскій рассказывалъ, что онъ обрабатываетъ комическую повѣсть о разной оцѣнкѣ судомъ фیزیономіи различныхъ лицъ при нанесеніи удара; а Щаповъ выражалъ желаніе написать полную исторію культуры русскихъ областей. У того и у другого замыслы были очень широкіе. Но передъ самымъ отъѣздомъ ученые разговоры чуть не закончились ссорой: они начали отнимать другъ у друга кредитные билеты, по десяти рублей, и изорвали ихъ въ клочки, чтобы они никому не доставались.

Привыкшіи постоянно относиться ко всему серьезно, глубоко задумываться надъ всѣмъ, что увидить или къ чему прислушается, Аѳанасій Прокофьевичъ вѣчно настроенъ былъ на грустный ладъ; поэтому и самыя развлеченія, вмѣсто успокоительнаго вліянія, нерѣдко раздражали его впечатлительную душу. Въ думѣ „Гражданская грусть“ онъ сознается, что гражданская скорбь преслѣдовала его безпрестанно всюду, давила сердце, а безотвязная дума напрягала поминутно голову, и никакія развлеченія не въ состояніи были заглушить ихъ. Отъ музыки и пѣсни становилось ему тошнѣе и безотраднѣе, и не развлекали его общественныя гулянья; онъ пишетъ: „Заиграйте заунывно, грустно, печально, запойте протяжно, заунывно, и грусть гражданская будетъ еще усиленнѣе, глубже сосредоточится, уйдетъ внутрь сердца, и оно занеетъ, занеетъ. Или вотъ такъ бы сѣлъ и излилъ ее перомъ въ элегической думѣ; но набросашь отрывокъ, и онъ ее не выражаетъ, потому что она непрерывна, цѣльна, всеобъемлющая. Пойдешь въ гости, въ общество, на общественное гулянье: грустная задумчивость, молчаливая самоуглубленность, самосредоточенность и тихая грустная внутренняя работа мысли и сердца составляютъ и тамъ потребность твоей натуры, даютъ преобладающій тонъ всему твоему поведенію, мотивъ твоимъ рѣчамъ, движеніямъ, пищу думамъ. Среди самыхъ сильныхъ, заглушающихъ движеніе души развлеченій, все чувствуется, тяготѣетъ на днѣ, въ глубинѣ сердца какая-то грусть, какое-то недовольство, въ біеньи сердца слышится тайный голосъ: не то, не такъ, нѣтъ того!.. И придешь домой съ большей грустной настроенностью, тоской, и еще больше погрузишься въ основную господствующую грусть сердца. Только сядешь что нибудь читать или писать, и найдешь успокоеніе, развлеченіе. Нѣтъ, и тутъ, и когда читаешь такія страницы, или пишешь о такихъ предметахъ, которые раздражаютъ сердце гражданской грустью или до слезъ, или до озлобленія“...

Когда не былъ разрѣшенъ къ изданію „Мірской Толкъ“ въ мартѣ

1862 г. артель литераторовъ приобрѣла отъ П. И. Вейнберга упавшій „Вѣкъ“ и начала издавать его еженедѣльно цѣлыми тетрадами. Кромѣ Шапова, въ „Вѣкѣ“ принимали участіе два брата Курочкины, два брата Потѣхины, А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій, П. А. Бибиковъ, П. М. Боклевскій, А. Ф. Головачевъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, П. А. Мулловъ, М. М. Стопановскій, Н. В. Успенскій, П. И. Якушкинъ и нѣкоторые другіе. Редакторомъ былъ Г. З. Елисеевъ и повелѣ изданіе на первыхъ порахъ дѣлать; но скоро возникло разногласіе между участниками, такъ какъ нѣкоторые желали выбрать другого редактора. Собирались на совѣщаніе и Шаповъ проводилъ мысль, что въ артеляхъ крестьянскихъ выборъ коновода или старосты дѣлается излюбленнымъ путемъ и убѣждалъ этого приѣмъ употребить и здѣсь. Но Г. З. Елисеевъ отказался отъ редакторства и „Вѣкъ“ прекратился, просуществовавъ подъ новой редакціей только три мѣсяца. Афанасій Прокофьевичъ успѣлъ помѣстить въ немъ, нѣсколько прекрасныхъ историческихъ очерковъ: „Сельская Община“ (№ 1—6), „Земство“ (№ 7—8), „Русскіе самородки“ (№ 9—10), „Земскіе соборы XVII столѣтія“ (№ 11), „Городскіе мірскіе сходы“ (№ 12, марта 15).

Въ статьѣ „Сельскій міръ и мірскій сходъ“ (отъ 1-го апрѣля, №№ 13—14) Шаповъ разъясняетъ кругъ дѣйствія этой общинной единицы управленія древней Россіи. Міръ въ волостяхъ и селахъ былъ полноправный государь: какъ законодатель, онъ чинилъ указы, издавалъ заповѣди или мірскія уложенія, даже по вопросамъ религіознымъ; онъ избиралъ земскихъ головъ, старостъ, судей и проч.; распоряжался земельными участками, отводилъ черезъ своихъ выборныхъ пустопорожнія земли подъ усадьбу и подъ пашню; какъ полноправный хозяинъ, собиралъ деньги съ волостныхъ деревень и распоряжался ими; онъ непосредственно сносился съ правительствомъ черезъ своихъ излюбленныхъ, совѣщаясь межъ себя, а старосты выполняли земскія дѣла „во всѣхъ мѣсто“. Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ областныя земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительственный элементъ; мірское самоуправленіе больше и больше стало ограничиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тіуновъ, кормленщики царскіе нарушали земское право и мірской самосудъ, и чинили продажи великія. Начался общій вопль противъ приказныхъ и Іоаннъ IV велѣлъ опять волостямъ управляться чрезъ лицъ излюбленныхъ, по уставнымъ грамотамъ сельскихъ общинъ, „кому и какъ у нихъ мочно“. Выборные волостные земскіе судьи имѣли мірское полномочіе контролировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостей, кормленниковъ; міръ посылалъ на судъ приказныхъ добрыхъ судныхъ мужей, особыхъ довѣренныхъ своихъ людей, и могъ казнить ихъ въ случаѣ вины. Только при такомъ полно-жизненномъ и свободномъ самораз-

витіи богатыхъ волостныхъ селъ, взыщется въ захоlustяхъ русскихъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д.

Мірской сходъ собиpался въ земской или въ сѣздной избѣ, въ судной избѣ или въ трапезѣ церковной, и староста рѣшалъ дѣло, „поговоря со всѣмъ міромъ“; сельскіе сходъ соединялись въ одинъ общій волостной мірской сходъ. „Не распространяясь о томъ, говорить Щаповъ, какіе вопросы крестьяне рѣшали на мірскихъ сходахъ, мы считаемъ важнымъ сохраненіе извѣковѣчнаго принципа сходовъ, призваніе ихъ къ самостоятельности, самоуправленію и самосуду. Пожелаемъ мірскимъ сходамъ больше простора, свободы въ своемъ саморазвитіи, а крестьянамъ больше правъ свободного пользованія землями, лѣсами и другими источниками народнаго богатства, простора для торгово-промышленнаго саморазвитія, возрастанія богатыхъ селъ на степень городовъ, безъ искусственнаго указнаго вмѣшательства“.

Оторвавшись отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Щаповъ долженъ былъ посвятить всю свою дѣятельность и трудъ на занятія литературой, потому что всякая ученая дорога для него была закрыта. Сначала онъ былъ доволенъ, что раздѣлался съ зависимымъ положеніемъ и вышелъ изъ двусмысленнаго состоянія; но вскорѣ журнальныя занятія оказались для него несподручными и тяжелыми, мелочными и противными. Самолюбіе его постоянно раздражалось, что онъ оказался въ ряду литераторовъ обыкновеннымъ чернорабочимъ поденщикомъ, тогда какъ среди ученыхъ дѣятелей занималъ первостепенное мѣсто. Теперь онъ почувствовалъ, что литературное поприще отвлечетъ его навсегда отъ истиннаго призванія и свѣтлой цѣли въ жизни, и серьезно ученый трудъ, долгій и плодотворный, становится для него невыносимымъ. Тонкій анализъ и историческое чутье, громадный талантъ къ систематизаціи, подзадоривали его прокладывать въ наукѣ новые пути или освѣщать темныя стороны минувшей жизни нашихъ предковъ; но обыденная нужда не давала свободы и простора для любимой дѣятельности, а заставляла волея-неволей братья за предметы насущнаго вкуса и легкой временной потребности прихотливой публики.

Слѣшныя журнальныя работы по заказу и къ сроку вовсе были не по сердцу Щапова и скоро надоѣли ему; сухія ученые статьи готовы не годились для читателей журналовъ: ихъ надо было исправлять, подтягивать содержаніе къ современнымъ интересамъ и становиться на ходули, чтобы онѣ сдѣлались доступнѣе и удобочитаемѣе. Отсюда является незрѣлость соображеній и порча прежнихъ прекрасныхъ историческихъ сочиненій и лекцій, постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же разсужденій и выраженій во многихъ статьяхъ. Такія литературныя работы изъ-за куска хлѣба возбуждали сильнѣйшія жалобы и сожалѣнія Щапова, которыя онъ много разъ

выражалъ при мнѣ съ глубокой горестью, что необходимость заставляетъ его пережевывать старые очерки и давать читателямъ недопеченныя статьи. „Если бы позволяли средства, говорилъ онъ въ глубокомъ горѣ, съ какимъ бы я удовольствіемъ засѣлъ за сочиненія чисто ученаго характера, безъ всякихъ прикрасъ и кокетства! Величайшую глупость я сдѣлалъ, что напрасно погорячился въ Казани и оторвался отъ университетской дѣятельности: сколько бы дѣльныхъ ученыхъ изслѣдованій могъ приготовить и сколько пользы могъ бы принести образованію молодого поколѣнія! Университетъ меня совсѣмъ было уже командировалъ для ученыхъ занятій въ Москву и Петербургъ; а теперь неволя заставляетъ пускаться въ литературу и открывать мелочную лавку!..“ Горько было выслушивать подобныя справедливыя жалобы обезоруженнаго ученаго дѣятеля и позднія раскаянія въ своей опрометчивой горячности. Когда толкали его на путь публицистики и выпрашивали легкихъ работъ, онъ понималъ, что, по складу своего ума и характеру подготовки, не способенъ на трудъ журнальнаго литератора и публициста, что истиннымъ его призваніемъ были единственно ученыя занятія по русской исторіи.

Къ внутреннему недовольству литературными занятіями скоро присоединились внѣшнія непріятности и невзгоды: цензура часто не пропускала статьи Щапова и прекращала, такимъ образомъ, источникъ доходовъ; онъ по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, особенно лѣтомъ и осенью 1862 г., когда сильно возрасли цензурныя строгости, и вотъ по какому случаю.

Въ страшныхъ петербургскихъ пожарахъ стали обвинять кружокъ лицъ, которые напечатали и распространили секретную прокламацію „Молодая Россія“; въ этомъ листкѣ проповѣдывалось наступленіе новаго порядка, основаннаго на уничтоженіи религіи, собственности, власти, расторженіи семьи и раздѣлѣ имущества, а не сочувствующимъ этимъ идеямъ и для введенія новаго порядка предлагалась всеобщая рѣзня. Къ кругу этому начали причислять литераторовъ, а Асоченскій совершенно бѣсновался и открыто печаталъ, возводя на литераторовъ подозрѣніе въ соучастіи съ составителями „Молодой Россіи“. Такъ, напримѣръ, въ № 32 „Домашней Бесѣды“, 11-го августа онъ высказалъ, что въ словахъ газеты „Современное Слово“ слышатся варіаціи на одну изъ темъ гнусной прокламаціи. Такія клеветы имѣли тогда значеніе: цензура обрушилась всей тяжестью на статьи и начала косить ихъ цѣлыми сотнями. У Щапова сразу не пропущенъ былъ длинный рядъ готовыхъ сочиненій, таковы: „Областныя земскія собранія и совѣты“, „Расколъ“, „Регламентация и бюрократія“, „Русское дворянство въ старинное время“ и проч. Все это горько было для впечатлительной души его и весьма невыгодно для кармана. Готовилъ онъ еще статью „Объ историческомъ значеніи центральныхъ и губернскихъ учреждений правительственныхъ“, въ которой излагалъ мысли о непригодности ихъ порядковъ для разви-

тія и благоденствія народныхъ провинціальныхъ массъ; но, кажется, строгости цензуры отбили у него охоту трудиться понапрасну надъ изслѣдованіемъ избраннаго щекотливаго предмета и онъ оставилъ начатую работу.

Недовольство его литературными занятіями выразилось на отношеніяхъ къ редакторамъ и издателямъ журналовъ и газетъ: исключая Г. З. Елисеева, ни съ однимъ онъ не могъ сойтись на долго, да и Елисеева онъ тоже иногда честилъ неместнымъ въ его устахъ названіемъ „сибирскаго чиновника“. Кромѣ личнаго каприза Шапова, кажется, не было другой причины разойтись ему съ А. А. Краевскимъ и не исполнить обѣщанія, помѣстить рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ которыхъ онъ намѣренъ былъ, какъ самъ заявлялъ, „сообщить историческіе очерки областной жизни втеченіе всего XVII вѣка и эпизоды изъ исторіи нѣкоторыхъ провинцій въ XVIII стол.“. Потомъ общалъ съ 1862 г. помѣщать статьи о земскомъ строеніи: о мірскихъ сходкахъ, о вѣчевыхъ собраніяхъ и областныхъ земскихъ совѣтахъ. Впрочемъ, послѣдняя статья запрещена цензурой и неизвѣстно, для какого журнала была приготовлена. Помѣстивъ статью о Бѣгунахъ во „Времени“ (1862 г., № 10 и 11), Шаповъ былъ весьма недоволенъ медленной расплатой съ нимъ М. М. Достоевскаго, когда сильно нуждался въ деньгахъ. Узнавъ, что ему необходимо приобрести теплое платье, Достоевскій повелъ его къ знакомому портному еврею и въ счетъ уплаты соорудилъ ему теплое пальто и пару платья; все это было плохаго качества и обошлось очень дорого, на что жаловался потомъ даже непрактическій Шаповъ („Дѣло“. 1876 г. № 4). Съ П. Д. Боборыкинымъ познакомилъ я его, когда онъ уже находился въ клиникѣ Заблоцкаго; тогда онъ напечаталъ только одну статью въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (1864 г. № 1), подъ заглавіемъ: „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“ и общалъ „Фактическій очеркъ историко-этнографической организаціи“ русскаго народонаселенія по областямъ; но продолженія не послѣдовало. На Г. Е. Благосвѣтлова Шаповъ сначала злился за то, что онъ не напечаталъ его „Очерки міросозерцанія“, присланные изъ Казани, и не желалъ вести никакихъ дѣлъ съ „Словомъ“, заслуживающимъ, по его понятію, названія болтовни; но сила необходимости заставила его сблизиться и съ „Словомъ“ и съ „Дѣломъ“. Больше всѣхъ за щедрое вознагражденіе хвалилъ онъ Рехневскаго, редактора „Журнала министерства народного просвѣщенія“.

Сталкиваясь съ сотрудниками „Современника“, Елисеевымъ, Пыпинымъ, Помяловскимъ и другими, Шаповъ не могъ помириться съ направленіемъ этого журнала, считая его искусственнымъ, сочиненнымъ и непригоднымъ для русскаго народа, намѣтившаго свой жизненный путь, по которому и слѣдуетъ сознательно вести его истинно-образованнымъ людямъ. Несмотря на этотъ взглядъ, Шапову сильно

хотѣлось примкнуть къ „Современнику“ и онъ досадовалъ, что редакторы не понимаютъ его, причисляя къ партіи славянофиловъ; поэтому онъ дѣлалъ попытки выяснить свой историческій взглядъ, имѣя въ виду компанію „Современника“. Онъ доказывалъ, что ищетъ въ прошломъ не образцы для подражанія, а живыя и свободныя начала, чего искалъ самъ народъ съ дѣтства; подъ грубыми формами онъ видитъ начатки прекрасныхъ своеобразныхъ учреждений; среди господства невѣжества и суевѣрія въ народѣ онъ отмѣчаетъ факты мужиковатаго здраваго движенія умственнаго и нравственнаго. „Пусть тускло, пишетъ онъ, виднѣются факты излюбленнаго областного самоуправленія изъ-за московскихъ и областныхъ приказовъ, въ грубой, невѣжественной темнотѣ среднихъ вѣковъ, но важно ужъ и то, что свѣтъ и во тмѣ свѣтился. Важно это появленіе съ дѣтства истинныхъ, естественныхъ инстинктовъ, природнаго такта, природныхъ дарованій и стремленій юнаго, могучаго, богатырскаго народа... Дорогъ этотъ младенческій, инстинктивный, безсознательный лепетъ народа объ излюбленномъ земско-областномъ самоуправленіи и самоуправствѣ. Нестройны и уродливы были старинныя вѣчевыя собранія, нескладны формы земскихъ совѣтовъ, мужиковаты ихъ отписки и отвѣстыя, но они служили проявленіемъ здоровыхъ умственныхъ силъ, потребности прочнаго общественнаго порядка и самоустройства жизненнаго. Въ настоящее время для насъ важны вовсе не эти старыя, грубыя, отжившія формы областныхъ земскихъ совѣтовъ, а важенъ только этотъ природный здравый смыслъ, инстинктъ, тактъ народный, проявившійся въ образованіи, въ починкахъ ихъ. Если въ грубую пору естественная жизнь народа развивала начала областныхъ собраній, то и въ настоящее время сознанные вопіющіе вопросы жизни народной, рѣшеніе которыхъ превышаетъ бюрократическія силы, требуютъ призванія и спроса самихъ мѣстныхъ общинъ, какъ лучше устроить ихъ бытъ и управление“.

Потомъ онъ старается доказать, что въ его воззрѣніи на древнерусскую жизнь нѣтъ никакой отсталости, что оно оправдывается послѣдними выводами наукъ и просвѣщеннымъ опытомъ образованныхъ государствъ, что изучать минувшую жизнь не значитъ стремиться къ возстановленію отжившей старины.

„Народъ—это многочисленный общественный организмъ, это—природа, живущая и развивающаяся по своимъ естественнымъ законамъ, въ связи и взаимодѣйствіи съ внѣшней физической природой. Исторія народа — это прежде всего естественная исторія его внутренняго, жизненно-органическаго саморазвитія, постепенное раскрытіе естественныхъ, природныхъ силъ, дарованій, инстинктовъ народнаго организма, народнаго прирожденія, какъ говорили наши предки въ смутное время. Значитъ, народный организмъ, еще будучи юнымъ, въ самые младенческіе вѣка своего историческаго роста и воспитанія, въ самыхъ дѣтскихъ, такъ сказать, движеніяхъ, жела-

ніяхъ и поступкахъ, естественно, безсознательно, инстинктивно, по законамъ своихъ внутреннихъ силъ, можетъ обнаруживать свои природныя дарованія, порывы и стремленія, которыя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ историческаго воспитанія, въ послѣдующіе вѣка, могутъ и должны раскрыться уже не инстинктивно, а разумно—сознательно, просвѣщенно. И съ этой точки зрѣнія, вовсе не славянофильствомъ будетъ—какъ, пожалуй, могутъ подумать строгіе систематоры-государственники, теоретики-цивилизаторы—то изученіе народной исторіи, которое фізіологически анализируетъ прошедшую народную исторію, какъ организмъ, старается углубляться собственно въ историческія проявленія духа народнаго, въ свободное историческое самовыраженіе, самоустройство, саморазвитіе, въ свободную жизнедѣятельность самого народа. Нѣтъ, не славянофильствомъ будетъ то изученіе исторіи, которое старается познать факты народной жизни, какъ члены, какъ жизненныя органическія отправленія, имѣющія живую связь между собою и съ цѣлымъ народнымъ организмомъ, различить въ нихъ историческое, нормальное значеніе, исчезающее вмѣстѣ съ стариной, и внутренний, всевременный, вѣчный, жизненно-разумный смыслъ и значеніе въ организмѣ народномъ и, на основаніи такого анализа, познаванія и различенія, дѣлать выводы о внутреннихъ силахъ, дарованіяхъ, задаткахъ и стремленіяхъ народа. Такой анализъ естественной, свободнобытовой, внутренней исторіи собственно самого народа, народной жизни, вовсе не есть желаніе невозможнаго, неестественнаго возстановленія отжившей старины, а это ни больше, ни меньше, какъ попытка изученія фізіологіи исторіи, которая теперь въ высшей степени у насъ необходима и желательна. Только при этомъ фізіологическомъ изученіи исторіи народнаго организма, мы поймемъ истинную степень и силу жизненности, естественности, воспитательности и благоустроенности, благотѣльности для массы народнаго организма, для различныхъ составныхъ частей его, всѣхъ реформъ, всей правительственной, централизаціонной, политической системы петровской эпохи, всѣхъ центральныхъ и губернскихъ бюрократическихъ учреждений, и проч.“

Н. Г. Чернышевскому сильно хотѣлось привлечь на свою сторону Щапова, но съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ хотя отчасти свой историческій взглядъ; съ этою цѣлью онъ устроилъ съ нимъ свиданіе, вечеромъ, на масляницѣ 1862 года, въ квартирѣ одного изъ литераторовъ, жившаго у Пяти угловъ. Цѣлый вечеръ продолжался горячій споръ между ними о коренныхъ воззрѣніяхъ на русскую историческую жизнь и современное состояніе народовъ; Щаповъ узналъ только при прощаніи, съ кѣмъ онъ велъ долгій и дѣльный споръ,—и однако ни на шагъ не уступилъ изъ своихъ выработанныхъ убѣжденій. Съ той поры участіе его въ „Современникѣ“ сдѣлалось сомни-

тельными, хотя онъ приготовлялъ туда статью лѣтомъ 1863 года, но самый журналъ скоро былъ запрещенъ.

Теперь на литературномъ поприщѣ громадное и избалованное самолюбіе Аванасія Прокофьевича не находило уже себѣ пищи: ему не удивляются, его вдохновенной рѣчью никто не восторгается и не раздаются нигдѣ дружныя рукоплесканія молодежи. Трудно тянуть ляжку рядоваго тому, кто хоть недолго испыталъ, что онъ можетъ быть командиромъ! А еще тяжелѣе тому, кто пришелъ къ полному сознанію, что никогда не возвратитъ ему въ будущемъ свѣтлаго прошлаго. Постоянное недовольство и томительная тоска чаще и чаще толкали его къ знакомому средству — залить горе зеленымъ виномъ; въ чаду похмѣлья онъ и плясалъ и плакалъ и затыгивалъ горькую пѣсню:

Ахъ, спасибо же тебѣ, синему кувшину, —
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску—кручину!

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ сильнѣе и сильнѣе росло въ немъ пристрастіе къ пьянству, повторялось чаще и продолжительнѣе.

Въ такія тяжелыя минуты онъ не могъ усидѣть дома и искалъ развлеченій, которыя отличались своеобразнымъ характеромъ: то онъ очутится у Палкина и разругаетъ ни за что, ни про что, незнакомыхъ ему гвардейскихъ офицеровъ, обзоветъ деревянными солдатами—и сведутъ его за это въ кварталъ; то при деньгахъ залетится на Крестовскій слушать русскія пѣсни, весь хоръ и всю прислугу перепоитъ шампанскимъ и просадитъ сразу рублей 200, или сколько есть въ карманѣ, а на другой день отдастъ часы въ залогъ; то мчится къ какому-либо пріятелю и умоляетъ всѣми святыми, чтобы онъ постарался его вытрезвить, поселяется у него на нѣсколько дней, отнимаетъ рабочее время, а отъ него махнетъ прямо въ трактиръ, послѣ самаго основательнаго вытрезвленія.

Самымъ любимымъ развлеченіемъ его было разѣзжаться по улицамъ Петербурга и всю дорогу разговаривать съ извозчикомъ; ловкіе изъ нихъ разводили ему баисы о своемъ загнанномъ состояніи, о несчастной долѣ семьи и всѣхъ жителей въ селѣ, тонко подмѣчали симпатіи его изъ разспросовъ и умѣли отвѣчать въ самую линію. Такихъ онъ щедро награждалъ и дарилъ имъ рубля по три, по пяти на разживу или на водку. Однажды я былъ свидѣтелемъ забавнаго случая, когда долго разѣзжалъ со Щаповымъ на извозикѣ, который оказался продувнымъ малымъ, хотя прикидывался очень простодушнымъ; онъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и получивъ 3 рубля на водку, снялъ шапку и ловко сказалъ: „маловато, сударь, прибавьте!..“ Такая выходка сначала озадачила Щапова, потомъ разсмѣшила—и онъ еще далъ ему три рубля; тогда извозчикъ спросилъ его имя, чтобы научить дѣтей поминать на молитвѣ. Видя простоту и безкорыстіе его до слабости, прислуга обманывала и обчитывала его до безобразія; покупая какія-либо вещи, онъ никогда не требо-

валъ сдачи; за малѣйшую услугу онъ старался наградить роскошно, точно крупный капиталистъ. Вообще, какъ въ Казани, такъ и въ Петербургѣ, онъ оставался настоящимъ безсребреникомъ, сразу пропуская деньги и всегда нуждаясь въ нихъ.

Щаповъ вѣчно толковалъ о народѣ и хвалился, что онъ знаетъ его отъ Камчатки до Казани; но проѣхать черезъ всю Россію отъ Восточнаго океана до Балтійскаго моря и изучить ея населеніе—двѣ вещи совершенно различныя. Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ народа хорошо не зналъ и судилъ о немъ по воспоминаніямъ дѣтства до конца дней; когда развилось сознание, ему приходилось жить чуть не взаперти и по большимъ городамъ. Въ Казани ѣздилъ онъ раза два по селамъ взглянуть, какъ крестьяне празднуютъ семикъ или отправляютъ свадьбу,—въ Петербургѣ любилъ часто бесѣдовать съ извозчиками, но это нельзя назвать изученіемъ и знаніемъ народа. Онъ народъ зналъ настолько, насколько каждый семинаристъ, родившійся и выросшій въ селѣ. Онъ никогда въ глаза не видалъ хохла простолудина, а въ восторгъ приходилъ отъ одного слова Малороссія — мати Украина; разумѣется, изучалъ онъ ее по стихотвореніямъ Т. Г. Шевченка и по статьямъ журнала „Основа“.

Щаповъ прожилъ полтора года въ квартирѣ Зосимскаго въ домѣ Фридрихса, въ одномъ корридорѣ съ своимъ пріятелемъ П. А. Муловымъ; только разъ, по приглашенію В. С. Курочкина, рѣшился провести лѣто 1862 г. на дачѣ Мердера въ Павловскѣ и напередъ восторгался и загадывалъ, какъ отлично пойдутъ у него занятія, среди окружающей хорошей природы. Но на-повѣрку оказалось, что никогда онъ съ такимъ ожесточеніемъ не кутилъ и столько глупостей не сдѣлалъ, какъ лѣтомъ на дачѣ. Въ Павловскѣ навѣстилъ я его разъ и нашелъ ту же картину, какую видѣлъ С. С. Шашковъ: В. С. Курочкинъ занималъ 11 комнатъ въ нижнемъ этажѣ дома, а Щаповъ столько же въ верхнемъ. „Когда я, пишетъ Шашковъ, въ первый разъ пріѣхалъ въ эту квартиру Щапова, то чуть было не заблудился въ лабиринтѣ 11-ти большихъ комнатъ, изъ которыхъ только въ двухъ была мебель, да въ передней стоялъ диванъ. Щапова не было въ квартирѣ, прислуги тоже никакой не было, но я расположился какъ дома у огромнаго обѣденнаго стола, стоявшаго въ средней комнатѣ, на которомъ были самоваръ, чайникъ, стаканы, ромъ, икра, яйца и т. под... Время онъ проводилъ въ паркѣ и ресторанахъ, пребывая по цѣлымъ суткамъ въ трактирѣ „Парижъ“ и часто посѣщая деревню Славянку, гдѣ онъ участвовалъ въ хороводахъ, слушалъ пѣсни. Съ Курочкинымъ былъ онъ очень друженъ и никогда не вздорилъ, хотя часто спорилъ. Съ каждымъ изъ остальныхъ своихъ знакомыхъ онъ въ пьяномъ видѣ имѣлъ болѣе или менѣе непріятныя столкновенія и въ обществѣ былъ рѣшительно невыносимъ... Вино не только разрушало могучую натуру Щапова, но и доводило его до самыхъ непріятныхъ столкновеній. Подъ вліяніемъ винныхъ

паровъ онъ рѣшительно не въ состояніи былъ хоть сколько нибудь сдерживать свои страстные порывы, ни въ частныхъ домахъ, ни въ публичномъ мѣстѣ. Въ подобномъ состояніи онъ бывалъ иногда даже слишкомъ поверхностнымъ цѣнителемъ людей и наносилъ имъ незаслуженныя оскорбленія. Каждый военный мундиръ выводилъ его изъ себя: на одномъ вечерѣ онъ отказался подать руку и съ грубой бранью отвернулся отъ покойнаго писателя и переводчика П. А. Бибикова, который съ восторгомъ бросился ему на встрѣчу, потиравая по обыкновенію своими густыми эполетами... Однажды въ Павловскѣ въ трактирной залѣ, наполненной рабочими и крестьянами, при видѣ проходившаго черезъ залу офицера, онъ совершенно вышелъ изъ себя и началъ говорить какую-то ужасную рѣчь („Дѣло“ 1876¹ г., № 4, стр. 156). Познакомившись съ профессоромъ А. А. Котляревскимъ въ Павловскѣ, Шаповъ началъ говорить объ ученыхъ предметахъ и вдругъ круто повернулъ: „А вы читали писцовыя книги?“ спросилъ онъ.—Нѣтъ, не читалъ, отвѣчалъ профессоръ. „Ну, послѣ этого я не хочу и говорить съ вами!..“ Наконецъ, на дачѣ онъ крупно разсорился съ Книгинскимъ, бывшимъ студентомъ казанскаго университета, человекомъ весьма скромнымъ и занимавшимся разными изобрѣтеніями по механикѣ“.

Раздражительность Шапова какъ разъ совпала съ временемъ сильнаго цензурнаго давленія на его сочиненія и лѣтомъ въ Павловскѣ, и глубокой осенью 1862 г. въ Петербургѣ. Изъ дома Фридрихса Шаповъ переселился на Гончарную улицу и занялъ двѣ уютныя комнаты, но прожилъ тамъ не долго, потому что рядомъ съ нимъ поселился въ квартирѣ офицеръ; это сосѣдство, которое выводило его изъ себя и на прежней квартирѣ, теперь окончательно его взбѣсило, и онъ перешелъ въ домъ Китнера на Вознесенскую улицу, опять къ Зосимскимъ. До какой степени сдѣлался подозрительнымъ Шаповъ, можно заключить по встрѣчѣ имъ новаго 1863-го года у Н. М. Соколовскаго: тамъ встрѣтился онъ съ добродушнѣйшимъ и образованнымъ начальникомъ отдѣленія, который подъ пьяную руку бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и между прочимъ о польскомъ повстаніи. Не знаю почему онъ въ шутку сдѣлалъ замѣчаніе Шапову: „А, такъ вы либераль,—неожидаль этого“... а самъ высказалъ глубоко-либеральныя идеи. Тогда Аванасій Прокофьевичъ опрометью бросился домой и не сомнѣвался, что начальникъ отдѣленія непременно на другой день сдѣлаетъ на него доносъ; ему даже пришла безумная мысль предупредить его, ѣхать тотчасъ и донести на него. Большихъ трудовъ мнѣ стоило уговорить его бросить эту затѣю, потому что я зналъ чиновника какъ прекраснаго человека.

Нетерпѣливый и порывистый нравъ Шапова доводилъ его иногда до наивныхъ дѣтскихъ поступковъ, которые могли насмѣшить до слезъ, а въ другой разъ подталкивалъ на такія выходки, которыя

чуть не оканчивались трагически. Когда онъ въ 1863 г. занимать квартиру въ домѣ Китнера около Вознесенскаго моста и сильно заболѣлъ, то пригласилъ доктора, который сталъ его лечить и прописалъ сильное внутреннее средство въ определенныхъ размѣрахъ приема. Черезъ нѣсколько часовъ больному сдѣлалось очень плохо отъ приема лекарства; тотчасъ послали за докторомъ и привезли его. Входитъ онъ въ квартиру и видитъ, что въ пузырькѣ уже нѣтъ половины выписаннаго лекарства, и обращается съ удивленіемъ: „Куда же дѣвалось столько лекарства?“

— Это я выпилъ, отвѣчалъ наивно Шаповъ, такъ какъ увеличилъ приемъ, чтобы поскорѣе выздоровѣть.

— Удивляюсь вашей сильной натурѣ! замѣтилъ докторъ. Другой, послабѣе, отъ такого страшнаго приема и безумнаго леченія давно бы отправился на тотъ свѣтъ! Вотъ вамъ рецептъ для облегченія боли, а я—слуга покорный, впередъ лечить васъ никогда не буду... Докторъ уѣхалъ и дѣйствительно ни разу не заглянулъ къ больному.

Третье литературное предпріятіе, въ которомъ Шаповъ принималъ участіе, тоже окончилось скоро неудачей; это—ежедневная газета „Очерки“, редакторомъ которой былъ опять Елисеевъ, а издателемъ Амплій Очкинъ, передавшій изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Коршу въ 1862 г. и затѣявшій новую газету. „Очерки“ появились съ января 1863 г. и служили образцомъ дѣльнаго и дешеваго изданія (за 360 номеровъ 9 руб. съ пересылкой), и можно было предсказывать имъ блестящій успѣхъ; но родственники Очкина убѣдили его бросить изданіе, отзывающееся рѣзкимъ тономъ и смѣлымъ направленіемъ. При появленіи газеты, Аскоченскій называлъ редакторовъ и участниковъ ея Дантончиками, Робеспьерами и самымъ наглымъ образомъ старался раздуть противъ нея ненависть общества и преслѣдованіе правительства. Черезъ четыре мѣсяца, Очкинъ передалъ своихъ подписчиковъ Писаревскому, редактору газеты „Современное Слово“, и „Очерки“ перестали существовать въ концѣ апрѣля. Въ № 1-мъ Шаповъ помѣстилъ статейку фельетонную „Съ новымъ годомъ“, гдѣ вооружается противъ бессмысленнаго поздравленія съ новымъ счастьемъ, которое не бываетъ безъ новой мысли и новаго труда. „Общество наше, пишетъ онъ, страдаетъ бѣдностью, мелочностью мысли и неразвитостью; свѣтлая и живая мысль остается въ области науки и неоплодотворяется въ обществѣ, не уважается имъ и не развита потребность глубокаго мышленія въ недоумочной высшей свѣтской публикѣ. Печальнымъ результатомъ историческаго воспитанія Россіи служитъ нравственное расслабленіе духа, силы воли и характера народнаго; все идетъ неподвижно, скрипитъ на авось, не видно новыхъ предпріятій и улучшеній. Поэтому истиннаго счастья имъ нужно добиваться энергической гражданской инициативой и самодѣятельностью, энергическимъ трудомъ гражданской мысли, слова, чувства, добродѣтели, энергическою гражданскою общественною

стремительностью. Безъ разумно-правственной гражданской свободы, безъ свободы юридическаго и экономическаго саморазвитія народнаго, не можетъ быть народной инициативы и успѣха въ просвѣщеніи и въ общественномъ матеріальномъ благополучіи“. Старый 1862 годъ онъ считалъ мрачнымъ и бѣдственнымъ.

Другую статью Щаповъ помѣстилъ въ „Очеркахъ“ (№ 2 и 3), по поводу разработки вопроса о земскихъ учрежденіяхъ, подъ заглавіемъ: „Замѣтка о самоуправленіи“. Здѣсь онъ разъясняетъ исторически, что земство на Руси означаетъ искони вѣковъ „весь поземельно-общинный союзъ, всю совокупность или массу народонаселенія, связаннаго единствомъ или географическою нераздѣльностью, цѣльностью занятой имъ земли, единствомъ земскихъ интересовъ и, какъ говорили наши предки, любовью, совѣтомъ и соединеніемъ, безъ различія чиновъ, сословій и этнографическаго разнообразія. Народъ представлялъ себя всегда братствомъ, соединеннымъ узами одной общей матери-земли. По общности, всенародности земли и по нераздѣльности, цѣльности земства,—и кругъ или объемъ областной земской выборности и областныхъ земскихъ собраній вырабатывался цѣльный, обнимавшій какъ города, такъ и уѣзды, и людей всѣхъ чиновъ городскихъ и уѣздныхъ, выборныхъ и мірскихъ жилацкихъ людей, духовныхъ и торговыхъ лицъ, крестьянъ и инородцевъ. Съ XVIII вѣка, реформами Петра Великаго, его преемниковъ и Екатерины II-й, радикально разстроена была изначальная естественно-историческая цѣльность земли; земля уже всецѣло отошла отъ народа къ государству, стала не общею питающею матерью земства, а служебно-крѣпостною основою имперіи. Поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ сильнаго дворянства и сословное раздѣленіе земства дошло неизбѣжно до крайности, до замкнутости. Теперь не одна земля должна быть источникомъ производительности, предметомъ реальной, умственной и нравственной культуры, естественнымъ условіемъ общественной жизни и благосостоянія народа. Теперь наука, литература, искусства, составляютъ жизненную потребность земства; если земля есть экономическая сила, то и знаніе есть сила. Пора въ 8-ми милліонахъ инородцевъ признать земскія права наравнѣ со всѣми; каждое сословіе имѣетъ право на заявленіе передъ закономъ своихъ самобытныхъ интересовъ, на заботу о самоусовершенствованіи и удовлетвореніи своихъ нуждъ. Только при равноправномъ и дружномъ, всецѣломъ и всеобъемлющемъ самовыраженіи всѣхъ составныхъ самобытно-общественныхъ силъ, интересовъ, можетъ быть истинный, разумно-человѣчный и, по возможности, ровный прогрессъ общества и народа“.

Забылъ точно, къ какому времени относится одно весьма непріятное происшествіе для Щапова, кажется къ концу 1862 г., когда онъ не былъ уже въ связи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; это обстоятельство заключается въ слѣдующемъ. Нѣкто Ничипо-

ренко, терпѣвшійся въ петербургскомъ литературномъ кругу и сдѣлавшій въ началѣ 1863 года доносъ на И. С. Тургенева, обвиняя его въ сношеніяхъ съ Герценомъ,—показалъ по начальству тоже о Щаповѣ и В. Курочкинѣ. Кромѣ того, онъ старался обвинить ихъ въ принадлежности къ тайному обществу, а Щапова уличалъ, будто онъ на вечерѣ у Курочкина читалъ письмо къ нему Герцена и длинное письмо, написанное имъ самимъ князю Вяземскому и направленное противъ русскаго дворянства. Щапова вызывали на слѣдствіе и ставили на очную ставку съ Ничипоренко; онъ высказалъ, что въ пріятельскомъ кругу много говорится разныхъ разностей, да можно ли придавать имъ серьезное значеніе? Самымъ невиннымъ разговорамъ люди сообщаютъ опасный смыслъ и характеръ, когда захотятъ, особенно если нуждаются въ этомъ; кажется, Талейранъ говаривалъ: „дайте мнѣ только три слова, сказанныя кѣмъ-нибудь, и я найду въ нихъ смыслъ, который поведетъ сказавшаго ихъ на висѣлицу“. Ничипоренко самъ уличается въ либерализмъ и, очевидно, донося на другихъ и желая утопить ихъ, имѣетъ цѣлью свалить съ себя вину... „Если бы Герценъ дѣйствительно написалъ мнѣ письмо, то изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ: содержаніе письма можетъ быть совершенно невинное и притомъ отъ него зависитъ разсылать по сотнѣ писемъ ежедневно, даже самыхъ задорныхъ, разнымъ лицамъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, и которыя совсѣмъ не желаютъ имѣть съ нимъ сношеній. Письмо князю Вяземскому я читалъ, желая знать о немъ мнѣнія опытныхъ литераторовъ, и они мнѣ отсовѣтывали посылать его: я такъ и сдѣлалъ. Какой же я этимъ принесть вредъ и что же здѣсь преступнаго?“ Въ такихъ чертахъ давалъ показаніе Щаповъ на слѣдствіи, какъ сообщалъ мнѣ въ тотъ же день. Хотя видимо не пострадалъ онъ отъ этого доноса, но остался въ сильномъ подозрѣніи, и такимъ путемъ новый фактъ неблагонадежности присоединился къ прежнимъ однороднымъ, имѣлъ силу при рѣшеніи о высылкѣ его изъ Петербурга въ 1863 году.

IX.

Личность Ольги Ивановны Жемчужиной. — Знакомство ея со Щаповымъ. — Рѣшеніе выслать его изъ Петербурга. — Сужденіе его о современномъ состояніи русскаго общества и народа. — Увлеченіе его естественными науками. — Замыселъ создать новую систему русской исторіи. — Жизнь его въ клиникѣ Заблочногаго. — Отношенія его къ Ольгѣ Ивановнѣ. — Отъѣздъ изъ Петербурга въ Иркутскъ. — Взглядъ на сочиненія Щапова.

Съ Ольгой Ивановной Жемчужиной, какъ звали ее родные, я познакомился въ ноябрѣ 1861 года на вечерѣ, когда происходило обрученіе моего родственника на ея двоюродной сестрѣ. Съ перваго

взгляда она показалась мнѣ черезчуръ солидной не по лѣтамъ и сухо разсудительной; въ тотъ же вечеръ я долго спорилъ съ ней и относился съ ироніей къ ея личности, рано начавшей вести себя пожилой женщиной; на мои разспросы всѣ отвѣчали дружно, хвалили ея умъ и характеръ, говорили объ ея порядочномъ образованіи, любознательности и начитанности. Тутъ я узналъ, что она была дочь бѣднаго псковскаго учителя семинаріи, рано осталась круглой сиротой и воспитывалась въ домѣ дяди своего, протоіерея Екатерининской церкви (на Васильевскомъ островѣ, въ 1-й линіи), И. А. Меліоранскаго. Она училась въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, хорошо владѣла французскимъ языкомъ и любила читать серьезные статьи и книги, преимущественно историческаго и политическаго содержания или сатирическія произведенія русской литературы, и сама давала иногда частныя уроки. Родные прочили выдать ее за магистра духовной академіи, предоставить ему мѣсто священника въ столицѣ чрезъ ходатайство Г. П. Павскаго и на святыхъ пріѣзжалъ женихъ Жемчужниковой; но дѣло это не пошло на ладъ, потому что невѣста не понравилась ему ни по наружности, ни по рѣзкому тону разговоровъ и характеру поведенія. Дѣйствительно, Ольга Ивановна была некрасива: блондинка средняго роста, съ жидкими волосами, съ сѣрыми глазами на кругломъ лицѣ, съ выдавшеюся нижней челюстью и развитой нижней губой; она не была худощава, но почти всегда блѣдна; лицо ея было выразительно, но ему недоставало мягкости и нѣжности, а нѣкоторыя черты были непріятны. Методическая, медленная рѣчь и вѣчная серьезность какъ-то плохо клеилась съ ея молодостью и отзывалась искусственностью. Не знаю, насколько вѣрно, но мнѣ передавали, будто строгая тетка Меліоранская служила для нея во многомъ образцомъ, которая тогда была уже покойница. Самъ протоіерей, разбитый параличемъ, былъ необыкновенный простакъ и добрякъ, велъ жизнь самую аккуратную и почти все время проводилъ въ приходѣ; его дѣти и Ольга Ивановна оставались на полной свободѣ и средствами не стѣснялись; ихъ постоянно навѣщали гимназисты, студенты, родные и знакомые, и всегда находили самый радушный пріемъ. По случаю движенія студентовъ университета осенью 1861 г. въ Колокольную улицу, двоюродный братъ ея и хорошо знакомый студентъ были арестованы и отправлены въ Кронштадтъ; это обстоятельство не прошло безслѣдно для развитія молодой и энергической дѣвицы. Освобожденные изъ крѣпости студенты сдѣлались для Ольги Ивановны страдальцами за правду и своего рода героями; они распѣвали сатирическую оперу, сочиненную въ крѣпости; дѣйствующими лицами были начальники, и хоры студентовъ пѣли, какъ гасить просвѣщеніе, уничтожить сходки и проч. Хотя все это отзывалось дѣтствомъ, но имѣло вліяніе на юные умы и вызывало протестъ и недовольство. Въ 1862 году происходили многочисленные аресты студентовъ и литераторовъ;

изъ числа арестованныхъ были знакомые Меліоранскихъ, о чемъ у нихъ на вечерахъ шли постоянные толки и оживленные рассказы. Все это дѣйствовало на Жемчужникову раздражительно, и она живо сострадала судьбѣ гонимыхъ и заключенныхъ, и сама готова была переносить ту же участь и страдать за правду. Она выписывала запрещенныя сочиненія, бывала иногда на собраніяхъ женскихъ, гдѣ разсуждали о современномъ состояніи и трудѣ женщины, безъ всякой предвзятой мысли и цѣли, безъ желанія выдаваться впередъ, съ искреннимъ стремленіемъ помочь бѣднымъ дѣвицамъ. Какъ дитя своего времени, она попала въ кругъ живаго тогдашняго движенія молодежи и сочувствовала всѣмъ высокимъ стремленіямъ, на которыя смотрѣла болѣе съ идеальной точки зрѣнія, чѣмъ съ практической.

Ольга Ивановна хорошо знакома была съ Н. Г. Помяловскимъ, который пользовался большимъ ея уваженіемъ и имѣлъ влияние на складъ характера и направленіе воззрѣній. Хотя онъ навѣщалъ Меліоранскихъ рѣдко, но зато мѣтко: просиживая иногда до глубокой ночи по цѣлымъ вечерамъ, онъ свободно изливалъ накопившую злобу и давалъ полный просторъ своему рѣзкому сатирическому раздраженію. Прямота и твердость воли, рѣзкость сужденій и откровенность составляли выдающіяся черты характера Жемчужниковой; при этомъ она не любила щегольства и отличалась глубокимъ состраданіемъ ко всѣмъ бѣднякамъ и горемыкамъ. При такомъ душевномъ настроеніи, особенно по сердцу пришлись ей сочиненія Щапова, которыя она всегда читала съ большимъ удовольствіемъ и увлеченіемъ, восторгалась его задушевной энергической рѣчью и высокой цѣлью—помочь страдальцамъ. Зная о протестѣ Щапова въ Казани, его ссылки и судьбѣ, она часто разспрашивала меня о его житіи-бытіи и занятіяхъ; она слышала, какъ онъ не ладилъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и какъ хотѣли сослать его въ Соловки, и видимо сильно заинтересовалась личностью этого ученаго сибиряка. Когда я показалъ ей карточку Щапова, ее сильно поразили азіатскія черты его фізіономіи и волнистые длинные волосы; потомъ не разъ она высказывала мнѣ свое сильное желаніе познакомиться съ нимъ,—я обѣщалъ доставить ей это удовольствіе, но долго почему-то не удавалось. Во „Времени“ 1862 г. (№№ 10 и 11) появилась статья Щапова „О бѣгунахъ“ и я доставилъ Ольгѣ Ивановнѣ книжку съ собственноручными его отмѣтками на поляхъ о непропущенныхъ мѣстахъ цензурой. Надо было дивиться, въ какомъ сильномъ волненіи находилась она, когда читала вслухъ, въ кругу нѣсколькихъ лицъ, эту статью о состояніи Россіи въ XVIII стол.; она то краснѣла, то блѣднѣла отъ волненія при описаніи горько-слезной жизни крестьянства, солдатства, купечества и проч. Вмѣстѣ съ авторомъ она сокрушалась отъ глубины сердца о горемычной, забитой крѣпостной и служилой массѣ народа; ее бросало въ дрожь и слезы выступали на глаза, когда развертывались передъ ней картины страданій разныхъ клас-

совъ общества, отчего размножились толпы бѣглыхъ и разбойниковъ. По окончаніи чтенія, она снова начала меня усиленно просить хотя только посмотрѣть на Щапова; я обѣщаль показать ей этого сибирскаго дикаго медвѣдя и добавилъ въ шутку, что онъ нрава сибирякаго и можетъ укусить ее. Я сдержалъ свое слово,—и познакомилъ ее съ Аѳанасіемъ Прокофьевичемъ на святкахъ 1862 года въ квартирѣ вдовы профессора с.-петербургскаго университета, М. Н. Жириевой, у которой я занималъ одну комнату и которая доводилась двоюродной сестрой Ольгѣ Ивановнѣ.

Свиданіе ея со Щаповымъ произвело на нее необычайное впечатлѣніе: сильная и пылкая рѣчь его о народныхъ несчастіяхъ и притѣсненіяхъ совѣмъ отуманила ее, только блескъ глазъ и румянецъ пятнами, бросившійся ей на лицо, обличали внутреннее ея настроеніе. Говорила она съ Аѳанасіемъ Прокофьевичемъ мало, зато слушала его съ восхищеніемъ, и этотъ вечеръ рѣшилъ всю ея послѣдующую судьбу. Бесѣдовалъ онъ тогда очень сдержанно въ кругу незнакомыхъ ему женщинъ, сначала стѣснялся, а потомъ сталъ держать себя просто и естественно, говорилъ откровенно и прямо. Ольга Ивановна смотрѣла на него, какъ на истиннаго пророка, а Щаповъ точно нарочно подливалъ масло въ огонь, толкуя на тему пророка, Лермонтова: „Пускай бросаютъ въ насъ бѣшено каменья и презираютъ насъ, пусть мы будемъ наги и босы, мы никогда не отпремся отъ своихъ словъ, не бросимъ малодушно своихъ убѣжденій, даже въ виду ссылки и казни!“.. Тогда же онъ пригласилъ къ себѣ вечеромъ 1-го января 1863 года Жириеву и гостей, съ которыми познакомился. Принимая у себя гостей, онъ сильно былъ чѣмъ-то озабоченъ, и ему хотѣлось угостить ихъ какъ можно лучше, но при его мастерствѣ хозяйничать все у него плохо клеилось, пока новыя знакомки не отняли у него распоряженіе хозяйствомъ. Онъ ни за что не хотѣлъ отпустить домой гостей безъ шампанскаго; но такъ какъ вздумалъ объ этомъ поздно ночью, то посланная прислуга долго отыскивала незапертый погребъ или гостинницу, къ великой досадѣ нетерпѣливаго хозяина, выражаемой очень рѣзко. Наконецъ, принесли бутылку шампанскаго, весело распили съ остроумными благожеланіями на новыи годъ и поздно разѣхались по домамъ. Смотри на необычайное благодушіе Ольги Ивановны, я не сомнѣвался, что шампанское было встати и согласовалось съ ея тайнымъ стремленіемъ—во что бы то ни стало отдаться Щапову, и вечеръ 1-го января служилъ чѣмъ-то въ родѣ помолвки. Ничего особеннаго она не высказывала, но ея непривычная веселость, игривая нѣжность и пріятная улыбка наводили меня на мысль объ окончательномъ ея рѣшеніи.

Скоро для Щапова настало критическое положеніе: за разныя пожежденія по петербургскимъ гостинницамъ и безпорядочную жизнь рѣшили выслать его въ восточную Сибирь, на мѣсто родины. Когда

дошла эта горестная вѣсть до Меліоранскихъ, Ольга Ивановна совсѣмъ была ошеломлена; безъ всякихъ размышленій она сѣла одна на извозчика, явилась въ квартирѣ Аѳанасія Прокофьевича, откровенно выразила ему свои чувства и полную рѣшимость слѣдовать за нимъ, куда бы его ни послали въ ссылку. Такимъ образомъ, ихъ отношенія сразу опредѣлились.

Щаповъ забылъ о своей высылкѣ и пришелъ въ восторгъ, что отыскалъ женщину, о которой давно мечталъ и уже пересталъ вѣрить въ ея существованіе. Весьма нерѣдко онъ любилъ разсуждать о ничтожествѣ и пустой вѣшной образованности дѣвицъ и женщинъ средняго и высшаго круга и съ отчаяніемъ иногда прибавлялъ: „Найдется ли такая женщина, которая могла бы служить поддержкой нашего брата-страдальца, съ юныхъ дней искорекааннаго, искалѣченнаго болѣзнями и невзгодами житейскими? Нѣтъ, не сыщешь такихъ самоотверженныхъ въ сотняхъ тысячъ: имъ нужны вылощенные, пустые кавалеры, а быть подругой и опорой умнаго, честнаго и трудолюбиваго дѣятеля, но неловкаго и неполированного по наружности онѣ не въ состояніи!“ Въ заключеніе своего длиннаго запальчиваго монолога, онъ спрашивалъ переиначенными словами Пушкина:

„Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
А съ пылкой доброй, умною душой?“

Между женщинами онъ искалъ самоотверженную провозвѣстницу новыхъ идей, которая шла бы рядомъ съ образованнымъ мужчиной и дружно помогала бы ему въ трудахъ ученыхъ и успѣшномъ достиженіи цѣли. Въ своей думѣ „Гражданская грусть“ онъ обращается къ женщинѣ аристократкѣ и восклицаетъ: „О, если бы ты, величественная, гордая княжна, царица вѣтранныхъ пустыхъ сердецъ, гуляя по Невскому, при видѣ простыхъ людей, углублялась въ глубокия думы и высокія чувства! Ты бы сняла съ нашихъ сердецъ половину тяжелаго бремени гражданской грусти и думъ горько-слезныхъ... Ты бы явилась царицей—уже не вѣтранныхъ, пустыхъ сердецъ, а сердецъ простыхъ, неиспорченныхъ, ждущихъ истинно-человѣчнаго развитія, облагороженія, гуманизированья, и сердецъ глубоко-чувствующихъ, просвѣщенно- и гуманно-чувствующихъ... Ты была бы могучей пророчицей и проповѣдницей новаго соціальнаго порядка гражданственности... Но, къ величайшему прискорбію и несчастью, мнимо-аристократическая головка твоя, княжна, не способна къ гуманно-демократическимъ головоломнымъ, горько-мысленнымъ думамъ, а сердце твое слишкомъ иссохло, извѣтрилось отъ пустоты увлеченій, отъ легкомысленной праздної жизни, праздныхъ забавъ, и не можетъ ужъ въ немъ горячо, пламенно теплиться святая, благородная, глубоко-думная гражданская грусть... Ты и сама на Невскомъ являешься для насъ источникомъ грустной гражданской думы и злой ироніи“...

И вотъ Щаповъ нашелъ осуществленіе своего идеала въ Ольгѣ

Ивановнѣ, которая заявила готовность стать помощницей его тяжелыхъ трудовъ на всю жизнь. Тогда начались за него усиленные ходатайства, чтобы онъ оставленъ былъ въ Петербургѣ; лица, которые добивались его высылки, согласились оставить въ покоѣ, только съ тѣмъ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы онъ жилъ въ клиникѣ Заблочнога подѣ строгимъ присмотромъ, а выѣзжалъ только къ знакомымъ, которые берутъ его на поруки. Такъ онъ скоро поселился на житье въ клинику.

Въ 1863 году Аванасій Прокофьевичъ сильнѣе и сильнѣе началъ увлекаться западно-европейскимъ образованіемъ, и отличительныя черты русской жизни пересталъ выдвигать на первый планъ, о славянофилахъ писалъ, какъ о лицахъ, стремящихся къ возстановленію не только старорусскихъ началъ, по и формъ минувшей жизни. Такой взглядъ онъ развилъ въ статьѣ: „Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій“. („Современ. Слово“, 1863 г. Прибавл. къ № 5). Находя, что наши два главныхъ направленія—славянофильское и западноевропейское—равно естественно-историческія и благотворныя для міросозерцанія, онъ зарожденіе перваго направленія, какъ жизненно-бытоваго, относитъ ко времени реформъ царя Алексѣя Михайловича, а усиленіе его—къ XVIII вѣку. Ученіе славянофильское по его словамъ отличается одностороннимъ московскимъ историческимъ старовѣрствомъ,—и мы „выйдемъ слишкомъ неразумными старовѣрами, если станемъ желать возстановленія самыхъ формъ допетровской, хотя бы и вѣчевой Руси, которая давнымъ давно самъ народъ съ плачемъ—рыданьемъ скоронилъ и теперь не помнить“... Русская народность существуетъ для всего человѣчества; народъ русскій долженъ примирить, соединить въ братскій союзъ востокъ съ западомъ. Но и самое здоровое, европейское направленіе русской мысли, взятое въ его крайностяхъ, тоже односторонне, потому что у нѣкоторыхъ писателей доходитъ до отрицанія самостоятельности народнаго историческаго характера, творческаго такта, всѣхъ живыхъ самобытныхъ силъ. Не все же пользоваться намъ готовыми выводами западной мысли и науки: въ самыхъ темныхъ массахъ кроются бытовыя начала, какъ сѣмя развитія свободно-общиннаго быта, да и жизнь народная не *tabula rasa*, а сила, творящая исторію по своимъ внутреннимъ законамъ.

Наше меньшинство раздѣляется еще на централистовъ и федералистовъ. Централизація создала общій внѣшній порядокъ, а федерація, не нарушая единства, можетъ способствовать внутреннему саморазвитію массъ народныхъ естественнѣе и правильнѣе. Идея федераціи присуща духу русскаго народа такъ же, какъ имперія имѣетъ основу историческую. Эти политическія идеи централизаціи и федераціи заключаютъ каждая свою долю истины, жаль только, что они разрознены до нестерпимости, а слѣдовало бы уяснить скорѣе жизненное призваніе русскаго народа. Образованное меньшин-

ство должно всѣми силами распространять просвѣщеніе въ массахъ народа, развивать понятіе о разумности закона, чтобы пробудить въ немъ прежнюю свободную самостоятельность. Безъ единенія съ народомъ, въ будущемъ всѣ наши усилія были бы безплодны; но рознь еще долго будетъ существовать, и самое пробужденіе народное можетъ ускользнуть изъ рукъ просвѣщеннаго меньшинства, которое должно взять надъ нимъ опеку и нравственную диктатуру. Выработайте сами формы общественнаго устройства, сродныя народу, и онъ ухватится за нихъ, оцѣнивъ ихъ практическое значеніе.

За образованнымъ меньшинствомъ идетъ общество, надѣленное только внѣшними формами европейской общественности, которое не развивалось органически цѣльно и стройно; столичные два общества идутъ впереди другихъ и обязаны вести вялое полуобразованное населеніе другихъ городовъ. Общество наше апатично, лѣнливо ко всему, что дѣльно и серьезно; пора петербургскому и московскому обществамъ показать примѣръ общественнаго пробужденія и пересозданія. Петербургъ долженъ передать выводы западнаго ума и вѣковаго опыта, а Москва оживотворять европейскимъ разумомъ самобытные народные элементы силы, дарованія, для приведенія въ общій складъ европейскаго братства. Пора городскимъ обществамъ бросить вражду и сословные предразсудки и жить въ любви и совѣтѣ.

Огромныя массы русскаго народа чужды образованныхъ людей, которые не научили ихъ даже своей родной исторіи, крестьяне знаютъ ее изъ своихъ былинъ и пѣсней. Массы сохранили свою старинную силу воли, богатырскую мощь; въ эпоху воли они устроили русскую землю трудомъ и по́томъ великимъ; во время неволи народъ испытывалъ тяжелую судьбу, порывался къ волѣ, создалъ свои цѣли и стремленія своеобразныя. Теперь задача правительства и образованнаго меньшинства состоитъ въ томъ, чтобы облагораживать свободное внутреннее саморазвитіе народа европейскимъ просвѣщеніемъ. Сельскій міръ долженъ служить корнемъ для организациі новаго земскаго міра, для городскихъ общинъ.

Позади темныхъ массъ русскаго народа, на встрѣчу тысячелѣтію идутъ покоренные восточные народы. Европа давно ждетъ чрезъ насъ союза востока съ западомъ; но наше стремленіе на востокъ доселѣ имѣло характеръ невольнаго переселенія. Инородцы востока коснѣютъ въ первобытномъ состояніи безъ всякой культуры; пора сознать, что мы обязаны ввести ихъ въ общеевропейскую семью, дать просвѣщеніе и свободныя права, какъ своимъ восточнымъ братьямъ. Въ тотъ день, когда мы сдѣлаемъ челоуѣколюбивый призывъ инородцевъ въ составъ общеевропейской семьи, востокъ заключить ожидаемый Европой завѣтъ съ Западомъ „и Европа признаетъ Россію за великій народъ“.

Въ этихъ идеалахъ Щацова для будущаго устройства Россіи нельзя не видѣть значительной уступки въ пользу направленія „Со-

временника“, такъ что онъ образованныхъ людей на европейскій ладъ считаетъ способными взять народъ въ опеку и нравственную диктатуру въ дѣлѣ преуспѣянія, сочинять сродныя для народа формы управленія и т. п.

Еще въ Казани онъ выражалъ повременамъ увлеченіе иностраннымъ образомъ либеральнаго управленія государственнаго; теперь же совсѣмъ сдѣлался сторонникомъ конституціи, которую считалъ пригодной для русскаго народа, хотя понималъ ее по-своему.

Въ великій постъ 1863 года одинъ пріѣзжій рижскій купецъ изъ раскольниковъ поморскаго согласія познакомился со мной случайно и сталъ просить меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Щапову. Поѣхали мы съ нимъ въ клинику Заблоцкаго и купецъ, по русскому обычаю, повезъ ему въ подарокъ три или четыре фунта чаю, какъ сибиряку и любителю его. Долго и душевно они бесѣдовали между собою о положеніи рижскихъ раскольниковъ, изъ которыхъ иные плохо говорятъ по-русски, курятъ свободно сигары, а перстосложеніе держатъ истовое двуперстное. „Мы пріѣхали къ министру хлопотать о гражданскихъ бракахъ; горе намъ великое, что нашихъ дѣтей не считаютъ законными и нельзя передать имъ наслѣдства. Вотъ у меня ихъ шестеро; случись со мной гнѣвъ Господень,—ну, и останутся нищими, а все мое добро, трудомъ нажитое, хинью пойдетъ“. Такъ говорилъ купецъ и между прочимъ завелъ рѣчь о газетѣ раскольниковъ, которой имъ не позволяютъ издавать, что они теперь рѣшили печатать ее за-границей; онъ предложилъ Аванасію Прокофьевичу, не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ, за что станетъ получать полное обезпеченіе, но тотъ на-отрѣзъ отказался. Это посѣщеніе старообрядца, знавшаго Щапова только по сочиненіямъ, весьма обрадовало его, какъ несомнѣнное доказательство, что его сочиненія имѣютъ значеніе и въ кругу раскольниковъ.

Въ Петербургѣ Аванасій Прокофьевичъ глубже прежняго почувствовалъ односторонность своего образованія; переводы исторіи Бокля, разныхъ иностранныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, которыми у насъ тогда бредили старые и малые, возбудили въ немъ непреодолимое желаніе—построить русскую исторію на началахъ естественныхъ наукъ. И вотъ онъ съ жаромъ взялся за чтеніе разныхъ переводныхъ сочиненій по физиологіи, анатоміи, географіи, этнографіи, по статистикѣ, зоологіи и проч. Развитію охоты его къ изученію естественныхъ наукъ служило постоянное собесѣдованіе съ медицинскими студентами, когда онъ принужденъ былъ долгое время жить въ клиникѣ, въ отдѣльной комнатѣ офицерской палаты. Тамъ онъ велъ постоянные разговоры и споры со студентами по вопросамъ естественныхъ наукъ; не усвоивъ ихъ сотою доли, онъ быстро сталъ начала ихъ прилагать къ минувшей и современной жизни русскаго народа. Поспѣшные выводы и заключенія его выходили односторонни, неосновательны, а иногда крайне нелѣпы. Къ тому же учиться

вновь естественнымъ наукамъ и въ то же время существовать литературной работой оказалось несподручнымъ, даже при его талантливости; статьи его стали слабѣе, а нѣкоторыя отличались уродливостью. Къ числу такихъ принадлежитъ очеркъ „этнографической организаціи русскаго народонаселенія“, о которомъ онъ самъ говоритъ, что рѣшился напечатать его, „несмотря на все свое безсиліе“ и его не-обработанность.

По поводу своихъ увлеченій естественными науками онъ пишетъ: „Грустно, что у насъ какой-нибудь семинаристъ — невѣжа, смутно сознавая все особенное удобство и всю необходимость естественно-историческаго изученія русской народной жизни, чувствуетъ въ себѣ непреодолимое желаніе знать русскую исторію, какъ естественную исторію народа,—и не находитъ въ себѣ ни силъ, ни подготовки изучить ее въ такомъ направленіи. А люди знающіе, имѣющіе для того и силы и подготовку, молчатъ. Грустно, что у насъ историкъ большею частію не знаетъ фактовъ и законовъ естественныхъ; а естественникъ, который долженъ бы пролить свѣтъ на русскую народную исторію, не знаетъ фактовъ историческихъ. Гумбольдтъ, великій географъ Рихтеръ, Кетле и Либихъ первые освѣтили лучемъ естественной истины, естественныхъ законовъ, истины и законы исторіи, — и тамъ явился Бокль. А у насъ кто освѣтитъ нашу исторію?..“ Это сознаніе Шаповымъ трудности избираемаго пути и желаніе стать въ родъ Бокля для русской науки весьма важно; оно характеризуетъ его неутомимое стремленіе работать и проложить новый путь для движенія русской исторіи, его крайнюю самонадѣянность на свои силы и самолюбивыя цѣли въ будущемъ.

Весной 1863 года, Шаповъ временно лечился у профессора Боткина въ клиникѣ и выправлялъ продолженіе статьи, начатой съ января, для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ — „Очерки народнаго міросозерцанія“, уснащая ихъ усердно цитатами изъ сочиненій по естественнымъ наукамъ. Я привозилъ ему цѣлыя вязанки книгъ по его просьбѣ изъ бібліотеки Крашенинникова и другихъ; изъ нихъ онъ заимствовалъ вставки и дополненія, которыя иногда совсѣмъ были ненужны. „Еще въ 1859 году, пишетъ онъ въ предисловіи, мы занялись собраніемъ матеріаловъ для „историческихъ“ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, именно: „Очеркъ народнаго христіанско-восмогоническаго міросозерцанія“ и „Взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножителей на природу“. Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно „Очеркъ религіозно-языческаго или міеологическаго славяно-русскаго міросозерцанія“, остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ не бесполезнымъ по-

степенно напечатать, не придерживаясь строго систематического порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная бібліотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены“.

Впрочемъ, эти очерки печатались не въ томъ же видѣ, въ какомъ составлены въ Казани, а съ желаніемъ вводить по мѣстамъ разсужденія о предметахъ естественныхъ наукъ; уже въ предисловіи онъ совѣтуетъ писать русскимъ ученымъ популярныя книги по разнымъ отраслямъ естествознанія, по примѣру западныхъ ученыхъ—Кювье, Араго, Изидора Жоффруа Сентъ-Илера, Шлейдена и другихъ. Далѣе видимъ нерѣдкія указанія на другихъ иностранныхъ ученыхъ. Напримѣръ, въ очеркѣ „Народныя воззрѣнія на міръ и его явленія“ онъ разсуждаетъ о мировой системѣ Лапласа, всемірномъ тяготѣніи—Ньютона, о космической сущности луны Шлейдена и т. под. Иногда, вмѣсто положительнаго изложенія русскихъ воззрѣній на міръ, онъ высказываетъ отрицательные, никому ненужные выводы; тѣмъ же характеромъ отличается самое заключеніе очерка воззрѣній на небо. „Небо для нашего простаго народа—темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ... Теперь изъ 72 милліоновъ народонаселенія едва ли найдется у насъ полмилліона людей, знающихъ основательно небесный сводъ... Отъ этого незнанія, огромныя массы нашего народа, на земной планетѣ, въ глубокихъ умственныхъ потемкахъ, коснѣютъ въ какомъ-то патологическомъ состояніи супранатуралистической уранологии, астральной пневматологии и т. п.“ („Ж. Мин. Нар. Пр.“ 1863 г. VII, стр. 27).

Весной, когда онъ выправлялъ „Очерки земледѣльческаго міросозерцанія“, въ одной съ нимъ палатѣ клиники Боткина помѣщенъ былъ Н. Г. Помяловскій, въ сильнѣйшей степени развитія бѣлой горячки: то ему являлся его дѣдушка съ книгой въ рукахъ, окруженный всѣми знакомыми Николая Герасимовича и читалъ громче и громче о его худыхъ поступкахъ, начиная съ самаго дѣтства; то вдругъ разверзлся предъ нимъ адъ и тамъ представлялись страшныя картины мученія грѣшниковъ, куда влекли и его демоны. Онъ въ ужасѣ становился на колѣни или бѣжалъ и кричалъ, умолялъ Христомъ-Богомъ, чтобы разубѣдили его, что это не дѣйствительность, а призракъ. „Ты плюнь на все, твердилъ съ улыбкой Щаповъ, это—представленіе и больше ничего! Ты послушай-ка, я вотъ тебѣ прочитаю изъ рукописи забавную легенду о привидѣніяхъ“... Повидимому, Аванасій Прокофьевичъ мало озабочивался страданіями товарища и смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбежное явленіе; по крайней мѣрѣ, такое сосѣдство нисколько не мѣшало ему заниматься своимъ дѣломъ и онъ такъ углублялся въ предметъ, что иногда не

слыхалъ мольбы Помяловскаго, который лежалъ на сосѣдней кровати. Потомъ Шаповъ перешелъ опять въ офицерскую палату клиники Заблоцкаго.

Уѣхавъ на лѣто въ Липецкъ, я не разъ писалъ Ольгѣ Ивановнѣ, просилъ исполнить разныя порученія и она все дѣлала охотно и аккуратно. Между прочимъ я адресовалъ на ея имя письмо для передачи знакомой институткѣ, которая сообщила мнѣ, что получила письмо отъ Жемчужниковой распечатаннымъ; по приѣздѣ въ Петербургъ, я спросилъ ее о причинѣ лишняго любопытства съ ея стороны къ чужимъ письмамъ. Она оправдывалась тѣмъ, что съ нетерпѣніемъ ожидала письма отъ Шапова и быстро разорвала конвертъ моего письма; это обстоятельство дало мнѣ матеріалъ къ выводу, что отношенія Ольги Ивановны къ Шапову затягивались крѣпче. Въ этомъ я убѣдился скоро: желая познакомиться съ Н. И. Костомаровымъ по случаю приготовленія къ магистерскому экзамену по русской исторіи, я поѣхалъ въ клинику, чтобы заручиться письмомъ Шапова къ знаменитому специалисту. Въ клиническомъ саду я нашелъ его и Ольгу Ивановну; въ самомъ отличномъ и веселомъ настроеніи духа они гуляли и пили чай на вольномъ воздухѣ. Съ тѣхъ поръ она чуть не каждый день ѣздила въ медицинскую академію и навѣщала Шапова, а сама лечилась у Боткина электричествомъ отъ страшныхъ головныхъ болей, которыя повторялись у ней нерѣдко. Въ это время Аеанасій Прокофьевичъ совсѣмъ какъ будто переродился, долго не пилъ, не испытывалъ прежняго недовольства и много трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ и поправкой прежнихъ лекцій. Иногда онъ просилъ меня взять его на-поруки, приѣзжалъ съ Ольгой Ивановной въ отличномъ расположеніи духа и всегда съ горемъ торопился явиться въ клинику къ 12 часамъ ночи. Но канальи-служители нарочно запирали иногда раньше калитку и долго не пускали ученаго чудака, чтобы сорвать съ него покрупнѣе подачку. Много вытерпѣла и бѣдная Ольга Ивановна обидъ и непріятностей; иногда дежурные солдаты не пускали ее въ палату и чуть не выталкивали, преслѣдовали насмѣшками и ругательствами, но полтинники и рубли смягчали ихъ сердце. Впрочемъ, самъ Шаповъ заявилъ начальству, что Жемчужникова его невеста и потому просилъ позволить ей свободный входъ, чего дѣйствительно и добился. Къ этому времени относится выправленіе и помѣщеніе имъ одной изъ лучшихъ статей его „Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи“ („Рус. Слово“ 1864 г., № 1). Послѣ этого онъ бросилъ занятія въ прежнемъ направленіи и не написалъ ничего дѣльнаго и основательнаго.

Во время зимы студенты медико-хирургической академіи начали посѣщать Шапова цѣлыми толпами и въ кругу ихъ онъ вспоминалъ казанскую жизнь, свою силу и вліяніе; только теперь, вмѣсто прежнихъ обычныхъ словъ — земское строеніе, народосовѣтіе

и т. под.,—съ языка не сходили ссылки на Дарвина, Вундта, Фогта, Молешота, Гартвига и проч.

Положимъ, частое присутствіе студентовъ въ помѣщеніи Щапова доставляло ему пріятное развлеченіе и удовлетворяло профессорское самолюбіе, но зато вредно вліяло на направленіе его работъ, потому что толкало сильнѣе и сильнѣе на запоздалый путь занятій естественными науками и отвлекало отъ трудовъ, ему болѣе знакомыхъ и болѣе плодотворныхъ по исторіи отечественной.

Со времени посѣщенія студентами медицинскими Щапова, начали повторяться страдалческія дни для Ольги Ивановны: ревнивый до безконечности, онъ постоянно мучилъ ее подозрѣніями, дѣлалъ возмутительныя сцены, бранилъ и выгонялъ ее. Цѣлую зиму вспыхивали между ними по временамъ ссоры и раздоры или примиренія и прекрасныя отношенія; досталось и на мою долю довольно хлопотъ, когда являлась то та, то другая сторона съ жалобами. Видя бурную и горькую прелюдію брачной жизни, родственники и друзья Жемчужниковой не разъ совѣтывали ей бросить свои затѣи, которыя не могутъ имѣть ничего добраго въ будущемъ; но она слишкомъ глубоко вѣрила въ честную натуру Щапова и слишкомъ надѣялась на свои силы и терпѣніе, что можетъ перевоспитать со временемъ его дикій нравъ. Оскорбленія стали повторяться чаще; иногда онъ ругалъ безобразно Ольгу Ивановну въ присутствіи студентовъ и придирался къ ней безъ всякаго повода съ ея стороны. Особенно осталась мнѣ памятна масляница 1864 года. Прислалъ онъ мнѣ записку и просилъ взять его на-поруки въ прощальный день, чтобы провести у меня вечеръ съ Ольгой Ивановной; я пріѣхалъ за нимъ въ клинику часовъ въ пять, засталъ ее тамъ и нѣсколько человѣкъ студентовъ. Щаповъ былъ не въ духъ: то сейчасъ ѣдетъ, то раздумаетъ и ломается надъ Жемчужниковой, то прогоняетъ ее и велитъ ѣхать домой, то снова начинаетъ останавливать.

Не ожидая никакого толку, Ольга Ивановна собралась уѣзжать, а мы вдвоемъ рѣшили проводить ее; около квартиры Меліоранскихъ Щаповъ догналъ насъ на извозикѣ и началась возмутительная сцена среди улицы передъ толпой народа. Она плакала навзрыдъ и звала его къ себѣ, но онъ упирался, поднялся-было во второй этажъ, но не пошелъ въ квартиру и звалъ ее ѣхать ко мнѣ; согласилась она охотно, думая его успокоить, но ошиблась, потому что самыя горькія обиды и оскорбленія сыпались на бѣдную и въ моей квартирѣ. Тогда я не выдержалъ, велѣлъ проводить домой плачущую дѣвушку и началъ въ присутствіи другихъ говорить прямо, что онъ становится тираномъ такой умной и самоотверженной особы, предъ которой долженъ былъ бы благоговѣть, что онъ грязный самодуръ, не стѣдитъ ногтя чистой и благородной своей невѣсты... Такъ прощальный вечеръ закончился ссорами и громкимъ плачемъ Аванасія Прокофьевича. Послѣ видѣнной и слышанной мною варварской сцены,

я долго не посѣщалъ Шапова, несмотря на просьбы его и Ольги Ивановны, которая пріѣхала къ нему на другой же день: только дошедшій до меня слухъ, что его скоро выпроводятъ въ Восточную Сибирь на жительство, заставилъ меня навѣстить его—и мы примирились. Отъѣздъ свой на мѣсто родины онъ хотѣлъ протянуть до весны, а я отправился въ Москву на мѣсяцъ для занятій въ архивахъ; но когда вернулся оттуда,—ни Шапова, ни Жемчужниковой уже не было въ Петербургѣ; провожали ихъ до Любани родственники Ольги Ивановны, знакомый Шапова казанскій купецъ П. М. Клыковский и неизмѣнный П. А. Мулловъ.

Жемчужникова извѣщала изъ Казани своихъ родныхъ, что проводникъ ихъ жандармъ не позволялъ Шапову въ попутныхъ городахъ видѣться ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ; а если и соглашался допустить кого-либо, то бралъ по 25 руб. за персону. Затѣмъ, передавали мнѣ, что Аванасій Прокофьевичъ ужасно кипятился понапрасну въ канцеляріи генераль-губернатора передъ самымъ отправленіемъ; Ольга Ивановна долго не являлась съ своими прощаньями, когда все было готово къ отъѣзду, а онъ вообразилъ, что ее не хотятъ съ нимъ пустить и рѣшили выпроводить его одного въ Сибирь. „Подайте мнѣ жену, кричалъ онъ, зачѣмъ вы хотите отнять ее у меня?.. Безъ нея я не поѣду,—дѣлайте со мной, что хотите!..“

Для характеристики Шапова надо еще упомянуть, что онъ увезъ съ собою всѣ книги и тетради, которыя даны были ему знакомыми во временное пользованіе. Какъ у него брали свободно книги и зачитывали часто, такъ и онъ присвоивалъ чужія средства научной дѣятельности, словно онѣ составляли общественное достояніе. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, онъ нарочно отобралъ изъ библіотеки Крашенинникова рѣдкія русскія изданія XVIII-го стол., наполнилъ ими чемоданъ и уплатилъ впослѣдствіи деньги по старой дешевой цѣнѣ ихъ владѣльцу.

Крупный и оригинальный талантъ Шапова сразу привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ людей въ Россіи и, несмотря на неблагопріятныя условія, оказалъ большую услугу для развитія отечественной науки. Изъ сочиненій его выше всѣхъ можно по праву поставить слѣдующія изслѣдованія: „О славяно-русской миеологіи“ (ненапечатано), „О земскомъ строеніи, о русскомъ расколѣ, о великорусскихъ областяхъ и о древне-русской народной экономической жизни“¹⁾. Къ удивленію, послѣднія статьи прошли почти незамѣченными¹⁾. Достоинно вниманія, что высказанная мысль Шапова, 20 лѣтъ тому назадъ, о непрактической постановкѣ земскихъ учреждений въ Россіи, въ настоящее время вполне оправдалась на

¹⁾ Объ экономической жизни русскаго народа напечатано въ изслѣдованіи „Объ историко-географическомъ распредѣленіи народонаселенія въ Россіи“. („Рус. Слово“ 1864 г., № 1).

дѣлѣ и сознана всѣми. Онъ тогда еще предлагалъ взяться за мелкія единицы управленія, въ родѣ міровъ и сходовъ, и оканчивалъ общимъ земскимъ соборомъ.

Несмотря на множество рукописей и другихъ источниковъ для занятій русской исторіей въ Петербургѣ, Шаповъ не потрудился надъ разработкой ихъ и не написалъ ничего новаго, исключая статьи „О бѣгунахъ“, которую приготовилъ по неизвѣстнымъ еще рукописнымъ матеріаламъ, хранившимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ (а иногда искаженіемъ въ угоду публики) готовыхъ изслѣдованій, привезенныхъ изъ Казани, и печаталъ ихъ безъ связи и порядка, по требованію интересовъ времени, а не науки. Несомнѣнно, что петербургская жизнь ничего новаго развивающаго не дала Аванасію Прокофьевичу, а только поневолѣ отвлекла его отъ ученыхъ занятій, въ которыхъ заключалась вся его сила и мощь; скрѣпя сердце онъ кинулся въ публицистику, которая совсѣмъ не ладила съ его духомъ и характеромъ занятій. Въ самомъ способѣ изложенія, вмѣсто простоты и точности, зазвучала фальшивая струна сочиненности, претензіи на картинность и живость: стѣбитъ прослѣдить его статьи „Земство и расколъ“, какъ подъячій Докукинъ сидѣлъ опершись на локоть, какъ Пугачовъ явился на хуторѣ Еремы-Курицы и т. под., чтобы видѣть всю искусственность въ картинахъ. Онъ способенъ былъ къ проведенію идей, къ глубокому анализу и пониманію минувшей жизни, къ разъясненію ея тайнъ; а тяжелая артиллерія его публицистики непригодна была для стрѣльбы по воробьямъ. Онъ понялъ, хотя поздно, что журнальное занятіе не его дѣло; по своему умственному настрою и направленію работъ, онъ долженъ былъ человѣкомъ науки, кабинетнымъ труженникомъ и изслѣдователемъ прошлыхъ судебъ Россіи. Но привычка озадачивать публику рѣзкими и новыми идеями, громадныя самолюбивыя замыслы—создать оригинальную небывалую науку русской исторіи, увлекли его на необъятный подавляющій трудъ. Онъ бросилъ дальнѣйшее развитіе изслѣдованій по прежнему плану, сталъ пренебрегать разработкой созданной имъ системы исторіи, какъ старымъ занятіемъ, не возбуждающимъ ни въ комъ удивленія, и не окончилъ прежде намѣченныхъ работъ. Вмѣсто прямого положительнаго воззрѣнія на прошлую жизнь, началъ сильнѣе вырабатывать отрицательное направленіе. Поэтому совершенно справедливо замѣчено въ его некрологѣ: „Самыми лучшими работами Шапова останутся несомнѣнно работы перваго времени, составленныя на изученіи грамотъ, актовъ, лѣтописей, вообще—исключительно историческихъ памятниковъ, безъ особаго увлеченія естествознаніемъ... Если бы онъ, держась прежняго приѣма и не задаваясь никакими, болѣе широкими программами, разработалъ всю нашу исторію, то трудъ вышелъ бы несомнѣнно очень замѣчательный и, во всякомъ случаѣ, очень полезный въ нашей исторической литературѣ“. („Отеч. Зап.“

1876 г., № 5. „Внутр. Обзор. 183). Но увлеченіе естественными науками испортило всё его дальнѣйшіе труды.

Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что при составленіи жизнеописанія Аѳанасія Прокофьевича, я не имѣлъ въ виду подробно разбирать его сочиненія и дѣлать имъ критическую оцѣнку, чтобы выяснитъ его ученныя заслуги сравнительно съ другими дѣятелями на поприщѣ русской исторіи. Такая обширная задача, по моему мнѣнію, можетъ быть удачно исполнена только тогда, когда издадутъ „Полное собраніе сочиненій Шапова“, о чемъ слѣдовало давно бы похлопотать. Теперь я приведу въ ясность тѣ сочиненія и статьи Шапова, которыя онъ приготовилъ въ Петербургѣ, большею частью пользуясь лекціями и статьями, написанными имъ въ Казани; изъ нихъ почти третья доля остается въ рукописяхъ.

Ненапечатаны слѣдующія статьи:

Въ 1861 году: 1) „Объяснительная историческая записка о служеніи панихиды по убитымъ крестьянамъ въ с. Безднѣ“.

2) „Путешествіе отъ Казани до Петербурга“. (Письма о старинномъ и современномъ состояніи русскихъ селъ и городовъ, о народныхъ волненіяхъ и проч.).

3) „Расколъ“. (Небольшая статейка, написанная въ память тысячелѣтія Россіи).

4) „Регламентация и бюрократія“.

Въ 1862 году: 5) „О русскомъ дворянствѣ“. (Происхожденіе и развитіе дворянскаго сословія въ Россіи).

6) „Гражданская грусть“. (Дума неоконченная).

7) „Областные земскіе собранія и совѣты“.

Напечатаны слѣдующія статьи:

Въ 1861 году: 1) „Великорусскія области и смутное время (1606—1613 г.)“. „Отеч. Записки“ 1861 г., №№ 10 и 11.

2) „Земство и расколъ съ XVIII стол.“ Тамъ же № 12.

Статья эта издана отдѣльной брошюрой Кожанчиковымъ. Спб. 1862 года.

Рецензій и замѣтки на эту статью помѣщены: „Библ. для чтенія“ 1862 г., № 12. „Сынъ Отеч.“ 1862 г., № 44. „Соврем. Лѣтопись“ 1863 г., № 5. „Голосъ“ 1863 г., № 129. „Современникъ“ 1863 г., № 3. „Духъ Христіанина“ 1865 г., № 6, стр. 223.

Въ 1862 году: 3) „Сельская Община“. „Вѣстъ“, еженедѣльное изданіе 1862 г., №№ 1—6. Февраль.

4) „Земство“. Тамъ же, №№ 7—8.

5) „Русскіе самородки“. Тамъ же, №№ 9—10. Мартъ.

6) „Земскіе соборы XVII стол. Соборъ 1642 года“. Тамъ же, № 11.

7) „Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1867 года. „Отеч. Запис.“ 1862 г., № 3. Мартъ.

8) „Городскіе мірскіе сходы“. „Вѣстъ“ 1862 г., № 12. Мартъ.

9) „Сельскій міръ и мірской сходъ“. Тамъ же, №№ 13—14. Апрѣль.

- 10) „Земство и расколъ. Бѣгуны“. „Время“ 1862 г., № 10 и 11.
11) „Изъ бурсацкаго быта“ (Воспоминанія Щапова о своемъ воспитаніи въ Иркутскомъ духовномъ училищѣ). „Искра“ 1862 года.

Въ 1863 году: 12) „Съ новымъ годомъ“. „Очерки“ 1863 г., № 1.

13) „Замѣтка о самоуправленіи“. Тамъ же, № 2 и 4.

14) „Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій“. „Современное Слово“ 1863 г. Прибавленіе № 5.

15) „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія, православнаго и раскольничьяго“. „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1863 г. съ 1-й кн.

Эта статья издана и отдѣльной брошюрой. Спб. 1863 г.

Рецензіи въ „Голосѣ“ 1863 г., № 69. „Отеч. Запис.“ 1862 г., № 9.

Въ 1864 году: 16) „Естествознание и народная экономія. Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи“. „Русское Слово“ 1864 г., № 1.

Статья издана отдѣльной брошюрой. Спб. 1864 г.

17) „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“. Статья 1. Посвящено памяти Банзарова. (Продолженія не было). „Библиот. для чтенія“ 1864 г., № 1.

Вотъ всѣ извѣстные мнѣ литературные труды Щапова, какими онъ занимался втеченіе своего трехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ.

Х.

Первоначальное устройство дѣлъ Аванасія Прокофьевича въ Сибири. — Надежды на возвращеніе въ Петербургъ. — Знакомства у Щаповыхъ въ г. Иркутскѣ. — Ученныя занятія русской исторіей по новой методѣ. — Изслѣдованія сибирскаго края и взглядъ на общество. — Бѣдность Щаповыхъ. — Ольга Ивановна, ея занятія, развитіе и преждевременная кончина. — Послѣдніе годы жизни и смерть Щапова. — Перечень его сочиненій, писанныхъ въ Иркутскѣ.

По отъѣздѣ Аванасія Прокофьевича изъ Петербурга, я не имѣлъ уже съ нимъ никакихъ сношеній, а потому пребываніе его въ Иркутскѣ мнѣ приходится описывать на основаніи печатныхъ сообщеній и немногихъ писемъ своихъ знакомыхъ.

Щапова послали за Байкаль, на мѣсто его родины, въ с. Ангугу для постояннаго жительства, но скоро разрѣшили поселиться въ г. Иркутскѣ, потому что на его рукахъ осталось цѣлое семейство брата его, умершаго священника. Въ Ангугу онъ ѣздилъ только разъ для свиданія съ матерью и для устройства ея дѣлъ. На первыхъ порахъ давно невиданная Сибирь сильно увлекала его, потому что

онъ представлялъ ее въ своей живой фантазіи совсѣмъ не такою, какою нашелъ на самомъ дѣлѣ, при практическомъ столкновеніи съ жизнью. Сперва онъ устроился довольно сносно. Ольга Ивановна учила нѣкоторыхъ его племянниковъ; самъ онъ весь отдался занятіямъ естественными науками и подготавливалъ матеріалы для цѣлаго ряда новыхъ оригинальныхъ изслѣдованій въ области русской исторіи. Первые годы Шаповы не чувствовали большихъ недостатковъ. Протоіерей Н. А. Меліоранскій далъ своей племянницѣ Жемчужниковой 200 руб., при отправленіи ея со Шаповымъ въ Восточную Сибирь; но этихъ денегъ хватило только на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ отослано было, кажется, 3.000 рублей, которые тоже быстро были израсходованы. Дѣло въ томъ, что ни Ольга Ивановна, ни Аеанасій Прокофьевичъ, не знали цѣны деньгамъ и расходовали ихъ безъ расчета, когда ихъ было много въ рукахъ. Пока былъ живъ Меліоранскій, онъ не забывалъ племянницы; но вскорѣ онъ скончался—и Шаповы уже ни откуда не могли ожидать пособія. Теперь въ случаѣ нужды можно было доставать деньги только въ долгъ, и Аеанасій Прокофьевичъ нерѣдко обращался къ бывшему своему слушателю казанской академіи К. В. Лаврову, который передавалъ ему въ разное время взаимны нѣсколько сотъ рублей.

Отношенія Шапова къ Ольгѣ Ивановнѣ были двухъ родовъ: подъ пьяную руку онъ не только часто съ ней ссорился, но и дрался, о чемъ она однажды съ глубокой грустью писала родственницамъ въ Петербургъ; но зато когда протрезвлялся, просилъ у нея прощенія въ оскорбленіи, плакалъ, валялся у ея ногъ и т. под. Постояннымъ поводомъ къ размолвкамъ служила его крайняя подозрительность или, лучше сказать, ревность, такъ что нѣкоторые изъ знакомыхъ, имѣя свѣдѣнія, что ихъ посѣщенія тяжело отзываются для Ольги Ивановны, перестали бывать у нихъ.

Въ Иркутскѣ Шаповъ не могъ встрѣтить общества ученыхъ людей и только съ немногими сходилъ не надолго. Въ біографическомъ его очеркѣ, между прочимъ, сказано: „Глубокая потребность къ какой нибудь живой общественной дѣятельности не находила себѣ почти никакого выхода и могла выразиться только въ рѣчи, написанной для ломоносовскаго юбилея, да въ публичной лекціи объ умственномъ развитіи человѣка. Но эти рѣдкія появленія Шапова въ качествѣ публичнаго оратора проходили въ Иркутскѣ почти незамѣченными и глубоко, болѣзненно огорчали его... Онъ велъ уединенную жизнь вмѣстѣ съ своей женою, но какъ ни страстно онъ отдавался своимъ трудамъ, какъ ни погружался онъ въ свои книги—горькое сознаніе своей испорченной жизни не заглушалось, и Шаповъ снова запыль, запыль ужасно... Долго и упорно боролась съ его порокомъ его жена, употребляя почти сверхъестественныя усилія, подвергаясь даже оскорбленіямъ и побоямъ своего бѣшеннаго въ пьяномъ видѣ мужа, но наконецъ достигла своей цѣли, и Шаповъ пересталъ

пить. Вообще она имѣла на него огромное вліяніе и хотя медленно, но постепенно приближалась къ выполнению своей задачи, къ нравственному перевоспитанію, развиваясь въ то же время и сама.“ („Новое Время“ 1876 г., № 252).

Подспорьемъ для хозяйства Шаповыхъ служили деньги, получаемыя Ольгой Ивановной отъ частныхъ уроковъ, и жалованье изъ женской гимназіи, гдѣ она состояла учительницей болѣе двухъ съ половиной лѣтъ. Чтобы дѣльно проводить время и вмѣстѣ имѣть развлеченіе, она дома у себя устроила литературные вечера, на которыхъ собирались немногіе знакомые Шаповыхъ. О своихъ иркутскихъ знакомыхъ Аванасій Прокофьевичъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія.

„У насъ съ Оленькой, втеченіе 10-ти лѣтъ, не было даже и непрерывнаго, постояннаго знакомства, вполне систематичнаго. Все метеорами, спорадически, разновременно и на самое короткое время появлялись въ Иркутскѣ отрадныя, лучшіе люди и болѣе или менѣе развитые, честные, теплосердечные, и то больше появлялись въ послѣднія 4 или 5 лѣтъ нашего уединенія въ иркутскомъ острогѣ (т. е. городѣ Иркутскѣ), сближались съ нами, доставляли намъ отраду и оживленіе своимъ знакомствомъ, кто полъ-года, кто годъ, кто годъ съ двумя или тремя мѣсяцами—и опять исчезали, уѣзжали одинъ за другимъ.“ Въ числѣ симпатичныхъ знакомыхъ своихъ Шаповъ отличаетъ слѣдующія лица: кандидатъ спб. университета Г. А. Л., бывшій учитель гимназіи иркутской А. П. Гурлади и супруга его В. Д. Г., полковникъ В. А. Бѣльцевъ съ женой, полякъ Даукаша. „Въ самое же послѣднее время, по сообщенію Шапова, когда почти всѣхъ этихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ не стало, Ольга Ивановна только и дорожила единственнымъ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ жившимъ въ Иркутскѣ и занимавшимся учительствомъ студентомъ Г. Х. Фризе и его умной, честной и добросердечной женой Александрой Васильевной... Всѣ они появлялись временно, только мы съ Оленькой, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ, безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ“. („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. „Внутр. Обзор.“, стр. 192—195).

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, приходилось только стараться, нельзя ли переселиться изъ глубины Сибири хотя бы въ какой либо приволжскій городъ, если уже невозможно въ столичный.

Надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ долгое время не покидала Шапова; особенно Ольга Ивановна хлопотала улетѣть изъ Иркутска и въ каждомъ письмѣ просила своихъ родныхъ петербургскихъ похлопотать о возвратѣ. Дѣйствительно, хлопоты о немъ были нерѣдки, но не приводили къ желаемой цѣли; когда въ Москву назначенъ былъ митрополитомъ Иннокентій, родственникъ Шапова, въ Петербургѣ не сомнѣвались, что его перемѣстятъ изъ Иркутска.

Доброжелатели Шапова настроили-было дѣло такъ, что ему пред-

стояло скорое разрѣшеніе вернуться изъ Иркутска; но задорная рѣчь, сказанная имъ на родинѣ по поводу столѣтняго юбилея Ломоносова въ 1865 г., сразу отбила всякую надежду на возвратъ. Затѣмъ возникло въ г. Омскѣ дѣло по поводу пущенной въ ходъ записки объ освобожденіи и самостоятельности Сибири; Щапова, неизвѣстно по какому случаю, тоже впутали въ это дѣло, вызвали въ г. Омскѣ; но нашли совсѣмъ невиннымъ. Да его по этимъ дѣламъ давно бы слѣдовало оставить въ покоѣ, какъ человѣка совершенно неспособнаго стоять во главѣ какого бы то ни было практическаго предпріятія и совсѣмъ негоднаго политическаго организатора, хотя буйнаго на рѣчахъ. Въ Омскѣ онъ лежалъ нѣсколько времени больной, потому что дорогой разбили его лошади, выбросили изъ повозки, а онъ запутался обѣими ногами въ возжахъ и долго тащился по дорогѣ, отчего произошло растяженіе сухожилій. Пашковъ видѣлъ его въ домѣ жандармскаго полковника Рыкачева, гдѣ онъ изучалъ зоологію, мечталъ о будущихъ трудахъ своихъ, рвался домой къ работѣ и, какъ ребенокъ, радовался, что, устроившись въ „Русскомъ Словѣ“, онъ можетъ не поступать на службу и въ состояніи будетъ жить однимъ литературнымъ трудомъ. („Дѣло“ 1876 г., № 4. Некрологъ).

Въ 1870 г., декабря 15-го, онъ писалъ Муллову въ Нижній-Новгородъ, гдѣ тотъ служилъ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда: „Не возьму я въ толкъ, сердяга Павелъ Андреичъ, отчего это столько лѣтъ и столько зимъ мы ничего не писали другъ другу? А между тѣмъ, какъ часто, какъ часто я и жена вспоминали и вспоминаемъ васъ, тебя. Зайдетъ ли рѣчь съ немногими иркутскими знакомыми (изъ казанскаго университета) о товарищахъ и друзьяхъ давно минувшихъ лѣтъ, приходится ли высказать кому тяжелое, грустное сожалѣніе о томъ, что нѣтъ здѣсь тѣхъ людей, той породы людей, съ какими прежде водилъ дружбу, всегда съ какимъ-то пріятнѣйшимъ воодушевленіемъ распространишься о Мулловѣ и до идеализаціи изольешь всю симпатію къ нему. Вспоминаемъ мѣткіе, характеристичные афоризмы, изреченія Муллова, вспоминаемъ образцы его личной прямоты, искренности, доброты, свѣтлаго, мѣткаго, прямого ума... А все молчишь и не пишешь ничего къ нему! Не возьму я въ толкъ и не придумаю, отчего это? Между тѣмъ, пора придти ужъ времячку—и снова увидѣться. Рвемся съ женой снова видѣться съ Мулловымъ. Сдѣланд уже два порыва. Не будутъ удачны—будетъ сдѣланъ третій порывъ въ Нижній, а если не въ Нижній, то куда нибудь на берега Волги-матушки.

„Теперь не буду ничего писать. Пришли скорѣе свой точный, подлинный адресъ. А вотъ нашъ адресъ: Въ Иркутскѣ, такому-то болвану, живущему по Харлампьевской улицѣ, въ домѣ дьякона Литвинцева.

„Одинъ изъ новыхъ моихъ знакомыхъ, Конст. Вас. Борсукъ, бывший 3½ года вольнымъ слушателемъ въ казанскомъ университетѣ

на юридическомъ факультетѣ, желаетъ поступить къ вамъ на службу, сильно желаетъ. Не можешь ли сдѣлать что нибудь для него? Прилагается при семъ формуляръ его, собственноручно имъ списанный для передачи тебѣ.“

Изъ этого письма видно, что Шаповы и въ 1870 году еще не теряли надежды на переселеніе изъ ненавистнаго Иркутска; а съ другой стороны въ письмѣ выражена характеристическая черта Шапова—не вести ни съ кѣмъ переписки безъ самой крайней необходимости, несмотря на личное желаніе. „А все молчишь и не пишешь ничего! Не возьму я въ толкъ, отчего это?..“

Чѣмъ далѣе, тѣмъ жизнь Шаповыхъ въ Иркутскѣ становилась грустнѣе и безнадежнѣе; самыя занятія и ученая дѣятельность Аеанасія Прокофьевича на новомъ поприщѣ оказались весьма неудачны. Объ этихъ трудахъ высказывали такія соображенія:

„Шаповъ хотѣлъ приложить къ русской исторіи естественно-научный методъ и съ жадностью проглатывалъ выходящіе въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ оставался профессоромъ на кафедрѣ исторіи, имѣлъ обезпеченное матеріальное положеніе, время и всѣ средства, то, рано или поздно, онъ совладалъ бы съ этою огромною задачею. Но онъ поставленъ былъ въ необходимость писать и писать что нибудь, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Понятно, что вмѣсто зрѣлыхъ трудовъ онъ долженъ былъ давать только недоноски, часто въ зачаточномъ состояніи, въ особенности въ послѣднее время... Шапова и въ Иркутскѣ нельзя было почитать человѣкомъ окончательно потеряннымъ. Напротивъ, можно думать, что, при болѣе обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, при болѣе участіи къ нему общества, при надеждѣ на возвращеніе въ Петербургъ, онъ могъ бы явиться оттуда обновленнымъ и съ болѣе зрѣлыми силами для литературы.“ („Отч. Записки“ 1876 г., № 5, Внутр. Обзор., стр. 184—193). Но судить о томъ, что вышло бы изъ работъ Шапова при другихъ условіяхъ, очень мудрено: слишкомъ поздно онъ взялся учиться, чтобы перестроить цѣлую науку.

Увлекаясь реальными взглядами Писарева, онъ иногда доводилъ ихъ до послѣдней крайности; не владѣя основательно иностранными языками и взявшись за разработку русской исторіи на началахъ естественно-научныхъ знаній, онъ могъ только самъ изучать ихъ по случайнымъ переводамъ на русскій языкъ. Въ Иркутскѣ онъ не въ состояніи былъ достать необходимые ему матеріалы для разработки избраннаго предмета: тамъ не нашелъ онъ сносной библіотеки, а выписывать все на свои средства—надо было имѣть громадное состояніе. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ торопился поскорѣе печатать свои незрѣлыя работы, чтобы достать средства для содержанія, и потому въ его сочиненіяхъ, рядомъ съ удачными частными выводами, мы встрѣчаемъ самыя одностороннія сужденія и невѣрные заключенія.

Такое положеніе онъ, конечно, могъ бы и самъ взвѣсить и бросить бесплодныя занятія. Между тѣмъ, оставивъ свой привычный прежній путь изслѣдованій, онъ не въ силахъ былъ проторить новую тропу въ незнакомой ему области естествознанія. Это возбуждало искреннее сожалѣніе въ людяхъ науки, безмолвно смотрѣвшихъ на гибель таланта.

Изъ уваженія къ прежней дѣятельности Щапова, никому въ голову не приходило и рука не поднималась писать критическія статьи по поводу его разныхъ иркутскихъ изслѣдованій. Дѣло понятное, что писать о немъ—значило указывать на постепенное паденіе его таланта и безплодность его новыхъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Только одинъ трудъ его 1870 года: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ вызвалъ большую полемику въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Вмѣсто того, чтобы изучать развитіе русскаго народа въ связи съ особенностями его края и природы, Щаповъ обыкновенно бралъ общую какую-нибудь мысль заграничнаго ученаго и подтверждать ее рядомъ частныхъ явленій изъ русской жизни, въ чемъ не было никакой надобности. Русскій народъ принималъ отвлеченныя общія черты и нельзя было отыскать его отличительныхъ особенностей; такъ, онъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ доказывалъ, что у русскаго человѣка кулакъ очень крѣпокъ и поэтому онъ сколотилъ такое громадное государство. Самая постановка многихъ вопросовъ была не научна и тщательное рѣшеніе ихъ не могло принести пользы русской исторіи. Изслѣдуя міросозерцаніе русскаго народа, онъ постоянно смѣшивалъ понятія и воззрѣнія простолюдиновъ, книжныхъ людей и бояръ; самый складъ міровоззрѣнія основывалъ на господствѣ фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы и монотеистическаго страха единой невидимой силы Божіей въ природѣ и т. под. („Отеч. Записки“ 1873 г., № 3, стр. 333). Справедливо замѣчено объ этомъ въ „Воспоминаніи“: „Стѣило Щапову завладѣть какимъ-нибудь новымъ выдающимся естественно-научнымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ немедленно положить его въ основаніе русской исторіи и изъ него односторонне объяснять всѣ ея событія. Извѣстны въ такомъ родѣ его работы, сдѣланныя подъ вліяніемъ изслѣдованій Либиха о хищническомъ пользованіи землею. Въ томъ же родѣ и его послѣднія работы, печатавшіяся въ „Отеч. Запискахъ“...

„Скудость источниковъ и пособій заставляла его, съ одной стороны, дорожить тѣми предметами, по которымъ имѣлись въ рукахъ даже кой-какіе источники и пособия, и писать о нихъ огромные трактаты, даже цѣлыя книги, тогда какъ, при другомъ положеніи, онъ относительно этихъ самыхъ предметовъ ограничился бы, быть можетъ, изслѣдованіемъ въ-пятеро меньше по объему, что не помѣшало бы послѣднему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе содержательнымъ; съ другой стороны, та же скудость источниковъ и посо-

бій невольно склоняла его къ переходу отъ изслѣдованія общихъ предметовъ къ частнымъ, мѣстнымъ, по которымъ у него былъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ въ виду. Между тѣмъ, то и другое совершенно не совпадало съ цѣлями текущей прессы и вело къ тому, что изслѣдованія не находили помѣщенія ни въ одномъ изъ журналовъ... Щаповъ въ Иркутскѣ писалъ очень немало, но труды его едва ли даже на половину находили помѣщеніе въ журналахъ и съ каждымъ днемъ становились все слабѣе и слабѣе какъ отъ скудости матеріаловъ, такъ и отъ спѣшности работы“ („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. Внутр. Обзор., стр. 183, 194, 195).

Языкъ его сталъ еще болѣе безобразнымъ отъ множества ненужныхъ иностранныхъ словъ, напримѣръ: натуръ-фавматологическій, телеолого-оптимистическій, сенсуально-фетишическій, сантиментально-филантропическій, фругиворный, социально-кооперативный, теолого-пантофобическій, импульсироваться и т. п.

Въ 1867—68 годахъ, Щаповъ напечаталъ нѣсколько изслѣдованій по русской исторіи въ журналѣ „Дѣло“; а съ 1870 года появился его рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Но статьи эти отличались растанутостью, были односторонни и слабы; нѣкоторыя длинныя его изслѣдованія редакціи сокращали до малыхъ размѣровъ. Такъ статья, напечатанная въ 1873 году подъ заглавіемъ: „Міро-созерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества“ составляетъ отрывокъ изъ большого сочиненія, какъ отмѣчено въ примѣчаніи: „Сокращенное извлеченіе изъ полного очерка исторіи русскаго общества, гдѣ разсматриваются и всѣ другія сферы общественной жизни, какъ то: народная экономія или общественное обезпеченіе фізіологической потребности пищи, жилища и одежды, общественныя санитарныя понятія и учрежденія, эстетическія понятія и увеселенія, антрополого-этнографическія понятія и международныя отношенія и проч.“ („Отеч. Записки“ 1873 г., № 2, стр. 333). При-сылавшіяся Щаповымъ въ послѣднее время въ Петербургъ статьи были до того слабы и вялы, что негодились для печатанія. Литературный трудъ, такимъ образомъ, пересталъ быть источникомъ дохода, и онъ очутился въ нищетѣ. („Дѣло“ 1876 г., № 4, стр. 159).

Кромѣ общихъ вопросовъ о минувшей судьбѣ нашихъ предковъ, Щаповъ занимался мѣстными этнографическими задачами сибирскаго края, трудился въ архивѣ отдѣла тамошняго географическаго общества. Въ 1869 году онъ командированъ былъ въ ученую экспедицію къ устьямъ р. Енисея; въ этой трудной поѣздкѣ, особенно отъ Туруханска до села Ворогова, принимала участіе супруга его и перенесла много лишеній и страданій въ 30-ти дневное плаваніе по Енисею. Тогда онъ собралъ богатые антропологическія и этнографическія данныя, часть которыхъ напечатана. Въ 1874 году, тоже по порученію общества, произведены Щаповымъ этнографическія изслѣдованія въ

Приленскомъ краѣ, въ мѣстности „Братская степь“. Плодомъ этихъ работъ было нѣсколько статей и большой черновой, необработанный матеріалъ ¹⁾. Весь этотъ трудъ раздѣляется на 5 главъ или отдѣловъ: 1) Историко-географическое и этнографическое распределѣніе населенія; 2) физическое и этнологическое-генеалогическое развитіе населенія; 3) о психологическомъ развитіи населенія; 4) объ общественномъ и экономическомъ развитіи населенія и 5) домашняя и семейная жизнь ¹⁾. Изъ 4-й главы этого матеріала напечатана была впоследствии статья подъ такимъ заглавіемъ: „Эгоистическіе инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятской-улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской“. Шаповъ иногда помѣщалъ статьи въ газетѣ „Сибирь“ и между прочимъ печаталъ разсужденіе по вопросу о сибирскомъ университетѣ. Даже передъ самой своей смертью онъ готовилъ статью въ эту газету.

Съ 1872 года Шаповъ ежегодно помѣщалъ въ „Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ историко-географическія и этнографическія статьи о сибирскомъ населеніи вообще и объ инородцахъ въ частности. Большая часть этихъ изслѣдованій отзываются крайностями въ воззрѣніи, подъ вліяніемъ естественныхъ не переработанныхъ знаній: въ жизнь сибирскихъ инородцевъ онъ вносилъ свои предзанятія понятія вмѣсто того, чтобы дѣлать выводы на основаніи добытыхъ данныхъ изъ самой ихъ жизни. Въ 1873 году вышло сочиненіе В. Вагина „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири“. Аѳанасій Прокофьевичъ написалъ по поводу этой книги рядъ статей, подъ заглавіемъ „Сибирское общество до Сперанскаго“.

Тяжелое положеніе Шаповыхъ, бѣдность и озлобленіе на безучастіе окружающаго общества, нерѣдко отражались и на сочиненіяхъ Аѳанасія Прокофьевича. Больше и больше онъ склоненъ былъ выставить съ отрицательной стороны свойства и дѣятельность русскаго народа, разсуждать о его безсердечіи, историческомъ равнодушіи къ инородцамъ и проч. Особенно на этотъ разъ досталось отъ него сибирякамъ, которыхъ онъ обрисовывалъ самыми мрачными чертами въ статьѣ: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“. („Отечественныя Записки“ 1872 г., № 10-й, стр. 459—505). Разсказывая нѣсколько случаевъ вымиранія цѣлыхъ родовъ корыстолюбцевъ—эксплуататоровъ, вслѣдствіе душевнаго вырожденія, Шаповъ говоритъ: „Подобные факты, мнѣ кажется, свидѣтельствуютъ, какимъ психо-физическимъ растлѣніемъ и паденіемъ человѣческой природы сопровождается, при неразвитости мозга или ума, господство однихъ грубыхъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ на-

¹⁾ Некрологъ А. П. Шапова. М. 3—на. „Извѣстія сибирскаго отдѣла Н. Геогр. общества“. 1876 г., т. VII, №№ 1—2.

клонностей, всежизненное, всецѣлое напряженіе и возбужденіе мозга одною своекорыстною, буржуазною, эксплуататорскою жадностью къ деньгамъ и полнѣйшее отсутствіе всякихъ высшихъ человѣческихъ чувствъ и побужденій. А, къ прискорбію, въ Сибири, особенно въ глуши ея дикихъ лѣсныхъ захолустій, среди суровыхъ физико-экономическихъ условий существованія и труда, грубая, эгоистически-приобрѣтательныя наклонности цѣнятся еще, большею частію, какъ единственныя высшія человѣческія достоинства, и путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности передаются изъ рода въ родъ“...

Проводя существованіе съ вѣчной тоской и горемъ въ ненавистномъ городѣ, Щаповы обречены были терпѣть постоянную нужду и бѣдность. По словамъ Аванасія Прокофьевича, они чахнули въ иркутскихъ квартирахъ, „постоянно вздыхая и печалась о томъ, какъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ бы и на что бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія страпки, какъ бы замѣнить новымъ до дыръ, а иногда и до износу занашенное, ветхое бѣлье, какъ бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ, печалась и вздыхая обо всемъ этомъ изъза того, какъ бы хоть сколько нибудь поспокойнѣе углубиться въ свои умственные занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшее изъ Оленьки и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное! И ты, моя многострадальная, долготерпѣливая, его пережила!..“ Щаповъ рассказываетъ, что въ концѣ 1873 года Ольга Ивановна, хотя и больная, захотѣла устроить читальныя вечера въ своемъ кружкѣ, какіе прежде существовали по ея инициативѣ около двухъ лѣтъ; но привести въ исполненіе эту мысль помѣшала „экономическая несостоятельность—издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишнія (6—8) чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей!“ („Отечественныя Записки“ 1876 года, № 5-й, „Внутреннее Обозрѣніе“, стр. 195, 196).

Изъ тяжелой борьбы съ нравственными недостатками мужа Ольга Ивановна вышла побѣдительницей — и Щаповъ пересталъ пить въ семидесятыхъ годахъ. Онъ заявляетъ о ея многострадальной борьбѣ съ его грубымъ порокомъ—пьянствомъ, которымъ страдалъ въ первые годы сожителства съ нею и отъ котораго избавился только благодаря ея энергическимъ усиліямъ.

Сильно-развившаяся болѣзнь Ольги Ивановны заставила ее въ 1872 году отказаться отъ занятій въ женской гимназіи, и Щаповы уже не находили источниковъ для приобрѣтенія средствъ для жизни, а очутились въ совершенной нищетѣ.

Къ довершенію несчастья, и самъ Щаповъ заболѣлъ, такъ что некому было похлопотать о ежедневномъ пропитаніи; 18-го сентября 1873 года „Общество пособія литераторамъ постановило выдать ему пособие въ 300 рублей. Черезъ годъ 21-го октября комитетъ литературнаго фонда опредѣлилъ выдать еще 300 рублей, оставляя за

нимъ право полученія пособия ежегодно по 300 рублей, пока поправится его здоровье; но въ слѣдующемъ году онъ не обращался за пособиемъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни, по заявленію ближайшаго знакомаго Г. Х. Фризе, Щаповъ жилъ чуть не въ лачугѣ, въ страшной бѣдности. Ангеломъ-хранителемъ была его жена, о которой знакомые отзываются не только съ уваженіемъ, но съ благоговѣніемъ, какъ о святой женщинѣ; она самостоятельно взяла на себя тяжелый крестъ и несла его до конца жизни, сокрушая свои молодыя силы въ глухой борьбѣ; она ободряла и поддерживала Аеанасія Прокофьевича въ его горькой нищетѣ и злосчастіи. Если ему, воспитанному въ суровой бѣдѣ, жизнь иркутская казалась страшно тяжелой, то каково же было выносить эту каторгу Ольгѣ Ивановнѣ, съ дѣтства привыкшей къ роскошной жизни!

Въ своемъ „Воспоминаніи“ съ 25-го по 30-е марта 1874 года, Щаповъ рисуетъ довольно подробно личность и дѣятельность Ольги Ивановны втеченіе 10-ти-лѣтней иркутской жизни, какъ она сильно занималась, заботилась о своемъ развитіи и приобрѣтеніи знаній, изучала вопросы, занимавшіе ея супруга. „Въ первые годы моего сближенія и сожительства съ нею, пишетъ Аеанасій Прокофьевичъ, она больше поражала и плѣняла меня своими высокими нравственными качествами: необыкновенною добротою, прямодушною, такъ сказать, истинно-демократическою простотою, естественностью и беззащитностью въ поступкахъ и разговорахъ, полнѣйшею честностью и справедливостью не только во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ мысляхъ и сужденіяхъ, полнѣйшею искренностью чувствъ и убѣжденій. Глубина, сила и основательность ея мысли тогда еще не высказывались особенно рельефно. Многія понятія еще несовсѣмъ были выработаны... Но, живя въ Иркутскѣ одинаково со мною, въ полнѣйшей отрѣшенности отъ общества, постоянно сосредоточенною, самоуглубленною жизнію, постоянно читая серьезныя, научныя книги съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ, потомъ два года съ половиною или болѣе, съ внимательнѣйшею сосредоточенностью занимаясь самостоятельной разработкой и приготовленіемъ уроковъ для дѣтей женской гимназіи, постоянно серьезнѣйшимъ анализомъ и размышленіемъ перерабатывая въ своей головѣ каждый вопросъ науки или жизни, каждый общественный или житейскій фактъ, каждое новое наблюденіе, — даровитая Ольга Ивановна годъ отъ году все больше и больше развивалась... Она достигла высокаго, серьезнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія, единственно вслѣдствіе многолѣтней сосредоточенной жизни въ Сибири со мною, вслѣдствіе непрерывной ежедневной самостоятельной работы своей головы, своей мысли, вслѣдствіе постоянного серьезнаго чтенія и размышленія, вслѣдствіе постоянного глубокаго анализа жизненныхъ и общественныхъ фактовъ и наблюденій“. При чтеніи лучшихъ сочиненій по

части естествознанія, она дѣлилась съ мужемъ живыми впечатлѣніями новыхъ идей, возбуждавшихъ въ ней рядъ новыхъ мыслей, выводовъ, убѣжденій и чувствъ, или обращалась къ нему съ разными вопросами, недоумѣніями и сомнѣніями. Въ сочиненіяхъ великихъ европейскихъ мыслителей она указывала супругу ту или другую мысль, противорѣчившую его идеѣ, или опровергала его выводъ. Читая газету или журналъ, Ольга Ивановна постоянно указывала Щапову на все замѣчательное и всегда удивительно согласно съ общимъ характеромъ міросозерцанія и убѣжденій его. Чтеніе составляло высшее утѣшеніе жены Щапова, который говоритъ: „При нашей сложности скучнаго домашняго хозяйства, она имѣла полную возможность просиживать цѣлыя дни за чтеніемъ. Въ послѣдніе годы жизни, когда начались и все болѣе осложнялись, усиливались ея разные болѣзненные страданія и когда она не могла уже заниматься ни въ мѣстной гимназій, ни частными уроками, она, можно сказать, только и жила и дышала однимъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ, лучшихъ журналовъ и внимательнымъ обзоромъ лучшихъ газетъ. Это занятіе ея только и прерывалось, по временамъ, нашими взаимными бесѣдами о литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ, да изрѣдка какимъ нибудь моимъ чтеніемъ изъ своихъ литературныхъ работъ“... При постороннихъ людяхъ или гостяхъ, она, бывало, болѣе молчить, слушаетъ бесѣды или разсужденія и споры, не часто возразить, выскажетъ свое мнѣніе или убѣжденіе, но зато возразить всегда кстати, поразительно мѣтко, обдуманно, разумно и полноувѣсно. Если появлялся человѣкъ не симпатичный, съ фальшивыми понятіями и чувствами, она сейчасъ выражала антипатію къ этому человѣку, нерѣдко прямо обнаруживала ее передъ нимъ, рѣшительно отворачиваясь отъ него. Когда мужъ ея въ бесѣдѣ съ знакомыми высказывалъ ошибочныя мысли и сужденія, она всегда безпристрастно, рѣзко и основательно возражала противъ его ошибокъ. Въ Аванасіи Прокофьевичѣ она цѣнила не одиѣ умственные способности, но еще болѣе его кровную искренность, энтузіастичность и непоколебимую твердость убѣжденій. „Для меня и для себя, пишетъ Щаповъ, она желала заводить и поддерживать знакомство и сообщество только съ людьми, болѣе или менѣе истинно-развитыми, честными, справедливыми, гуманными и естественно-простосердечными, не гордыми, не стѣснявшими насъ и съ нашей стороны не стѣснявшимися никакими ложными подсказываніями самолюбія, скрытности и фальшивой этикетности. Чуть вѣяло отъ человѣка отрадной, живительной теплотой непритворныхъ, искреннихъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ чувствъ, убѣжденій и стремленій,—она сейчасъ проникательно отгадывала и справедливо оцѣнивала этого человѣка, чувствовала къ нему искреннюю симпатію, съ живымъ, радостнымъ, сердечно-прямодушнымъ сочувствіемъ и радушіемъ принимала его, не взирая на его общественное положеніе“. Былъ у Щаповыхъ одинъ знакомый бур-

сакъ, несправедливо исключенный изъ семинаріи, неуклюжій и невзрачный, но способный и честный въ убѣжденіяхъ, простой и искренній въ словахъ и поступкахъ. „Если этотъ бурсакъ, замѣчаетъ Щаповъ, долго не приходилъ къ намъ и съ горы погибалъ въ пьянствѣ, то она всегда посылала меня розыскать его, привести къ намъ, и сама употребляла все свое нравственное вліяніе, чтобы поддержать его, спасти отъ гибели и направить въ университетъ“. („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. „Внутр. обозр.“, 188—192).

Долго догорала жизнь этой бѣдной молодой женщины при самой печальной обстановкѣ, отсутствіи правильнаго леченія, порядочнаго домашняго покоя и сносной пищи. Скончалась бывшая Жемчужникова въ молодыхъ лѣтахъ 13-го марта 1874 г. Во время ея болѣзни Щаповъ доходилъ до самаго тяжелаго, мрачнаго расположенія духа; онъ ожесточился на все окружающее его общество, считая его ехиднымъ, злымъ и безсердечнымъ, а Иркутскъ онъ возненавидѣлъ до глубины души и называлъ его отвратительнымъ острогомъ.

По смерти Ольги Ивановны, Щаповъ потрясенъ былъ окончательно, снова запилъ съ горя и самъ сильно заболѣлъ, оставаясь совершенно въ безвыходномъ нищенскомъ состояніи.

Послѣ энергической подруги, Щаповъ весьма часто посѣщалъ ея могилу, несмотря ни на какую погоду, и просиживалъ по нѣскольку часовъ, какъ-будто укрѣплялся въ терпѣніи, вызывая къ улетѣвшей сочувствующей душѣ. Сильнѣе и сильнѣе стала находить на него тяжелая хандра, онъ сдѣлался страшно рѣзокъ и нетерпимъ до крайности и возбуждалъ въ близкихъ людяхъ глубокую жалость къ своей горемычной долѣ. Онъ сильнѣе опустился и здоровье измѣнилось ему совсѣмъ: въ послѣднее время онъ едва таскалъ ноги, охромѣлъ и ходилъ тихо, пошатываясь, точно старикъ; зрѣніе его до такой степени притупилось, что онъ едва могъ читать свою крупную и размашистую рукопись. Очевидцы передавали, что иногда приглашали его передовые иркутскіе люди на литературные вечера, какъ представителя либеральныхъ убѣжденій, одѣвали его въ сборное платье, привозили его на вечеръ, ставили на столѣ четыре свѣчки, чтобы онъ могъ разобрать написанное. Но чтеніе было такого характера, что едва возможно было разобрать его, хотя присутствующіе были весьма довольны и долго волновались, такъ какъ оно пропитано было сибирскимъ вкусомъ. Не задолго до кончины своей, онъ иногда приходилъ голодный къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его; обыкновенной его домашней пищею былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствіе питанія ускорило развязку дѣла и сократило его злополучную жизнь; безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ бы умереть съ голода.

Въ газетѣ „Сибирь“ было заявлено, что Щаповъ въ разное время задолжалъ бывшему своему ученику по казанской академіи, чиновнику контрольной палаты, К. В. Лаврову, 825 рублей и въ обез-

печеніе этого долга передалъ ему право на изданіе всѣхъ его сочиненій.

Щаповъ скончался 27-го февраля 1876 года, 45 лѣтъ отъ роду. Ничтожный кругъ его знакомыхъ и бывшихъ слушателей университета и академіи проводилъ его скромный гробъ въ могилу. И по смерти судьба не сжалилась надъ нимъ, такъ жадно стремившимся къ извѣстности! Сообщение о его кончинѣ не разрѣшено было къ печатанію въ газетѣ „Сибирь“ и общество иркутское узнало о его смерти, когда уже онъ давно лежалъ въ землѣ сырой. Мало этого: никто не подумалъ извѣститъ по телеграфу петербургскихъ его знакомыхъ, которые высоко цѣнили талантъ Щапова и узнали о его смерти случайно изъ частнаго письма. Это безучастіе и равнодушіе къ своимъ русскимъ даровитымъ людямъ характеризуетъ наше общество.

Изъ сочиненій Щапова, написанныхъ имъ въ Иркутскѣ, осталось много въ рукописяхъ; сохранились ли послѣднія или нѣтъ, неизвѣстно. Печатные его труды были слѣдующіе:

1. Рѣчь по случаю празднованія юбилея М. В. Ломоносова. 1865 г. Напечатана въ Иркутскѣ, въ отдѣльной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Двѣ рѣчи, произнесенныя при празднованіи въ г. Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова“, И. 1865 г. (Рѣчь Щапова начинается съ 19 страницы).
 2. „Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи“. „Дѣло“ 1867, №№ 2 и 3.
 3. „Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи“. Тамъ же, 1868, №№ 1, 3, 4, 7—9.
 4. „Умственныя направленія русскаго раскола“. Тамъ же, 1868, №№ 10—12.
 5. „Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа“. „Отечеств. Записки“ 1870, №№ 3, 4 и 12.
 6. „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“. Спб. 1870 г., изд. Н. Полякова.
- Критическія статьи и рецензіи на эту книгу:
1. „Библиографъ“. 1869 г. № 3, Дек., стр. 42, статья Н. А. Александрова.
 2. „Всемирный трудъ“. 1869 г. № 11, стр. 175. 3. „Вѣстникъ Европы“. 1869 г. № 12, т. 6, 1870 г. № 1, т. 1, стр. 326. 4. „Спб. Вѣдом.“. 1869 г. № 319. 5. „Дѣло“. 1870 г. № 1, стр. 73. 6. „Рус. Вѣстн.“ 1870 г. № 2, стр. 813. В. Кочнева, статья: „Событіе въ нигилистическомъ мірѣ“. 7. „Спб. Вѣдом.“ 1870 г. № 115. „Образцовая глупость“, по поводу статьи Кочнева, въ „Рус. Вѣстникѣ“. 8. „Всеобщая Газета“. 1870 г. № 62. Рецензія В. Орлова. 9. „Отеч. Записки“. 1870 г. № 7, т. 191, отд. 2. Статья А. Пятковского. 10. „Правосл. Обзоръ“. 1870 г. № 2, стр. 307. Статья В. К. „Церковь по отношенію къ умственному развитію древ. Руси“. 11. „Голосъ“. 1870 г. №№ 55 и 56. Дѣло, возникшее по поводу сочиненій г. Щапова. 12. „Недѣля“. 1870 г. № 21 и 22, статья П. Ровинскаго. 13. „Одес. Вѣстникъ“. 1870 г. № 37. „Причина нашего черепашняго прогресса“. М. Г. 14. „Новорос. Телеграфъ“. 1870 г. №№ 85, 87, 89. „Воспитаніе молодыхъ рабочихъ поколѣній“. Л. Самсонова.
 7. „Первобытное міросозерцаніе“. „Дѣло“ 1871 г. №№ 8 и 9.
 8. „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при

взглядъ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“. „Отеч. Записки“ 1872 г. № 10.

9. „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи: а) Измѣненіе славяно-русской народности въ сибирскомъ населеніи. б) Мѣстныя физическія, психическія и лингвистическія особенности русскаго сибирскаго населенія. в) Общая характеристика физическаго и психическаго типа сибирскаго русскаго населенія“. „Извѣстія Сибирскаго отдѣла и Русскаго Географическаго общества“ 1872 г. Т. III, № 3, стр. 142. № 4, стр. 185. № 5, стр. 243.

10. „Развитіе человѣческой способности питанія“. „Отеч. Записки“ 1873 г. № 1. (Эта статья общая и не относится къ русской жизни).

11. „Положеніе женщины въ Россіи въ допетровское время“. „Дѣло“ 1873 г. № 4.

12. „Историко-географическія Замѣтки о Сибири. Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири“. „Извѣстія Сибирскаго отдѣла Геогр. общества“. 1873 г. № 2, стр. 65.

13. „Сибирское общество до Сперанскаго“. (По поводу книги г. Вагина о дѣятельности М. М. Сперанскаго). Тамъ же, 1873 г. т. IV, № 4, стр. 180. № 5, стр. 200. 1874 г., № 1, стр. 28.

14. „Міросозерпаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества. (Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени)“. „Отечеств. Записки“ 1873 г. №№ 2, 3, 7. 1874 г. №№ 5 и 6.

15. „Бурятская улусная родовая община“. „Записки Геогр. общества“. 1874 г., т. V, № 1, стр. 128.

16. „Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ. Физическое и этнолого-генеалогическое развитіе кудинскаго и верхоленскаго населенія. Развитіе уродствъ между бурятами кудинскаго, верхоленскаго и ленскаго вѣдомства и вліяніе на него замкнутаго родоваго генезиса“. Тамъ же, 1875 г. т. VI, № 3, стр. 97. №№ 5 — 6, стр. 189.

17. „Физическое развитіе верхоленскаго населенія“. Тамъ же, 1876 г. т. VII, №№ 2 и 3, стр. 37.

18. „Эгоистическіе инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятской улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской“. Издана эта статья отдѣльной брошюрой.

Желательно было бы напечатать списокъ статей, помѣщенныхъ Шаповымъ въ газетѣ „Сибирь“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Записки Щапова къ студенту В. И. Калатузову (1856—57 гг.).

1) Василий Иванович! Дайте мнѣ, Христа ради, если есть, бѣлой бумаги. Приступаю къ сочиненію, а не на чемъ писать. Если у васъ нѣтъ, попросите или у земляковъ, или у Петра Матвѣевича (Залѣскаго). Жду съ нетерпѣніемъ, „пока огонь горитъ въ крови“. Щаповъ.

2) В. Ив! Сослужите службу: во-первыхъ, потрудитесь найти у гг. студентовъ ту книгу „Чтеній Москв. Общ. Исторіи“, гдѣ помѣщены народныя духовныя стихи Кирѣвскаго; во-вторыхъ, возьмите у Алексѣя Степановича (Павлова) Сборникъ, начинающійся хронографомъ, или Хронографъ, гдѣ „Посланіе къ Мисюру Мунехину“. На оборотѣ: „если Кирѣвскаго не найдете, такъ возьмите у Алексѣя Степановича мою рѣчь (о народности), и пришлите. Мнѣ нужно сличить одно стихотвореніе съ поученіемъ“.

3) В. Ивановичъ, или Александръ Семеновичъ (Кузнецовъ)! Дайте мнѣ, Христа ради, бѣлой бумаги, сколько можно!

4) В. Ив! Приходите, пожалуйста, ко мнѣ теперь же. Выпьете по пуншу, а потомъ или въ началѣ—тотемскаго. Приходи...

5) В. Ив! Потрудитесь спросить у Ив. Денисовича (Знаменскаго) „Обозрѣніе Славянской Библіографіи“ Ундольскаго, и у него же, или у Вас. Иван. Соколова—2-ю часть „Памятниковъ Моск. Древностей“ Снегирева. Если есть у нихъ, попросите у нихъ эти книги на меня ненадолго. Извините, что я все утруждаю васъ. Щаповъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

ЛЕКЦІЯ ЩАПОВА.

О просвѣщеніи и нравственности русскаго народа, отъ XI-го до половины XV-го вѣка.

Для того, чтобы дать вамъ болѣе ясное понятіе о просвѣщеніи и нравственности русскаго народа въ первый періодъ его христіанской жизни, я

представлю вамъ общую сравнительную характеристику просвѣщенія и нравственности въ русской и западно-европейской церкви, въ періодъ времени отъ XI до половины XV вѣка.

Бесспорно, что на Западѣ просвѣщеніе было гораздо обширнѣе, всестороннѣе. Люди, любившіе просвѣщеніе и знаніе, занимались не одними духовными, богословскими предметами, но и свѣтскими, хотя и свѣтское научное образованіе въ средніе вѣка всецѣло проникнуто было также богословскими религиозными идеями. Уже въ X-мъ в. для духовенства признавалось необходимымъ знать не только богословское ученіе, но и такъ называемыя „Седмь свободныхъ наукъ“ или искусствъ (*trivium*—грамматику, діалектику, риторику; *quadrivium*—арифметику, геометрію, музыку и астрономію). И мы видимъ, что на Западѣ даже въ X-мъ в., который характеризуется тамъ упадкомъ просвѣщенія и нравственности, являются люди съ обширнымъ всестороннимъ образованіемъ, особенно въ монастыряхъ. Такъ, въ монастырѣ св. Галла извѣстны были обширной образованностью: Роткеръ, прозванный *Philiscus*, который не только былъ знакомъ съ медициной, но и прославился какъ творецъ гимновъ, какъ живописецъ и композиторъ, и Роткеръ, прозванный *Labeo*, жившій также въ X-мъ в., славенъ былъ какъ богословъ, музыкантъ, поэтъ, математикъ, астрономъ и филологъ: онъ первый сталъ писать свои ученыя сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ. Во Франціи Гербертъ, далеко возвысившійся надъ всѣми современниками знаніемъ арабской литературы, котораго западные историки называютъ звѣздой современнаго ему міра и пророчествомъ будущаго, по выраженію историка, былъ гениально-производителемъ въ математикѣ, астрономіи и естествознаніи: библія, отцы церкви и каноны—вотъ, по его мыслямъ, главные источники для познанія Христовой вѣры, нравственности и церковнаго права. Онъ любилъ не одно богословіе, но и философію, которую называлъ таинственнымъ божественнымъ даромъ, какъ и вѣру для риторики самъ сочинилъ руководство; Франція и Германія удивлялись его учености; онъ образовалъ многихъ достойныхъ себя учениковъ.

Если уже въ X-мъ в. являлись на Западѣ такіе ученые, хотя, кажется, въ весьма маломъ числѣ, то отсюда можно судить, какое обширное, всестороннее направленіе получило на Западѣ просвѣщеніе почти съ самаго начала. Въ школахъ, а несравненно болѣе впослѣдствіи въ университетахъ, юношество обучалось не одной грамотѣ, не по однимъ церковнымъ книгамъ, какъ было у насъ, но изучали и разныя науки, какія въ то время были, или возникали. Вотъ, какъ, напр., жизнеописатель характеризуетъ ученую жизнь епископа Мейнверка, основавшаго въ первой половинѣ XI-го в. училище въ Падерборнѣ, въ Сѣверной Германіи: „*Studiorum multiplicia sub eo floruerе exercitia; quando ibi musici fuerunt et dialectici enituerunt, rhetorici clarique grammatici, quando magistri artium ibi exercebant trivium, quibus omne studium erat circa quadrivium. Ubi mathematici claruerunt et astronomici, habebantur physici atque geometrici. Viguit Horatius magnus atque Virgilius, Crispus Sallustius et urbanus Statius, ludusque fuit omnibus, insadare versibus et dictaminibus jucundisque cantibus*“ (*Bolland, acta §§, m. Junii, T. I p. 637*). Монастыри устроили въ своихъ стѣнахъ школы и заводили богатыя бібліотеки, которыя были наполнены не одними церковными книгами, но и свѣтскими учено-литературными. Такъ, въ аббатствѣ Крейландѣ въ концѣ XI в. сгорѣло до 3000 книгъ. Библіотека аббатства Гластнебури заключала въ себѣ въ 1248 г. 400 томовъ, между которыми большая часть состояла изъ сочине-

ній римскихъ историковъ и поэтовъ. Такого же рода книги, хотя въ нѣсколько меньшемъ числѣ, значатся въ описи монастыря Prifliug: здѣсь были и произведенія Гомера, только неизвѣстно въ греческомъ подлинникѣ или въ латинскомъ переводѣ. Около того же времени бенедиктинскіе монахи занимались чтеніемъ сочиненій Лукана, Горація, Виргилія, Саллюстія: всего у нихъ было 247 книгъ. Точно также монастырь св. Михаила въ Бамбергѣ приобрѣлъ богатое книгохранилище, въ которомъ большею частью заключались сочиненія (два слова не разобрано), но много было и другихъ писателей, какъ классической древности, такъ и христіанскихъ временъ.

Юношество въ Западной Европѣ въ средніе вѣка съ жаждой знанія, съ жаромъ стремилось слушать лекціи знаменитыхъ ученыхъ. Когда ученый Ланфранкъ Павійскій въ монастырѣ Бекскомъ, въ Нормандіи, началъ читать лекціи, къ нему собралось такъ много учениковъ, что монастырь этотъ назывался тогда сѣдалищемъ, мѣстопребываніемъ наукъ. Учениковъ Ансельма Кэнтерберійскаго сравнивали съ войскомъ; а нѣсколько позже видѣли, какъ толпы приверженцевъ и слушателей гонимаго Абельярда влечились по пустынѣ, увлекаемые духовною жаждою знанія, довольствуясь одними лѣсными плодами. Между тѣмъ, для удовлетворенія такой жажды юношества, мало-помалу вездѣ открывали источники знанія, разсадники просвѣщенія—университеты. Отъ конца XI-го в. до исхода XV-го въ разныхъ городахъ Западной Европы возникло до 80-ти университетовъ. Въ университетахъ преподавали и богословіе, и философію, и медицину, и юриспруденцію; только въ нѣкоторыхъ университетахъ, напр., въ Парижскомъ (основ. въ 1206 г.) особенно преподавали каноническое право, діалектику и теологію, въ другомъ, напр., въ Болонскомъ (1200 г.)—юриспруденцію, въ третьемъ, Салернскомъ—медицину. Съ XII-го в. изъ университетскихъ лекцій составили уже системы по разнымъ наукамъ, такъ называемые *summae*.

Въ то самое время, когда умственная дѣятельность проявлялась съ такою силою и возбудительностью и въ такой обширности, полнотѣ,—въ то же самое время развились и явственно обозначались два отличительныя характеристическія направленія средневѣковаго западно-европейскаго духа—схоластика и мистика, какъ выраженіе, плодъ средневѣковой науки, какъ продуктъ взаимодѣйствія античнаго, христіанскаго и германскаго духа. Въ этихъ двухъ направленіяхъ, особенно во взаимной борьбѣ ихъ ясно выразилась вся полнота средневѣковой духовной жизни Западной Европы: и жизнь ума, разсудка, и жизнь чувства, и практическая и теоретическая сторона возбужденнаго христіанствомъ германскаго духа. Въ схолистикѣ сила духа проявилась, по характеристическому выраженію Герсона, одного изъ германскихъ представителей мистическаго направленія, какъ *potentia intellectus circa bonum*, въ мистикѣ—какъ *potentia affectuum circa bonum*, или какъ тоже весьма характеристически выразилъ это Тома Кемпійскій, одинъ изъ лучшихъ мистическихъ богослововъ, жившій въ XIV-мъ в., словами: *magis compunctione sentire, quam definitionem inquirere*. Мистическое и схолистическое направленіе христіанскаго духа на Западѣ, въ вѣковой борьбѣ между собой, взаимно умѣряли, ограничивали одно другое. Борьба эта продолжалась болѣе 4-хъ столѣтій и, наконецъ, дошла до того, что оба эти направленія, развившись до крайности, начали вырождаться, особенно схоластика. Многіе стали ясно сознавать бесплодность сухихъ схолистическихъ споровъ и стали разочаровываться въ успѣхъ самой науки. Въ XIV-мъ в. нѣкоторые даже, какъ напр., Корнелій

Агриппа, писали сочиненія de vanitate scientiarum. Необходимо было возрождение, оживление мысли. И XIV-й и XV-й вѣка въ исторіи западно-европейскаго просвѣщенія характеризуются именно этимъ явленіемъ—возрожденіемъ наукъ. Умственная дѣятельность съ новою силою и энергіею начинается изученіемъ классической литературы въ связи съ христіански-богословскою наукою. Поэты Дантъ, Петрарка, Боккаччо, кардиналы, Николай Кузскій, Виссаріонъ, ученые, напр., Эразмъ Роттердамскій,—все лучшіе мыслители и писатели XIV и XV вв. съ жаромъ занялись классической древностью: такъ, Эразмъ Роттердамскій изучалъ и издавалъ классиковъ, переводилъ отцовъ церкви и занимался восстановленіемъ подлиннаго текста Свящ. Писанія. Кардиналъ Николай Кузскій, бывшій по порученію папы Евгенія IV въ Константинополь, вывезъ оттуда богатое собраніе рукописей греческихъ и возбудилъ живой интересъ къ нимъ на Западѣ; онъ же первый въ области математики и астрономіи опредѣленно высказалъ пониманіе о движеніи земли около солнца. Сосредоточеніе возбужденной, возрожденной мысли на изученіи классической древности тотчасъ принесло свой плодъ. Явились новые платоніки, средоточіемъ которыхъ была основанная въ 1440 г. академія во Флоренціи; изъ нихъ многіе стали доказывать, что Платонова философія выше христіанства,—новые перипатетики, возбуждавшіе въ умахъ опасный скептицизмъ. Открытіе книгопечатанія въ 1440 г. способствовало распространенію идей новаго просвѣщенія. Среди этого движенія умовъ развивались мало-по-малу идеи реформаціи, элементы протестантской теологіи. Таковы, напр., были неизвѣстныя къ намъ сочиненія аскетическія книги, такъ называемыя, *Teutsche Theologie*. Таково было грамматико-историческое изъясненіе св. Писанія Парижскаго учителя теологіи, прозелита изъ іудеевъ, Николая де-Лиры, о которомъ впоследствии говорили: *Si Lyra non lyrasset, Lutherus non sattasset*. Было много и другихъ подобныхъ сочиненій въ XIV и XV вв. Таково въ общихъ чертахъ направленіе христіанскаго просвѣщенія въ Западной Европѣ въ разсматриваемый нами періодъ времени.

Между тѣмъ, какъ въ Западной Европѣ въ средніе вѣка видимъ такое повсемѣстное и сильное возбужденіе умовъ, борьбу разныхъ направленій христіанской мысли,—что мы видимъ въ восточной половинѣ христіанской Европы—въ Россіи? Здѣсь до половины XV-го в. мы видимъ ровное, медленное, спокойное усвоеніе христіанскаго ученія. Здѣсь господствовала въ этотъ періодъ одна вѣра, невозмущаемая никакимъ сомнѣніемъ, всему вѣру'емлющая, тогда какъ на Западѣ господствовала, по характеристическому выраженію Ансельма Кентерберійскаго, *fides intellectum quaerens*. Не стремилось древне-русское юношество съ такимъ жаромъ, съ такою жаждою знанія въ университеты потому, что ихъ не было; а вмѣсто того, русскіе юноши и старцы, мужи и жены, князья и бояре, толпами стремились въ монастыри съ жаждой духовно-нравственнаго подвига, утѣшенія и назиданія. Мы не видимъ въ древней Россіи такой толпы учениковъ, какая сопровождала въ пустыни гонимаго Абелирда, а вмѣсто того, постоянно видимъ, какъ юноши 12, 15 и 20 лѣтъ оставляютъ дома родителей и съ жаждою христіанскаго благочестія и духовной христіанской мудрости идутъ въ пустыни или монастыри, и здѣсь послѣ молитвы и подвиговъ ночныхъ, изучаютъ церковныя книги, аскетическія и нравственныя творенія отцовъ церкви и изыкаютъ ветхое и новое Писаніе. Въ монашескихъ кельяхъ, въ бібліотекахъ монастырскихъ, мы не видимъ произведеній классической литературы, манускриптовъ греческихъ и языческихъ,

а видимъ только книги церковно-богослужебныя, каноническія, творенія отцовъ и разные сборники духовнаго содержанія. Рѣдко, рѣдко, развѣ какой-либо инокъ переписывалъ въ сборникѣ, между статьями духовнаго содержанія, какое-либо занесенное изъ Греціи сказаніе объ Аполлонѣ, о Сивиллахъ, да обличительное слово противъ „треклятыхъ еллинъ“. Нельзя сказать, чтобы лучшіе, просвѣщеннѣйшіе иноки и вообще грамотные осторожные люди древней Россіи чуждались классической литературы и предметовъ свѣтскаго, научнаго знанія: нѣтъ, они списывали и словари и азбуковники, гдѣ немало говорится о классической мнѳологіи, списывали и читали „Пчелы“, гдѣ довольно было изреченій классическихъ писателей, древнихъ анекдотовъ и даже свѣдѣній мнѳологическихъ. Напримѣръ, въ родѣ того: „Какъ Платонъ, мудрецъ, увидавъ, что благородный юноша, безпутно промотавшій имѣніе отца своего, сидѣлъ передъ чужими дверями и ѣлъ хлѣбъ съ маслинами и водою, сказалъ ему:—если ты ѣлъ по своей волѣ, то не такъ бы вечерялъ“. Или: „Мудрецъ, увидѣвъ друга своего, который просилъ живописцевъ, чтобы они написали на камнѣ его изображеніе, сказалъ ему:—ты заботишься о томъ, чтобы камень былъ подобенъ тебѣ, а того не боишься, что самъ можешь уподобиться камню,—и подобные. Или еще: „Какъ Актеонъ былъ растерзанъ собственными своими собаками, которыхъ онъ самъ вскормилъ, такъ и льстецы своего питателя стѣбдаютъ...“—„Благочестіе набожныхъ предковъ, скажемъ словами Буслаева, умѣю примириться съ языческой мудростью древнихъ философовъ и литераторовъ, отыскавъ въ ихъ произведеніяхъ, точно также, какъ и въ сказаніяхъ о Сивиллахъ, предсказанія о христіанствѣ“. Такія предсказанія еллинскихъ мудрецовъ и Сивиллъ были внесены даже въ иконописные подлинники, или наставленія для иконописцевъ. Напр., Платонъ (рече):—Аполлонъ нѣсть Богъ, но есть Богъ въ небесѣхъ, въ него же азъ вѣрую. Аристотель:—азъ бо грѣшнѣхъ, но убо быти неудобъ отъмещуся: понеже ни единъ прежде мене вѣровалъ неизглаголанное зачатіе“. Не чуждались благочестивые иноки и грамотники древней Россіи научнаго изученія природы: такъ, Кириллъ Бѣлозерскій своею рукою вписалъ въ одну „Книгу Правилъ“ мысли Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о 4-хъ стихіяхъ, о моряхъ. Но все это далеко не занимало такъ грамотныхъ книжныхъ людей древней Россіи, какъ предметы собственно богословскаго, христіанскаго, церковнаго знанія. И здѣсь, въ области богословскаго знанія, наши древніе предки не любили ни схоластическихъ тонкостей, ни мистическихъ созерцаній, какъ мы видѣли на Западѣ. Практическое нравственное примѣненіе, назиданіе—вотъ главное побужденіе, съ какимъ они списывали и читали церковныя книги, Свящ. Писаніе, поученія отцовъ и сами сочиняли поученія, жизнеописанія, лѣтописи, посланія и проч. Тогда какъ на Западѣ отъ XI до XV в. рождаются вопросы за вопросами, ересь за ересью, возникаютъ ереси большею частью рационалистическія, какъ напр., Готшалка, Беренгарія и т. п., цѣлые вѣка идетъ борьба между схоластиками и мистиками, и все это приводитъ умы въ сильное напряженное движеніе вызываетъ мысль къ усиленной, энергической дѣятельности,—у насъ отъ XI до XV в. хоть бы одинъ какой-либо важный теоретическій, богословскій или философскій вопросъ возбудилъ умы, вызвалъ къ самостоятельному теоретическому мышленію и изслѣдованію; ничего этого не было: и строгая, постоянно на первомъ планѣ церковная проповѣдь, переводы твореній отцовъ восточной церкви, обличеніе господствующихъ пороковъ времени, простое элементарное

изложеніе преимущественно нравственнаго ученія Христова, примѣненіе его къ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ русскаго народа. Въ то время, какъ у западно-европейцевъ ученые богословы и мыслители пишутъ разные богословскіе трактаты, въ родѣ „Theologia naturi“ или „Reductio artium liberalium ad theologiam“, даже благочестивые писательницы, проникнутыя мистическими идеями, пишутъ какую-либо „Theologia crucis“, „Theologia amoris“,— у насъ церковные учителя, руководствовавшіеся чисто практическимъ направленіемъ, практическимъ началомъ, постоянно сочиняли или передѣлывали изъ отеческихъ словъ и сказывали въ церквахъ поученія, „Еже како жити крестьяномъ“ или „Слово о спасеніи души“, подъ общимъ заглавіемъ: „Слово душеполезно“. Не теоретическое отвлеченно-разсудочное раскрытіе истинъ христіанства, а простая, практическая нравственная польза, душеполезность—вотъ главная мысль и цѣль ихъ церковно-литературной, просвѣтительной дѣятельности. Тогда какъ на Западѣ умы, особенно схоластическіе, смѣло разсуждали и спорили о догматахъ Пресв. Троицы, нѣкоторые даже въ этихъ спорахъ впадали въ требожіе, другіе, напр., отрицали Троицу и объясняли ее философски, пантеистически,—у насъ до XV в. никто, кажется, и представить не могъ, чтобы можно было сомнѣваться въ какомъ-либо догматѣ христіанскомъ, а особенно въ такомъ высокомъ догматѣ, каковъ догматъ о Пресв. Троицѣ, чтобы дать знать имъ христіанское ученіе о Богѣ. „Прежде всего, братіе, говорили обыкновенно наши древніе проповѣдники, вотъ какую заповѣдь (замѣтите—они и на догматы смотрѣли съ нравственной точки зрѣнія, какъ на заповѣди!) всѣ мы, христіане, должны содержать: вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. отцы: вѣрую во единаго Бога—до конца“. Вотъ и все догматическое ученіе. Если же кто хотѣлъ знать подробнѣе догматы христіанства, то этотъ вполнѣ довольствовался догматическими словами отцовъ греко-восточной церкви, какія были въ славяно-русскомъ переводѣ, краткими вопросами и отвѣтами о св. Троицѣ Кирилла Александрійскаго, да изложеніемъ о вѣрѣ вратцѣ св. Максима, „еже вѣровати и отвѣщати всякому христіанину православному“. А извѣстно, какого рода эти вопросы и отвѣты. Напримѣръ, „Вопросъ: колико естество исповѣдаеши во святѣй и единосущнѣй и нераздѣльнѣй Троицѣ? Отвѣтъ: едино естество исповѣдаю. В.: Коликоъ составъ, рекше лицъ? О.: Три состава исповѣдаю, Отца и Сына и Св. Духа. В.: Кто отъ Св. Троицы воплотился? О.: Сынъ и Слово“, и т. д. Вотъ и все догматическое ученіе древней русской церкви: наши предки не знали ни сомнѣнія, ни схоластизма, а тѣмъ болѣе разсудочности, вполнѣ довольные этимъ ученіемъ, не возмущаемымъ до половины XV вѣка никакими рациональными сомнѣніями, никакою ересью. Въ то время, какъ въ Западной церкви схоластическіе богословы, даже епископы, изобрѣтали онтологическое доказательство бытія Божія, или занимались рѣшеніемъ вопросовъ, въ родѣ того, напр., *Cur Deus homo?*—у насъ пастыри церкви почти постоянно рѣшали вопросы о томъ: сколько когда поклоновъ нужно класть, сколько разъ произнести „Господи, помилуй“ въ тотъ или другой постъ, что ѣсть въ понедѣльникъ, что во вторникъ, въ среду, пятокъ, въ тотъ или другой постъ, въ какіе праздники соблюдать постъ, если они придется въ пятокъ или среду, и т. п. И какъ въ западной церкви одностороннее, отвлеченно-разсудочное, рационалистическое направленіе умовъ принесло въ слѣдующіе періоды свой плодъ—возстаніе или инсurreкцію разума противъ авторитетовъ въ духовномъ

порядкѣ, противъ вѣры, произвело реформацію—источникъ наводненія рационализма разныхъ видовъ; такъ въ русской церкви одностороннее церковно-обрядовое направленіе въ слѣдующемъ періодѣ также принесло свой плодъ—мертвообрядовое направленіе раскола. Съ другой стороны, какъ въ западной церкви отвлеченное рационалистическое направленіе, сильная энергическая дѣятельность мысли, всестороннее научное направленіе умственной дѣятельности, имѣли благотворнымъ слѣдствіемъ своимъ въ слѣдующемъ періодѣ развитіе наукъ богословскихъ и свѣтскихъ, такъ въ русской церкви практическое, нравственное направленіе церковнаго ученія и церковно-обрядовое направленіе, проникнутое мыслью, разумнымъ христіанскимъ сознаніемъ, имѣли благотворнымъ слѣдствіемъ своимъ въ слѣдующемъ періодѣ всеобщее энергическое возбужденіе правильнаго сознанія о необходимости всеобщаго нравственнаго очищенія и отрезвленія и о необходимости исправленія церковной обрядности.

Таково было просвѣщеніе въ русской церкви въ первый періодъ, продолженіе первыхъ четырехъ съ половиною вѣковъ, въ сравненіи съ просвѣщеніемъ того времени на Западѣ!

Но если просвѣщеніе на Западѣ въ рассматриваемый нами періодъ было выше, обильнѣе, чѣмъ у насъ, если богословское ученіе тамъ развивалось обширнѣе, всестороннее, если вообще умственная дѣятельность на Западѣ была возбужденнѣе, сильнѣе, обширнѣе, чѣмъ у насъ: зато нравственная жизнь западно-европейскихъ христіанъ того времени нисколько не была лучше нравственной жизни русскихъ христіанъ. Россію XI, XII, особенно XIII и XIV вв. нерѣдко упрекаютъ въ варварской грубости, дикости. Справедливо ли это? Хуже ли она была въ нравственномъ отношеніи Западной Европы того времени? Посмотримъ.

Суровы, жестоки были нравы русскихъ людей во время княжескихъ междоусобій; коварствомъ, вѣроломствомъ, злобою и мщеніемъ сопровождались княжескія междоусобія. А лучше ли было въ темныя времена Меровинговъ и при Каролингахъ? Григорій Турскій начерталъ намъ образъ нравовъ этого времени еще болѣе мрачными чертами, чѣмъ наши лѣтописцы княжескихъ междоусобій. Западные церковные историки указывали не менѣе мрачныя черты въ нравственномъ состояніи западно-европейскихъ обществъ во время 50-лѣтней борьбы за инвеституру, во время борьбы между папами и Гогенштауфенами, во время борьбы королей съ вассалами, съ аристократами, или во время соблазнительнаго для всего Запада, такъ называемаго великаго раскола въ западной церкви, чѣмъ наши лѣтописи, акты и другіе источники, изображающіе кровавое состояніе русскаго общества во время княжескихъ междоусобій. Въ нашемъ народѣ отъ XI до XV вв. господствовало двоевѣріе, поверхностное усвоеніе христіанскаго ученія, грубые остатки языческихъ суевѣрій и нравовъ. А въ западныхъ народахъ не то же ли самое было въ рассматриваемый періодъ? Народъ германскій, и по просвѣщеніи христіанствомъ, долго склоненъ былъ къ одной войнѣ, къ грубымъ языческимъ оргіямъ и празднествамъ, къ идолопоклонству, долго коснѣлъ въ первобытныхъ своихъ языческихъ нравахъ: убійство и съѣденіе дѣтей, чародѣйство и волшебство, гаданіе, заклинаніе мертвыхъ, употребленіе въ пищу конины и т. под. грубые языческіе обичаи еще существовали у германцевъ въ IX—X и даже XI вѣкахъ, несмотря на то, что христіанство распространено было между ними еще въ VI, VII и VIII вв. Какъ грубы, дики были понятія германскихъ хри-

стіанъ, можно судить по тому, что въ XII в. испанскій пресвитеръ Бернардъ, проповѣдывавшій Христово ученіе между поморянами, осмѣялъ былъ ими за худую нищенскую одежду, потому что, какъ говорилъ народъ, Богъ міра никогда не избираетъ въ свои посланники такихъ нищихъ, а непременно богатыхъ, хорошо одѣтыхъ. Оракулы и языческіе суды Божіи, ордалии еще такъ были сильны, что допущены были даже законодательствомъ Карла Великаго и уже съ трудомъ искоренены были въ позднѣйшее время. Мы видимъ, что у насъ кудесники, волхвы и лихіи „бабы“, какъ жаловались пастыри, поддерживали въ народѣ суевѣрія, волшебство, чародѣйство: до XII или до XIII в. они открыто противодѣйствовали христіанскому просвѣщенію и совращали народъ, а съ XIV в., съ умноженіемъ на сѣверѣ монастырей и съ распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія подвижниками, зловредное вліяніе ихъ значительно уменьшилось. Не то же ли было и на Западѣ? Тамъ въ XIV и XV вв. волшебство, чародѣйство и суевѣрія даже особенно умножились и распространились: отъ мавровъ и арабовъ перешли и разсѣялись по всему Западу суевѣрныя науки—каббалистика, магія, алхимія, астрологія и теургія. Въ 1348 г. Сорбонна, по внушенію просвѣщеннаго мистическаго богослова XIV в. Герсона, осудила многочисленныя суевѣрія времени въ 28 членахъ. Несмотря на то, что въ то же время папы издавали буллы и строгіе законы противъ волшебства (напр., Іоаннъ XXII-й и Иннокентій VIII-й) противъ алхиміи и другихъ суевѣрій, наяржали даже особенныя слѣдствія и судъ надъ волхвами и чародѣями; несмотря на то, что инквизиція безпощадно жгла чародѣевъ и колдуновъ, что даже поэты, напр. Петрарка, осмѣивали суевѣрія,—суевѣрія эти не прекращались. Въ русскомъ народѣ въ XIII—XV вв., въ эпоху полнаго господства частнаго права, личнаго произвола, мы видимъ буйный разгулъ грубой матеріальной силы, постоянныя насилія, нападенія, грабежи, разбои по дорогамъ и лѣсамъ, разграбленіе монастырей и церквей, особенно во время пожаровъ, мора, войны, постоянное душегубство, воровство, рѣзномство, притѣсненіе сильными и богатыми бѣдныхъ и слабыхъ. Нисколько не лучше было въ XIII—XIV вв. на Западѣ. Зачѣмъ средневѣковый городъ вездѣ на Западѣ обнесенъ былъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ? Зачѣмъ на колокольнѣ или башнѣ постоянно стоялъ недремлющій сторожъ и озиралъ безпокойными глазами окрестности? Зачѣмъ даже отдѣльные дома, мирныя обители—монастыри похожи были на крѣпости? Зачѣмъ черезъ улицы на ночь протягивали цѣпи? Вѣрно, много было въ средневѣковомъ западно-европейскомъ обществѣ враговъ, грабителей, насильныхъ наѣздниковъ на чужія имѣнія; вѣрно, отовсюду грозили опасности. Если нашъ лѣтописецъ XI в. замѣтилъ въ сводѣ лѣтописи: „начаша тіуны грабити... умножились разбойники“, то вѣдь и западный лѣтописецъ XI в., Гибертъ Ногентскій, говорилъ о французскомъ обществѣ своего времени: „воровство и разбои совершались явно вельможами и ихъ прислужниками; ночному страннику не было спасенія: онъ былъ обреченъ на разграбленію, плѣнъ или смерть. Окрестные поселяне, приходившіе за покупками на ліонскій рынокъ, подвергались многочисленнымъ опасностямъ. Городскіе савовники, пользуясь самыми ничтожными предлогами, брали ихъ подъ стражу и держали въ тюрьмѣ до выкупа; еще чаще они попадались въ руки простыхъ гражданъ, которые подъ видомъ торга приводили ихъ къ себѣ въ домъ, запирали и выпускали на волю только тогда, когда бѣдные земледѣльцы соглашались удовлетворить ихъ требованіямъ уступки значительной части своего имущества“. „Рядъ каноновъ всеобщихъ и

провинциальных соборовъ, говоритъ одинъ современный западный церковный историкъ о нравственномъ состояніи западно-европейскаго общества въ XIII и XIV в.,—представляетъ многочисленные примѣры грубости, насилія, буйства, разграбленія благочестивыхъ пилигримовъ, разграбленія церквей, нарушенія мира Божія, неодолимой страсти къ опаснымъ боямъ и турнирамъ, жестокаго преслѣдованія іудеевъ, убійствъ, разврата, похищенія изъ гробовъ тѣлъ такихъ лицъ, которыя, по народной молвѣ, скончались въ святости“. Изъ представленныхъ здѣсь пороковъ, нѣкоторыхъ русскій народъ былъ вовсе не причастенъ, какъ напр., жестокаго преслѣдованія іудеевъ, похищенія изъ земли тѣлъ умершихъ лицъ, какія бы ни были эти лица. До XIII в. нѣкоторые русскіе попы привержены были еще къ языческимъ суевѣріямъ, и коснѣя сами въ невѣжествѣ, не учили и народъ; между самими архіереями были нѣцы и честолюбивые, гордые: „легкіе сущіе умомъ, легчайшіе и разумомъ“, по выраженію лѣтописи, какъ, напр., Андрей, епископъ тверской, Леонъ, епископъ ростовскій, или легкомысленные, какъ архіепископъ новгородскій Василій; священники и даже игумены занимались торговлей, отдавали деньги въ ростъ, предавались пьянству до обѣдни. А ужели вы думаете, въ западной церкви духовенство лучше было въ средніе вѣка? Нисколько.

Не говоримъ о папахъ X и XIV вв., которыхъ исторія обличаетъ въ такихъ порокахъ, въ какихъ наша исторія не обличаетъ никого изъ духовныхъ лицъ,—пастыри и монахи католической церкви вмѣсто того, чтобы посвящать себя своему высокому званію, искали удовольствія въ битвахъ и сраженіяхъ, на войнѣ, на охотѣ, также въ смѣхотворныхъ и непристойныхъ играхъ и зрѣлищахъ и т. п. Большая часть духовныхъ стояли на самой низкой степени образованія, такъ что отъ нихъ требовали, по крайней мѣрѣ, того только, чтобы они знали наизусть апостольскій Символъ вѣры, Отче нашъ и обычныя формы при тайнодѣйствіи, и могли перевести и изложить ихъ на народномъ языкѣ. Высшіе духовные походили болѣе на свѣтскихъ князей, чѣмъ на пастырей душъ и епископовъ, почитательныхъ о благѣ народномъ: они часто съ мечемъ въ рукахъ принимали участіе въ борьбѣ партій. Наложничество, нецѣломудріе и симонія были въ западномъ духовенствѣ господствующими пороками, особенно до папы Григорія VII-го. Въ концѣ XV в. Винцентій Ферреръ такъ характеризуетъ большинство западныхъ епископовъ: „Они горды, высокомерны, жестокосерды, продажны, любили пышность и блескъ, предавались лихоимству, вѣра ихъ измѣнялась земными благами. О церкви они почти вовсе не заботились: они больше сами брали, чѣмъ давали; они не имѣли любви, цѣломудрія; они не говорили проповѣдей, не совершали мессы, а больше любили охоту“, Древне-русское духовенство заражено было большею частью тѣхъ пороковъ, какіе указываютъ западные церковные историки въ духовенствѣ своей церкви среднихъ вѣковъ, но справедливость требуетъ заявить, что оно никогда не предавалось войнамъ, не занималось охотой, не выходило съ мечемъ въ рукахъ въ борьбѣ партій и не знало такой симоніи, какая была въ западномъ духовенствѣ. Есть одна высокая черта, которою наше духовенство даже далеко превосходило духовенство западной церкви: наши пастыри никогда не преслѣдовали такъ жестоко іудеевъ, волхвовъ, чародѣевъ и еретиковъ, не сожигали ихъ на кострехъ, какъ это дѣлали на Западѣ папы и епископы.

Извѣстно, какими ужасами ознаменовала себя испанская инквизиція: въ продолженіе 300 лѣтъ ея дѣятельности пало 341.000 жертвъ, ежегодно по 1136 жертвъ. Наше духовенство никогда не позволяло тѣхъ страшныхъ, возму-

тительныхъ сценъ, какія совершала западная инквизиція подъ именемъ astus fidei, при безчисленной толпѣ народа, для удовольствія благородныхъ, вельможныхъ мужей и женъ. Когда суетный народъ нашъ въ безумной ревности бросалъ волхвовъ въ воду, извѣстный нашъ просвѣщенный пастырь XIII в. Серапионъ обличалъ народъ за такой противохристіанскій поступокъ.

Итакъ, было бы вопиющей несправедливостью, предъ судомъ правдивой исторіи, безусловно порицать древне-русское общество въ варварской грубости и невѣжествѣ. Если мы видимъ въ древне-русскомъ обществѣ много грубыхъ нравственныхъ недостатковъ; то видимъ и причины этихъ недостатковъ, глубокое нравственное сознание ихъ, стремленіе къ лучшему благороднѣйшей и избранной части народа, слышимъ и постоянное, сильное, безпощадное обличеніе этихъ недостатковъ,—и одно это обличеніе искупало всѣ недостатки древне-русскаго общества.

Если мы болѣе изображаемъ темную сторону древне-русскаго общества, то потому во 1-хъ, что у насъ церковные историки вдаются въ крайность, представляютъ одно лишь только доброе, пишутъ не правдивую исторію, а панегирикъ, а во 2-хъ потому, что мы имѣли дѣло почти исключительно съ литературой поучительной и обличительной. Справедливость требуетъ сказать, что въ средневѣковомъ русскомъ обществѣ, такъ же какъ и въ средневѣковомъ западно-европейскомъ обществѣ, наполовину было и добра и зла. Средніе вѣка, по справедливому замѣчанію одного западнаго церковнаго историка, равно велики какъ во злѣ, такъ и въ добрѣ. Въ нашемъ обществѣ, въ первый періодъ его христіанской жизни, все худое, мрачное происходило, главнымъ образомъ, отъ того, что народъ еще далеко не проникъ вполне, всецѣло христіанствомъ, что грубое, матеріальное языческое начало въ немъ еще сильно боролось съ духовнымъ христіанскимъ началомъ. Оттого самое добро—свѣтлая сторона христіанской жизни нашихъ древнихъ предковъ нерѣдко имѣло оттънокъ несовсѣмъ свѣтлый, даже мрачный.

Казань.

Въ концѣ 1856 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Статьи Шапова, напечатанныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (съ 1858 г. до 1862 г.).

Въ 1858 году Шаповъ напечаталъ слѣдующія сочиненія:

1) „О способахъ духовнаго просвѣщенія древней Россіи, внѣ училищъ“ (часть I, стр. 87. 262).

Сущность этой статьи заключается въ слѣдующемъ: іерархическая связь нашей церкви съ константинопольской была первымъ и многозначительнымъ средствомъ къ духовному просвѣщенію русскаго народа, предохраняя его отъ ученія латинскаго; сношенія съ Аеономъ обогащали русскихъ рукописями; ученые греки и ихъ богатая письменность содѣйствовали литературной работѣ русскихъ, которые подражали византійскимъ жизнеописаніямъ, лѣтописямъ, поученіямъ и проч. Когда развился расколъ, естественный плодъ не-

вѣжества и отрицаніе просвѣщенія, который препятствовалъ всякому разумному движенію мысли, — явилось стремленіе снова сблизиться съ Востокомъ. (Посылка Арсенія Суханова, Арсеній Грекъ и братья Лихуды).

Собственными способами духовнаго просвѣщенія русскаго народа были: 1) Богослуженіе, которое отправлялось на понятномъ языкѣ, и 2) церковныя слова и поученія, переводныя и русскія, приспособленныя къ умственному состоянію народа. Но вскорѣ замолкла живая проповѣдь, оскудѣло духовное просвѣщеніе и распространились раскольничьи заблужденія; только патріархъ Никонъ возобновилъ церковную проповѣдь.

Вообще эта статья довольно пустая и почти не имѣетъ ученаго значенія.

2) „Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи“ (ч. I, стр. 483).

„Монастыри, какъ избранныя мѣста и средоточія духовно-созерцательной жизни, имѣли въ древней Россіи высокое значеніе, не только нравственное, но и просвѣтительное. Они въ древнее время какъ свѣтила сіяли въ полудикихъ, непросвѣщенныхъ странахъ Россіи“. Распространеніе вѣры Христовой было главной цѣлью стремленія подвижниковъ на сѣверо-востокъ; они озаряли свѣтомъ просвѣщенія дикихъ финновъ, чудь, корелю, лопарей, мурмановъ. Монастыри способствовали поддержанію и развитію просвѣщенія между христіанами: 1) Они служили средоточіемъ книжнаго и духовнаго образованія; 2) хранилищами и разсадниками письменности и средоточіями бібліотекъ; 3) они были школами, въ которыхъ получали образованіе писатели и учителя церкви; 4) общеніе просвѣщенныхъ подвижниковъ съ міромъ распространяло истинное ученіе; 5) иноки заботились объ искорененіи грубыхъ остатковъ язычества въ народѣ, суевѣрій и предрассудковъ, проистекавшихъ отъ невѣжества и незнанія силъ и законовъ природы; 6) старинный обычай путешествія по монастырямъ способствовалъ распространенію просвѣщенія и благочестія въ народѣ; 7) въ бѣдственныя времена усобицъ, татарскаго порабоженія и физическихъ несчастій въ монастыряхъ находили успокоеніе сокрушеннаго духа; 8) въ бесѣдахъ нравственныхъ подвижники поучали правосудію судей и волостелей, разбойниковъ и грабителей — нестяжательности, бояръ — миловать рабовъ, князей — щадить народъ и оберегать отъ сильныхъ лицъ, рѣзницъ — быть милостивыми къ нищимъ и убогимъ.

Эта статья написана дѣльно и заключаетъ въ себѣ много выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей.

3) „Лука Ковашевичъ, епископъ казанскій“ (ч. II, стр. 564; III, 232. 464).

Эта статья имѣетъ большое значеніе для исторіи образованія Россіи и для исторіи просвѣщенія инородцевъ приволжскаго края въ XVIII столѣтіи.

Втеченіе 17-ти-лѣтняго епископскаго служенія въ Казани, Лука Ковашевичъ устроилъ духовную семинарію и школы для воспитанія дѣтей духовенства и инородцевъ. Онъ заботился о приличномъ содержаніи семинаріи и расширеніи круга ученія въ ней. Онъ ревностно трудился надъ распространеніемъ христіанства между разными инородцами казанскаго края, а въ селеніяхъ обращенныхъ старался строить церкви, защищать отъ злоупотребленій и притѣсненій властей, хлопоталъ о льготахъ въ пользу новокрещенныхъ, о переселеніи ихъ въ русскія села изъ среды некрещенныхъ, заводилъ новокрещенскія школы. Прежде было крещеныхъ инородцевъ 15.000, а при епис-

копѣ Лукѣ уже насчитывалось болѣе 100.000 человекъ. Со стр. 481 и до конца излагаются причины медленнаго распространенія христіанства между ино-
родцами.

Для этого сочиненія Щаповъ воспользовался готовыми мате-
риалами, собранными Г. З. Елисеевымъ и хранившимися въ ака-
демической библіотекѣ.

4) „Арсеній Грекъ при патріархѣ Никонѣ“ (ч. III, стр. 328).

Въ этомъ краткомъ жизнеописаніи Арсенія Грека собраны свѣдѣнія изъ
разныхъ источниковъ и между прочимъ новыя замѣтки изъ соловецкихъ ру-
кописей. Арсеній былъ родомъ изъ Солуны и по влеченію къ образованію
отправился въ западныя государства. Чтобы имѣть доступъ въ римскую кол-
легію, онъ отказался отъ православія, которое снова принялъ по возвраще-
ніи на родину, и посвященъ въ пресвитера. Принявъ монашество на Афонѣ,
онъ пріѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Памсіемъ въ
1649 году. Въ это время Ѳ. М. Ртищевъ основалъ училище и братство у Во-
робьевыхъ горъ; Арсеній, какъ знающій греческій и латинскій языки, остав-
ленъ былъ въ Москвѣ. Рѣзкія его замѣчанія о портѣ богослужебныхъ рус-
скихъ книгъ и несоблюденіе чина монашескаго заставили русскихъ взглянуть
на него „враждебно“, къ тому же и Памсій писалъ царю, чтобы его „разсмо-
трѣть гораздо“, — „много въ немъ иныхъ вѣръ обычаевъ“. Поэтому въ половинѣ
1650 г. послали его для испытанія въ православіи въ Соловецкій монастырь,
гдѣ онъ пробылъ два года и сознавался, что принималъ латинство. Тамъ онъ
оказался плохимъ чернецомъ, хотя вѣроученіе православное строго держа-
щимъ. Въ 1653 году Никонъ опредѣлилъ Арсенія Грека главнымъ учителемъ
греческаго и латинскаго языковъ въ училищѣ Чудова монастыря и справщи-
комъ книгъ на печатномъ дворѣ. Арсеній перевелъ книгу Скрижалъ (1655 г.)
и Хронографъ (1665 г.). Поднялся ропотъ противъ Арсенія, когда считали
вообще всѣхъ грековъ утратившими православіе подъ игомъ турецкимъ, а его
— въ добавокъ порочнымъ человекомъ. „Арсеній Грекъ, врагъ Божій, научилъ
Никона покупать книги еретическія; онъ преводилъ ихъ на языкъ словен-
скій, и тѣмъ они развратъ сотворили во всей русской землѣ“.

Главный недостатокъ этого сочиненія Щапова заключается въ
ложномъ взглядѣ на Арсенія, котораго онъ безъ всякихъ основа-
ній старается поставить слишкомъ высоко, а московскихъ духов-
ныхъ лицъ и русскихъ книжниковъ всѣхъ огуломъ считаетъ тем-
ными невѣждами.

Кромѣ этихъ статей, Щаповъ издалъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“
1858 года семь памятниковъ, извлеченныхъ изъ соловецкихъ рукописей; каж-
дому изъ нихъ онъ предпослалъ краткія историческія или литературныя за-
мѣтки.

а) „Слово о постѣ“ (ч. I, стр. 138), б) „Житіе св. Леонтія, епископа рос-
товскаго“ (стр. 297), в) „Слово въ память св. Леонтія, епископа ростовскаго“
(стр. 420), г) „Житіе Исаи, епископа ростовскаго“ (стр. 432), д) „Житіе Ан-
тонія Римлянина“ (ч. II, стр. 157. 310), е) „Новыя поученія Серапіона, епископа
владимірскаго“ (стр. 472) и ж) „Житіе Авраамія Смоленскаго“ (ч. III, стр.
136. 369).

Въ 1859 году Аванасій Прокофьевичъ напечаталъ только одну свою рѣчь:

б) „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ
людей“ (ч. I, стр. 40—76).

Написанное горячо и во время освобождения русских крестьян, это сочинение тогда обратило на себя особенное внимание; главные черты содержания его таковы: изъ глубины отдаленных вѣковъ, когда только развивалось рабство въ Россіи, намъ слышится голосъ древней церкви, съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся на современный вопросъ объ улучшеніи быта людей несвободныхъ. При слабости закона, когда сильные люди „какъ звѣрь“ порабощали другихъ, томили голодомъ и побоями и продавали, — изъ церкви неутомочно раздавался пастырскій голосъ въ защиту холоповъ. Богачъ зажигаетъ въ храмѣ на свѣтильникахъ свѣчи, а пастырь говорить, что рабы обидимы имъ вздохами и слезами погасятъ твои свѣчи. Пастыри церкви строго наказывали отнюдь не принимать въ храмъ даровъ „отъ злаго господина, который челядь свою муками и ранами томить, налагаетъ на нихъ работу не по силѣ, морить голодомъ, томить наготою“. Церковь поучала заботиться о рабахъ, какъ о своихъ чадахъ, имѣть попеченіе объ ихъ матеріальномъ и духовномъ благѣ; изъ обитателей слышался голосъ, отрадный для угнетаемаго народа, о нравственно-христіанской свободѣ раба, немолчно обличавшій жестокосердіе господъ.

Но церковь сама владѣла крестьянами: 1) Ей давали земли и крестьянъ князья, бояре и постригавшіеся въ монастыряхъ, не назначая никакого другаго обезпеченія; самъ народъ охотнѣе жилъ на церковныхъ земляхъ, чѣмъ у бояръ. Основаніемъ духовныхъ владѣній было не насилие, а пожертвованіе. 2) Крестьяне принадлежали не лицамъ духовнымъ, а учрежденіямъ. 3) Сама церковь прежде всѣхъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, выразила мысль — отказаться отъ крестьянъ. При великомъ князѣ Іоаннѣ III-мъ духовенство не согласилось отказаться отъ владѣнія крестьянами торжественно на соборѣ; но тогда вопросъ шелъ не о свободѣ крестьянъ духовныхъ, а о передачѣ ихъ боярамъ и служилымъ людямъ, и предметомъ спора былъ фактъ владѣнія, а не право. Голосъ церкви побуждалъ господъ передъ смертью отпущать на волю своихъ рабовъ.

Защита правъ духовенства на владѣніе крестьянами вышла у Щапова искусственна и неудачна: она вызвала тогда же рѣзкія опроверженія въ „Современникѣ“.

Рецензіи по поводу рѣчи „Голосъ русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“ напечатаны въ „Современникѣ“ 1859 г. Т. 84, отд. III, стр. 528. „Москов. Обзоръ.“ 1859 г., № 2, отд. 3, стр. 6.

Изъ старинныхъ памятниковъ въ 1859 г. издано имъ два: а) „Слово св. отецъ, како жити крестьяномъ“ (ч. I, 128) и б) „Поученія Кирилла, епископа ростовскаго“ (ч. I, 244).

Въ 1860 году Афанасій Прокофьевичъ напечаталъ двѣ статьи въ Журналѣ, а памятниковъ не издавалъ:

6) „Русская церковь въ сѣверномъ Поморьи въ XV—XVII-мъ вв.“ (ч. II, стр. 3. 256).

Въ предисловіи точно означены авторомъ стороны предмета, которыя онъ развилъ подробно на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ рукописей. „Русская церковь въ сѣверномъ Поморьи въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ“ приобрѣла весьма важное историческое значеніе. Она, во 1-хъ) просвѣтила свѣтомъ христіанства обитавшія тамъ многочисленныя финскія племена; во 2-хъ) многозначительно содѣйствовала населенію огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго Поморья; въ 3-хъ) чрезъ своихъ свѣтильниковъ, многочисленныхъ

св. отшельниковъ, по всему сѣверо-восточному краю Россіи распространяла свѣтъ духовнаго просвѣщенія и христіанскія начала гражданственности, и наконецъ, многократно охраняла цѣлость православной вѣры и даже внѣшнюю безопасность границъ русскаго государства на сѣверѣ“.

Хотя въ статьѣ находится немало произвольныхъ домысловъ и предположеній, но она доселѣ имѣетъ цѣну для историка, особенно церковнаго.

7) „Древніе пустыни и пустынножителѣ на сѣверо-востокѣ Россіи“ (ч. 3, стр. 196).

Подвижническія пустыни большею частью были самыми первыми починками заселенія необитаемыхъ лѣсовъ сѣвера и проводниками дальнѣйшей колонизаціи сѣверо-восточнаго края. Прежде основанія монастырей ни стези не было и не ступала нога человѣческая въ чащѣ лѣсной, звѣрей и гадовъ было множество, боръ отъ вѣка не паханъ; но иноки проложили дороги, населили землю и ввели культуру. Въ лѣсной странѣ удобно было процвѣтать отшельникамъ, бѣжавшимъ отъ безправія и грубости общества; отреченіе отъ міра было идеаломъ и князей, и простолюдиновъ. Пустыня съ ея природою въ непроходимыхъ дебряхъ сѣвера, полная страшныхъ силъ и явленій, нерѣдко дивныхъ красотъ, подъ вліяніемъ глубоко-религіознаго настроенія души, возторгала отшельниковъ и приводила въ умиленіе, возбуждала въ душѣ чувство присутствія Бога. Отсюда является сила побѣждать природу. Одинокія пустыни въ глуши лѣсовъ были особеннымъ міромъ чудесъ и подвиговъ; тамъ отъ созерцанія природы простыя поселяне научались мудрости, „зряху солнце, землю и звѣздное теченіе, видяху небеса, луну и воды“. Пустыня стала прекраснымъ садомъ, возвращеннымъ и оплодотвореннымъ святыми руками тружениковъ, а прежде была жилищемъ бѣсовъ.

Статья почти вся состоитъ изъ выписокъ рукописныхъ житій русскихъ святыхъ и отличается выраженіемъ любви къ сѣверной природѣ.

Въ 1861 году помѣщены Шаповымъ тоже двѣ статьи въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

8) „Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ русскаго гражданскаго общества въ XIII—XV-мъ вв.“ (ч. I, 77, 173).

„Высокое нравственное значеніе и вліяніе имѣла отечественная церковь въ средніе темныя вѣка нашей исторіи силою возвышенныхъ, благотворныхъ нравственно-юридическихъ идей, которыя церковь старалась проводить тогда въ общество; она спасала его отъ паденія, отъ нравственнаго разложенія во внутренней борьбѣ разнородныхъ враждебныхъ силъ“.

При господствѣ права сильнаго и частнаго произвола, среди печально-мрачнаго безпорядка, церковь была общественной совѣстью и дѣйствовала на гражданское общество двумя способами: 1) строгимъ обличеніемъ и поученіемъ. Она преслѣдовала всевозможные пороки, употребляя практическія мѣры и преслѣдуя высокія цѣли. Пастыри церкви строго обличали несправедливое собраніе имѣнія, тяжбы изъ-за земель, порабощеніе людей, недостатки правосудія и взятки, рѣзкомство и грабительство, лѣнивое монашество и фарисейство, жестокое обращеніе съ рабами и проч. 2) Церковнымъ наказаніемъ или епитиміей. Для обузданія грубыхъ страстей пастыри церкви употребляли наказанія, сообразныя съ духомъ времени и господствующими пороками. Они запрещали принимать отъ грабителей, взяточниковъ, лихоимцевъ и

любопытателей приношенія въ церковь; даже простыя просфоры и свѣчи ихъ считали гнусными.

Статья эта, написанная почти исключительно на основаніи выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей, имѣетъ доселѣ историческое значеніе. Изложеніе ея отличается живостью, чувствомъ и энергіей; къ сожалѣнію, въ ней допущено немало лишнихъ общихъ мѣстъ.

9) „Смѣсь христіанства съ язычествомъ въ древне-русскихъ сказаніяхъ о мірѣ“ (ч. I, 249).

„Древнія есотоническія и космогоническія преданія славяно-русскаго язычества, встрѣтившись въ началѣ христіанской эпохи съ церковно-библейскимъ ученіемъ о Богѣ и мірѣ, не скоро исчезли, а частію сохранили старое, міеологическое значеніе, частію приняли отгнновъ апокрифически-христіанскій, или частіе — гностико-богомилскій“. Эта общая мысль далѣе развивается въ сопоставленіи „Бесѣды трехъ святителей“ и рукописныхъ данныхъ съ ученіемъ богомиловъ о созданіи міра, о міроправленіи ангеловъ, объ утвержденіи земли, о твореніи Адама, о дѣйствіяхъ Сатанаила, о двоевѣрной смѣси христіанскихъ понятій съ языческими.

Содержаніе этой статьи развито подробно Щаповымъ въ „Очеркахъ народнаго русскаго міросозерцанія“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1863 г.).

Почти всѣ эти девять статей Щаповъ читалъ студентамъ вмѣсто лекцій.

Въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1862 г. помѣщена еще статья Щапова: „Состояніе русскаго духовенства въ XVIII - мѣ стол.“. Какимъ образомъ она попала сюда, когда все содержаніе ея давно вошло въ сочиненіе „Русскій расколъ старообрядства“? Надо думать, что статья залежалась въ редакціи и издана въ журналѣ или по недосмотру и небрежности, или просто отъ недостатка матеріаловъ и ради даровщины.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Программа исторіи русскаго народа.

Идея, планъ и общій ходъ исторіи русскаго народа. Начала дѣленія русской исторіи. Общая характеристика первой, земско-областной формы исторической жизни народа, отъ основанія областей, или земскихъ общинъ до послѣдней, такъ называемой въ актахъ, „розни“ областей въ смутное время, или до окончательнаго развитія московской централизаціи. Ограниченное саморазвитіе земско-областной формы народной жизни и отличительные признаки ея. Общая характеристика второй, государственно-союзной формы исторической жизни русскаго народа отъ смутнаго времени до нашего. Преобладаніе государственности надъ народностію, централизаціи надъ земско-областною жизнію.

Источники и литература русской исторіи будутъ разсматриваемы въ хронологически-послѣдовательномъ порядкѣ при самомъ изложеніи предмета, въ отдѣлахъ о просвѣщеніи, о народномъ самопознаніи и литературѣ.

ПЛАНЪ ИЗЛОЖЕНІЯ.

I.

Земско-областная форма исторической жизни русскаго народа (отъ основанія областей до смутнаго времени).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историко-этнографическая характеристика славянскихъ, литовскихъ и финскихъ племенъ.

Этнографическій обзоръ славянскихъ племенъ. Общественный бытъ славянъ до поселенія ихъ на русской землѣ. Распаденіе родового начала и развитіе племеннаго быта. Значеніе старшинъ родовыхъ, или старцевъ, въ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Значеніе общиннаго элемента и родового начала—отчины въ землевладѣніи городскихъ и сельскихъ жителей. Звѣроловный, пастушескій и земледѣльческій бытъ славянъ.

Миеологія славянскихъ племенъ. Индо-европейскія и общеславянскія начала миеологическаго міросозерцанія славяно-русскихъ племенъ. Періодъ религіозно-монотеистическаго міросозерцанія. Отсутствие анализа силъ и явленій природы. Періодъ политеистически-религіознаго міросозерцанія, или мифологическаго анализа природы. Божества славянскія и миеологическое значеніе ихъ. Персонификація силъ, стихій, явленій и предметовъ природы. Вліяніе лѣснаго, или звѣроловнаго, пастушескаго и, наконецъ, земледѣльческаго быта славянъ на ихъ міросозерцаніе. Мифологическій процессъ развитія зооморфизма и потомъ—антропоморфизма. Причины появленія и значеніе въ миеологическомъ міросозерцаніи вѣдунства, волшебства, заклятій и заговоровъ, примѣтъ и загадокъ. Славянская космогонія, индо-европейскія начала ея и славянскія сказанія. Послѣдніе космогоническіе вопросы славянской миеологіи. Богослужебный культъ славянъ. Религіозныя игрища „межи селы“. Мѣста богослуженія, жертвы, обряды и праздники. Религіозно-языческія пѣсни. Семейный бытъ и обычаи. Нравственныя свойства славянскихъ племенъ.

Историко-этнографическая характеристика литовскихъ племенъ. Племенное различіе ихъ. Ихъ географическое размѣщеніе. Общественный бытъ. Миеологія, нравственныя качества, или племенные особенности.

Финскія племена или чудь. Ихъ племенное различіе и географическое размѣщеніе до прихода славянъ. Города и области финскіе. Общественный бытъ чуди въ различныхъ областяхъ. Различіе сѣверныхъ и южныхъ финновъ. Степень ихъ духовнаго и общественнаго развитія. Ихъ промыслы и культура. Домоустройство финское. Домашніе обычаи. Чудскія копи. Миеологическое міросозерцаніе финновъ и отношеніе его къ славянской миеологіи. Божества финскія—небесныя, водныя, земныя и подземныя. Демонологія: тадебціи, духи лѣсные, водяныя и проч. Тадибы, кудесники, кебуны и ихъ заклятія и заговоры. Культъ финскій: сейды, жертвоприношенія, священные камни и березы. Финская поэма Калевала, финскія пѣсни и сказанія. Нравственныя качества или отличительныя особенности финской народности. Общій сравнительный выводъ о славянской и финской народностяхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Славянская колонизація русской земли, или основаніе юго-западныхъ и велико-русскихъ областей. Колонизація юго-западныхъ областей: значеніе въ исторіи юго-западной колонизаціи великаго воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки“. Главные пути или направленія юго-западной колонизаціи. Подробный историко-географическій очеркъ первоначальнаго основанія, путемъ колонизаціи и дальнѣйшаго заселенія земель, лежащихъ на рѣчныхъ системахъ Днѣпра, Западной Двины, Нѣмана, Вислы и другихъ рѣкъ. Въ частности, славяно-русская колонизація Литвы и постепенное водвореніе въ ней русской народности. Переселеніе въ средніе вѣка въ юго-западную Русь нѣмцевъ, ляховъ, жидовъ, армянъ, татаръ и другихъ народностей. Славянская колонизація земель южной Россіи, занятыхъ прежде азіатскими ордами—печенѣгами, половцами и другими. Землевладѣльческая сельская колонизація въ литовско-русскихъ областяхъ. Историко-статистическія соображенія о числѣ юго-западнаго народонаселенія. Историко-этнографическая организація народности малороссійской, литовской и польской.

Колонизація сѣверо-восточной финской страны, или основаніе великорусскихъ областей. Значеніе въ ходѣ сѣверо-восточной колонизаціи рѣчныхъ системъ полярно-балтійской, или сѣверо-двинской и повто-каспійской, или волжско-камской. Подробный историко-географическій очеркъ новгородской колонизаціи: основаніе и колонизація Новгорода. Направленіе колонизаціи изъ пяти концовъ Новгорода по озерно-рѣчнымъ системамъ: ильменско-волховской, онежско-поморской и сѣверо-двинской. Колонизація и основаніе пяти новгородскихъ путемъ торгово-промышленныхъ уѣздовъ, „ухожаевъ и гостыбъ“. Основаніе „погостовъ въ Лопи, въ Чуди, въ Корелѣ“ и проч. путемъ „гостыбъ“ или торговли новгородцевъ съ финнами. Колонизація областей сѣверо-поморской, вятской, двинской, бѣлозерской, вологодской, устюжской, вымской и пермской. Значеніе ушкуйниковъ въ новгородской колонизаціи. Колонизація Печоры. Историко-географическій очеркъ ростовско-московской колонизаціи областей волжско-камской системы. Переселенія Юрія Долгорукаго изъ южной Руси въ сѣверную и заслуги его въ дѣлѣ колонизаціи среднихъ частей волжской системы. Основаніе и колонизація городовъ: Суздаля, Владиміра, Москвы, Переяславля-Залѣскаго, Юрьева-Польскаго, Юрьевца-Поволжскаго, Коснятина, Твери, Ярославля, Костромы, Галича-Мерьскаго, Нижняго-Новгорода, Рязани и другихъ городовъ. Колонизація городскихъ уѣздовъ и волостей изъ городовъ, по хозяйственнымъ промышленнымъ путямъ и ухажаемъ князей, бояръ и прочихъ землевладѣльцевъ. Сельско-хозяйственное или промышленное происхожденіе сельскихъ общинъ: земледѣльческихъ, рыболовныхъ и другихъ. Отношеніе дѣся къ полю, или незаселенныхъ пространствъ къ заселеннымъ. Общій взглядъ на характеръ и значеніе славяно-русской сѣверо-восточной колонизаціи до XVII вѣка. Историко-этнографическая организація велико-русской народности изъ слиянія славянскаго элемента съ финскими народностями. Причины этнографическаго разнообразія областныхъ массъ народонаселенія. Историко-статистическія соображенія о числѣ народонаселенія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Земско-бытовое устройство народонаселения, или, по выражению актовъ, земское строение. Колонизаціонная основа областного дѣленія сѣверо-восточной Руси, по естественно-географическимъ урочищамъ и преимущественно по рѣчнымъ системамъ. Различныя названія областей и различный земскій строй ихъ. Происхождение и организація сѣверо-восточныхъ городовъ и ихъ значеніе въ отношеніи къ уѣздамъ и волостямъ. Отличіе городовъ новгородскаго и московскаго происхожденія отъ городовъ западно-русскихъ. Города удѣльные и города новгородскаго, вольно-народнаго происхожденія. Разсмотрѣніе внутренней организаціи Ростова, Владиміра, Москвы, Пскова, Новгорода, Вологды и Вятки. Городское народонаселеніе: его составъ, различные классы и взаимныя отношенія. Отсутствие сословныхъ кастъ, городское домоустройство, происхождение и земское строеніе уѣздовъ и волостей и отношеніе ихъ къ городамъ. Значеніе пятинъ, уѣздовъ, становъ, ключей и другихъ составныхъ частей областныхъ. Уѣздное и волостное народонаселеніе: различные роды сельчанъ. Различныя ассоціаціи уѣзднаго и волостнаго народонаселенія: „сѣденья, слѣды, рады и рядки“ и значеніе ихъ. Поземельное владѣніе. Земли городовъ удѣльныхъ, земли св. Софіи и Новгорода, земли княжескія, боярскія, владычныя, монастырскія, черныя. Крестьяне: поземщики, своеземцы, черные люди, рабы и проч. Свободный переходъ крестьянъ и ихъ обязанности въ отношеніи къ землевладѣльцамъ. Льготы сельскихъ поселенцевъ. Вотчинное управленіе. Хозяйственное землемѣріе и крестьянскіе земельные участки. Новгородскія обжи и сохи, московскія сохи, выти и т. п. Торговля, промышленность и культура. Внутренняя торговля городовъ. Предметы торговли. Пути ея. Торговля Пскова и Новгорода съ нѣмецкими городами и съ Готландомъ. Договоры съ Любекомъ, Готскимъ берегомъ, Ригю и другими нѣмецкими городами. Значеніе Новгорода въ Ганзеатическомъ союзѣ (*dass dargars Nowgorodwie aus ejnem Brundquell alle andere contons geschlossen, und aus derselben Handlung gleichsam fundiret und gegründet*). Новгородскій „путь чистый безъ рубежа“. Ярмарки „Біармин“, торги и торговые рядки. Торговое положеніе Москвы: большой торговый путь изъ Азіи въ Европу и обратно, по Волгѣ, Ока и Москвѣ-рѣкѣ. Торговля приволжская съ татарами. Монастырская безпошлинная торговля. Промышленность и культура. Физико-географическія условія промышленнаго развитія областей. Промыслы посадскихъ людей. „Починочный“ и непосредственно-натуральный характеръ сельской культуры. Хозяйственно-промышленные „пути и ужожаи“. Земледѣліе. Бортничество. Рыболовство. Бобровые ловы, вообще звѣроловство и другіе промыслы и способы ихъ производства. Степень народнаго богатства и благосостоянія. Сельское хозяйственное домоустройство.—Областное управленіе: администрація въ удѣльныхъ областяхъ: княжескіе намѣстники, волостели и ихъ тѣны и другія княжескія власти. Земское самоуправленіе. Особенное развитіе его въ вольно-народныхъ областяхъ: въ Псковѣ, въ Новгородѣ, во всѣхъ новгородскихъ волостяхъ, въ Вяткѣ. Вѣче и земскіе совѣты. Судопроизводство. Устройство и процессъ его. Земскіе „самосуды“. Разборъ правыхъ грамотъ. Законодательство: преобладаніе обычая надъ закономъ; областныя уставныя грамоты. Судебники. Подробный разборъ тѣхъ и другихъ.

Земско-бытовое устройство юго-западнаго народонаселенія. Устройство областей въ видѣ самостоятельныхъ удѣльныхъ княжествъ до польско-литовской централизаціи. Измѣненіе въ устройствѣ ихъ во время литовскаго владычества. Общественное устройство народонаселенія: князья, бояре, паны, паны-рады, шляхта хоругвенная, снузники и прочіе чины. Мѣщане городовые. Развитіе и значеніе братствъ. Общественное положеніе духовенства. Сельское населеніе: посполство, кметы, сусѣды и подсусѣды. Городовое устройство. Ряды городовъ съ князьями. Права и вольности городовъ. Жалованныя и уставныя грамоты польско-литовскихъ королей. Магдебургское право, его организація и постановленія. Сельское устройство и землевладѣніе. Княжескія земли. Земляне. Уставы о волокахъ. Королевская поземельная плата или цыншъ, земскія работы, подати и сборы. Взаимныя условія и отношенія пановъ съ крестьянами.—Торговля и промышленность. Первоначальная торговля съ Константинополемъ и съ волжскими болгарями. Торговля литовско-русскихъ и польскихъ городовъ съ Западомъ, особенно съ Пруссією, съ Ригой, съ Лифляндією; съ Крымомъ, съ Малой Азією, Индією, Аравією, Сирією. Торговое значеніе Кіева, Смоленска, Полоцка. Торговля литовская. Промыслы и ремесла. Ихъ характеръ и роды. Ремесленныя товарищества (*collegia orificum*); ихъ права и привилегіи. Заводчики. Управление. Королевскія власти: намѣстники, воеводы, старосты, державы, государевы урядники, подкоморіи и проч. Организація народнаго земскаго управленія: великіе сеймы и повѣтовые сеймики, рады и лавы. Городовые радцы, войты, лентъ-войты, бурмистры. Число и условія выбора ихъ въ городахъ. Распри горожанъ въ Литвѣ и Польшѣ съ бурмистрами, радцами, воеводами, князьями, панами и боярами; причины распрей. Сельское управленіе въ королевскихъ земляхъ и волостяхъ. Земскій урядъ, войты, подскарбіи, ревизоры.—Законодательство. Русская Правда и значеніе ея для юго-западной Руси. Уставы князей — Владиміра, Ярославъ, Мстислава Смоленскаго. Литовскіе статуты: ихъ источники, составъ, содержаніе и различныя редакціи. Судопроизводство въ воеводствахъ и повѣтахъ. Земскіе судьи, подсудьи, писари, возные. Значеніе государственныхъ подкоморіевъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Умственное и нравственное состояніе русскаго народа. Способы общественнаго образованія въ сѣверо-восточной Руси. Училища. Духовно-просвѣтительное значеніе монастырей. Домашнее обученіе и воспитаніе. Наставленіе отцовъ къ дѣтямъ и правила „Домостроя“. Обзоръ памятниковъ древне-русской словесности, преимущественно тѣхъ, въ которыхъ выражается духъ, характеръ и умственная жизнь народа. Обзоръ и сравнительный анализъ великорусскихъ областныхъ лѣтописей. Обзоръ сочиненій великорусскихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Обзоръ средневѣковыхъ легендъ, находящихся въ „житіяхъ“ сѣверо-восточныхъ святыхъ. Обзоръ различныхъ былинъ, пѣсней, притчей и пословицъ народныхъ. Характеристика велико-русскихъ нарѣчій, областныхъ особенностей языка. Историческій очеркъ физическаго и нравственнаго міросозерцанія народнаго. Наконецъ, очеркъ семейныхъ и общественныхъ правовъ и обычаевъ.

Просвѣщеніе и литература юго-западной Руси. Училища въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Просвѣтительное значеніе Киевопечерскаго монастыря. Заботы князей о просвѣщеніи и ихъ библіотеки. Кіевская академія. Южно-русскія и литовскія типографіи. Лѣтописцы и лѣтописи: кіевская, волынская, литовская лѣтопись 1440 г. „*Latorisie Litwy i Krońica Rusca*“, лѣтописи 1254—1425 г. Мисаила, епископа смоленскаго, и другія лѣтописи. Юго-западные духовные и свѣтскіе писатели съ XI-го до XVII вѣка и характеристика ихъ сочиненій. Князь Константинъ Острожскій, его заботы о просвѣщеніи. Полемика съ католиками и полемическая литература. Юго-западные народныя легенды въ житіяхъ святыхъ, былины про богатырей Владимірова цикла, пѣсни и притчи юго-западныхъ. Южно-русское физическое міросозерцаніе. Характеръ юго-западныхъ нарѣчій. Нравы и обычаи юго-западнаго народа. Нравственный бытъ и характеръ малороссійскаго казачества.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическая исторія русскаго народа.

Монгольское иго и значеніе его для внутренняго, народно-областнаго быта. Отношеніе сѣверо-восточныхъ областей, особенно московской области, къ татарскимъ царствамъ. Покореніе Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго царствъ. Отношеніе Москвы къ западной Европѣ—къ Австріи, Италіи, Пруссіи, Швеціи и Англіи. Отношеніе Московскаго государства къ Польшѣ. Взаимныя политическія отношенія и стремленія областей къ земской особности, самобытности и борьба ихъ съ московскою централизаціей. Отношеніе псковскихъ и новгородскихъ областей къ московской области. Борьба ихъ. Борьба Твери, Рязани, Вятки и другихъ областей съ Москвою. Постепенное собраніе земли русской въ одно Московское государство. Послѣдняя „рознь“ областей въ смутное время.

Общее согласіе областей на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ и на великомъ земскомъ совѣтѣ 1613 года—„быть въ любви, совѣтѣ, союзѣ и соединеніи“. Окончательное утвержденіе новой государственно-союзной формы исторической жизни русскаго народа.

Политическая исторія юго-западныхъ областей. Политическія отношенія Польскаго государства къ Пруссіи, Швеціи, къ Крыму, къ Московскому государству. Постепенное ослабленіе самобытной жизни въ русскихъ областяхъ юго-западной Руси, вслѣдствіе удѣльныхъ междоусобій. Литовское завоеваніе и централизація. Гедиминъ, Ольгердъ. Польско-литовская централизація. Ягайло. Преобладаніе польскаго владѣчества въ юго-западной Руси. Борьба польской централизаціи съ Москвою за сѣверо-западные и юго-западные области. Стремленіе польскаго владѣчества къ подавленію литовско-русской народности. Стремленіе юго-западныхъ русскихъ областей къ отдѣленію отъ Польши: появленіе казачества и образованіе особой области—Малой Россіи или Украины. Стремленіе Литвы къ независимости, къ самобытности въ союзѣ съ Польскимъ королевствомъ. Условное соединеніе Литвы съ Польшей: *Pacta conventa*. Польское иго: начало уни и гоненіе на русскую вѣру и народность. Оппозиція: возстаніе малороссійскаго казачества. Попытка Польши утвердить свое владѣчество въ великорусскомъ Московскомъ государствѣ.

Вторженіе польскихъ и литовскихъ людей въ великорусскія области во время ихъ „великой розни“. Торжество московской централизаціи. Постепенное развитіе въ Польшѣ сознанія необходимости соединенія съ Московскимъ государствомъ. Мысли объ этомъ Стефана Баторія: сеймъ въ Варшавѣ. Мысли Владислава IV.

II.

Государственно-союзная форма исторической жизни русскаго народа (съ VII-го вѣка до нашего времени).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историко-этнографическая характеристика различныхъ торжо-татарскихъ, монголо-бурятскихъ и другихъ народностей царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, съ XVI-го вѣка вошедшихъ въ составъ Русскаго государства.

Историко-географическій очеркъ правительственной колонизаціи юго-восточной Руси и Сибири въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіи. Отсюда дальнѣйшее историко-этнографическое развитіе, народженіе, нарастаніе русскаго народа изъ примѣси новыхъ народныхъ элементовъ. Историко-статистическое показаніе числа народонаселенія въ XVII-мъ, XVIII-мъ и въ 1-й четверти XIX-го стол. Заботы правительства въ XVIII-мъ в. объ умноженіи народонаселенія. Иностранные колонисты, ихъ поселеніе въ поволжскихъ губерніяхъ, въ Саратовской, Самарской, Воронежской, въ Лифляндіи, въ Сибири, въ Тобольской губерніи, въ Барабинской степи и пр. Общій сравнительный взглядъ на характеръ древней вольно-народной и новой, государственной, правительственной колонизаціи. Государственные колоніи: ямскія, стрѣлецкія слободы, военные поселенія въ XVIII-мъ вѣкѣ и 1-й четверти XIX-го стол.; отличіе ихъ отъ прежнихъ, хозяйственныхъ, торгово-промышленныхъ поселеній.

Колонизація юго-западной Россіи въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіи. Колоніи старообрядческія въ Малой Россіи, стародубской области, на Вѣткѣ, и другихъ западныхъ областяхъ. Колонизація задніпровскихъ мѣстъ между Стайками и Чигириномъ. Колонизація Новой Сербіи. Иностранные колонисты при Екатеринѣ II-й. Военныя поселенія въ XVIII-мъ вѣкѣ и при императорѣ Александрѣ I-мъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Государственно-областное устройство русскаго народа. Государственно-географическое распредѣленіе областей: постепенное нарушеніе древней колонизаціонной основы областнаго дѣленія и преобладаніе государственныхъ казенно-финансовыхъ видовъ въ областномъ распредѣленіи народо-

населения. Росписание областей по писцовым книгам XVI-го и XVII-го вв. и значение для них писцовой росписи. Историко-географический очерк постепенного учреждения губерний в XVIII-м в. и в 1-й четверти XIX-го стол. и значение губернского росписания областей для народа. Государственно-административное устройство и состояние великорусского народа. Постепенный упадок земского начала областного „народовоѣдѣнія“ и самоуправления и преобладание государственно-административной централизации. Уничтожение земских областных совѣтовъ и вѣтъ и устройство в XVII-м в. приказовъ, в XVIII-м—коллегій и, наконецъ, министерствъ. Постепенное введение во всѣхъ областяхъ в XVII-м в., вмѣсто прежнихъ „излюбленныхъ земскихъ старостъ и судей, воеводъ и другихъ приказныхъ начальствъ“. Протестъ народный в XVII в. противъ городскихъ воеводъ и приказныхъ начальныхъ людей. Учреждение въ областяхъ губернаторскаго управленія в XVIII-м в. „Учреждение для управленія о губерніяхъ“ Екатерины II-й. Недовольство в концѣ XVIII-го в. учрежденіемъ для управленія о губерніяхъ. Уничтожение мѣстныхъ областныхъ уставныхъ грамотъ и развитіе общаго для всѣхъ областей законодательства. Судебникъ: „Уложение“. Законодательство 1-й половины XVIII-го в.—„органическое порожденіе Уложения“. Комиссія для сочиненія проекта „Новаго Уложения“. Наказъ Екатерины II-й этой комиссіи. Недовольство во 2-й половинѣ XVIII-го в. и в началѣ XIX-го в. недостатками общаго законодательства имперіи. Мысли комиссіи для сочиненія проекта уложения при Александрѣ I-мъ о необходимости примѣненія общаго законодательства къ мѣстнымъ, областнымъ условіямъ, „ко всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія и къ главному характеру народовъ, находящихся въ имперіи областей“. Государственно-экономическое устройство и состояніе народа. Прикрѣпленіе городского и сельскаго народонаселенія къ землѣ для обезпеченія финансовыхъ интересовъ государства, и борьба средневѣковаго начала свободнаго перехода съ крѣпостнымъ правомъ. Государственное раздѣленіе народной промышленной дѣятельности: развитіе гильдій. Отвѣтственность такого порядка для успѣховъ промышленности. Физико-географическія условія экономическаго развитія народа съ XVII-го в. до нашего времени. Мысли Петра В. о физическихъ источникахъ народнаго богатства въ русской землѣ. Народные промыслы в XVII-мъ и XVIII-мъ вв. Сырые матеріалы, добываніе ихъ и обработка. Преобладаніе сырыхъ матеріаловъ надъ искусственною обработкою ихъ. Заботы правительства объ улучшеніи народной промышленности и культуры. Казенные заводы и фабрики. Государственныя учрежденія в XVIII-мъ в. для развитія народной промышленности. Обязанности камеръ-коллегій, горной и мануфактурной коллегій. Государственная казна в XVII-мъ в. и при Петрѣ В., государственные налоги и подати, отношеніе ихъ къ народнымъ доходамъ и капиталамъ. Учрежденіе подушной подати и значеніе ея для народа. Государственные финансы во 2-й половинѣ XVIII-го в. и в 1-й четверти XIX-го стол. Народно-экономическія причины разстройства государственныхъ финансовъ. Разладъ и борьба в XVII-мъ и XVIII-мъ вв. интересовъ государственной казны съ интересами народной экономіи. Многочисленныя и разнообразныя челобитныя XVII-го в., выражающія этотъ разладъ и борьбу экономическихъ народныхъ интересовъ съ государственными экономическими интересами. Мнѣнія Щербатова, Мордвинова и другихъ государственныхъ людей объ отношеніи народнаго богатства къ казнѣ, о земскихъ повинностяхъ и пр. Преобладаніе государственнаго контроля, государственной экономической инв-

ціатив и распорядительности надъ областною народно-экономическою само-дѣятельностью и самоопредѣляемостью, или развитіе экономической центра-лизаціи.

Начертаніе регламентовъ и указовъ для народной экономической дѣ-тельности. Вліяніе государственныхъ, политическихъ учреждений на народный экономическій бытъ. Протестъ лучшихъ государственныхъ людей противъ из-лишней государственной инициативы и распорядительности въ дѣлѣ народной экономіи. Стремленіе народа къ свободной экономической дѣятельности. Уч-режденіе вольныхъ экономическихъ обществъ. Торговля. Торговые люди: гости, гостинной и суконной сотенъ торговые люди, посадскіе люди. Ихъ торговля по городамъ и уѣздамъ. Ярмарки и сельскіе торги. Предметы внутренней тор-говли. Капиталы купеческіе. Стѣснительность для торговли службы торговыхъ людей въ XVII-мъ в. въ головахъ и цѣловальникахъ въ таможенныхъ, въ каба-кахъ, у соболиной казны и проч. Жалобы на это торговыхъ людей. Жалобы ихъ на притѣсненія, причиняемыя торговлѣ областнымъ начальствомъ. Заботы правительства о развитіи народной торговли. Сближеніе русской народной торговли съ западно-европейской торговлей. Приобрѣтеніе береговъ Балтій-скаго и Чернаго морей. Вооруженный нейтралитетъ. Коммерцъ-коллегія, ко-миссія для разсмотрѣнія коммерціи, государственные заемные банки и значеніе ихъ для народной торговли. Присвоеніе казною себѣ единоторжія и слѣдствія этого. Заботы правительства объ умноженіи городовъ, въ видахъ усиленія на-роднаго торгово-промышленнаго развитія. Новооткрытые города въ XVIII-мъ в., особенно при Екатеринѣ II-й. Матеріальное благосостояніе народа. Жалобы крестьянъ на „обѣднѣіе и обнищаніе“. Причины бѣдности народа, особенно сельскаго. Государственно-общественное устройство и состояніе народа. Исто-рическое развитіе, организація и разрозненіе сословій. Характеристика обще-ственного положенія и значенія каждого сословія въ отдѣльности. Устройство городскихъ и сельскихъ общинъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв. Реформы Петра В. въ устройствѣ городовъ. Магистраты. Городовое положеніе Екатерины II-й. Городскія Думы и магистраты. Общественное положеніе и государственное значеніе сельскихъ общинъ. Образование и общественный бытъ удѣльныхъ, государственныхъ, экономическихъ, однодворческихъ классовъ сельскаго на-родонаселенія. Развитіе крѣпостнаго права и бытъ помѣщичьихъ крестьянъ. Заботы во 2-й половинѣ XVIII-го в. объ улучшеніи быта крестьянъ. Указъ 1803 г. объ образованіи свободныхъ хлѣбопашцевъ. Дальнѣйшее развитіе идеи освобожденія крестьянъ.

Внутреннее состояніе юго-западнаго народа. Королевская власть въ Польшѣ, сеймы и шляхетское управленіе. Польское законодательство. Да-рованіе городамъ магдебургскаго права въ XVII-мъ в. Устройство гетманскаго правительства въ Польшѣ, въ Бѣлой Руси и въ Малой Руси. Преобразование Богдана Хмѣльницкаго. Хозяйственный бытъ казаковъ и народа. Ремесла и ремесленники. Ихъ разнообразіе и значительное развитіе на Украинѣ въ XVII-мъ в. Гнетъ барщины, панства въ русскихъ областяхъ. Протесты мало-россійскихъ гетмановъ противъ злодѣйствъ польскихъ жолнеровъ и шляхты, и требованіе признанія правъ вольности русскаго народа. Самоволіе самихъ гетмановъ. Распространеніе канцелярскаго управленія народомъ. Эгоистиче-скія стремленія гетмановъ и ослабленіе единства стремленій между гетманомъ и малороссійскимъ народомъ. Устройство юго-западной Россіи, послѣ присое-диненія Малой Россіи къ государству. Постепенное введеніе великороссійскаго

чиновничества въ управление Малой Россіи. Постепенное распространеніе въ Малороссіи великорусскаго землевладѣнія. Учрежденіе малороссійской коллегии. Реформы послѣдняго гетмана Разумовскаго. Уничтоженіе гетманства и запорожства при Екатеринѣ II-й. Введеніе въ юго-западной Россіи учрежденія о губерніяхъ. Измѣненія, произведенныя въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ областяхъ Павломъ I-мъ. Систематическое стремленіе правительства 1-й половины XIX-го столѣтія къ сближенію западныхъ губерній съ Россіею и къ ослабленію той особенной въ нихъ народности, которая дотогѣ отдѣляла эти страны отъ имперіи. Введеніе въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, какъ по правительственной, такъ и по судебной части, вмѣсто Литовскаго Статута, того самаго порядка, который существуетъ во внутреннихъ областяхъ государства: уничтоженіе земскихъ судовъ и учрежденіе палатъ гражданскаго и уголовнаго судовъ. Уничтоженіе городскихъ судовъ и учрежденіе уѣздныхъ и, вмѣсто маршаловъ, подкоморій, коморниковъ, возныхъ, хорунжихъ—назначеніе уѣздныхъ судей, или исправниковъ и другихъ чиновниковъ. Введеніе русскаго языка по судопроизводству во всѣхъ западныхъ губерніяхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическія движенія и проявленія духа русскаго народа. Слѣдствія его общественнаго, административнаго и государственно-экономическаго состоянія. Развѣтіе въ Великой Россіи, въ областныхъ массахъ народныхъ, въ концѣ XVII-го в. и въ началѣ XVIII-го в. духа недовольства „начальными людьми, боярами и воеводами“. Развѣтіе и проявленіе противогосударственныхъ, демократическихъ стремленій въ народѣ, особенно по украинамъ. Бунты по городамъ, бунты стрѣлцкіе, бунты поморскіе. Бунтъ Стеньки Разина, астраханскій бунтъ Носова, бунтъ Булавина. Протестъ большей части массъ народныхъ противъ подушной переписи, рекрутчины, податей и налоговъ, противъ крѣпостнаго права, противъ сената и всѣхъ государственныхъ учреждений, противъ регламентовъ и указовъ, противъ реформы Петра В. Демократическая партія „бѣгуновъ“. Бунтъ Пугачева и крестьянскія движенія. Общій взглядъ на историческое значеніе политическихъ движеній и проявленій областныхъ народныхъ массъ. Политическія стремленія и движенія высшихъ классовъ народа. Попытка верховниковъ 1790 г. ограничить самодержавную власть. Попытка и проектъ Панина съ товарищами при Екатеринѣ II-й. Конституціонная хартія Сперанскаго. Развѣтіе и умноженіе тайныхъ обществъ въ 1-й четверти XIX-го стол. Попытка 14-го декабря. Развѣтіе идеи политической свободы и народнаго самоуправленія.

Политическія движенія и проявленія духа юго-западнаго народа. Борьба малороссійскаго казачества и народа съ Польшей за вѣру и народность въ 1-й половинѣ XVII-го в. Богданъ Хмельницкій. Оппозиція гетмана Мазепы противъ великорусскихъ государственныхъ учреждений, противъ стремленій великорусскаго правительства „взять гетманство, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать, воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а когда бы воспротивились, за Волгу перебраться и своими людьми Украину населить“. Требования, оппозиція и конфедерація польскихъ диссидентовъ въ XVIII-мъ в. Конституціонная партія въ Польшѣ 1791 г.: Игнатій Потоцкій, Станиславъ Малаховскій, Колонтай и итальянецъ Піатоли. Тайныя

демократическія общества, явобинскіе круги. Косцюшко. Послѣднія политическія движенія польскаго шляхетства. Польскій бунтъ 1830 г. и окончательный исходъ его.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Просвѣщеніе и литература русскаго народа. Развитіе въ XVII-мъ в. сознанія необходимости введенія западно-европейской науки. Мысль объ университетахъ: Бориса Годунова. Московскія училища въ XVII-мъ в. Славяно-греко-латинская академія. Заботы Петра В. объ образованіи духовенства и дворянства. Характеръ просвѣтительной дѣятельности Петра. Учрежденныя имъ московскія школы: латинскія, нѣмецкія и математическія. Элементарныя школы въ провинціяхъ. Морская школа. Инженерная школа. Цифирныя школы для подъячихъ. Медицинскія школы. Посылки молодыхъ людей за-границу для ученія. Академія наукъ. Кадетскій корпусъ. И. И. Шуваловъ. Московскій университетъ и гимназія. Академія художествъ. Мѣры Екатерины II-й для народнаго воспитанія. Бецкій. Воспитательные дома и училища. Инженерные и артиллерійскіе кадетскіе корпуса. Комиссія о народныхъ училищахъ: малыя и главныя народныя училища. Преобразованія Александра I-го въ устройствѣ народныхъ училищъ и университетовъ. Литература рукописная и печатная. Литература XVII-го в. Лѣтописи: лѣтопись о мятѣжахъ, „Сказанія“ Авраамія Палицина, никоновская лѣтопись, рукописныя хронографы. Отличительныя черты лѣтописныхъ сборниковъ XVII-го в. Записки русскихъ людей: Медвѣдева, Желябужскаго, Матвѣева, Крекшина и др. Разборъ сочиненія Котошихина о Россіи. Разборъ сочиненія о Русскомъ государствѣ Юрія Крыжанича. Обзоръ рукописныхъ лексиконовъ, алфавитныхъ словарей, космографій, луцдаріуса, лечебниковъ и другихъ переводныхъ сочиненій XVII-го в. Обзоръ народныхъ легендъ, сказаній, духовныхъ стиховъ и пѣсней. Духовная литература. Характеръ и направленіе ея во 2-й половинѣ XVII-го и XVIII-го вв. Замѣчательные писатели. Полемиическая литература. Раскольниковскія сочиненія. Литература XVIII-го в. Посошковъ и его сочиненія. Переводныя книги временъ Петра В. Первые газеты. Общій характеръ литературы 1-й половины XVIII-го в. Идея государственнаго образованія. Идея матеріальной пользы науки. Кантемиръ. Ломоносовъ. Начало журналистики. Историческіе писатели. Общій характеръ историческаго воззрѣнія въ 1-й половинѣ XVIII-го в. Манжиковъ. Татищевъ и другіе писатели русской исторіи. Байеръ и Мюллеръ. Записки частныхъ людей: Данилова и Шаховскаго. Учрежденіе театра. Общій характеръ литературы екатерининскаго времени: борьба съ матеріально-отрицательнымъ направленіемъ и исключительно умственнымъ образованіемъ 1-й половины XVIII-го в.; идея образованія челоуѣка, развитія „души, сердца, чувства, чувствительности“. Литературная дѣятельность Екатерины. „Наказъ“. Сумароковъ. Фонъ-Визинъ. Державинъ. Сочиненія кн. Щербатова. Радищевъ. Труды профессоровъ московскаго университета. Записки о Россіи Лепехина, Рычкова и др. Историческіе писатели 2-й половины XVII-го в.: Болтинъ, Щербатовъ, митрополитъ Платонъ. Труды Новикова и основаннаго имъ ученаго дружескаго общества по русской исторіи и вообще на пользу народнаго просвѣщенія. Карамзинъ. Шлегель. Записки частныхъ людей: Дашковой, Храпо-

вицкаго, Державина и Грибовскаго. Журналистика во 2-й половинѣ XVIII-го и въ 1-й четверти XIX-го вв. Вліяніе литературы 2-й половины XVIII-го в. на развитіе политическаго народнаго самопознанія и самосознанія. Развитіе въ массахъ народныхъ мистико-идеалистическаго направленія. Народная словесность и письменность въ XVIII-го в. Очерки русскихъ нравовъ и обычаевъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв.

Литература и просвѣщеніе юго-западнаго народа. Схоластическое направленіе кievской академіи въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв. Отрѣшенность ея наукъ отъ юго-западной народности. Юго-западные университеты. Характеръ и направленіе юго-западной литературы. Книжный языкъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв. и отношеніе его къ живой народной рѣчи. Лѣтописи: львовская лѣтопись 1498—1648 гг., лѣтопись самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго и о происходившихъ послѣ него междоусобицахъ 1647—1734 гг., лѣтопись Самуила Величка, лѣтопись Малороссіи по 1708 г. Максима Пинско, лѣтопись Григорія Грабянки (1730 г.); „Небывалая брань Богдана Хмѣльницкаго“, „Кроника“ Суринковскаго и другія лѣтописи малороссійскія, бѣлорусскія и польскія. Духовная литература XVII-го и XVIII-го вв. Труды и изданія для исторіи юго-западной Россіи: Георгія Конисскаго, Туманскаго, Маркевича, Байтышъ-Каменскаго, Ригельмана и др. Юго-западные поэты начала XVIII-го в.: Климентій, украинскій стихотворецъ. Семенъ Климовскій. Поэты 2-й половины XVIII-го в. и начала XIX-го в. Юго-западная народная словесность. Малороссійскія пѣсни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическія отношенія Россіи къ Польшѣ въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв. Троекратный раздѣлъ Польши и присоединеніе ея съ Литвой къ имперіи. Политическія сношенія, войны и союзы Россіи съ иностранными державами въ XVII—XIX-мъ вв. и значеніе ихъ для народнаго быта и развитія.

Программа изложена кратко и далеко не исчерпываетъ всего предмета. Пропуски и недосмотры, неизбежны въ краткомъ конспектѣ, вполнѣ покажетъ самое изложеніе исторіи, которое постоянно будетъ сопровождаться новыми изысканіями, новой повѣркой источниковъ.

Бакалавръ казанской духовной академіи Аѳанасій Щаповъ.

Казань. 1860 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Отрывки изъ „Ученой бесѣды“ (начала 1861 г.).

„Вся первоначальная наша исторія до эпохи Московскаго государства, вся естественно-историческая основа, архитектурная постройка Русскаго государства состоитъ въ территориальномъ самообразованіи областныхъ земскихъ общинъ путемъ колонизаціи, въ натуральномъ, экономическомъ и юридическомъ самоуправствѣ и въ земско-общинной организаціи ихъ, въ органически-

федеративной связи ихъ, какъ членовъ одного политическаго организма. Первоначально образовалась городская община путемъ вольно-народной или княжеско-вотчинной колонизаціи на болѣе или менѣе обширной территоріи, болѣею частью очерченной особою рѣчною системою. Свободные жители городской общины—князья, бояре, посадники, духовные и мірскіе вотчинники и своеземцы выводили свои поселенія на принадлежавшей городу окрестной территоріи, каждый по своимъ хозяйственно-промышленнымъ путямъ, ухажаямъ и станамъ. Такимъ образомъ устроились села и деревни бортничьи, рыболовныя, сокольничьи, соловаренныя, пашенныя и т. д. Изъ первоначальнаго областного города организовался его уѣздъ, сельская община, вслѣдствіе земскаго саморазвитія и самоустройства“.

Очертаніемъ границъ земской самостоятельности служили болѣею частью физико-географическія условія, преимущественно рѣчныя системы; земское саморазвитіе совершалось по началу общиннаго землевладѣнія. Излюбленные выборные старосты, по согласію съ цѣлымъ міромъ, отводили приплышымъ участки общинной земли и заключали порядную. Земская самобытность областныхъ общинъ въ конфедеративномъ союзѣ всей земли составляла естественно-историческій зародышъ нормальнаго и свободнаго развитія и проявленія народной жизни. Главные областные города были равны между собою и каждый при свободномъ развитіи вѣдалъ свои земскіе областные доходы. Жизнь областныхъ общинъ обнаружилась въ междоусобной борьбѣ, какъ отношенія братьевъ въ необразованной семьѣ, которые вѣчно ссорятся. Но зато въ этой дикой, буйной вѣчевой волѣ много было естественной силы, свѣжести, непочатаго богатства началъ народосоветія, которое такъ дорого русскому духу. „Они требовали не ломки совершенной, не подрыва радикальнаго въ самой основѣ своей, а требовали свободнаго историческаго развитія, улучшенія, облагораженія, по принципамъ общественнаго просвѣщенія, въ духѣ народномъ“.

„Другое начало—историческое, выработавшееся въ древней Россіи свободною народною жизнью. Это начало земскаго и народосоветія,—выражаюсь словомъ знаменитаго крестьянина Посошкова. Какъ каждая земская областная община сама собою образовалась путемъ колонизаціи, путемъ нераздѣльнаго земскаго устройства главнаго областного города и его уѣзда; такъ и юридическій бытъ областныхъ общинъ сложился на основаніи земско-общиннаго устройства ихъ. Вслѣдствіе колонизаціоннаго общиннаго устройства народонаселенія въ той или другой области, естественно развилось и земское самоуправленіе ихъ, политическая и юридическая самостоятельность и самодѣятельность ихъ. Каждый главный областной городъ съ его уѣздомъ составляетъ самостоятельное цѣлое, вольную областную общину, которая имѣетъ свое обширное земское юридическое самоустройство и саморазвитіе. Отсюда развились великорусскія городскія вѣча, юго-западные сеймы и рады, казачьи круги, областные земскіе совѣты, обнаружившіеся во всѣхъ областяхъ въ смутное время, и земскіе соборы. Духъ народный творилъ ихъ по естественному закону юридическаго самоустройства и саморазвитія, по тому естественному закону, что народъ имѣетъ естественное право думать и заботиться о своемъ благѣ, о своихъ собственныхъ дѣлахъ, потребностяхъ и интересахъ самъ собою, или чрезъ своихъ избранныхъ представителей, а не чрезъ какія-нибудь единичныя приказныя власти... Втеченіе всего XVI-го и X-го стол. выборное начало обнаруживало энергическую протестацію и борьбу противъ приказно-правительственнаго элемента. Даже во 2-й половинѣ XVII-го стол. древній

вѣчевой вспокошнный колоколъ часто гудѣлъ и раздавался въ разныхъ областныхъ общинахъ, напимѣръ, въ Новгородѣ, Псковѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ... Грубы были всѣ эти земскіе областные совѣты и московскіе земскіе соборы, имѣли временный характеръ, не были постоянными инстиутіями; но въ настоящее время намъ нужны не формы ихъ, а только принципы... Идея областныхъ земскихъ совѣтовъ и всенародныхъ центральныхъ соборовъ, рано или поздно, во имя историческаго права, во имя уваженія къ духу и потребностямъ нашего народа, выразившимся въ теченіи исторіи, должна быть принята въ соображеніе при новой организаціи мѣстно-областнаго и всеобщаго конфедеративнаго народосовѣтія!

„Если я ошибаюсь въ пониманіи современнаго историческаго народнаго права, то да прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей!..“

Потомъ А. П. Шаповъ выставляетъ два важныхъ преимущества стариннаго самоуправленія: 1) право подавать областныя челобитныя на имя царя чрезъ выборныхъ лицъ и 2) писцовую поземельную систему налоговъ и отсутствіе личнаго поземельнаго тягла, т. е. кадастровый способъ собиранія государственныхъ податей и сборовъ. Далѣе онъ прибавляетъ, что строителями Россіи были крестьяне вездѣ и всюду.

„И эти-то строители Россіи, въ награду за свою вѣковую, страдальческую, богатырскую работу, обречены были на злую неволю—крѣпостное состояніе, по исключительной вольности привилегированнаго дворянства въ XVIII-мъ в., за которую они теперь тяжело платятся, обложены несноснымъ тягломъ, несоразмѣрно съ другими сословіями, обременены рекрутчиной, осуждены на вѣчную тяжелую работу, зимой по дорогамъ на морозѣ, лѣтомъ—съ топоромъ, косой и сохой въ полѣ на жару, лишены всякихъ средствъ, возможности и даже права на просвѣщеніе. И гуманно ли, благородно ли не признавать братства и равенства съ нами той сельской Руси, изъ которой произошли наши первыя самостоятельныя личности, замѣчательныя въ исторіи просвѣщенія нашего! (Никонъ, Посошковъ, Ломоносовъ и другіе). А сколько бы наука, литература и всѣ сферы цивилизаціи считали въ своихъ рядахъ такихъ самородковъ, если бы имъ открыта была широкая дорога не въ одинъ царевъ-кабаекъ!“

Историческая жизнь безправнаго русскаго сельскаго народа протекла только въ стонѣ, бѣгствѣ отъ налоговъ и въ бунтахъ.

Отчаяваясь получить отъ царя свободу, крестьянская Русь во 2-й половинѣ XVIII-го стол. стала мечтать о своемъ искупителѣ изъ рода крестьянъ и выдвинула для своей защиты и развитія правъ Емельяна Пугачева.

„Въ бунтахъ своихъ народъ нашъ выражалъ всю свою политическую философію, свои демократическія думы и стремленія, свои антагонистическія чувства и антипатіи. Безгласный въ спокойное время, онъ во время бунтовъ громко, буйно кричалъ, инстинктивно выражалъ свою накипѣвшую, набогѣвшую въ его духѣ злобу антагонизма къ тяготѣющимъ надъ нимъ началамъ государственности. Ужасенъ этотъ народъ: исторія наша ужъ давно это показала. И горе нашимъ нестолебнымъ и столбовымъ дворянамъ и чиновникамъ, если взволнуются, забунтуютъ эти могучія силы здоровой сельской Руси, подъ руководствомъ ея удалыхъ, буйныхъ, добрыхъ молодцевъ, если мы первые не подадимъ этому забитому, огромному большинству народа мирную руку свободы, братства, если равенство еще мечта!..“

„Исторія—самый положительный опытъ и самый поучительный урокъ! Забѣчательное и ужасное явленіе въ исторіи нашего народа то, что онъ во

всѣхъ бунтахъ своихъ, которые были въ XVII-мъ, XVIII-мъ и XIX-мъ стол., всегда выражалъ антагонизмъ, нетерпимость къ чиновничеству, особенно военному, и къ дворянству. Прослѣдите исторію бунтовъ новгородскаго, псковскаго и сольвычегодскаго, московскаго и коломенскаго, бунта Стеньки Разина и астраханскаго, Булавина и Пугачева,—вы увѣритесь въ этомъ грустномъ убѣжденіи. Во всѣхъ бунтахъ только и было у нашего бунтующаго народа задачей избивать бояръ, воеводъ, дьяковъ, подъячихъ и всѣхъ дворянъ. И эта антипатія, этотъ антагонизмъ нашихъ массъ народа къ чиновникамъ и дворянамъ глубоко коренится доселѣ въ духѣ народномъ и выражается точно такъ же, какъ выражался въ бунтахъ XVII-го вѣка“. Не даромъ, не безъ исторической связи и послѣдовательности, въ томъ же духѣ происходили бунты въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Дума „Гражданская грусть“.

„Что это за дума неуловимая, тихая, грустная, что преслѣдуетъ насъ, братцы, други мысли, убѣжденій, почти на каждомъ шагѣ горько-думнаго жизненнаго пути? Разнообразны черты, неуловимъ, неописуемъ образъ ея. Какъ непрерывное, то тихое, то быстрое, живое, какимъ-то вдохновеньемъ движимое теченье мысли сквозъ всѣ нервы мозга, сквозъ всѣ чувства сердца, сквозъ всѣ порыванья, желанья воли — таинственная дума эта то всецѣло сосредоточивается, самоуглубляется, стремится къ самоопредѣленію, къ выясненности, то легко, неуловимо, въ неопредѣленной общности мысль за мыслью рождаетъ, мысль мысли сдаетъ, въ непрерывномъ потокѣ, въ непрерывной концепціи,—и всегда вѣетъ какою-то невыразимою грустью, тоской, скорбью, заунывною кручиной, даже мукой, заунываньемъ сердца. Въ сосредоточенности, въ самоуглубленности, она исчерпываетъ, измѣряетъ, объѣмаетъ непрерывнымъ, усиленнымъ, углубленнымъ потокомъ мыслей всю глубину горько-думной идеи, или горько-думнаго предмета,—и сердце такъ заноситъ, заноситъ... Словно густой туманъ надъ рѣкой, падетъ на голову грусть-тоска тяжелая, и дума иногда слезой изольется.

„Естественность, человѣчность и гражданственность — вотъ три главныхъ, основныя идеи, около которыхъ вращается эта дума, черезъ которыя проходить, какъ бы нанизываясь на нихъ, цѣлый рой, потокъ грустныхъ мыслей, грустныхъ чувствъ. Это—основныя, внутренніе элементы, мотивы ея. И самая дума эта есть тяжелый, непрерывный мысленный процессъ и тяжелая, сердечная грусть глубокаго, наболѣвшаго въ душѣ отрицанья существующихъ формъ социальности, общественности, гражданственности, во имя высокой идеи просвѣщенной человѣчности и сознанный естественности. Это—созрѣвшее сознаніе и глубокое чувство неестественности, жи въ людскихъ социальныхъ отношеніяхъ. Это—глубоко продуманный, непримиримый съ дѣйствительностью выводъ во все вдумывающагося разума, все анализирующей мысли, и глубокая боль, туга все любящаго прочувствовать сердца — именно, созрѣвшій выводъ

ума и наболѣвшая скорбь сердца о далеко не полномъ, неестественномъ, даже аномальномъ, уродливомъ, превратномъ проявленіи или выраженіи высшихъ, естественныхъ правъ, силъ, законовъ, требованій и идей человѣчности въ существующихъ государственныхъ и социальныхъ формахъ гражданственности, общественности. Въ глубинѣ, въ основѣ этого сознанія и чувства, вѣющаго грустью отрицанія, всегда свѣтится высокая идея человѣчности, возведенная христіанствомъ до апотеозы, и теплится глубокая, пламенная любовь къ человечеству, вѣра въ человѣчность, въ будущее, теперь смутно предчувствуемое самооткровеніемъ всей ея внутренней глубины, полно-содержательности, творческой силы и гармоніи съ естественностью, съ природой. Это — вѣра въ будущее самооткровеніе человѣчности въ иныхъ, высшихъ формахъ социальной гражданственности, гармоніи съ законами естественности, природы, разума, истины, любви, свободы, братства и равенства. И въ этой-то идеѣ мысли и вѣрѣ сердца заключается вся жизненность и живительность, и эта тихая, неуловимо пробѣгающая по сердцу, слегка какимъ-то сладостнымъ трепетаньемъ содрагающая сердце грусть, заунывная настроенность думы и чувства, какую навѣваетъ на все существо ваше главная основная, всюду преслѣдующая васъ грустная дума.

„Дума эта зовется гражданская грусть. Не новое она явленіе въ исторіи гражданскихъ обществъ, въ развитіи человѣческаго духа. Ее испытали, прочувствовали лучшіе граждане греческихъ республикъ, въ эпоху отцвѣтанія гелленизма, впервые возведшаго человѣчность до апотеозы въ гармоніи съ естественностью, такъ что великій, общечеловѣчскій поэтъ Европы, отъ глубины симпатіи къ естественности и человѣчности гелленизма воскликнулъ:

Kehre wieder golde
Bluthenalter der Natur.

„Гражданскую грусть испыталъ великій Платонъ. Ее выразилъ прекрасный мифъ о Психеѣ, по которому единственный успокоительный исходъ для человѣческаго духа, послѣ страшной внутренней борьбы, тоски, крушенія и отчаянія, представлялъ мифическій *іерос ѳѣмос*. Гражданскую грусть испытали лучшіе, образованнѣйшіе граждане римскіе, въ эпоху паденія античной республики, въ эпоху сильнаго развитія римскаго пролетаріата и демократической борьбы Гракховъ и Марія. Ее испыталъ Брутъ, и трагически выразилъ въ своей личности, въ своемъ послѣднемъ отчаяніи о добродѣтели, въ невѣрїи въ античную, въ его время уже отживавшую, добродѣтель.

„Но никогда гражданская грусть не достигала такой глубокой ощущаемости, глубокой осмысленности и прочувствованности, развитія силы выраженія, какъ послѣ отрицательной философіи XVIII-го вѣка и послѣ французской революціи. И могли-ли не биться, не трепетать, не волноваться глубокою грустью гражданской всѣ истинно-человѣчныя сердца, послѣ обманутыхъ надеждъ, какъ внушала эта, по выраженію Мишле, „универсальная симпатія“ французской революціи, въ эпоху сознанія политическаго рабства цѣлыхъ народностей и аномальнаго, неестественнаго социального положенія и быта низшихъ массъ народныхъ, простаго народа, рабочихъ классовъ, въ эпоху сильнаго развитія пауперизма, пролетаріата, рядомъ съ неестественной, искусственной, чрезмѣрной, всепоглощающей централизацией капиталовъ, просвѣщенія и прогресса въ немногихъ громадныхъ городахъ Европы, въ эпоху судорожнаго, болѣзненно-напряженнаго движенія публицистическихъ умовъ и социалистическихъ ученій и проч. И стало быть, много элементовъ гражданской грусти, недовольства и

отрицанья заключалъ и заключаетъ въ себѣ складъ европейскихъ гражданскихъ обществъ, когда въ умственной жизни ихъ, начиная, наприм. съ появленія книги Томаса Мора „De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia“, Томаса Кампанеллы — „Civitas solis“, или Вэрраса „Histoire des sevagambes“, до коммуниста Кабе — автора книги „Voyage en Icarie“ и до новѣйшихъ социалистическихъ школъ, — непрерывно обнаруживалось и обнаруживается какое-то безпокойное, судорожное, напряженное, тревожное настроеніе и не однихъ социалистическихъ умовъ. Ученіе социализма, раскрывая печальное положеніе низшихъ слоевъ, массъ народныхъ въ современныхъ гражданскихъ обществахъ, раскрывая эту страшную язву, которую теперь называютъ на Западѣ пауперизмомъ, и многія другія грустныя явленія современной социальной жизни европейскихъ націй, — одно это ученіе невольно воспитываетъ въ насъ глубокую гражданскую грусть, заставляетъ грустно призадуматься надъ многимъ.

„И сердца русскихъ истинныхъ гражданъ тоже ужъ давно стали чувствовать гражданскую грусть. Радищевъ весь былъ проникнутъ этою грустью. Его „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ исчерпываетъ всю глубину возвышенной, сильно наболѣвшей, накипѣвшей въ сердцѣ гражданской грусти. Читая его, весь погружаешься въ самую глубокую грусть. Сердечно-симпатичныя, глубокомысленныя думы Радищева обнимаютъ почти всѣ главныя грустныя стороны русской гражданственности, и то потокомъ слезъ и тихой сердечной грусти поливаютъ горе народное, то раздражаются сильнымъ воплемъ, раздрающей досадою самой мстительной ироніи. И глубокая, сильная гражданская туга, боль, грусть сердца выливается во всей полнотѣ и силѣ въ думы и идеяхъ Радищева. Внутренній мотивъ этой грусти — глубокое отрицанье деспотическихъ и варварскихъ принциповъ и формъ существовавшего тогда общественнаго склада и социально-демократическое настроеніе идеи Радищева. Гражданская грусть и сгубила сердечнаго Радищева...

„А что такое были глубоко-сердечныя думы безсмертнаго Рылѣева, какъ не сама эта святая гражданская грусть? Въ нихъ излилась та невыносимая тягота, напряженность и туга гражданской грусти, которая отъ внутренней невыносимости разразилась 14-го декабря. Такія глубокомысленныя думы Рылѣева, какъ „Гражданинъ“, „Гражданское мужество“, вылились изъ самаго родника гражданскихъ чувствъ — изъ глубины сердца истиннаго гражданина. Вся общественная обстановка, вся гражданская сфера, какъ туманъ густой, падала тяжелой грустью-тоскою на глубоко-симпатическое сердце безсмертнаго гражданина, и онъ изливалъ свою гражданскую грусть горько-жалобной, горько-думной пѣсней:

„Всюду встрѣчи безотрадныя,
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладныя,
Иль безмысленныхъ дѣтей...”

„Тяжелыя, грустно-пережитые годы, отъ 14-го декабря до 1856 года, въ лѣтописи политической мысли и гражданскихъ чувствъ отиѣтились особенно тяжелою тугою, тоскою, мученьемъ гражданской грусти. Въ это деспотическое время она доходила до отчаянья и разочарованья, какъ, напримѣръ, въ поэзіи Лермонтова. Въ это время гражданская грусть выражалась и „Горемъ отъ ума“, и „Смѣхомъ сквозь слезы“. Безсмертный народный поэтъ Кольцовъ, перенесшій на себѣ всю тяготу гражданского горя-злосчастья, раздражающимъ воплемъ отчаянья изливалъ свою гражданскую грусть-тоску тяжелую:

„Пага грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку,
Мучить душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится...“

„А горемычный, сердечный Шевченко? Не слезами-ли глубокой украинской гражданской грусти заливался онъ въ своихъ глубоко-сердечныхъ думахъ, горько-слезныхъ пѣсняхъ? У него

„За думою дума роємъ вылетаетъ,
Одна давить сердце, друга раздираетъ,
А третья тихо-тихосенько плачетъ
У самому сердцу, може и Богъ не бачить...“

Чого мині тѣжко? Чого мині нудно?
Чого сердце плачетъ, ридаетъ, кричить—
. Сердце мое трудно!
Чого ти бажаешь? Що у тебе болить?..“

„А Герценъ? Я люблю смотрѣть, и смотришь не наглядись на его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ моментъ глубоко-политической задумчивости и грусти, въ полулежащей позѣ на диванѣ. Облокотившись такъ выразительно-свободно, какъ невольно предаешься глубокой сосредоточенности, задумчивости, — охвативши рукой правую выпуклость головы, онъ весь погруженъ въ глубокую таинственную думу. Большой лобъ его отображаетъ сильную, въ глубинахъ сердца и мысли наболѣвшую, вполне созрѣвшую въ сознаниі, политическую думу-грусть и носить отпечатокъ могучихъ полномысленныхъ движеній душевныхъ...“

„Грусть гражданская, грусть гражданская! И кто не чувствуетъ твоего благодатнаго, животрепещущаго вѣянія въ своемъ сердцѣ, если только въ комъ неугасимо свѣтится и горячо, пламенно теплится озаренная просвѣщеннымъ сознаниемъ, прочувствованная просвѣщеннымъ сердцемъ идея челоувѣчности, истины, свободы, идея любви, добра и красоты, въ комъ возбуждена этими общечелоувѣческими идеями жажда мира, согласья, гармоніи и просвѣщенно-разумной естественности въ людскомъ социальномъ общежитіи, въ чьемъ умѣ природа начертала способность и наука воспитала любовь къ самоуглубленью, къ думамъ, въ чьемъ сердцѣ природа положила избытокъ живаго, теплаго, симпатичнаго чувства, а просвѣщеніе и думы ума развили, воспитали способность все прочувствовать, все проработать, пережить, переболѣть сердцемъ...“

„Обращаясь къ собственному своему сердцу, не выскажешь всѣхъ думъ, всѣхъ чувствъ незаглушимо-гражданской грусти. Почти непрерывно проникая мысли, проникая сердце, она часто такъ напрягаетъ, давитъ, подымаетъ сердце, что вотъ такъ бы излить ее, или заглушилъ музыкой, пѣсней. Но не заглушишь, не изольешь. Нѣтъ музыки, нѣтъ пѣсни, и грусть-тоска еще тяжелѣе, еще безотраднѣе падаетъ на голову, на грудь...“

„Къ чему ни присмотришься въ нашей общественной жизни, все возбуждаетъ гражданскую грусть. Вотъ видишь на Невскомъ проспектѣ артели рабочихъ мужиковъ, издавѣка зашедшихъ въ Питеръ плотниковъ, каменщиковъ, въ заплатчатыхъ или дырявыхъ сѣрыхъ армякахъ, въ грубыхъ, толстыхъ лаптяхъ, съ топорами, съ кирками, съ палками и струбышами; идутъ пообѣ-

дать, закусить чернымъ черствымъ хлѣбцемъ съ солью, да запить водицей или квасомъ... И рядомъ видишь, какъ мужички эти то и дѣло постороняются, даютъ дорогу какой-нибудь размалеванной, разукрашенной, разодртой въ шелкъ и золото барынѣ-княгинѣ или княжнѣ, или какому-нибудь чистому и пречистому, выскобленному и нафабреному, звенящему саблей, звякающему шпорами, блестящему эполетами, сіяющему княжескимъ сіятельствомъ, свѣтлостью или блескомъ орденовъ кавалеру, генералу, офицеру... И не задумаются всею мыслью головы своихъ, не разберутъ всѣми чувствами человѣческаго сердца эти сіятельныя личности: „Люди-ли и такіе же-ли люди, какъ и они, эти мужики? Хотятъ-ли они чего-нибудь получше, покрасивѣе лаптей, побольше и повыше горько-слезной, крахтячей черной думы рабочей, послаще чернаго куска хлѣба, польготѣе, посвободнѣе работы, чѣмъ барщина помѣщичья, побольше заработковъ на себя, чѣмъ на подать, на оброкъ? Или ужъ такая, природой назначенная, вѣчная доля ихъ—кормить, обогащать, роскошно одѣвать барынь, барышень и баръ, да въ добавокъ терпѣть палочную управу становыхъ, самодурство бумажныхъ душонокъ писарей, отдавать молодыхъ работающихъ и единственныхъ парней въ рекруты, не имѣть ни времени, ни средствъ подумать объ ученѣи дѣтей и т. п.“ Что это такое, какъ не истинникъ гражданской грусти!...

„Или вотъ великолѣпная, пышная барышня-княжна, царица сердецъ петербургскихъ фатовъ, гордо проходить мимо простой нищенски и безобразно одѣтой крестьянской дѣвушки, что отъ природы выдается бѣльшей красотой и выразительнымъ умнымъ лбомъ, чѣмъ изящная головка гордой, роскошной барышни-княжны... Не задастся эта величественная княжна, при видѣ простой умной красавицы, въ непривышней къ самоуглубленію головкѣ своей думою, не загруститъ сердцемъ, не задастся такимъ вопросомъ: „а что, если бы эту дѣвочку такъ же воспитать, такъ же образовать, такъ же обогатить насчетъ оброковъ и окладовъ, какъ воспитали и обезпечили насъ? Не была ли бы она такою же или еще лучше, чѣмъ мы теперь? Зачѣмъ я потому только такъ образована, разодрта, пышна, роскошна, что у меня отецъ по какой-то родословной—князь, да по безправному помѣщичьему наживанью насчетъ тысячи мужиковъ и насчетъ большаго оклада министерскаго, богатъ; а эта дѣвушка потому только груба, необразована, грязно одѣта, что она крестьянка, дочь мужика бѣднаго, податнаго, несвободнаго, платящаго оброкъ? И зачѣмъ природа, безъ средствъ для образованья, безъ карьеры общественной, дала ей такой умный лобъ и такую красоту, а изъ насъ иную потомственную дворянку или княжну, аристократку со всѣми средствами образованія и общественнаго блеска, какъ бы въ насмѣшку, съ злой ироніей, часто надѣляетъ узкимъ тупоумнымъ лбомъ? Стало быть, у природы нѣтъ привилегій, нѣтъ монополій, а есть безпристрастіе, равенство. Стало быть, природа не создаетъ бояръ и князей, а создаетъ людей, и притомъ часто обидно обдѣляетъ своими дарами дѣтей аристократовъ и щедро, обильно надѣляетъ дѣтей простолюдиновъ. Стало быть, мы своею самозванною, или невѣжествомъ старыхъ мѣстническихъ временъ вымышленною привилегированностью своей, словно лошадиная англійская порода крови, своими блестящими титулами, при сплошь и рядомъ проявляющейся внутренней чернотѣ, пошлости, пустотѣ, вѣтренности и развратности, мы только нагло обижаемъ, оскорбляемъ, унижаемъ человѣческое достоинство и право, всѣмъ равно данное природой, для всѣхъ равно освѣщенное христіанствомъ, попираемъ въ лицѣ огромнѣйшаго боль-

нинства простых людей и наших крѣпостныхъ. Стало быть, мы—главная вина частой забитости, необразованности массъ простаго народа. Стало быть, мы, въ числѣ какихъ-нибудь 500 великопотѣнннхъ господъ, потому только образованы, и то поверхностно, формально, фальшиво, и потому только и богаты, роскошны, что привилегированы по невѣжеству стариковъ, и что 23 милліона подъ нашимъ крѣпостнымъ ярмомъ обогащали насъ, давали намъ деньги на образованіе и на роскошь, а сами изъ-за насъ оставались въ невѣжествѣ и крайней бѣдности. Стало быть, мы, мнимо называемые благородные, поступали безчестно, нажились на счетъ труда простаго народа и платимъ ему теперь самой черной неблагодарностью, гордо презираемъ его, не хотимъ благородно, просвѣщенно-человѣчно, съ самоотверженіемъ облагодѣлствовать его истиннымъ улучшеніемъ быта...”

„Нѣтъ, легкая головка гордой княжны неспособна къ такимъ высокимъ думамъ, а пустое сердце—къ гуманнымъ чувствамъ, и сама она представляетъ источникъ горькой гражданской грусти.

„Отвернешься съ гнетущей скорбью отъ роскошныхъ псевдо-аристократовъ и посмотришь на средину Невского, на общее позорище. И видишь кули, фуръ, возы печали, горя, труда горькаго, неоплатнаго, малоцѣннаго, тяжелаго, питанья горемычнаго, горько-слезнаго... Мужички забитые, захилѣлые идутъ повѣся голову около возовъ горя и печали... И не знаешь, кто больше тяготы несутъ на себѣ, лошадь ли вляча, или хозяинъ ея, мужичекъ горемычный. Имъ и на умъ не взойдетъ, что они такіе же люди, какъ и эти роскошные, богатые бары. Они жили съ своей горемычной долей, и ни то думаютъ, ни то не думаютъ, что оно и быть такъ должно: богатые—господа, бѣдные—рабочіе, простой народъ. Межъ тѣмъ, рядомъ съ возами горя и печали мимо нихъ то и дѣло мелькаютъ, съ шумомъ и трескомъ пролетаютъ великолѣпныя кареты и чуть не даютъ мужиковъ... Гордо сидятъ въ нихъ представители народа, самые образованные и умные люди Россіи — бары, подбоченясь, налегая на бокъ всею тяжеловѣсностью, массивностью своихъ корпусовъ, и не имѣя внутренняго, просвѣщенно-человѣческаго аристократизма, шикомъ, блескомъ каретъ, красотой и дороговизной лошадей и тщеславной фигурой хотятъ показать толпѣ демократической, плебсу черному, свой фальшивый, не существующій аристократизмъ. Имъ и на умъ не взойдетъ человѣчно, положи руку на сердце, подумать о попадающихъ на каждомъ шагѣ на-встрѣчу, оборванныхъ, забитыхъ, нищихъ мужикахъ и ихъ возахъ горя и печали. И эти высокообразованные господа думаютъ, что оно такъ и быть должно: плебсъ, чернь и дворянство, аристократія, или—огромнѣйшее большинство полунищихъ, чернорабочихъ, производительнаго класса рабовъ и малочислѣннѣйшая, непроизводительно-служащая, празднопотребительная каста... Скажите, что это такое, какъ не источникъ грусти гражданской, глубокой...

„И вотъ пройдешь Невскій проспектъ до Невы, съ такимъ бѣглымъ вдумчивымъ взглядомъ на всплывающую на поверхность петербургскую жизнь, и остановившись на берегу Невы съ тяжелымъ грузомъ самыхъ грустныхъ впечатлѣній, думъ и чувствъ. На Невскомъ, какъ въ мнѣровосмѣ, видишь всю пестурю, разнообластную, разно-сословную, разно-племенную имперію всероссійскую. И дума невольно переносится ко всему русскому народу, ко всѣмъ русскимъ инородцамъ, ко всѣмъ провинціальнымъ массамъ народа, и преимущественно народа простаго. Глядишь на волны Невы и грустно думаешь:

„Когда будетъ конецъ этому крайне неравноправному и неравномѣрному распредѣленію въ народѣ благъ цивилизаціи и довольства?... Взглянешь на оффиціальныя статистическія таблицы, обманывающія и правительство, и народъ,—и то поражаешься контрастами, неравномѣрностями. Изъ 162.720 дворянъ и чиновниковъ, живущихъ на счетъ труда и доходовъ производительныхъ классовъ народа,—103.194 дворянина доселѣ пользовались плодами дароваго труда 10.683.853 душъ крестьянъ мужскаго пола, или 23 милліоновъ обоего пола. Изъ этого числа даромъ пользовавшихся плодами крестьянскихъ трудовъ не больше 3.800 дворянъ, владѣвшихъ 4.671.724 даровыхъ рабочихъ крестьянскихъ силъ, имѣютъ капиталъ, имѣютъ возможность наслаждаться благами богатствъ—матеріальными, умственными, эстетическими и нравственными. Но какъ относятся эти 3.000 господъ, наслаждающихся благами цивилизаціи, насчетъ дароваго труда 4-хъ милл. къ 23 милл. бывшаго крѣпостнаго крестьянства, не только не знающаго никакихъ благъ цивилизаціи, но еще несшаго доселѣ варварское иго крѣпостнаго труда въ пользу владѣльцевъ. Тѣмъ болѣе, какъ относятся эти 3.000 дворянъ богачей къ 49 или 52 милліонамъ всего сѣдскаго населенія, вообще болѣею частью бѣднаго, влачащаго жалкое существованіе не только внѣ всякихъ наслажденій и удобствъ цивилизаціи, но еще и въ безднѣ вовсе невѣдомыхъ правительству и неустраненныхъ страданій со стороны администраціи. Наконецъ, нечего и говорить о томъ, какъ относятся вообще 103 тысячи господъ, доживающихъ теперь насчетъ труда крѣпостныхъ крестьянъ, и въ частности больше-помѣстныхъ владѣльцевъ къ 6 или 7 милліонамъ однихъ рабочихъ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ, самыхъ горемычныхъ тружениковъ, въ чаду, въ пыли, въ грязи, въ душномъ, спертomъ воздухѣ не только не знающихъ никакихъ высшихъ удобствъ жизни, но и чахнувшихъ, изболѣвавшихъ отъ убійственнаго чернорабочаго труда.

„Крестьянство составляетъ самый многочисленный, самый здоровый, жизненный, рабочий и производительный элементъ всего народонаселенія Россіи. Всего сельскаго населенія считается до 49.369.493 человекъ, кромѣ Финляндіи, нѣкоторыхъ Кавказскихъ губерній, а по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета даже 52 милл. слишкомъ, тогда какъ всѣхъ городскихъ сословій считается только 4.048.561 душа, въ томъ числѣ дворянъ и чиновниковъ только 162.740 душъ, или по свѣдѣніямъ центральнаго комитета 960.941 человекъ. Главный источникъ матеріальнаго хозяйственнаго обезпеченія и уплаты государственныхъ и помѣщичьихъ поборовъ для крестьянства составляетъ земля. Между тѣмъ, изъ всего количества производительной почвы—365.000.000 десятинъ—одно дворянство, состоящее изъ 103.000 землевладѣльцевъ, владѣтъ 104.777.000 десятинъ земли, да государство или казна—223.556.000 десятинъ; а собственно крестьянству принадлежитъ только 3.705.000 десятинъ. Значитъ, почти $\frac{3}{4}$ всей поверхности 42-хъ губерній принадлежатъ казнѣ и помѣщикамъ, болѣею частью, получающимъ, кромѣ того, отъ казны жалованье за службу, а земли крестьянъ-собственниковъ составляютъ только около 1%. Такимъ образомъ, 49 или 52 милл. сельскаго населенія, самаго рабочаго въ государствѣ, воздѣлывающаго до 90.000.000 десятинъ непосредственно своими руками, производящаго хлѣбъ, образующаго изъ своего состава войско, платящаго подати и оброки, за исключеніемъ какихъ-нибудь 908.729 крестьянъ-собственниковъ, не имѣютъ главнаго источника своего годоваго про довольствія и оплаты государству и помѣщикамъ поборовъ—не имѣютъ соб-

ственной земли, а только пользуются землей государства, удѣльнаго вѣдомства и помѣщичьей за известный оброкъ, за подати или повинности. При 365 милл. десятинъ производительной земли, при 72 милл. народонаселенія, у насъ только 1.018.069 человекъ, въ томъ числѣ 109.340 помѣщичьихъ и 908.729 крестьянъ, водворенныхъ на собственной землѣ, владѣть землею $\frac{1}{10}$ часть всего народонаселенія. Несправедливость и монополія вопиющая!

„И могутъ ли 49 милл. крестьянъ, землевладѣльцевъ наслаждаться благами цивилизаціи и довольства, когда они не имѣютъ собственной земли, которой главнымъ образомъ промышляютъ и живутъ, тогда какъ и изъ 103 тысячъ дворянъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ 104 милл. десятинъ слишкомъ, только не болѣе 3 тысячъ большпомѣстныхъ землевладѣльцевъ имѣютъ всю возможность наслаждаться благами матеріальной и нравственной цивилизаціи. При этомъ 20 милл. государственныхъ крестьянъ должны были еще уплачивать въ казну подушныя и оброчныя подати около 31 милл., общественного сбора до 4.782 съ лишнимъ, въ капиталы продовольствія до 480.000, земскаго сбора около 7.189.391, да болѣе 700.000 лѣснаго налога, разныхъ взысканій 1.021.082 мірскагобору до 2.900.000 съ лишнимъ. Всего наберется, такимъ образомъ, до 50 милл. р. сер.

„Много варварскаго, нечеловѣческаго отбрасывается при соображеніи даже этихъ официальныхъ цифръ. Земля, основа народнаго быта, народомъ приобретенная, заселенная, обработанная и постоянно обрабатываемая, не принадлежитъ собственно народу, который доставляетъ государству дохода одними окладными податями болѣе 50 милл. руб. сер., а всего 265—270 милл. валоваго государственнаго дохода, который обрабатываетъ земли до 250 милліоновъ десятинъ собственными трудами, который до крымской войны содержалъ до 1.200.000 войска, а въ 1857 году до 796.975 солдатъ, состоявшихъ на попеченіи комисаріата, и поставлялъ изъ среды своихъ лучшихъ, самыхъ здоровыхъ молодыхъ рабочихъ силъ рекрутъ, при усиленныхъ рекрутскихъ наборахъ, съ каждой тысячи отъ 7 до 10 рекрутъ въ двухлѣтній срокъ, а при чрезвычайныхъ—болѣе 10, во время крымской войны, при непрерывныхъ наборахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, до 10 человекъ съ тысячи, а для ополченія даже до 13 съ тысячи, и который, наконецъ, въ послѣднюю войну лишился до 500, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ—до 900.000 человекъ. И изъ 68 милл. этого народа, только какихъ-нибудь 908.000 крестьянъ имѣютъ собственную землю! Между тѣмъ 304.448 потомственныхъ дворянъ и 140.963 муж. пола личныхъ дворянъ и чиновниковъ свободны отъ прямыхъ налоговъ и податей, не даютъ рекрутъ, получаютъ болѣею частью жалованье отъ казны за службу, непроизводительную для народа, пользуются разными правами и привилегіями, образуютъ касту военно-бюрократически-служилую, тяжело обходящуюся народу содержаніемъ. Изъ этого малочисленнаго, несправедливо привилегированнаго, при несвободѣ податнаго состоянія, болѣе чѣмъ 68 милл. народонаселенія, только 103 владѣютъ почти всею землею, за исключеніемъ казенной, владѣютъ 104.777 милл. десятинъ даромъ, безъ всякой платы казнѣ и обрабатываютъ имъ доселѣ, какъ обрабатывали эти земли 10 или 11 милл. крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, 23 милл. бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ не только не имѣли собственной земли, да еще платили въ казну подушнагобору до 13.500.000, да столько же оброку помѣщикамъ, платили, можно сказать, рѣшительно ни за что, не получая взаменъ почти никакихъ благъ, а только одну муку, да бѣдность. Какихъ-нибудь 100 тысячъ и

изъ нихъ собственно не болѣе 3-хъ тысячъ баръ блаженствуютъ, нируютъ, роскошествуютъ, втеченіе продолжительнаго зимняго сезона, въ великолѣпныхъ палатахъ большихъ городовъ, истрачивая на несняханныя для поселянъ засидки миллионы оброчныхъ денегъ, на лѣто ѣдутъ въ свои деревни „на морилеи“, барщину и оброкъ, блаженствуя, роскошествуя въ не менѣе великолѣпныхъ палатахъ, чѣмъ городскіе ихъ каменные палаты...

„Точно также, жалко изобижены и крестьяне казенные. Составляя государственное имущество, рабскую жертву отвлеченнаго государства, всепоглощающей казны, они платятъ 20.200.000 съ лишиимъ за обработку казенныхъ земель, производство хлѣба, постановку рекрутовъ, не получаютъ отъ казны даромъ земли, которая по историко-юридическому праву искони принадлежала имъ, а словно чужіе пришельцы изъ иностраннаго государства, наемщики или рабы казны, получаютъ отъ нея только въ пользованіе 121.974.000 десятинъ земли и какъ наемщики, за половину этой земли платили и платятъ казнѣ до 31 милл. оброчнаго сбора, вмѣстѣ съ подушнымъ. Такимъ образомъ, у казенныхъ-нибудь трехъ тысячъ богатыхъ землевладѣльцевъ, у одного человѣка съ многочисленной семьей тысячи десятинъ самой лучшей земли, тысячи даровыхъ работниковъ, тысячи головъ скота всякаго рода, однимъ словомъ, вся благодать и полный комфортъ жизни. Между тѣмъ, 40 милл. крестьянъ, которые безъ земли немислимы, кортоматъ у казны и у помѣщиковъ за обработку земли какихъ-нибудь десятины по 4, едва имѣя вероу, лошадей-кличу; живутъ болѣею частью въ свѣрныхъ избенкахъ объ одной конуркѣ, питаются кое-чѣмъ и болѣею частью самою свѣрною пищей. Тогда какъ бары издерживаютъ тысячи рублей на одни дорогія вина и сласти за обѣдомъ, крестьяне во многихъ мѣстахъ въ Пасху не имѣютъ чѣмъ разговѣться, или не имѣютъ самой жизненной потребности—соли, напримѣръ, въ Смоленской губ. и во многихъ другихъ мѣстахъ, дѣти ихъ болѣею частью бѣгаютъ оборванными, остаются безъ всякаго воспитанія и ученія; отцы и матери съ дѣтьми часто стонутъ и умираютъ отъ голоду... Кто ѣздилъ по деревушкѣмъ въ разныхъ концахъ Россіи, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, кто жила въ деревняхъ, тотъ какихъ бѣдъ и страданій, какой нищеты не насмотрѣлся въ нашемъ бѣдномъ сельскомъ народонаселеніи, которымъ мы только и живемъ, и на которомъ, главнымъ образомъ, держится государство... Ну, скажите, положимъ руку на сердце, справедливо ли это, не вырывается ли это у человѣка горькій вопль?

„И самыя городскія сословія наши, за исключеніемъ какихъ-нибудь 3-хъ тысячъ большепомѣстныхъ, много 100 тысячъ даже мелкопомѣстныхъ дворянъ, болѣею частью, страдаютъ поразительною экономическою неравномѣрностью, неравноправностью. Однихъ непроеизводительныхъ и свободныхъ отъ прямыхъ налоговъ считается въ городахъ до 6.148.745, въ томъ числѣ до 874.154 однихъ дворянъ и чиновниковъ, да 290.143 духовенства, живущихъ рѣшительно насчетъ производительныхъ классовъ. Между тѣмъ, самыхъ производительныхъ податныхъ сословій—мѣщанъ, цѣховыхъ и прочихъ городскихъ сословій—считается только 1.873.859 душъ, да почетныхъ гражданъ и купцовъ до 215.000. И тогда какъ 1.108.297 свободныхъ отъ податей и повинностей, 1.673.595 мѣщанъ, цѣховыхъ и другихъ городскихъ жителей платятъ податей по разнымъ окладамъ 4.096.164 р., кромѣ отбыванія натуральныхъ повинностей. Это—болѣе, чѣмъ на половину, самый жалкій городской классъ поселянъ—безземельные мѣщане. Гильдейскій налогъ на купечество представляетъ ту же не-

соразмѣрность: купецъ, торгующій по 3-й гильдіи, съ капиталомъ 3.000 р. и получающій на него 20% (600 р.), отдаетъ $\frac{1}{4}$ или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1-й гильдіи, торгующій на 300 тыс. руб. и получающій дохода 10% или 30.000 р. с., платитъ съ него только 2%. Въ 1857 году въ Россіи было 963 купца 1-й гильдіи; офиціальный капиталъ ихъ, обложенный гильдейскимъ налогомъ (съ разными прибавочными сборами до 979 р. съ каждаго), составляетъ 14.445.000 р. с., между тѣмъ, какъ капиталъ одного Штиглица считается въ это время въ 75 миллионѣвъ. Купцы 3-й гильдіи и даже 2-й большею частью такіе же безденежные, какъ мѣщане. Недаромъ въ послѣднее время особенно часто обнаруживаются банкротства, конфискаціи.

„Въ государственно-экономическомъ бытѣ, въ доходахъ городовъ та же несоразмѣрность. Столичные и 3—4 провинціальныхъ большихъ городовъ сосредоточиваютъ въ себѣ значительные капиталы, а всѣ остальные до крайности бѣдны доходами. Напримѣръ, тогда какъ доходы одного Петербурга въ 1856 году составляли 3.631.385 рублей,—600 городовъ провинціальныхъ, всѣ вмѣстѣ, имѣли доходовъ только 3.650.967 р., да остальныхъ 19 городовъ изъ всего числа 620-ти имѣли своего дохода, всѣ вмѣстѣ, 7.906.640 р. Изъ статистическихъ таблицъ видно, что были и есть города даже съ 1 рублемъ дохода. И тѣ доходы, какіе есть въ городахъ, расходуются большею частью безъ прямой существенной пользы для городовъ. Большую часть губернскаго начальство воруетъ. И выходитъ отсюда, что изъ 678 всѣхъ городовъ, самая большая часть ихъ представляютъ самый жалкій видъ. Соломенные кровли, плетневые заборы, грязныя улицы—вотъ внѣшность ихъ. Во многихъ городахъ до сихъ поръ нѣтъ ни постоянныхъ дворовъ, ни гостинницъ для пріѣзжающихъ, ни бѣлаго хлѣба въ продажѣ, ни мяса лѣтомъ или во время постовъ. Во многихъ изъ нихъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ. Въ офиціальныхъ статистикахъ, обыкновенно, показывается подъ громкой рубрикой фабрикъ и заводовъ—столько-то. Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть, по большей части, самыя скромныя, незатѣйливыя заведенія, гдѣ работаетъ отецъ съ сыномъ или съ двумя, тремя наемными работниками. Ремесла по городамъ тоже чрезвычайно мало развиты.

„И можно ли ждать процвѣтанія городовъ до тѣхъ поръ, пока области не будутъ имѣть автономіи, мѣстнаго самоуправленія, пока города не получаютъ всѣ равныя права, равную юридическую самобытность и полное самоуправленіе, какъ экономическое, такъ и административное и юридическое, пока земскіе думы не вытѣснятъ изъ городовъ приказное чиновничество, и не будетъ строгой отчетности и контроля городскихъ жителей въ назначеніи, распределеніи и употребленіи городского бюджета и проч?...“

Примѣчаніе. Эта статья Шапова, очевидно, не окончена и находится у меня въ подлинной рукописи автора.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

О русскомъ управленіи XVIII-го вѣка.

Въ древнее время жизнь русскаго народа слагалась во всѣхъ отношеніяхъ естественно и свободно, безъ искусственнаго росписанія русскаго народонаселенія, по землѣ и водѣ. Отсюда происходило и областное земское управленіе. Области устроились по географическимъ очертаніямъ, по раздѣламъ земли и воды. Отсюда долговременная самобытность старыхъ земель и удѣловъ и дѣленіе областей на уѣзды. Каждая область съ мелкими подраздѣленіями имѣла свою самобытность и самостоятельное управленіе, сложившееся естественно, по требованію жизни народонаселенія.

Послѣ татарщины, съ возрастаніемъ власти великаго князя, старинная равноправность областей стала нарушаться и Москва начала указывать другимъ землямъ, какъ и что дѣлать. Характеръ прежняго самостоятельно сложившагося управленія сталъ измѣняться, вмѣсто естественнаго сдѣлался искусственнымъ; вмѣсто излюбленныхъ выборныхъ правителей, являются новыя лица, кому государь прикажетъ править, приказные и бояре московскіе.

Такимъ образомъ, втеченіе цѣлаго тысячелѣтія, русскій народъ пережилъ двѣ формы, два опыта земскаго строенія: 1) опытъ свободнаго самоуправства и саморазвитія, въ формѣ земли русской, земства, земско-вѣчеваго міра, и 2) опытъ единодержавно-бюрократическаго строительства, въ формѣ государства, имперіи всероссійской.

Въ первичной земской формѣ, земля принадлежала самому, всему народу, земскимъ людямъ, землянамъ. Не было и понятія о государствѣ, а тѣмъ болѣе—объ имперіи. Идея государственности въ земскомъ народномъ міросозерцаніи отождествлялась съ идеей областности, областной автономіи мѣстныхъ земель. Государь былъ міръ,—напримѣръ, весь великій государь Новгородъ. Даже и въ эпоху Московскаго государства, въ XVII-мъ вѣкѣ, по понятіямъ и языку народа, были государство новгородское, государство нсковское, государство владимірское и т. под. До образованія же Московскаго государства, всѣ областныя лѣтописи и акты говорятъ только о земско-союзномъ бытѣ и строеніи земли русской, удѣльно-вѣчеваго, земско-областнаго міра, да объ особно-земскомъ самоуправствѣ и саморазвитіи, и о союзно-земскомъ взаимоотношеніи и взаимодействіи областныхъ, мѣстныхъ земель, напримѣръ—земли двинской, земли пермской, земли московской, земли разанской и т. д.

Всѣ земли свободно самоупстроились въ формѣ міровъ, и въ совокупности образовали одинъ земско-союзный міръ. Поэтому земля и міръ были понятія тождественныя, такъ что на языкѣ актовъ XVII-го вѣка сохранилась однозначительность, тождественность выраженій: „помыслить крѣпко“ всею землею, всѣмъ міромъ, на совѣтѣ всей земли, честь всему міру, всей землѣ и т. д. Главная существенная черта вѣче-областной формы земскаго строенія—свободное, вольно-народное и естественное, непосредственно-натуральное самоуправство и саморазвитіе свободнаго земско-союзнаго міра. При

общинно-народномъ, мірскомъ устройствѣ и значеніи земли, естественно, и всѣ формы земскаго строенія, самоуправства народнаго, развивались изъ принциповъ міра, получали мірское значеніе. Таковы, напримѣръ, принципы и формы свободнаго земско-вѣчеваго мірскаго строенія: излюбленная мірская самоуправа, „какова любя была всей землѣ“, сельскіе или волостные мірскіе сходы, такіе же городскіе „мірскіе сходы“ на думу, на вѣча, обычай во всякомъ земскомъ дѣлѣ обговариваться или поговорить со всѣмъ міромъ, сказывать народное слово всей землѣ, мірской самосудъ межъ себя, мірская круговая порука, мірской отводъ земельныхъ участковъ, всякія мірскія уложенія, сборъ или складъ денегъ въ міръ, мірскіе разрубъ и разметы и т. п. По такимъ принципамъ самоуправство самобытнымъ, самозаконнымъ, вольно-народнымъ, земско-вѣчевой міръ.

Въ государственномъ состояніи, самонародное земское строеніе, свободное самоуправство и саморазвитіе народа, въ формѣ земскаго міра, земли русской—замѣнилось самодержавно-указнымъ строительствомъ государства, имперіи. По утвердившемуся съ XVI-го вѣка принципу, чтобъ земля изъ службы не выходила, вся земля русская и все живущее на ней земство становятся крѣпостною служебною принадлежностью государства. Въ XVII-мъ вѣкѣ царскій указъ, боярскій приговоръ, московское и областное приказное ученіе служатъ исходными началами государственнаго земскаго строенія, или государства царственнаго и земскаго дѣла, не нарушая еще, впрочемъ, изстариннаго географическаго строя земскаго міра, созданнаго колонизаціоннымъ земскимъ самоуправствомъ народа. Со времени Петра Вел., государевъ указъ, „Правда воли монаршей“ и многосложный бюрократическій, шведско-нѣмецкій, петербургско-губернскій, военно-чиновничій механизмъ окончательно перестраиваютъ весь русскій земскій міръ, преобразуя его въ шведско-нѣмецкія формы имперіи. По указу изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета государя, русская земля втеченіе всего XVIII-го стол. росписывалась на губерніи и провинціи, и „Россія, по словамъ Петра Вел., чинами исполнялась“. Земскій міръ, уже въ Московскомъ государствѣ раздѣлившійся на всякихъ чиновъ людей, въ имперіи окончательно росписывался, раздѣлился на сословія: ревизіями или переписями душъ по родамъ службъ и повинности государству, табелью о рангахъ, петровскимъ сословно-корпоративнымъ раздѣленіемъ школъ, образованіемъ духовной касты, вслѣдствіе исключительнаго назначенія церковническихъ дѣтей въ надеждѣ священства, развитіемъ служилаго дворянства—шляхетства, вслѣдствіе исключительной привилегированности дворянства дворянскими грамотами Петра III-го и Екатерины II-й, крайнимъ униженіемъ самаго многочисленнаго, рабочаго и производительнаго народонаселенія—низшихъ классовъ земства, которые названы были въ XVIII-мъ стол. подлымъ народомъ, окончательнымъ развитіемъ крѣпостнаго права, усиленіемъ военнаго сословія, солдатства, которое, по справедливому замѣчанію графа Воронцова, и престоломъ распоряжалось, и проч.

Съ тѣхъ поръ, принципъ абстрактно-нѣмецкой бюрократической формации русской жизни, принципъ указовъ и предписаній, система регламентаціи, бюрократическаго сочиненія, комиссій, учрежденій, всецѣло исключаетъ принципъ свободнаго земскаго мірскаго самоуправства и саморазвитія народной жизни. Секретная для народа, многосложная, официально-чиновничья, петербургско-губернская бюрократическая лабораторія централизованнаго механизма имперіи, бюрократическій процессъ секретнаго рѣшенія вопросовъ

народной жизни, сочинительства уставовъ, регламентовъ и проектовъ народной дѣятельности и проч., всецѣло воспреобладали надъ живой саможизненной выработкой быта народнаго, надъ свободнымъ самоуправствомъ и саморазвитіемъ жизни народной. Все XVIII-е столѣтіе блестяще, громко формами, регламентами, учреждениями, инструкціями, положеніями, комиссіями. Но формы эти по большей части были пусты на практикѣ, отвлечены отъ жизни народной, тяжки для огромной массы народа. Оттого во всю петровскую эпоху исторія представляетъ больше смѣну однихъ учреждений другими или, по словамъ Сперанскаго, „непрерывный рядъ измѣненій, поправленій и преобразованій государственныхъ установленій“, а не живой прогрессъ и истинное улучшеніе быта всего русскаго народа, всей массы народной. Едва умеръ Петръ Вел., какъ птенцы его—Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ, Волковъ, въ 1726 году, указывали на излишекъ многихъ властей и учреждений Петра, на необходимость отмѣнить многія важныя учрежденія его, обременительныя для народа. Напримѣръ, они признали необходимымъ „вовсе отставить лишніе управители и канцеляріи и конторы, земскихъ комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ тому подобныхъ, равно и мануфактуръ-коллегію“. Петръ наставилъ по селамъ больше десятка разныхъ командировъ для производства ревизій душъ и сбора подушныхъ податей. Птенцы его требовали отмѣны всего этого: „нынѣ, говорили они, надъ крестьянами развѣ десять и больше командировъ находится, вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно, изъ воинскихъ начавъ отъ солдата до штаба и до генералитета, а изъ гражданскихъ—отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырами, но волками въ стадо ворвавшимися назваться могутъ... Того ради видится весьма потребно, чтобъ всему генералитету, офицерамъ и рядовымъ, которые у переписки и ревизіи и на экзекуціи, велѣтъ ѣхать немедленно къ своимъ командамъ, ибо мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и прочихъ командировъ, колымъ наче страшныя правезы и экзекуція“. Точно также многосложность бюрократическаго механизма, даже въ глазахъ самого правительства, скоро стала оказываться безплодною и тягостною для народа. Вскорѣ послѣ смерти Петра, Екатерина I-я такъ отозвалась о бюрократическомъ устройствѣ: „Умноженіе правителей и канцеляріи во всемъ государствѣ не токмо служить къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже, вмѣсто того, что прежде сего къ одному правителю адресовать имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти и можетъ быть больше; а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои канцеляріи и своихъ канцелярскихъ служителей, и особый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочить; и всѣ тѣ управители и канцеляріи пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ не порядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вѣщей народной тягости ежедневно происходятъ“.

Во второй половинѣ XVIII-го стол., система учреждений достигла высшей степени развитія. Царствованіе Екатерины II-й особенно блестяще, громко учреждениями и комиссіями. И почти всѣ ея манифесты объ этихъ комиссіяхъ и учрежденіяхъ начинаются, прежде всего, объявленіемъ несостоятельности предшествовавшихъ учреждений, отрицаніемъ ихъ. Напримѣръ, манифестъ 14-го декабря 1766 года о созваніи комиссій для сочиненія проекта „Новаго уложенія“ раскрываетъ отсталость прежнихъ законовъ, запутанность и противорѣчіе ихъ, отвлеченность отъ живыхъ потребностей времени, оби-

ліе изданныхъ въ разныя времена узаконеній въ однихъ случаяхъ и недостатокъ ихъ во многихъ другихъ и т. п. Манифестъ объ учрежденіи управленія губерній раскрываетъ беспорядокъ, запутанность прежней администраціи, неправильное распредѣленіе и сосредоточеніе дѣлъ въ различныхъ правительственныхныхъ вѣдомствахъ и проч. Вслѣдъ за Екатериной, и многіе государственные дѣятели и писатели стали ужъ даже нѣсколько славянофильски смотрѣть на самыя реформы Петра, стали отрицать ихъ большую пользу для Россіи. Князь Щербатовъ, въ другихъ случаяхъ защищавшій Петра, такъ однако-жъ отозвался о его реформахъ вообще: „Сей государь жилъ долго по числу трудовъ своихъ, но мало для пользы Россіи“. Митроп. Платонъ, одинъ изъ лучшихъ историческихъ писателей екатерининскаго времени, довершивъ свою исторію до XVIII-го стол., не сталъ писать далѣе о реформахъ Петра, заключивъ словами: „Яко старикъ, остаюсь при старыхъ дѣлахъ“. То же отрицаніе проглядываетъ во взглядахъ Щербатова и на многія учрежденія самой Екатерины II-й. Онъ нападаетъ на ихъ отвѣченно-теоретическую сочиненность, отрѣшенность отъ живыхъ потребностей народной жизни, нападаетъ на процессъ ихъ бюрократическаго сочинительства. Напримѣръ, изложивши планъ учрежденія о губерніяхъ, Щербатовъ замѣтилъ: „Планъ учрежденія весьма мудрымъ съ перваго виду кажется; но не все то золото, что блеститъ; а надлежитъ ему и прочія качества, свойственныя металлу, имѣть; такъ и въ законодательствѣ, не Платонову северамбскую республику сочинять, а дѣлать вещи, свойственныя со странкою, съ народомъ и со всѣми обстоятельствами“. Говоря о банкротскомъ уставѣ, Щербатовъ нападаетъ на процессъ бюрократическаго сочинительства: „Сочиняли, сочиняли этотъ уставъ, апробовали всѣми мѣстами; комиссія о коммерціи сочинила свой уставъ; по долгому лежаніи его пересматривали въ сенатѣ, ненавидящемъ комиссію о коммерціи; наконецъ, подали на конфирмацію императрицѣ въ 1774 году; но какъ она въ кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи дѣлать новое пространнѣйшее уложеніе, то сего устава и не апробовали; а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпятъ“. Такъ многіе проекты и реформы Екатерины были громки въ манифестахъ, да въ рѣчахъ Бецкаго, но почти вовсе безплодны на практикѣ. Неудивительно послѣ этого, что иностранные послы называли такія блестящія учрежденія и комиссіи Екатерины комедіями, напримѣръ, собраніе депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія, планы и проекты о народныхъ училищахъ, лицейхъ и проч. Система указовъ доходила до крайности. По указу, устроились или предписывались такія вещи, которыя по природѣ не могли быть. Напримѣръ, Щербатовъ, говоря о шелковомъ заводѣ на Ахтубѣ, замѣтилъ: „Сей заводъ по указу заведенъ, по указу и содержится, а пчелы и шелковые черви не могутъ по указу вельми много размножиться“.

Отрицанье, наболѣвшее въ душѣ Щербатова, вполне вылилось въ его статьѣ, напечатанной въ 13 № „Библиографич. Записокъ“ за 1859 годъ, подъ заглавіемъ: „Оправданіе моихъ мыслей“ и проч. Здѣсь онъ говоритъ, напр., о правительственной дѣятельности, о сочиненіи законовъ и назначеніи налоговъ въ прошломъ столѣтіи: „воззримъ на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ; не всѣ ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части, крѣпко охраняемомъ отъ провицаній истины и свѣдѣнія о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ? Упражненные въ двор-

скихъ проискахъ, никогда не хотѣть ни истины, ни состоянія народнаго познать; мысли заняты единственно своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ—не составляютъ ни времени, ни мѣста на глубокія размышленія, и увлекаемые быстротою дѣлъ, лишь тогдѣ дѣйствуютъ, какъ размышлять надлежало; равно любочестивы, какъ гнѣбны въ дѣлѣ, толико невѣдущи, коль горды. А подѣ сими-то правителями Россійскій гражданинъ долженъ влечить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ; онъ долженъ ежедневно страшиться... и вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля, среди сурово-волнующагося моря... Охуюю я наши законы; поелику они не тожко съ согласія народнаго, но ниже съ согласія главнаго правительства сочиняются; охуюю тѣмъ, что оныя ясно показываютъ, что при составленіи ихъ ни о состояніи, ни о нуждахъ народныхъ, ни свѣдѣнія, ни попеченія не прилагается“ и проч.

Послѣ всего указно-бюрократическаго строительства, послѣ всѣхъ регламентовъ и учреждений, въ концѣ XVIII-го стол., по выраженію графа Завадовскаго, „былъ во всемъ хаосъ совершенный: государство прежде еще зрѣлости своей, во многомъ истощено“. Въ расчетѣ XVIII-го стол. съ XIX-мъ въ итогѣ, въ результатѣ оказалось, что строили, строили Россію, и все-таки она была неустроена. А. Р. Воронцовъ въ „Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи“, представленныхъ императору Александру I-му, справедливо заключаетъ: „Можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Вел. о семъ весьма помышляемо было“.

Въ первые годы царствованія Александра I-го кипѣла сильная преобразовательная дѣятельность правительства. Во время этой дѣятельности и до самаго 25-го года, лучшіе правительственные сановники безпристрастно разсматривали всѣ самыя главныя, самыя крупныя учрежденія XVIII-го стол. И почти всѣ эти учрежденія они находили несостоятельными. Вотъ, напр., въ 1708 году Петръ Вел. указалъ изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета своего, росписать всю Россію на губерніи и провинціи. Съ тѣхъ поръ до 1775 г. непрерывно длилась процедура губернскаго учрежденія, вышло нѣсколько табелей губерній и провинцій. Одна другую измѣняла, дополняла, но не исправляла сообразно съ естественно-историческими, хозяйственно-бытовыми и физико-географическими условіями областной народной жизни. Довольно прочитать въ „Статистическихъ очеркахъ Россіи“ Арсеньева историческій очеркъ росписанія губерній, чтобъ видѣть длинную, но страшно произвольную и неправильную процедуру учрежденія губерній. Вслѣдствіе этого, въ 1785 г. сочинено было новое учрежденіе о губерніяхъ, которымъ, по словамъ Державина, гордилась императрица Екатерина. Тогда „учреждены были на точномъ основаніи и правѣ великороссійскомъ, яко для государства полезѣйшемъ“, и вновь присоединенныя къ Россіи области, въ этнографическомъ и историческомъ отношеніи совершенно-отличныя отъ великорусскихъ областей. Не прошло и 30-ти лѣтъ, какъ учрежденіе о губерніяхъ, сочиненное при Екатеринѣ, и тогда ужъ, какъ мы видѣли, заподозрѣнное Щербатовымъ, оказалось неудобнымъ, требовало отъѣма. Графъ Воронцовъ въ „Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи“, писалъ: „Рѣшилась императрица Екатерина внутреннему управленію нѣкоторымъ образомъ дать новую форму, издавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло,

хотя нѣсколько и измѣнилихъ судовъ надѣлено было на внутреннія русскія губерніи, гдѣ многого недоставало, но едва ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя наши провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на азіатскія, конгъ по пространству земель и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей, таковое управленіе несвойственно и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учрежденіи оного. Непомерная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденіе участвующихъ во всѣхъ сикъ злоупотребленіяхъ, довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ галостъ, да и люди едва ли уже не желали въ 1796 году скорой перемены.

Въ частности, само правительство чувствовало неприязнность общаго губернскаго учрежденія въ Сибири, неправильность губернскаго устройства этой, совершенно отличной отъ Вѣлнворосіи, страны. Въ 1818 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ отрицалъ принятую правительствомъ въ XVIII-мъ стол. систему усиленія власти начальникоу губерній въ Сибири, и предполагалъ необходимымъ ограничить ее выборными городскими правительствами или магистратами. Сперанскій исторически раскрылъ недостатки всѣхъ вообще государственныхъ учреждений: сената, совѣта, коллегій и постоянную бесполезную измѣняемость ихъ, отмены и возстановленія, взаимныя неурядицы и замѣну одного учрежденія другимъ. Обзоръ Сперанскаго, напечатанный въ „Архивѣ“ г. Калайкова, ясно показываетъ внутреннюю несостоятельность, отвлеченность отъ русской жизни такихъ государственныхъ, шведско-нѣмецкихъ учреждений, какъ напр., коллегіи, почему онѣ и исчезли. Или возьмемъ еще въ примѣръ комиссіи XVIII-го стол., для сочиненія проекта новаго уложенія. Съ 1700 по 1826 годъ, теченіе ста двадцати шести лѣтъ, образовано было въ разное время 10 комиссій. Одна смѣняла другую. Замѣчательнѣйшею изъ всѣхъ комиссій была восьмая въ 1767 году. Она была составлена изъ депутатовъ отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, отъ всѣхъ сословій и народовъ, обитающихъ въ Россіи, числомъ 365 человекъ, и въ руководствѣ ей данъ былъ знаменитый наказъ о сочиненіи проекта новаго уложенія. Но ни эта знаменитая комиссія, ни всѣ другія, ничего не сдѣлали: однѣ оставили только нѣсколько проектовъ, не имѣвшихъ силы закона, другія существовали только по имени, а нѣкоторые остановились при самомъ началѣ труда. Извѣстенъ и юмористическій исходъ знаменитой комиссіи депутатовъ, составленнаго манифестомъ 14-го декабря 1766 года.

При Александрѣ I-мъ составлена была новая комиссія для сочиненія проекта законовъ и также шла медленно. На вопросъ государя о причинахъ этой медленности, графъ Завадовскій отвѣчалъ: „огромная машина сія по натурѣ идетъ тихо и медленно“. Отрицая по этому случаю почти всѣ прежнія системы законовъ, раскрывая несостоятельность всѣхъ прежнихъ комиссій, графъ Завадовскій присовокупилъ, что къ „совершенству правленія привести могутъ только добрые законы, которые изъ собственной воли всѣхъ возлюбить“. Или еще возьмемъ примѣръ развитія системы регламентаціи. При Петрѣ Вел. сочинено было до 28 регламентовъ и уставовъ. Регламенты эти обставляли подробнымъ кодексомъ строгихъ правилъ и формальностей всю гражданскую и торгово-промышленную дѣятельность народа. Столѣтій опытъ показавъ, что Россія не только не была устроена регламентами, а еще стѣс-

нена была до несносности, и оставалась в своем свободном развитии. Адмирал Мордвинов так отрицал систему регламентации в народной торговле и промышленности: „Еще в правительствѣ нашемъ съ нѣвотораго времени до излишества воздѣйствовало духъ предрасужденія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой природы, никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ,—и свобода единственное есть достойное и надежное руководство въ успѣхахъ дѣятельности народной. Уставы, нѣрѣдко содержа въ себѣ противорѣчіе и недоразумѣніе, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коими и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ ниспровергается; вообще же они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, а къ умноженію новодовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производствами частныхъ людей; ибо сіе значило бы то же, что и принимать на себя учреждать необязательность видовъ частной пользы. Предоставляя самой ей полную свободу дѣйствовать, правительство можетъ токмо съ своей стороны способствовать: распространеніемъ хозяйственныхъ и искусственныхъ свѣдѣній, обнародованіемъ новыхъ изобрѣтеній, усовершенствованіемъ по какому-либо частямъ хозяйства и искусствъ, умноженіемъ всеобщаго просвѣщенія въ земледѣліи, ботаникѣ, минералогіи, металлургіи, технологіи, химіи, физикѣ и другихъ подобныхъ занятіяхъ, открытіемъ новыхъ источниковъ къ стяжанію богатствъ, введеніемъ удобнѣйшихъ машинъ и лучшихъ орудій и инструментовъ, размноженіемъ и улучшеніемъ путей сообщенія... и наконецъ, усиленіемъ мѣръ, чтобы свобода въ дѣйствіяхъ, равно какъ и принадлежность каждаго трудящагося, ограждены были отъ всякаго непріязненнаго прикосновенія къ нимъ“.

Отрицая систему правительственной регламентации, уставности въ дѣлѣ свободной торгово-промышленной самостоятельности народа, Мордвиновъ, вообще, въ своемъ прекрасномъ докладѣ „О причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи“, въ запискѣ „О рѣписи доходовъ и расходовъ на 1821 годъ“, къ во многихъ своихъ „мнѣніяхъ“, отрицалъ многія самыя радикальныя правительственныя учрежденія и установленія относительно народнаго экономического и юридическаго быта. Изобразивъ въ отрицательномъ духѣ разныя государственныя институціи и начала экономической жизни и дѣятельности народной, и сказавши „о крайнемъ обиднѣніи земледѣльческаго сословія, вслѣдствіе обремененія его, болѣе всѣхъ другихъ сословій, и казенными налогами, и личными повинностями, и рекрутскими наборами, и долгосрочнымъ служеніемъ въ полкахъ, Мордвиновъ съ истинно-гражданскою болью грусти и отрицанія воскликнулъ: „Какое нелѣпообразное великой части имперіи состояніе!“ Наконецъ, вспомнимъ, что и самъ императоръ Александръ I-й глубоко недоволенъ былъ современнымъ ему государственнымъ порядкомъ и придворными его распорядителями. „Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не жалалъ бы имѣть у себя лакеями, пишетъ Александръ; въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабежъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно“...

Послѣ недовольства и отрицанія, высказавшагося въ официальныхъ сочиненіяхъ лучшихъ государственныхъ сановниковъ первой четверти XIX-го стол., и закрывшаго даже въ душу самого императора Александра I-го, настало „строгое охраненіе морядка извнѣ и внутри“... Но вотъ пережито и оно

и миновалось безвозвратно. Настала новая эпоха сильной правительственной деятельности, особенно сосредоточенной въ бюро министерства внутреннихъ дѣлъ. И опять видимъ радикальное отрицаніе прежнихъ учреждений. Великій крестьянскій вопросъ разомъ отрицаетъ многія коренныя начала строительства всей петровской эпохи, отвергаетъ камень преткновенія для политической свободы—крѣпостную основу государства. Это радикальное отрицаніе неизбежно вызвало въ проектахъ разныхъ правительственныхъ комиссій нѣсколько частныхъ, но существенныхъ отрицаній, напр., отрицаніе централизаціи, отрицаніе прежней системы земскихъ повинностей. Относительно устройства земскихъ повинностей, съ предварительнаго положенія 1805 г. до устава о земскихъ повинностяхъ 1851 г., правительство назначало нѣсколько комитетовъ для исправленія податной системы. Каждый комитетъ поочередно браковалъ, отрицалъ одинъ другой, и ни одинъ не сдѣлалъ ничего положительнаго. Въ 1851 г. изданъ былъ нынѣ дѣйствующій уставъ о земскихъ повинностяхъ, на основаніяхъ прежняго положенія. Теперь и онъ, по суду правительства, отрицается. Новая коммиссія въ своемъ проектѣ преобразованія земскихъ повинностей рѣшительно отвергла всѣ прежніе проекты и положенія правительства относительно земскихъ повинностей.

Такимъ образомъ, въ непрерывномъ послѣдовательномъ отрицаніи предшествовавшихъ учреждений установленіями послѣдующими, въ измѣненіи комиссій, проектовъ и положеній или уставовъ состоитъ сущность всего правительственнаго строительства втеченіе XVIII-го и первой половины XIX-го стол. И результаты этого вѣковаго отрицанія и взаимной преемственной смѣны учреждений жизнь народная на себѣ уже вполне испытала, пережила!

1861 года, декабрь.
С.-Петербургъ.

А. Щаповъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

О русскихъ раскольникахъ.

(Въ память тысячелѣтія Россіи).

Рядомъ съ сельской общиной, съ крестьянскимъ міромъ, другая загадочная демократическая община—расколъ. Община эта отъ году распространяется, усиливается. И теперь ужъ въ ней насчитывается до 10-ти миллионныхъ послѣдователей, чуть не вдвое больше, чѣмъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ великорусскаго племени, которыхъ по X-й ревизіи (1858—1859 г.) считалось 5.420.206 душъ мужскаго пола. Затѣмъ исторія наша образовала и сохранила въ тысячелѣтію эту оппозиціонную, демократическую общину, пережившую, пострадавшую всѣ самыя адскія невзгоды и страданія XVIII-го столѣтія? Зачѣмъ это продолженіе древней народной Россіи, и вѣковое, богатырски-мученическое отрицаніе петровской имперіи?.. Вопросъ этотъ рѣшить уже новое тысячелѣтіе.

Да, простые массы нашего народа въ расколѣ и его лѣтописяхъ ведутъ свою народную исторію-горемычную, горько-думную, горько-слезную. Когда Петръ Великій порушилъ всю старину народную и ввелъ нѣмецкую новину,

новшества, расколъ возсталъ за старину народную, какъ за символъ и вѣчевой завѣтъ самобытнаго, вольно-народнаго саморазвитія. И съ нимъ вмѣстѣ, можно сказать, все крестьянство, самая большая часть купечества, мѣщанства и солдатства доселѣ крѣпко, упорно держатся старины народной, живутъ такъ, какъ жили ихъ до-петровскіе дѣды и отцы. Поболѣй душой, поглумись самымъ язвительнымъ сатирическимъ смѣхомъ, злой ироніей надъ этимъ „темнымъ царствомъ“, да наконецъ, уважая свободную самоопредѣляемость жизни народной, невольно опять задумаешься, и спросишь самъ себя: „Зачѣмъ же, однако, это вѣковое упорное храненіе старины огромнымъ большинствомъ нашего народа? Не есть ли это богатырскій сонъ или „сидѣнь“ Ильи Муромца, или призракъ грубой, но здоровой, пока наглухо закупоренной самородной силы жизни народной? Не есть ли это только историческое самосохраненіе затаенныхъ въ народѣ могучихъ, богатыхъ, здоровыхъ силъ и элементовъ будущаго самооткровенія, самовыраженія, самообразованія, самоустройства и саморазвитія народной жизни? Не есть ли это историческое самосохраненіе духа народнаго, въ грубыхъ, закоснѣлыхъ, несокрушимыхъ формахъ старины, отъ жи чуждыхъ формъ, охватившихъ всю жизнь высшихъ круговъ общества, живущихъ чужими, отвѣченными отъ русской жизни, идеями, чужими правами? Или просто-на-просто, это—грубое, невѣжественное коснѣніе огромной массы народа въ старинѣ, грубый застой, грубое упорство, самодурство и т. под.“

Но какъ бы то ни было, а фактъ у всѣхъ передъ глазами: при встрѣчѣ тысячелѣтія—огромная масса крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства упорно держится старины народной, да раскола. Между западно-образованнымъ меньшинствомъ и огромной массой, огромнымъ большинствомъ народа—вѣковой расколъ. Петръ Великій не былъ, не приходилъ съ Запада для огромной массы крестьянства, купечества, мѣщанства и солдатства и даже духовенства. Недаромъ расколъ сложилъ легенду, будто Петръ остался на Западѣ, и вмѣсто него пришелъ не прямой царь, а жидовинъ-антихристъ... Да, старая, до-петровская, земско-народная Россія живьемъ цѣла въ огромной массѣ нашего народа; и не только цѣла, а по своему живетъ и развивается. Къ чему это? Ужъ будущее рѣшить.

Съ той самой поры, какъ Петръ Великій построилъ имперію по шведско-нѣмецкимъ формамъ, съ той поры доселѣ живущее народное согласье, называемое нами расколомъ, отрицаетъ всенародно-историческое значеніе реформъ Петра, отрицаетъ всю, такъ называемую, петровскую эпоху, все историческое направленіе XVIII-го и первой половины XIX-го столѣтія и ждетъ какого-то новаго порядка вещей, съ половины прошлаго столѣтія помышляетъ объ немъ, и съ этимъ отрицаньемъ и ожиданьемъ встрѣчаетъ тысячелѣтіе. Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, по всей Россіи въ массахъ народныхъ разнеслась иронически-отрицательная челобитная раскола, подъ заглавіемъ: „Объ антихристѣ, еже есть Петръ I-й“. Въ этой челобитной расколъ рѣшительно отвергъ „нареченіе Петра и его преемниковъ императорами“, „отвергъ всѣ высшія государственныя установленія Петра, всѣ „регламенты и уставы, какъ по духовному, такъ и по гражданскому распоряженію“, всѣ „указы, разосланные Петромъ по Россіи, ревизію душъ, сословную переписную книгу“, и проч.

Это рѣшительное отрицанье всего петровскаго строительства имперіи стало основнымъ началомъ всего историко-политическаго ученія раскола. Передъ 1792 г. бѣгунъ Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ, на-

писалъ „Цвѣтникъ“, руководство для своего согласья—бѣгуновъ. И онъ также началъ свое ученье съ того, что отвергъ всѣ реформы Петра и пошелъ дальше. За цѣлое столѣтіе до нашего отвлеченно-теоретическаго, отрицательнаго направленія, согласье бѣгуновъ выразило не только словесное, письменное, но и фактическое, реальное, жизненное отрицанье. Оно рѣшительно отвергло и доселѣ отвергаетъ весь порядокъ петровскаго строительства, и при этомъ проводить въ массы народа нѣкоторыя новыя социальныя начала. Въ то время, какъ просвѣщенные умы, путемъ научныхъ выводовъ, подъ влияніемъ западныхъ, готовыхъ идей, выражали въ своихъ сочиненіяхъ новыя потребности общественной жизни, новыя социальныя идеи,—въ то время люди простаго, такъ названнаго тогда, подлаго народа, лишеныя училищъ и свободныхъ правъ, совершенно изолированныя отъ просвѣщенныхъ классовъ народа, сами собою, путемъ горькихъ опытовъ практики, путемъ саможизненной, опытной, непосредственно-бытовой науки, вырабатывали новыя выводы и начала жизни. Они доходили до отрицанія такихъ стѣснительныхъ для народнаго развитія учрежденій, которыя отрицали просвѣщеннѣйшіе умы Европы, и въ Россіи стали отрицать лучшіе государственныя дѣятели и всѣ просвѣщенные люди. Такъ Евфимій, въ своемъ „Цвѣтникѣ“, отрицалъ учрежденіе цеховъ и гильдій, которое во Франціи отрицалъ Тюрго, у насъ—Мордвиновъ. Далѣе, Евфимій отвергъ сословное разъединеніе земства, „раздѣленіе челоуѣкъ на чины“, поземельное разъединеніе земства, или „размежеваніе земель, рѣкъ и усадьбъ, завѣщаніе однимъ наблюдать каждому свою данную часть, и лишеніе другихъ земли“ и проч.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, написано было бѣгуновъ Василиемъ Москвинымъ „Разглагольствіе тюменскаго странника“. Здѣсь также отрицается все правительство со временъ Петра, порицаются наши суды, законы, которые называются „кривосказательными книгами“. Отрицаются подушныя подати и оброки, какъ средства покоренія душъ антихристу, паспорта—средства прикрѣпленія къ мѣсту или сословію. Порицаются всѣ православныя и неправославныя за то, что молятся за царей. Наконецъ, проповѣдуются брань съ антихристомъ, посредствомъ противленія его волѣ и неисполненія его законовъ, и предсказывается время открытой брани. Высшаго развитія достигаетъ историко-политическое ученіе раскола въ брошюрѣ, написанной въ царствованіе императора Николая, подъ заглавіемъ: „Общая бѣсѣда пустынножителей нынѣшняго плачевнаго времени“. Здѣсь антимонархическія идеи излагаются въ мистико-исторической формѣ, по царствованіямъ, и предсказывается прекращеніе современнаго порядка вещей.

Рядомъ съ этимъ политико-отрицательнымъ направленіемъ, въ раскольничьей общинѣ, естественно, развилось и нравственно-отрицательное міросозерцаніе. Горько-думное, горько-слезное прошедшее и „плачевное нынѣшнее“, настоящее раскола, невольно навѣвало гражданскую грусть на лучшихъ людей раскола. И справедливость требуетъ сказать, что это отрицаніе, эта грусть ихъ иногда глубоко симпатична, не лишена живаго смысла, жизненна, правдива и нравственна. Гражданская грусть раскола болѣтъ сердцемъ о всемъ, не только о политическомъ рабствѣ, страдальческомъ положеніи раскольничьяго міра но и о нравственныхъ болѣзняхъ нашей общественной, семейной и частной жизни, о крайнемъ униженіи и забвеніи нашихъ меньшихъ братій, о вопіющихъ злоупотребленіяхъ областнаго начальства и проч.

Вотъ, напимѣрь, плачь, писанный заводскимъ человѣкомъ Орефѣемъ Лазаревымъ Ключевымъ, въ 1841 году:

„По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Осѣнилъ облакъ зѣло мраченъ...
Духъ антихристовъ возвѣялъ на насъ...
Священническій чинъ серебромъ весь плѣненъ...
Мы, словесныя овцы, скитаемся безъ пастыря,
Питіе пьемъ отъ очей слезы, уязвляемы крокодилами...
Неокентавры владѣютъ нами.
Вавилонская блудница отъ своей чаши упоила всѣхъ.
Въ сластолюбіи которые, тѣхъ почтили всѣхъ,
Честными нарекли, на сѣдалищахъ первыми учинили.
Сродниковъ бѣдныхъ возгнушались,
Почитанья родителей не стало;
Отцы чадъ своихъ возненавидѣли.
Съ богатыми и съ недобрыми любовью всѣ соединились
Страхъ антихристовъ устранилъ міръ,
Временны соборы въ конецъ низложилъ,
Изъ дальнихъ странъ многихъ возвратилъ
И на изгнанье тѣхъ всѣхъ осудилъ,
Живущихъ внутри и тѣхъ уловилъ,
Милость съ лестию въ міръ пометалъ...
Не могу пребыть безъ рыданія!
Духовный законъ съ корня сѣченъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ,
Вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе;
Лихонимцы всѣ грады содержатъ.
Немилосердые въ городахъ первые;
На мѣстахъ злѣе приставники.
И въ самыя мѣста законовъ водворилось беззаконіе.
Трезвость всюду затворилася,
Пьянственные дома для обѣденъ и веселья растворились.
Къ обычаямъ странъ чужихъ любезно всѣ пристратились...
Познавай, душа, соборъ малъ оставшихся христіанъ ¹⁾!“

Какъ ни горемычна, ни горько-слезна была гражданская грусть отрицанья въ расколѣ, но она не была уныла, отчаянна, а полна была вѣры, энергіи, ожиданій. Раскольничьи общины не ограничивались однимъ отрицательнымъ ученіемъ и саможизненнымъ, фактическимъ отрицаніемъ существующаго порядка, а въ то же время дѣятельно стремились къ положительному самоустройству. Они устроились въ общины, въ братства, которыя называются у нихъ соборами, сословіями, согласьями, скитами, слободами и т. под. Общины группировались въ формѣ федераціи; напимѣрь, къ даниловскому согласію, какъ къ средоточію, относились всѣ сѣверныя и разбѣяныя въ другихъ великорусскихъ мѣстностяхъ общины; съ московскимъ преображенскимъ согласіемъ были въ связи мѣстныя общины средне-волжскія, нижегородскія, саратовскія и другія. Братства согласья раскола проводили въ жизнь свою принципъ равенства. Напимѣрь, послѣдователи поморскаго даниловскаго согласья говорятъ спрашивающимъ ихъ: „Мы всѣ равны и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ.“

Общинное, соборное самоуправленіе и выборное начало были существенно и повсемѣстною основою всѣхъ раскольничьихъ согласій. Они организо-

¹⁾ Здѣсь А. П. Щановъ языкъ раскольничьихъ стиховъ нѣсколько поправлялъ, впрочемъ весьма мало, и стихи сократилъ сильно.

вались у всѣхъ сектъ, въ формѣ сходовъ, совѣтовъ, мѣстныхъ и общихъ соборовъ. Каждое согласіе имѣло свои центры общихъ сходовъ, совѣтовъ и соборовъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, нѣкоторые старообрядческія общины обнаружили особенное стремленіе къ независимому отъ правительственнаго надзора и вмѣшательства самоуправленію. Напримѣръ, московское преображенское согласіе, при знаменитомъ устроителѣ своемъ Ковылинѣ, имѣло правильную организацію самоуправленія посредствомъ нѣсколькихъ выборныхъ попечителей. Въ 1818 году, старообрядческія общества оренбургское, пермское и тобольское подали на высочайшее имя прошеніе о прекращеніи всякихъ притѣсненій со стороны губернскаго начальства и о предоставленіи имъ полной свободы не только въ вѣроисповѣданіи, но и въ самоуправленіи, посредствомъ своихъ выборныхъ попечителей, въ своей особой конторѣ. Къ прошенію приложено было 11 писемъ отъ 1.370 человекъ.

Стремясь къ самоуправленію, раскольничьи согласія, въ позднѣйшее время, нерѣдко обнаруживали попытки взаимнаго внутренняго объединенія, обобщенія. Съ этою цѣлью даровитый наставникъ согласія бѣгуновъ, Никита Семеновъ, написалъ свое „Сочиненіе на 30 ересей“. Онъ особенно обличалъ тѣ раскольничьи согласія, которыя отпали отъ строгаго безпоповщинскаго религіозно и гражданско-демократическаго направленія, стали молиться за царя и записываться въ единовѣрческую церковь. Въ томъ же духѣ примиренія, въ 1808 г., обнаружила замѣчательная попытка соединенія московскаго, такъ называемаго, стараго поморскаго согласія съ Ѳеодосѣевой преображенской общиной. Замѣчательны „Дружескія извѣстія“ ихъ поэтому, въ которыхъ принципы раскольничьяго выборнаго начала и самоуправленія достигаетъ высшаго обнаруженія, подробно начертывается планъ и излагаются правила общаго совѣта. Со всѣмъ этимъ я познакомлю своихъ читателей уже въ статьѣ „О земствѣ и расколѣ“. То же желаніе дружнаго, мирнаго соединенія и общиннаго самовспомоществованія выразилось въ „Критическомъ воззваніи ко всѣмъ старообрядческимъ церквамъ и ихъ пастырямъ о нерадѣніи ихъ въ просвѣщеніи и презрѣніи ихъ единовѣрцевъ своихъ, страждущихъ отъ міра въ разныхъ мѣстахъ за благочестіе“. Воззваніе это писано въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Съ необыкновеннымъ мужествомъ и твердостью стремились послѣдователи раскола къ религіозной и гражданской свободѣ. Уже какъ ни гнали, ни мучили старообрядцевъ въ XVIII столѣтіи? Вѣсили, жгли, рубили, топили, лишали всѣхъ правъ гражданскихъ, подвергали всякаго рода публичному позору, издѣванью; а они таки-устояли на своемъ, и еще тверже, непреклоннѣе стали въ своей оппозиціи и еще болѣе умножились въ ученыхъ и согласьяхъ. Когда ужъ безмѣрно люты были гоненія, они бѣжали изъ отечества въ чужія страны: въ Австрію, Турцію, Пруссію, даже въ отдаленные края Азіи, и такимъ образомъ устояли въ своемъ отрицаніи всѣхъ порядковъ имперіи всероссійской и церкви греко-россійской. Жестокія мѣры правительства притупились объ ихъ твердость и упорство. При Александрѣ I-мъ правительство созналось, что мѣрами жестокими ничего не сдѣлать, а лучше дѣйствовать гуманнѣе убѣжденіями. Стали обращаться съ ними гуманнѣе въ 1-й четверти нынѣшняго столѣтія. Старовѣрскія согласія, пользуясь этимъ, стали смѣлѣе и ужъ открыто стремились къ самоустройству и самоуправленію. Чуть ограничивали ихъ гражданскія права, они тотчасъ протестовали. Раскольничьи купцы, въ родѣ Ковылина, Зеленкова, Папулина, неравненно смѣлѣе православныхъ купцовъ,

отстаивали свои гражданскія права, протестовали противъ распоряженій губернскаго начальства, даже требовали отміны высочайшихъ указовъ, какъ напримѣръ, саратовскій городской голова, раскольникъ Матовъ, протестовалъ въ 1828 г. противъ распоряженія губернскаго правленія и требовалъ, вопреки высочайшаго указа 1820 г., равноправнаго участія въ выборахъ купцамъ всякихъ вѣроисповѣданій. Закалившись, воспитавшись въ твердости, раскольники до послѣдняго времени обнаруживали необыкновенную стойкость, самовыдержанность. Показанія ихъ на судѣ изумительно смѣлы, рѣшительны и тверды. Бѣгуны, напримѣръ, въ показаніяхъ своихъ, которыхъ у насъ подъ руками нѣсколько, смѣло и рѣшительно отрицали и самодержавную власть государей императоровъ, и установленныя ими власти, и законы духовные и гражданскіе, и всю всероссійскую имперію и великороссійскую церковь. Въ тюрьмахъ, въ цѣляхъ, они непреодолимо выдерживали свой изумительно-твердый, стойкій, непреклонный характеръ. Бывали примѣры, что нѣкоторые бѣгуны до чохотки доводили себя и умирали, а все-таки на своемъ настаивали. Да, что нибудь да значить это непоколебимое упорство, эта непрерывность, вѣковая живучесть, развиваемость и самовыдержанность демократической оппозиціи, подантой расколомъ...

Гражданское мужество героевъ и всѣхъ вообще послѣдователей раскола, ихъ неустрашимая, непреодолимая твердость, смѣлость, рѣшительность, прямота и самовыдержанность стоятъ въ наше время иныхъ гражданскихъ стремленій, идей, цѣлей, иной инициативы, иныхъ требованій, иныхъ подвиговъ. Не раскольникамъ, а намъ, гражданамъ, получившимъ высшее образованіе, призваннымъ на служеніе народу, намъ бы нужно имѣть такую твердость иныхъ, лучшихъ, высшихъ убѣжденій, такую рѣшительность въ благородныхъ дѣйствіяхъ, такую гражданскую стойкость и самовыдержанность въ невзгодахъ, неудачахъ, эту смѣлость и мужественность начинаній...

Россія нажила внутри у себя много международнаго раздора, антагонизма, нажила расколъ. Не говоримъ уже о сословномъ антагонизмѣ и розни. Двѣ дороги врознь, раздѣльно идутъ и ведутъ насъ навстрѣчу тысячелѣтію. Первая торная дорога, проторенная Петромъ Великимъ, ведетъ самое малое меньшинство путемъ западнымъ, путемъ науки, путемъ университетскаго образованія. Хотя много на этомъ пути камней преткновенія, много терніевъ и волчцовъ правительственныхъ и общественныхъ, хоть круто и тяжело инымъ бѣднягамъ-самоучкамъ, самородкамъ, лбомъ пролагать себѣ дорогу и подняться въ гору; но все-таки этотъ путь чистый, освѣжительный, просвѣщенный, хоть не всегда прямой. На этомъ пути есть руководители: литература, университеты и передовые двигатели-благовѣстники будущаго. Другая дорога—темная, загадочная. Никому изъ насъ невѣдомо хорошенко, куда она ведетъ массы нашего простаго народа. Это старая дорога старины раскола; это сиротская дорога, какъ называли раскольники свои тропы, по которымъ пробирались въ Сибирь. По ней идутъ бѣгуны-странники, отрицатели и отверженники имперіи и церкви, идутъ вотъ ужъ 200 лѣтъ странствующія миссіи, пропаганды всѣхъ согласій, и ведутъ за собою куда-то до десятка милліоновъ народа. Уклонившись отъ прямого пути просвѣщенія, они въ потемкахъ, ощупью ищутъ его. Съ жаждой ученія они вопіютъ: „Душа своей пищи дожидается; душѣ надо жажду утолить; потщися душу свою гладну не оставить“.

И съ тѣхъ поръ, какъ образованный кругъ, классъ русскаго общества, отшатнулся отъ массы народной и пошелъ своей дорогой западной, съ тѣхъ поръ

массы народа пошли своей старой дорогой, отшатнулись въ расколъ. Образованный верхній слой, классъ общества, воспитываемый университетами, гимназіями и т. п., создалъ для себя свой кругъ мысли, идей, ученій, стремленій. Необразованная, темная, грубая, но самая огромная масса народа, лишенная университетовъ, гимназій, лицеевъ и т. под., создала самородную науку и литературу раскольничью. Образованный классъ общества и его литература доходили и доходятъ до своихъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій и стремленій путемъ научнаго, университетскаго просвѣщенія, путемъ вычитанныхъ идей, подъ вліяніемъ западныхъ ученій, и вообще больше путемъ теорій, чѣмъ практики. У нихъ были и есть въ этомъ отношеніи свои, такъ сказать, бѣгунны и свои передовые двигатели. Народно-образовательная пропаганда и письменность народныхъ раскольничьихъ согласій, путемъ горькаго саможизненнаго опыта, практически-жизненныхъ выводовъ, путемъ прочувствованнаго горя своей собственной жизни, доходили и доходятъ почти до тѣхъ же соціальныхъ вѣрованій, ученій и стремленій. Только неясно и голословно выражаютъ они эти начала въ своеобразныхъ самородныхъ формахъ, сообразныхъ съ способами ихъ образованія и мыслительности. Во многихъ пунктахъ близко подходят другъ къ другу ученія народныхъ и идеи образованной литературы. Только на первыхъ грубая, простонародная оболочка, символическій покровъ; а идеи просвѣщенно-мыслящихъ людей являются въ формѣ прямого, яснаго пониманія и сознанія, въ формѣ чистаго логическаго мышленія и опредѣленія. И въ кругѣ раскольничьей народной пропаганды и письменности всегда были и есть свои самородные, нерѣдко даровитые писатели и передовые двигатели. Не сойдутся ли когда нибудь между собою въ этихъ точкахъ соприкосновенія путь научно-просвѣщенный, образованно-литературный и путь, пролагаемый самородной доктриной и письменностью массы народной. Это загадка новаго тысячелѣтія. А пора! сближеніе необходимо, и путь одинъ, образованный, необходимъ.

А. Шаповъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX.

Отрывокъ изъ статьи „О земскомъ строеніи“.

Вслѣдствіе вольно-народнаго колонизаціоннаго самоуправства областныхъ общинъ, по отдѣльнымъ рѣчнымъ системамъ и другимъ естественнымъ очертаніямъ, въ формѣ самобытныхъ земель и городовъ съ уѣздами или волостями, въ нихъ естественно должны были развиваться начатки самобытнаго, общиннаго земскаго самоуправленія. Устраивая сами собою, на особенныхъ рѣчныхъ системахъ и земляхъ, и постоянно стремясь быть особенно, опроче или удѣльно, областныя общины вмѣстѣ съ тѣмъ естественно и управлялись сами собою, межъ себя. По земской территоріально - колонизаціонной связи городовъ съ ихъ уѣздами, волостями и пригородами, въ главныхъ, старѣйшихъ, первоосновныхъ городахъ каждой волости развивались зачатки, обычаи областныхъ вѣчевыхъ сходовъ. „Новгородцы со изначала, говоритъ лѣтопись, и смольняне, и княне, и полочане, и вся власти (волости), яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ

на томъ же пригороды стануть“ (Лавр. 160, подъ 1176 г.). Въ частности, видимъ ясныя зачатки областного народосовѣтія, областныхъ сходовъ въ новгородской области или землѣ, наприм.: „въ лѣто 1137, по словамъ лѣтописи, новгородцы призваша псковичей и ладожанъ, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода“ (1 Новг. 7). По случаю размолвки или нелюбви съ князьями низовскими, или съ нѣмцами, также собирались въ Новгородѣ земскіе люди со всей новгородской области; наприм., въ 1270 г. „совокупися въ Новгородѣ вся волость новгородская, псковичи, ладожане, корела, ижеря и вожане“ (1 Новг. 62). Въ вятской землѣ видимъ такое же областное самоуправленіе: представители всей земли, совѣтные люди, рѣшали въ сходѣхъ всѣ важныя дѣла, и вятчане, по словамъ ихъ лѣтописца, „самовластцы быша 278 лѣтъ“. Обычай областного земскаго совѣта вятчане сохраняли до послѣдняго часу своей земско-областной свободы...

Пока еще строились, колонизовались земско-вѣчевые областные міры, въ эпоху особой жизни и удѣльной борьбы, эти зачатки, починки областного народосовѣтія и самоуправления не успѣли получить правильнаго, систематически опредѣленнаго юридическаго устройства. Земско-областная жизнь только-что развивала, организовала ихъ изъ непосредственныхъ данныхъ опытовъ, выводовъ внутренняго, мѣстнаго, особо областного самоуправства, саморазвитія и вѣншихъ земско-союзныхъ, между-областныхъ взаимоотношеній и взаимнодѣйствій. Какъ съ починковъ начиналось колонизаціонное, земское самоуправство областныхъ общинъ, такъ съ починковъ же начиналось и ихъ юридическое саморазвитіе, ихъ областное самоуправленіе. И не смотря, однако-жъ, на этотъ починочный, элементарный, первоосновной характеръ, обычай областного самоуправления, областныхъ сходовъ и земскихъ совѣтовъ укоренился въ духъ, въ привычкахъ народа.

Когда московская централизація, какъ сѣтью или цѣпами, охватила всѣ областныя общины приказно-правительственными властями, намѣстниками, волостелями, праветчиками и ихъ пошлинными людьми, — областныя общины, особенно сѣверо-поморской, новгородской федераціи, тотчасъ ощутили всю не-свойственность, весь гнетъ этихъ властей, и все преимущество излюбленнаго областного самоуправления. Во 2-й половинѣ XVI стол., во многихъ областяхъ началось сильное оппозиціонное движеніе противъ областного приказнаго начальства въ пользу излюбленнаго, общинно-областного самоуправления и самосуда. Стали происходить мѣстные земскіе сходы и совѣты. На совѣты эти сходились излюбленные выборные, какъ изъ главныхъ областныхъ городовъ, такъ и со всѣхъ ихъ уѣздовъ, изъ всѣхъ волостей и становъ, со всѣхъ земель областныхъ. На сходахъ этихъ выбирали излюбленныхъ головъ и старостъ, составляли общинно-областныя челобитныя царю и посылали ихъ съ выборными ходоками „во всѣхъ мѣсто“ въ Москву. Въ этихъ мірскихъ, земскихъ челобитныхъ своихъ областныя общины единогласно изображали въ самыхъ мрачныхъ чертахъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ, выказали противъ нихъ свою оппозицію, доходившую до безпощаднаго убійства ихъ, и просили у царя права „отставить намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ и на мѣсто ихъ выбрать самимъ, изъ своихъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ людей, старостъ и головъ, кого они межъ себя излюбятъ и выберутъ“. Царь Иванъ Грозный безпрекословно уступалъ такое право самоуправления областнымъ общинамъ. По поводу постоянныхъ жалобъ областныхъ общинъ, городскихъ и волостныхъ вмѣстѣ, на намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, онъ

издалъ даже уставную грамоту о повсемѣстной замѣнѣ приказно-правительственнаго областного управленія общиннымъ, земскимъ, выборнымъ самоуправленіемъ, „велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбить и выбрать всюю землею“.

Какъ первоначально областныя общины сами собою устроились путемъ вольно-народной колонизаціи по рѣчнымъ системамъ, такъ и теперь въ чертѣ тѣхъ же территоріальныхъ или земско-рѣчныхъ округовъ требовали и самоуправленія. Такъ, по р. Вагѣ, впадающей въ Двину и образующей съ своими притоками особую рѣчную систему, основана была среди чуждѣ области Вага или земля важская, колонизованная новгородцами, преимущественно бывшими новгородскими посадскими своеземцами, разными переселенцами боярами, заселившими по р. Вагѣ до 13 волостей боярщинъ, и разными посадскими и крестьянами выходцами новгородскими, онежскими и заволоцкими. Область эта состояла изъ становъ: шенкурскаго, подвинскаго, ровдинскаго, вельскаго, верховажскаго, ледцаго, паденги, ковшенги, слободы Великой. Вотъ жители всей этой важской земли, „посадскіе люди и всего важскаго уѣзда становые и волостные крестьяне“ въ 1552 г. излюбили и выбрали изъ среды своей 20 выборныхъ головъ лучшихъ людей, чтобы имъ „о всякихъ дѣлахъ земскихъ управу чинить“. Затѣмъ важане выбрали отъ каждаго стана по три ходока, земскихъ челобитчиковъ, всего 21 человѣка, вручили имъ общинно-областную челобитную къ царю объ отиѣнѣ намѣстниковъ и волостелей и о предоставленіи имъ права свободнаго самоуправленія посредствомъ излюбленныхъ головъ, выборныхъ отъ всѣхъ посадовъ, становъ и волостей важской земли, отъ всего важскаго уѣзда...

Царь утвердилъ эту челобитную уполномоченныхъ ходоковъ: намѣстнику, его тѣну и его пошлиннымъ людямъ впередъ быть не велѣлъ, а велѣлъ быть излюбленнымъ головамъ для управы и суда и прибрать земскихъ дьяковъ, „кому излюбленныхъ головъ всякія дѣла писати, кто бы имъ въ земскіе дѣлаи любь былъ“. Затѣмъ, въ уставной грамотѣ опредѣлены судныя права излюбленныхъ головъ. Предоставлена имъ полная свобода земско-областной круговой поруки, суда и управы, какая любя будетъ всей ихъ землѣ. Только контроль надъ судомъ излюбленныхъ головъ, по старинному обычаю, предоставленъ всему областному земскому міру — посадскимъ и становымъ людямъ, и олоостнымъ крестьянамъ, „чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи бездѣличныя не было“. Далѣе въ грамотѣ начертаны правила „о держаньи питья на продажу“, о предоставленіи права общинѣ стариннаго колонизаціоннаго самоустройства, какъ на пустоши и селища сажать новыхъ жильцовъ.

Другая уставная грамота—двинская, подобная важской, относится къ 1556 г.; она испрошена была жителями всей двинской земли у царя, который велѣлъ быть у нихъ выборному самосуду, за что они согласились платить въ казну по 20 рублей съ сохи московскаго числа, да пошлинъ по два алтына съ рубля, сверхъ другихъ сборныхъ денегъ. Между прочимъ, для обезпеченія справедливости записей выборныхъ земскихъ дьяковъ, въ грамотѣ постановлено: у записки всякихъ дѣлъ сидѣти выборнымъ судьямъ и лутчимъ людямъ; „а учеть земской дьякъ какія дѣла записывати одинъ, не передъ выборными судьями, или которое дѣло держитъ у себя, а кто ихъ въ

томъ уличить, — и выборнымъ судьямъ и земскимъ дьякомъ быти отъ меня царя въ томъ казненнымъ“ ¹⁾...

Слѣдя за исторіей развитія русскаго народа, порадуемся за эти движенія, хоть и грубые, мужиковатые, но естественные, здоровые, истинные порывы юной, кипучей народной жизни къ излюбленному саморазвитію и самоуправленію. Въ уставной грамотѣ области холмогорской, двинской, народная исторія отмѣтила цѣлые ряды простыхъ земскихъ людей посадскихъ, ознаменовавшихъ себя честною, любимою всей мѣстной землѣ службою въ излюбленныхъ старостахъ, про которыхъ у насъ молчать обыкновенно исторія правительственная, официальная, — гдѣ послѣ родился и великій Ломоносовъ... Дорогъ и почтителенъ этотъ младенческій лепетъ народа объ устроении земскомъ, о своемъ самоуправленіи и самосудѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе грустно и жалко, что при теперешней заботности народа, областныя общины не обнаруживаютъ и той смѣлости и требовательности и самоуправления, какую обнаруживали въ свои младенческія времена, и теперь масса народа осталась на той же ступени образованія, на какой была въ XIV и XVII вв. (кромѣ немногихъ исключеній). Важный фактъ и тотъ, что самъ Грозный царь, въ борьбѣ съ удѣльнымъ, олигархическимъ вельможествомъ и боярствомъ, создавая причудливую опричнину и земщину, почувствовалъ необходимость опираться на областныя земскія общины. Въ зачаткахъ, въ починкахъ, въ самыхъ слабыхъ попыткахъ ихъ къ излюбленному самоуправленію и самосуду было больше здоровыхъ задатковъ, была крѣпче опора, были естественнѣе и потому истиннѣе стремленія, чѣмъ въ отжилахъ, противонародныхъ удѣльно-олигархическихъ притязаніяхъ московскаго вельможества и боярства. Это доказала земско-областная исторія и въ смутное время.

Да, какъ ни была еще юна, неразвита, невыработана жизнь областныхъ общинъ въ XVI вѣкѣ, но она тотчасъ же, хоть инстинктивно, ощутила всю неестественность навязанной опеки и тяготѣнья надъ собою непрошенныхъ приказныхъ кормленщиковъ. Значить, еще съ дѣтства, смолоду, организмъ нашего народа не терпѣлъ, извергалъ отъ себя приказно-правительственный элементъ, хотя инстинктивно чувствовалъ необходимость свободнаго саморазвитія, способенъ былъ излюбить и выбирать головъ и судей, хотя и грубы, невѣжественны, суевѣрны были жители такихъ областныхъ общинъ, какъ важская, двинская. Значить, и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, не смотря на всѣ тяжкія историческія обстоятельства большею частью неправильнаго, деспотическо-отеческаго воспитанія, эти областныя общины все-таки будутъ способны къ излюбленному самоуправленію. Пусть только очнутся и встанутъ отъ вѣковаго сна, заботности и рабства.

Спустя 50 лѣтъ послѣ требованія областями народосоветія и самоуправления, послѣ завоеванія, покоренія новыхъ провинцій, цѣлыхъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго, насталъ страшный судъ областныхъ земскихъ общинъ съ Москвою, съ московскою централизацией. Настала великая рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ в. князя московскаго царствія. И въ это страшное, безгосударное, смутное время, областныя общины опять ясно обнаружили, высказали потребность областныхъ земскихъ совѣтовъ и способность къ ихъ устройству.

¹⁾ Въ подлинникѣ подробнѣе изложены уставныя грамоты.

Представьте то страшное, смутное время, какое ознаменовало избраніе донмиѣ царствующей династіи. Разрозненность областныхъ общинъ была страшная, шатость великая грозила послѣднимъ временемъ, окончательнымъ, всецѣлымъ разрушеніемъ самыхъ основъ государства, Россіи, народа. Весь міръ закачался, и русскій, и инородческій, и великорусскій, и малорусскій, и польскій, и литовскій, и татарскій, чуваше-черемисскій, и сибирскій. Москва въ отчаяніи рыдала и взывала къ народу, къ господамъ-братьямъ — областнымъ городамъ: „помяните едино, только коренное основаніе крѣпко, то древо неподвижно; только корени не будутъ, къ чему прилѣпиться?“ Дикій разгулъ страстей проявился во всей необузданности, повсюду воровскіе люди разбойничали, проливали кровь людскую, грабили, насиловали женъ и дѣвъ, „злосозненно, злодѣйски рвались до конца разорить всю Россію“. А между тѣмъ, невѣжество и суевѣріе было крайнее: въ колокола вѣрили точно такъ же, какъ и въ образа; въ первомъ самозванцѣ видѣли антихриста; видѣли разныя чудесныя видѣнія и трубили объ нихъ на весь міръ. Казалось, погибнуть должна была запатавшаяся земля русская, расказнившаяся на всѣ свои составныя части—области. И что жъ, однако жъ? Послѣ царской грозы Ивана Грознаго, и въ это страшное, безгосударное, грозно-народное время, областныя общины явились спасительными для государства, нашли сами въ себѣ столько здравыхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, проявили столько чувства, столько потребности и силы самосохраненія, самосовѣщательности и самоустройства, что мірскими совѣтами своими совершили великое земское дѣло, спасли Россію, создали великую земскую федерацію... Крестоцѣловальными записями своими областныя земскіе совѣты создали или возобновили въ широкихъ размѣрахъ, простерли на весь земско-областной союзъ, міръ, поруку круговую. Великое, всенародное союзнно-вѣчевое слово о любви, совѣтѣ и соединеніи, пролетѣвшее по всѣмъ областямъ, изъ устъ самыхъ же областныхъ общинъ, въ эпоху страшной, великой розни ихъ, сходъ всѣхъ городовъ подъ Москву, по зову того великаго земскаго слова, сборъ всей земли, великій земскій совѣтъ 1613 года — вотъ историческія доказательства естественной способности областныхъ общинъ къ земскимъ совѣтамъ, къ федеративному союзу и къ земскимъ соборамъ.

А самые грубые, нестройно организованные были эти областныя земскіе совѣты, которые спасли Россію въ смутное время. На нихъ участвовали мужики—посадскіе и волостные... Вотъ общія черты ихъ. Полный составъ земскихъ совѣтовъ во всѣхъ областныхъ отискахъ опредѣляется обыкновенно такъ: „всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне и земскіе люди“, или: „господа всея земли старосты и цѣловальники, и всѣ крестьяне, господа жилецкіе и всякіе люди“, или: „дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служивые люди, и посадскіе и волостные старосты, и цѣловальники, и всѣ земскіе люди, архимандриты, игумены, протопопы, попы и дьяконы, и гости, и торговые, и посадскіе люди, и уѣздные и всей земли всѣ крестьяне“ и т. п. Въ частности, въ нижегородской землѣ и въ Казанскомъ царствѣ, на совѣтѣ всей земли участвовали и иноземцы — литва, нѣмцы и инородцы — князья, мурзы и татары, чуваша, черемисы и вогаки (А. Эксп. II, № 104, стр. 190, 197). Само собою разумѣется, что не всѣ же областныя жители сходились въ главные областные города на земскіе совѣты, а только выборные изъ нихъ, да кто хотѣлъ или прилучался въ городъ во время мірскаго совѣта. Въ полномъ составѣ областныя и земскіе сѣзды и думы городскихъ, уѣздныхъ или волостныхъ людей вмѣстѣ называ-

лись земскими совѣтами, иначе общими совѣтами, мірскими совѣтами, совѣтами при всемъ народѣ, и просто міромъ, всѣмъ міромъ, или еще обширнѣе—всемірными совѣтами (А. Эксп. II, № 203). Безъ мірскаго совѣта не могъ разойтись изъ областного города сходъ уѣздныхъ, иногороднихъ людей (13 янв. 1609 г.). Дѣла или предметы сужденія областныхъ земскихъ совѣтовъ были различны. Въ смутное время, въ эпоху розни областей, они преимущественно обсуждали вопросъ о земско-областной федераціи, о любви, совітѣ и соединеніи, или сборѣ, сходѣ всей земли, объ устройствѣ великаго общенароднаго земскаго собора, объ очищеніи Московскаго государства отъ польскихъ и литовскихъ людей, объ устраниеніи общими земскими совѣтами исключительныхъ олигархическихъ притязаній боярства и военно-демократическихъ стремленій казачества, о сборѣ ратныхъ людей, и вообще о ратномъ и земскомъ дѣлѣ. Областные земскіе міры, на своихъ сходахъ городскихъ или посадскихъ и уѣздныхъ или волостныхъ людей, горожанъ и крестьянъ, на сходахъ всей земли областной, своимъ земскимъ мірскимъ самосудомъ произносили приговоры надъ земскими преступниками. Такъ, въ январѣ 1609 г., изъ Яранска въ Слободской воръ чувашка привезъ отъ самозванца воровской листъ, чтобъ ему присягать, но вятчане велѣли пытать чувашку и всею вятскою землею приговорили повѣсиги (А. Эксп. II, № 100).

Областные земскіе совѣты, сходы, на которыхъ участвовали вмѣстѣ съ мірскими земскими людьми и чины церковные, имѣли мірское полномочіе, земское народное право дѣлать не только гражданскія мірскія, но и религіозныя постановленія. Такъ, въ 1611 г., вычегодцы, получивъ отписки разныхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, писали въ Пермь, что „по совѣту всей земли Московскаго государства приговорили“ всѣмъ поститься три дня и съ „млекосуущими младенцами“. Рѣшенія, отписки, отвѣстыя, грамоты областныхъ земскихъ міровъ, по приговорамъ мірскихъ совѣтовъ, назывались совѣтными списками и приговорами. Подписывались они не только выборными земскими судьями, старостами и дѣловальниками, но и мірскими земскими людьми (А. Эксп. II, стр. 263, № 99). Областные отписки и грамоты читались на областныхъ мірскихъ сходахъ или совѣтахъ, читались всему міру, во весь міръ вслухъ. (Тамъ же, №№ 100, 104, 106). Точно также важныя вѣсти, принесенныя какимъ нибудь человекомъ и касавшіяся живыхъ областныхъ интересовъ, сказывались на областныхъ мірскихъ собраніяхъ, на совѣтѣ при всемъ народѣ. Потомъ, по обсужденіи этихъ вѣстей, областные земскіе совѣты дѣлали соответственнымъ распоряженіи, составляли отписки и отправляли ихъ въ каждую область нужно; иногда одна областная община, отписывая свой земскій совѣтъ, требовала думы и совѣта у другаго областного міра; въ важныхъ случаяхъ въ областныхъ городахъ происходили сходы по ночамъ, тайно (А. Эксп. II, №№ 88, 89).

Длинно было бы разсматривать всѣ земско-совѣтныя отписки областныхъ общинъ, чтобъ собрать всѣ извѣстія объ областныхъ земскихъ совѣтахъ. Въ бѣгломъ очеркѣ мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ объ организаціи и взаимномъ отношеніи ихъ. Какъ области дѣлились по городамъ, такъ что каждый главный древнѣйшій городъ съ его уѣздомъ, соединеннымъ съ нимъ неразрывно историко-колонизаціонною и географическою земскою связью, составлялъ особый, самобытный земскій міръ; такъ и въ каждомъ такомъ городѣ составлялся, организовался свой особый земскій, мірской совѣтъ, изъ схода, собранья всѣхъ земскихъ людей — городскихъ, или посадскихъ и

уѣздныхъ, или волостныхъ крестьянъ вѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ города съ ихъ уѣздами, или всѣ областныя общины, міры, по взаимной равноправности и общей мѣстно-областной автономіи, назывались въ отношеніи другъ къ другу господами и братьями. Происшедши всѣ путемъ одного славяно-русскаго колонизаціоннаго земскаго устройства, на одной великой землѣ, объединенной, связанной великими рѣчными системами, всѣ областныя города съ ихъ уѣздами образовали одинъ общій, великій союзъ—общерусскій земскій міръ. Эту земскую федеративную связь свою они утвердили, упрочили еще болѣе, послѣ великой розни, въ смутное время, на своихъ областныхъ, уѣздно-городовыхъ земскихъ мірскихъ совѣтахъ общими рѣшеніемъ и добрымъ договоромъ — быть въ сходѣ всѣмъ городамъ, быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи. Но при этомъ общемъ, федеративномъ, обще-городовомъ, земскомъ союзѣ, областныя города съ ихъ уѣздами распадались на отдѣльные міры, союзы или разряды, комбинируясь въ такія группы или міры преимущественно историко-колонизаціонною или естественно-географическою связью. Сообразно съ этимъ, и областныя земскія совѣты комбинировались въ союзныя, федеративныя совѣты.

Города раздѣлялись на поморскіе, связанные полярно-балтійскою или сѣверо-поморскою, сухоно-вычегодско-двинскою системою, и образовавшіеся путемъ новгородской колонизаціи, верховскіе и подмосковныя, образовавшіеся путемъ ростовско-суздальской колонизаціи на системѣ верхней и средней Волги; на понизовые и запольскіе, горныя и луговые, начинающія отъ Нижняго и до Астрахани, на замосковныя и на крайнія, зарѣчныя, рязанскіе и сѣверскіе, на сибирскіе. Сообразно съ такимъ раздѣленіемъ городовъ областныхъ земскихъ общинъ или союзовъ, составлялись и совѣты земскіе, общинно-областные. Изъ совокупности этихъ мелкихъ земско-областныхъ городовъ союзовъ, міровъ и ихъ совѣтовъ слагались болѣе обширныя федераціи или общинно-областные земскіе міры и совѣты. Такъ, поморскіе города, комбинируясь около Вологды, Устюга и Соли Вычегодской, образовали свой союзъ, свою федерацію и свой земскій совѣтъ, между собою переписывались о соединеніи со всею землею. „Великое пресловущее государство“, Новгородъ вѣстѣ со Псковомъ и со всею областью пятинъ, составилъ свой земскій міръ и совѣтъ. Этотъ областной земскій совѣтъ отличался въ смутное время особенною самобытною, самораспорядительностію, долго былъ въ розни съ ярославско-московскимъ земскимъ совѣтомъ. Тверь, Торжокъ, Ржевъ, Zubцовъ и Погорѣлое Городище, Капшинъ, Бѣжецкъ и Угличъ образовали свой союзъ и совѣтъ. Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Кострома и всѣ средневолжскіе города, подмосковныя, составили свою федерацію, съ которой началось общее движеніе, и образовали свой союзъ въ Ярославлѣ; имъ принадлежала главная забота возбужденія всѣхъ областей на избраннѣйшій земскій совѣтъ о спасеніи Москвы. Замосковныя города—Калуга, Серпуховъ, Тула, Рязань, всѣ крайнія и сѣверскіе города были особо въ собраніи и совѣтѣ. Пермская земля, вѣстѣ съ Верхотурьемъ, вслѣдствіе историко-колонизаціонной связи, образовала свою федерацію, свой союзъ областныхъ, земскихъ, мірскихъ совѣтовъ: на общемъ земскомъ совѣтѣ своемъ, по цѣловальной записи всего міра, согласились быть со всею землею въ соединеніи (А. Эксп. II, №№ 189, 191). Вся земля Казанскаго государства, съ Свияжскомъ, Чебоксарами и со всѣми понизовыми городами, въ совокупности съ инородцами, образовала свой казанскій земскій совѣтъ и на

этомъ понизовомъ совѣтѣ русскіе и инородцы опредѣлили общія начала политическаго дѣйствования: „быть всѣмъ въ совѣтѣ и соединены, и за Московское и за Казанское государство стоять, и другъ друга не побивать и не грабить, дурна ни надѣ кѣмъ не дѣлать“...

Таковы были зачатки областныхъ земскихъ совѣтовъ въ смутное время, въ эпоху великой розни и политической самобытности, самодѣтельности областей, въ эпоху новаго, земско-союзнаго самоустройства ихъ, въ духѣ любви, совѣта и соединенія. Если уважать, цѣнить свободныя и здоровыя, органическія созданія жизни народной, не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ общинъ и всѣхъ областныхъ земскихъ общинъ; если признавать, что жизнь каждаго народа внутренно, естественно самозаконна, самоопредѣляема, какъ жизнь народнаго организма, народной природы, живущей и развивающейся такъ же естественно, по своимъ внутреннимъ, естественнымъ, органическимъ силамъ, какъ вся органическая жизнь; если признавать за жизнью народною, за естественными силами и законами народной природы, народнаго организма естественное право творчества, саморазвиваемости и свободной самоопредѣляемости, свободнаго самоустройства,—то правда народной исторіи требуетъ сказать, что такія естественныя, органическія созданія всего русскаго народа, всѣхъ нашихъ областныхъ общинъ, какъ зачатки областныхъ земскихъ совѣтовъ, стоятъ и въ наше время вниманія, могутъ быть глубоко поучительнымъ урокомъ для современныхъ нашихъ областныхъ общинъ... Пусть были грубы, для историковъ централизационной государственности вовсе незамѣтны эти починки областныхъ земскихъ совѣтовъ. Такъ вѣдь то былъ XVII-й вѣкъ, вѣкъ грубаго невѣжества и суетнѣрія всеобщаго; то было страшное смутное время, когда зашаталось еще нисколько не окрѣпшія, насильственнымъ завоеваніемъ означенныя основы русскаго политическаго союза, когда забунтовалъ, страшно задвинулся весь міръ инородческій, съ трудомъ Москвою завоеванный, и весь міръ русскій, земско-областной, тоже съ большимъ насиліемъ московскимъ покоренный, по словамъ лѣтописей; то, наконецъ, была пора еще непосредственно - натурального, практически - бытоваго, непосредственно опытнаго народнаго политическаго самоустройства. И въ ту, однако жъ, эпоху народъ нашъ, наши областныя общины съумѣли создать областныя земскіе совѣты, и на нихъ порѣшить спасеніе, возсозданіе Россіи. Для насъ въ настоящее время не важны, отжили грубыя, полуустроившіяся формы областныхъ земскихъ совѣтовъ смутнаго времени. Для насъ только дорогъ народно-жизненный принципъ ихъ. Для насъ важенъ тотъ историческій опытъ и фактъ, что областныя общины, и въ эпоху безсознательной, непросвѣщенной политической самодѣтельности, притомъ въ эпоху самую страшную, безгосударственную, все-таки обнаружили хоть непосредственно-природную способность къ мѣстному земскому народосовѣтію. Значить, и въ вѣкъ начинающагося просвѣщенія массы, областныя общины, по однимъ простымъ, необразованнымъ, но здоровымъ силамъ народной натуры, да по одной тяжелой, вѣковой, практической наукѣ опыта, могутъ быть способны къ мѣстному народосовѣтію и саморазвитію.

Царь Михаилъ Феодоровичъ, избранный всѣмъ народомъ, всюю землею, по записи, какъ дана была по совѣту всей земли, не нарушалъ изданныхъ жизнью народною зачатковъ областныхъ, земскихъ сходоу и совѣтовъ. Напротивъ, онъ давалъ имъ оффиціальное подтвержденіе, прибѣгалъ къ ихъ помощи; самъ назначалъ областныя земскія сходы, напримѣръ, для обсужденія

податной системы, для присылки выборных на московскій земскій соборъ... Такъ, назначая земскій соборъ въ 1619 г., по случаю всеобщихъ жалобъ областныхъ общинъ на писцовъ, дозорщиковъ, сборщиковъ дани, на сильныхъ людей, бояръ и проч., онъ разослалъ окружныя грамоты по всѣмъ главнымъ областнымъ городамъ. Въ грамотахъ этихъ, давая отчетъ всему областному міру, земству въ томъ, на что вопіали разныя общины въ своихъ земскихъ челобитныхъ, изображая печальное состояніе народа и скорбь конечную, предписывалъ сходиться по соборнымъ церквамъ областнымъ жителямъ, не только горожанамъ-боярамъ, дѣтямъ боярскимъ, духовенству, но и уѣзднымъ жителямъ-крестьянамъ, и на сходахъ этихъ, обговорясь, посовѣтовавъ межъ себя о мѣстныхъ народныхъ нуждахъ, послать выборныхъ добрыхъ и разумныхъ людей въ Москву, на земскій соборъ, „чтобъ намъ всякія ихъ нужи и тѣсноты, раззорѣнія и всякіе недостатки были вѣдомы“ (Собр. Грам., III, стр. 212. А. Эксп. III, стр. 105).

Вотъ и въ этихъ фактахъ для насъ, въ настоящее время, не важень указныи и церковно-соборный характеръ всеуѣздныхъ сходовъ и выборовъ, не важны грубыя формы этихъ сходовъ, какія могли быть въ XVII-мъ вѣкѣ. Но для насъ опять важны тутъ, во 1-хъ) историческое существованіе, историческій фактъ областныхъ, всеуѣздныхъ земскихъ сходовъ; во 2-хъ) принципъ ихъ. Стоитъ указаніе только то, что у народа, у областныхъ общинъ былъ уже выработанъ прежде самобытною, свободно-бытовою, земско-областною жизнью обычай областныхъ всеуѣздныхъ земскихъ сходовъ и совѣтовъ и что новоизбранный всею землею царь призналъ необходимымъ уважить этотъ народный обычай и дать ему официальное, законное юридическое значеніе. Если же указное, приказное назначеніе и устройство областныхъ земскихъ сходовъ и совѣтовъ ослабляло ихъ силу; если потомъ областныя земскіе совѣты мало-по-малу были вытѣснены областными приказами и другими приказными учрежденіями, такъ въ этомъ народъ не виноватъ... Это доказала страшная повсемѣстная оппозиція и борьба земскихъ общинъ съ приказнымъ начальствомъ, ознаменовавшее все царствованіе Алексѣя Михайловича, и вообще всю 2-ую половину XVII-го стол. Недаромъ, на земскомъ соборѣ 1642 г., выборные жаловались царю на воеводъ, на раззорительность ихъ областного управленія для торгующихъ классовъ, и недаромъ вспоминали при этомъ, что прежде воеводъ не бывало, и посадскіе люди судились сами межъ себя...

Если въ эпоху чисто-природнаго, непосредственно - натурального самоуправления своего, областныя земскія общины вырабатывали починки областныхъ земскихъ собраній и совѣтовъ,—значить, ихъ вызывала сама органическая жизнь областныхъ массъ, требовали законы и потребности естественной народной жизни областной... И вѣковой историческій и современный опытъ показываетъ ясно, какъ день, что областныя общины, расположенныя на огромныхъ пространствахъ обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства, до тѣхъ поръ не могутъ достигнуть надлежащаго равномѣрнаго экономическаго благосостоянія и проч., покуда нѣтъ, децентрализація и покуда централизація не замѣнена федераціей. Давно уже областныя общины инстинктивно чувствуютъ необходимость выборныхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и правленій. А какъ централизовавшее все правительство рѣшительно шло противъ народнаго выборнаго самоуправления; то общины, при первомъ удобномъ случаѣ, требовали, по крайней мѣрѣ, права собственнаго контроля и надзора за губерискими присутственными мѣстами, требовали учрежденія въ нихъ вы-

борныхъ депутатскихъ собраній. Въ собраніи знаменитой комиссіи 1767 года для сочиненія проекта новаго уложенія, депутаты отъ всѣхъ областей единогласно представляли въ наказахъ отъ своихъ мѣстъ: „о притѣсненіяхъ разнымъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ“. Городскіе жители всѣхъ областей требовали при этомъ „выбора изъ купечества особливыхъ депутатовъ и дозволенія имъ входить во всѣ присутственные мѣста по дѣламъ купеческимъ“. Однородцы и хлѣбопашцы представили „о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и объ опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ, для скорого отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей, особливыхъ членовъ, о бытіи для дѣлъ со стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи въ присутственныхъ мѣстахъ, о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній и проч.“ Значить, областные жители, наученные горькимъ опытомъ, уже не довѣряли губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, сильно тяготились ими, когда требовали, чтобъ составъ ихъ былъ, по крайней мѣрѣ, на половину или на треть изъ выборныхъ отъ областей и чтобъ судопроизводство и дѣлопроизводство ихъ находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ областныхъ выборныхъ.

Въ XIX-мъ стол., несмотря на внѣшнее, форменное упорядоченіе и наибольшую систематизацію губернскихъ правленій и другихъ присутственныхъ мѣстъ, жизнь областная все-таки не клеилась по формамъ ихъ, не улучшалась, не благоустроилась, не шла впередъ отъ бумаговодства и дѣлохожденія. Жизнь областного купечества и крестьянства, коснѣя въ старинѣ, стала пролагать себѣ другую дорогу. Не примиряясь съ формами губернскихъ правленій и канцелярій, она стала укладываться, помимо всѣхъ сдержекъ, въ свои, хоть уродливые, но самобытные формы и уставы. Старообрядческія общества, давно признавшія губернскія учрежденія антихристовыми установленіями, стали устроить свои областныя собранія и конторы самоуправленія, своихъ выборныхъ попечителей обществъ. Таковы были раскольничьи собранія въ 1809 г. въ Москвѣ, въ 1814 г. въ Петербургѣ и въ 1818 г. въ Екатеринбургѣ. И не раскольники только, но и другіе малообразованные классы народа теперь сознають потребность иного, народнаго устройства областного управленія.

Мысль объ областныхъ земскихъ совѣтахъ и вредныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ высшихъ чиновниковъ не новая: ее хорошо сознавали и высказывали уже въ некоторые государственные члены нашего правительства. „Иго самовластия мѣстныхъ начальниковъ—писалъ въ 1818 году министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ въ официальной запискѣ императору Александру I-му—во всякой губерніи вредно и терпимо быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ отдаленной Сибири, откуда жалобы и стоны жажущихъ едва-ли до высшаго начальства достигать могутъ, а ежели и достигнутъ, то тогда уже, когда зло отвратить поздно и страждущій подъ страданіемъ изнеможетъ. Съ управленіемъ государственными дѣлами, самовластіе мѣстныхъ начальниковъ также несомнѣнно; а случается, что самовластный поступокъ мѣстнаго начальника иногда приводитъ въ такую запутанность дѣло, что казна ни убытковъ своихъ возвратить, ни испорченному дѣлу порядочнаго направленія скоро дать не можетъ... Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластия мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ, какъ мнѣ кажется, должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную“... Знаменитый государственный сановникъ Мордвиновъ въ свое время энергически

доказывалъ, вопреки убѣжденіямъ современныхъ ученыхъ бюрократовъ и государственниковъ, что не народъ существуетъ для государства или правительства, а государство и правительство существуютъ для народа, и что общегосударственное благо состоитъ изъ частнаго народнаго блага. Если это такъ, то, выслушавши только самъ народъ, во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, во всѣхъ деревушкахъ, во всѣхъ захолустьяхъ, разузнавши дѣйствительную степень его довольства или недовольства тѣми или другими политическими учрежденіями, степень правосудія или страданія народа отъ безправія во всѣхъ мѣстахъ и захолустьяхъ государства, степень невѣжества, забитости, деморализаціи или образованности и возможности образованія провинціальныхъ массъ подъ казенной, народообразовательной опекой, степень матеріальной обеспеченности и возможности обезпеченія подъ казенной, экономической опекой надъ народнымъ трудомъ и производительностью, при существующей казенной системѣ поборовъ и повинностей и проч.; только разузнавши все это на опытѣ, въ практикѣ, въ самой дѣйствительной жизни народа, въ разныхъ областяхъ и мѣстечкахъ; только взвѣсивши все это съ человѣческимъ сочувствіемъ и опытнымъ знаніемъ, мы можемъ вѣрно отвѣтить на вопросы: правильно ли, истинно ли было историческое воспитаніе провинціальныхъ массъ народа, подъ опекой централизованнаго правительства, и насколько благотѣльно, просвѣтително, благоустроительно было для народа государственно-бюрократическое руководство; приводило ли оно, и ведетъ ли провинціальныя массы народныя къ необходимому результату воспитанія—къ общественному самосознанію, а отсюда — и къ самоуправленію, и благоденствуютъ ли, довольны ли провинціальныя массы своимъ государственнымъ положеніемъ?... Нечего и говорить о томъ, что до тѣхъ поръ находящіяся въ провинціяхъ, въ числѣ 8 милліоновъ и 95 племенныхъ различій, инородцы, которыхъ покорившее правительство обложено облагодѣтельствовать и цивилизовать, не выйдутъ изъ состоянія первобытной дикости и грубости, пока не будутъ облагодѣтельствованы и оживлены просвѣщеніемъ и европейскою общечеловѣческой гражданственностью, пока не усилены, не обращены (?) будутъ въ самыхъ мѣстныхъ общинахъ людьми просвѣщенно-человѣколюбивыми истинно-человѣчными, гуманными мѣры и способы для ихъ саморазвитія. Централизація смогла ихъ стянуть въ общее тягло, въ общую массу податнаго и повиннаго земства, но она не могла ихъ не только просвѣтить, гуманизировать, возвысить на степень общечеловѣческой гражданственности, а еще болѣе деморализировала ихъ до убійственности, до жалости. Подъ гнетомъ ея инородцы вымираютъ, а не оживляются ни физически, ни умственно, ни нравственно. Фактъ грустный, но въ высшей степени достовѣрный! Между тѣмъ, самъ народъ русскій, когда свободно самоопредѣлялся, давалъ инородцамъ мѣста и равноправность на своихъ областныхъ земскихъ сходкахъ и совѣтахъ. Новгородцы, дружно съ чудью, съ мерей и кривичами, на общемъ совѣтѣ съ ними, порѣшили призвать князей. Въ смутное время инородческіе представители, наравнѣ съ русскими, участвовали на областныхъ земскихъ совѣтахъ, какъ напр., въ Казанскомъ царствѣ и въ Нижегородской области. И на великомъ общерусскомъ земскомъ совѣтѣ 1613 года, инородческіе представители участвовали въ избраніи царя, наравнѣ съ русскимъ земствомъ. Видѣ грубы были всѣ эти земскія собранія въ древнія невѣжественныя времена, а все-таки призваніе инородцевъ къ участию въ нихъ гуманно, человѣчно, справедливо для всѣхъ временъ...

Наконецъ, не можемъ не обратить вниманія на многозначительный опытъ Франціи—опытъ, показавшій всю удачность и пользу мѣстнаго самоуправления провинціальныхъ собраній. Эта попытка мѣстныхъ собраній во Франціи, какъ извѣстно, произведена была при Людовикѣ XVI-мъ, по плану Тюрго и Неккера. По мысли Тюрго, предполагалось учредить въ каждой общинѣ выборное собраніе; избирателями должны были быть исключительно мѣстные землевладѣльцы, имѣющіе извѣстный доходъ, безъ различія сословій; наравнѣ съ сельскими общинами, подобныя учрежденія должны были образоваться и въ городскихъ обществахъ. Эти собранія должны были заниматься распределеніемъ податей, распоряженіемъ общественными работами и попечительствомъ о бѣдныхъ. На нихъ же возлагался выборъ членовъ въ окружныя собранія; послѣднія съ своей стороны должны были выбирать членовъ въ провинціальные собранія, и уже провинціальные собранія назначали членовъ въ генеральные штаты. Тюрго, такимъ образомъ, совершенно устранялъ сословный элементъ. Но какъ это тогда еще невозможно было во Франціи, то Неккеръ, при всемъ личномъ несочувствіи къ сословнымъ началамъ, понимая, однако-жь, ихъ силу въ господствовавшемъ мнѣніи, предложилъ Людовику XVI-му проектъ мѣстнаго самоуправления, съ выборами отъ сословій; планъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ королемъ. Результаты широкой дѣятельности французскихъ провинціальныхъ собраній были въ высшей степени плодотворны. Предметами занятій ихъ были: устройство выборныхъ собраній, преобразование натуральныхъ повинностей въ денежные и распределение денежныхъ налоговъ, мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства, собраніе статистическихъ свѣдѣній, общественныя работы, осушеніе болотъ, уничтоженіе нищенства, и тому подобныя вопросы мѣстнаго интереса были возбуждены почти въ каждомъ изъ нихъ. Большая часть этихъ вопросовъ были уже совсѣмъ разрѣшены провинціальными собраніями, и разрѣшены въ высшей степени удовлетворительно... Такимъ образомъ, и плодотворный опытъ французскихъ провинціальныхъ собраній передъ революціей представляетъ поучительный урокъ въ дѣлѣ устройства областныхъ земскихъ собраній и совѣтовъ. Послѣ счастливаго опыта Франціи, къ сожалѣнію, прерваннаго революціей, смѣло можемъ заявлять и въ нашей литературѣ, передъ нашимъ народомъ и правительствомъ, глубокую потребность и всю возможность учрежденія провинціальныхъ собраній и совѣтовъ. Въ Россіи они настоятельно нужны для дѣйствительнаго, истиннаго улучшенія быта огромнаго провинціальнаго народонаселенія, доселѣ коснѣющаго въ состояніи старо-русскаго домостроевскаго невѣжества, въ рутинѣ патріархальнаго, непосредственно-натуральнаго хозяйства, и особенно страдающаго отъ крайней безпечности и воеводской притѣснительности областного приказнаго чиновначалія. Иначе, провинціальныя массы народа, улучшаемыя на бумагѣ, въ Петербургѣ, никогда не дождутся истиннаго, дѣйствительнаго мѣстнаго улучшенія своего быта; напротивъ, все больше и больше будутъ деморализоваться, закоснѣвать въ рутинѣ и неспособности ни къ какой полезной и необходимой инициативѣ. Наконецъ, и потому необходимо провинціальныя собранія въ Россіи, что учрежденіе для управленія о губерніяхъ отживаетъ свой вѣкъ, и давно уже признана его неудобность для многихъ провинцій.

UNIVERSITY
LIBRARY

Примѣчаніе. Отрывокъ этотъ выправленъ Щаповымъ и передѣланъ изъ лекцій весной 1862 г.; въ немъ онъ ссылается на статью Тернера „Попытки мѣстнаго самоуправленія во Франціи“, помѣщенную въ январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1862 г.

PRESERVATION MICROFILMED

947.08

Sh29

~~88638647~~

41796

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0055663680

MAY 18 1932

Digitized by Google

